

СЕРИЯ
ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
КАФЕДРА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ

ТОМ 5, № 2

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ
И МИГРАЦИОННЫЙ ПОРТРЕТ КАВКАЗА**

Москва 2019

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH
CENTER FOR SOCIAL DEMOGRAPHY

MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS
MOSCOW STATE INSTITUTE OF INTERNATIONAL RELATIONS
(UNIVERSITY)
DEPARTMENT OF DEMOGRAPHIC AND MIGRATION POLICY

DEMOGRAPHY. SOCIOLOGY. ECONOMY

SERIES FOUNDED IN 2015

VOLUME 5, No 2

**DEMOGRAPHIC AND MIGRATION PORTRAIT
OF THE CAUCASUS**

MOSCOW 2019

УДК 31
ББК 60.54
Д31

Д31 Демографический и миграционный портрет Кавказа. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 5. № 2 / Под ред. чл.-корр. РАН С.В. Рязанцева, к. филос. н. Г.И. Гаджимурадовой. – М.: Изд-во «Экон-информ», 2019. – 258 с.
ISBN 978-5-907057-89-0

Выпуск, посвященный кавказским исследованиям, охватывает широкий спектр вопросов, связанных с демографической и миграционной ситуацией в Кавказском регионе. В сборнике представлены статьи ученых, занимающихся проблемами Кавказа или имеющих отношение к Кавказскому региону. Учитывая особую важность данного региона для миграционной и демографической стабильности, а также национальной безопасности всех стран, входящих в него, в сборнике представлены исследования ученых Дагестана, Кабардино-Балкарии, Азербайджана, Дальнего Востока, Татарстана, Республики Баларусь, а также стран Северо-Восточной Азии и Европы. Статьи посвящены социально-экономическому и демографическому развитию Кавказа, демографическим и этнокультурным аспектам миграций на Кавказе, а также различным аспектам безопасности Кавказского региона.

Demographic and migration portrait of the Caucasus. Series «Demography. Sociology. Economy». Vol. 5, No. 2 / Edited by Corresponding-Member of the RAS Sergey V. Ryazantsev, Gyulnara I. Gadzhimuradova
Moscow: Econ-Inform, 2019. – 258 page.

The issue on Caucasian studies covers a wide range of issues related to the demographic and migration situation in the Caucasus region. The collection contains articles of scientists dealing with the problems of the Caucasus or related to the Caucasus region. Considering the particular importance of this region for migration and demographic stability, as well as the national security of all the countries included in it, the collection presents research by scientists from Dagestan, Kabardino-Balkaria, Azerbaijan, the Far East, Tatarstan, as well as from North-East Asia and Europe. The articles are devoted to the socio-economic and demographic development of the Caucasus, the demographic and ethno-cultural aspects of migration in the Caucasus, as well as various aspects of security in the Caucasus region.

ISBN 978-5-907057-89-0

© ИПИ РАН – Институт социально-политических исследований Российской академии наук, 2019
© МГИМО (Университет) МИД России, 2019
© Оформление. Изд-во «Экон-Информ», 2019

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ

ТОМ 5, № 2

DEMOGRAPHY. SOCIOLOGY. ECONOMICS

SERIES FOUNDED IN 2015

VOLUME 5, NO 2

Главный редактор (Chief Editor):

РЯЗАНЦЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

**ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК,
ВРИО ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН,
ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ, МОСКВА, РОССИЯ**

Sergey V. RYAZANTSEV,

**Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. (Economics),
Professor, Director of the Institute of Socio-Political Research
of the Russian Academy of Sciences (RAS),
Chair of Department of the Moscow State Institute of International Relations
MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)**

Научный координатор (Research Coordinator):

РЫБАКОВСКИЙ ЛЕОНИД ЛЕОНИДОВИЧ, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Leonid L. RYBAKOVSKY, Dr. (Economics), Professor, Chief Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

Редактор (Editor):

ГАДЖИМУРАДОВА ГЮЛЬНАРА ИЛЬЯСБЕКОВНА, КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ, (МОСКВА, РОССИЯ)

Gyulnara I. GADZHIMURADOVA, PhD (Philosophy), Leading Researcher, Institute for Socio- Political Researches of the RAS), Associate Professor of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

Помощники редактора (Associate Editors):

БАЙКОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, КАНДИДАТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ, ПРОРЕКТОР ПО МАГИСТЕРСКИМ И МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРОГРАММАМ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РФ (МОСКВА, РОССИЯ)

Andrey A. BAIKOV, PhD (Politics), Associate Professor, Vice-Rector for Master's and International Programs of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

БЕЗВЕРБНЫЙ ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ИСПИ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Vadim A. BEZVERBNUY, PhD (Economics), Deputy of Director of the ISPR of the RAS, Associate Professor of the Department of Demographic and Migration Policy of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

ВОРОБЬЕВА ОЛЬГА ДМИТРИЕВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИИ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА, ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Olga D. VOROBIEVA, Dr. (Economics), Professor of the Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Demographic and Migration Policy of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

ГНЕВАШЕВА ВЕРА АНАТОЛЬЕВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ, ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Vera A. GNEVASHEVA, Dr. (Economics), Professor, Chief Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

ИВАНОВА АЛЛА ЕФИМОВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ, ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Alla E. IVANOVA, Dr. (Economics), Professor, Chief Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

ИОНЦЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ДЕМОГРАФИИ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА (МОСКВА, РОССИЯ)

Vladimir A. IONTSEV, Dr. (Economics), Professor, Head of Demography Department of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ЛУКЬЯНЕЦ АРТЕМ СЕРГЕЕВИЧ, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИСПИ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Artem S. LUKYANETS, PhD (Economics), Leading Researcher of the Centre for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the RAS, Associate Professor of the Department of Demographic and Migration Policy of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

МАНЬШИН РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ МИГРАЦИИ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ИСПИ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Roman V. MANSHIN, PhD (Economics), Head of the Branch of the Migration and Migration Policy of the Institute of Socio-Political Research of the RAS, Associate Professor of the Department of Demographic and Migration Policy of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

МОРОЗОВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ, КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ, ПРОРЕКТОР ПО КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Vladimir M. MOROZOV, PhD (History), Associate Professor, Vice-Rector for Human Recourses of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

ПИСЬМЕННАЯ ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИОЛОГИИ СЕМЬИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ИСПИ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Elena E. PISMENNAYA, Dr. (Sociology), Associate Professor, Chief Researcher of the Branch of the Sociology Family and Social Policy of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

РОСТОВСКАЯ ТАМАРА КЕРИМОВНА, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ИСПИ РАН, ЗАВЕДУЮЩАЯ КАФЕДРОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА (МОСКВА, РОССИЯ)

Tamara K. ROSTOVSKAYA, Dr. (Sociology), Professor, Deputy Director of the Institute of Socio-Political Research of the RAS, Head of the Branch of Socio-Pedagogic and Organization of Work with Young People of the Russian State Social University (Moscow, Russia)

СИВОПЛЯСОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИСПИ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Svetlana Yu. SIVOPLIYASOVA, PhD (Economics), Leading Researcher of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

Международная редакционная коллегия (International Editorial Board):

ВАН СЯОЦЗЮЙ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК, ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ПЕКИН, КИТАЙ)

Xiaoju WANG, Dr. (History), Professor, Leading Researcher of the Institute of World History of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, China)

ВИЛЛЕН ПАТРИЦИЯ АЛЬВЕС, ДОЦЕНТ УНИВЕРСИТЕТА КАМПИНАС (КАМПИНАС, БРАЗИЛИЯ)

Patricia A. VILLEN, Researcher of the University of Campinas (Campinas, Brazil)

ВИРККУНЕН ЙОНИ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ ВОСТОЧНОЙ ФИНЛЯНДИИ (ЙОЭНСУУ, ФИНЛЯНДИЯ)

Joni VIRKKUNEN, PhD (Sociology), Professor of the University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

ДАНГ НГУЕН АНЬ, ДОКТОР НАУК, ДОЦЕНТ, ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ ВЬЕТНАМСКОЙ АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК, ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ ВАОН (ХАНОЙ, ВЬЕТНАМ)

Dang Nguyen Anh, Dr. (Sociology), Association Professor, Vice-President of the Vietnam Academy of Social Sciences, Director of the Institute Sociology of the VASS (Hanoi, Vietnam)

ДАНТАС АЛЕКСИС ТОРИБИО, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ ШТАТА РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО (РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО, БРАЗИЛИЯ)

Alexis T. DANTAS, Dr. (Economics), Professor of the University of the State of Rio-de-Janeiro (Rio-de-Janeiro, Brazil)

ДАВЭ БАВНА, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ КАВКАЗА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ШКОЛА АФРИКАНСКИХ И АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, УНИВЕРСИТЕТ ЛОНДОНА (ЛОНДОН, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

Bhavna DAVE, Dr. (Politology), Professor, Center of the Caucasian and Central Asian Studies of the University of London (London, United Kingdom)

ИНГЛИС КРИСТИНЕ БРЕНДА, ДОКТОР НАУК, ДОЦЕНТ, УНИВЕРСИТЕТ СИДНЕЯ (СИДНЕЙ, АВСТРАЛИЯ)

Christine B. INGLIS, PhD (Sociology), Associate Professor of the University of Sydney (Sydney, Australia)

КИМ СЕЙОНДЖИН, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ЖЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДУКСУН (СЕУЛ, РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ)

Seongjin KIM, Dr. (Politology), Professor of the Duksung Women's University (Seoul, Republic of Korea)

МАРТИН ФИЛИП, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ КАЛИФОРНИЯ – ДЭВИС (ДЭВИС, США)

Philip MARTIN, PhD (Economics), Professor of the University of California – Davis (Davis, USA)

МАРУШИАКОВА-ПОПОВА ЕЛЕНА, ДОКТОР НАУК, ДОЦЕНТ, ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И ФОЛЬКОРА БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (СОФИЯ, БОЛГАРИЯ)

Elena A. MARUSHIAKOVA-POPOVA, PhD (Anthropology), Associate Professor, Senior Researcher of the Institute of Ethnology and Folklore of the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

МЕНДОЗА ЭДУАРДО АНТОНИО, ДОКТОР НАУК, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, УНИВЕРСИТЕТ ЛИССАБОНА (ЛИССАБОН, ПОРТУГАЛИЯ)

António Eduardo MENDOSA, PhD, Researcher, University of Lisbon (Lisbon, Portugal)

МОЛОДИКОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА, ДОКТОР НАУК, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (БУДАПЕШТ, ВЕНГРИЯ)

Irina N. MOLODIKOVA, PhD (Geography), Central European University (Budapest, Hungary)

НГУЕН АН ХА, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВАОН (ХАНОЙ, ВЬЕТНАМ)

An Ha NGUYEN, Dr. (Economics), Professor, Director of the Institute for European Studies of the VASS (Hanoi, Vietnam)

ПИЗАРРО СИНТИЯ АЛЕКСАНДРА, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ БУЭНОС-АЙРЕСА (БУЭНОС-АЙРЕС, АРГЕНТИНА)

Cynthia A. PIZARRO, PhD (Sociology), Professor of the University of Buenos Aires (Buenos Aires, Argentina)

ФРАЙЕР ПОЛ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ ВОСТОЧНОЙ ФИНЛЯНДИИ (ЙОЭНСУУ, ФИНЛЯНДИЯ)

Paul J.W. FRYER, PhD (Geography), Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

ТИХОНОВА ЛЮДМИЛА ЕФИМОВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (МИНСК, БЕЛАРУСЬ)

Lyudmila E. TIKHONOVA, Dr. (Economics), Professor, Belorussian State University (Minsk, Belarus)

ХОРИЕ НОРИО, ДОКТОР НАУК, ДИРЕКТОР ЦЕНТРА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, УНИВЕРСИТЕТ ТОЯМА (ТОЯМА, ЯПОНИЯ)

Norio HORIE, PhD (Economics), Director of the Center for Far Eastern Studies, University of Toyama (Toyama, Japan)

Ответственный за выпуск (Coordinator):

МОИСЕЕВА ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВНА, МЛАДШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Evgeniya M. MOISEEVA, Junior Researcher of the Centre of Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые читатели!

В 2018 году проект «Миграционные мосты в Евразии» отмечал свой десятилетний юбилей. В течение года было проведено десять мероприятий, одним из которых стала Международная научно-практическая конференция «Миграция в регионах Кавказа: тренды и последствия» (21–23 июня 2018 года) в Махачкале при организационной и финансовой поддержке Дагестанского государственного университета народного хозяйства, Дагестанского государственного университета и Дагестанского научного центра РАН. Конференция собрала участников из восьми государств. В конференции принимали участие более 150 ученых из 8 стран мира. Были заслушаны 6 пленарных докладов, 43 докладов на секционных заседаниях. Также состоялись выездные секции и знакомство с социально-демографической и миграционной ситуацией в Хунзахском районе и городе Дербенте.

Республика Дагестан для проведения конференции была выбрана неслучайно. Дагестан является приграничным регионом России, ее южными воротами, сосредотачивает значительные трудовые ресурсы, имеет многонациональный состав населения и большое количество языковых групп. Здесь проживают нахско-дагестанские народы (аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы, табасаранцы, чеченцы, агулы, рутульцы), тюрки народы (кумыки), славяне (русские, украинцы), иранские народы (таты). Неслучайно Дагестан называли «Советским Союзом в миниатюре».

В демографическом отношении Дагестан является очень интересным регионом. Прежде всего он сохраняет прирост населения, несмотря на депопуляцию в России. За 2017 год население увеличилось на 22 тыс. человек. В республике проживает около 3,1 млн человек, сохраняется относительно высокая рождаемость (общий коэффициент – 19,1 рождений на 1000 человек, суммарный коэффициент – 1,978 родившихся на 1 женщину репродуктивного возраста), ожидаемая продолжительность жизни – 75,6 лет. Хотя, конечно, проблемы также присутствуют: миграционный отток населения из южной части региона и республики в целом продолжается. Также продолжается отток русского населения за пределы Дагестана.

Демографические и миграционные тенденции Российской Федерации, Республики Дагестан, других регионов Северного Кавказа и стран Южного Кавказа детально обсуждались в рамках международной научно-практической конференции в Махачкале. Участники конференции отметили высокий научный уровень представленных докладов и состоявшейся дискуссии. Следует отметить также заинтересованность представителей Правительства Республики Дагестан, органов государственной власти регионального и местного уровня, общественных и научных деятелей к обсуждению вопросов социально-демографического развития, миграции и миграционной политики.

На основании докладов и научной дискуссии участниками конференции выработаны следующие предложения и рекомендации для внедрения результатов в практику регулирования миграционных процессов в Северо-Кавказском регионе и Республике Дагестан:

- рекомендовать *Российской академии наук* включить в экспертный совет по демографической и миграционной политике ведущих экспертов из государственных организаций, научных и образовательных учреждений Северного Кавказа;
- рекомендовать *Российской академии наук совместно с научными организациям и университетами Северо-Кавказского региона* разработать Региональную стратегию регулирования миграции на Северном Кавказе в контексте миграционной политики Российской Федерации, которая может включать следующие направления: активное использование трудового потенциала Северо-Кавказского региона в других регионах России; организованное привлечение временных трудовых мигрантов в отрасли и регионы в соответствии с экономическими и геополитическими интересами России (разработка методики оценки потребности в трудовых ресурсах); сокращение факторов и условий эмиграции из Северо-Кавказского региона; создание условий для адаптации и интеграции необходимых категорий мигрантов в регионах приема. Обратиться к *Агентству по делам национальностей* о возможности финансирования данных научных разработок;
- рекомендовать *Министерству труда и социальной защиты РФ и Правительству РД* развивать механизм организованной трудовой миграции из трудоизбыточных регионов Северного Кавказа в другие регионы России, нуждающиеся в трудовых ресурсах на условиях переобучения и повышения квалификации. Для этой цели расширять подписание двусторонних соглашений между российскими регионами, располагающими избыточными трудовыми ресурсами и нуждающимися в них, а также развивать механизмы организованного набора на работу в трудодефицитные регионы на временной основе трудовых мигрантов дефицитных профессий из трудоизбыточных регионов России;
- рекомендовать *Министерству РФ по делам Северного Кавказа и Федеральному агентству по делам национальностей РФ* разработать региональную программу этнокультурной и языковой адаптации мигрантов в Северо-Кавказском регионе с целью обеспечения баланса интересов местного населения и мигрантов с учетом этнических, культурных, языковых и религиозных различий через систему образования и общественные организации, а также используя ресурсы средств массовой информации. В качестве наиболее эффективных инструментов можно рекомендовать образовательные программы обучения мигрантов языку и культуре принимающей страны, развитие межкультурного обмена, реализацию совместных

социальных проектов по совершенствованию инфраструктуры населенных пунктов;

- рекомендовать *Главному управлению по вопросам миграции Министерства внутренних дел РФ* в координации с *Министерством труда и социального развития РФ* и *Министерством иностранных дел РФ* развивать инфраструктуру найма трудовых мигрантов в странах, посылающих мигрантов для работы на российских предприятиях Северо-Кавказского региона, в том числе лицензированные частные агентства занятости, с целью упорядочения потоков трудовой миграции и снижения численности недокументированных трудовых мигрантов. Рекомендовать отработать четкий механизм лицензирования и создать единый реестр частных агентств занятости, привлекающих трудовых мигрантов в регион;
- рекомендовать *Министерству труда и социального развития РФ* создать миграционные инспекции по контролю за условиями работы и проживания трудовых мигрантов, а также ужесточить наказание работодателей, не соблюдающих условия трудовых контрактов, эксплуатирующих труд незаконных мигрантов. Рекомендовать организовать систематический контроль над соблюдением условий труда, техники безопасности на производстве, социально-бытовыми условиями проживания рабочих-мигрантов и законностью осуществления ими трудовой деятельности на территории России. Стимулировать экономическими методами работодателей (например, путем предоставления налоговых льгот), привлекающих трудовых мигрантов на работу, оформлять трудовым мигрантам полис добровольного медицинского страхования, предоставлять временное жилье, оборудованное минимальными удобствами (строить городки временного размещения трудящихся-мигрантов);
- рекомендовать *Министерству внутренних дел РФ* и *Федеральной службе государственной статистики* совместно с *Министерством иностранных дел РФ*, *Пограничной службой Федеральной службы безопасности РФ*, *Министерством науки и высшего образования РФ* развивать единую систему учета мигрантов в России на базе регистра иностранных граждан, которая бы включала комплексную информацию об пересечении границы, регистрации, наличии разрешения на работу (патента), контракта на работу. Это могло бы дать объективную информацию о численности и распределении мигрантов по территории России в любой момент времени;
- рекомендовать *Министерству науки и высшего образования РФ* развивать государственную программу привлечения на обучение в Россию, в том числе в вузах Северо-Кавказского региона иностранных студентов, из зарубежных стран;
- рекомендовать *Российской академии наук* совместно с научными учреждениями и университетами Северо-Кавказского региона опубликовать результаты проведенной конференции в виде сборника науч-

ных трудов, а также организовывать и проводить научно-практическую конференцию по проблемам миграции и миграционной политики на регулярной основе. Просить *Правительство РФ* о возможности частичного финансирования следующих научно-практических конференций.

*Главный редактор серии «Демография. Социология. Экономика»
РЯЗАНЦЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,
член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук, профессор,
директор ИСПИ РАН,
зав. кафедрой демографической и миграционной политики
МГИМО МИД России*

Раздел I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАВКАЗА

Section I

SOCIO-ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE CAUCASUS

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И СПЕЦИФИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Гусейнов Гаджи Магомедкамилович, кандидат исторических наук, доцент Социологического факультета Дагестанского государственного университета (г. Махачкала, Россия). E-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Магомедова Мадина Шамиловна, магистрант Социологического факультета Дагестанского государственного университета (г. Махачкала, Россия). E-mail: madina160396@mail.ru

Аннотация. В представленной статье рассматриваются особенности демографических процессов в Российской Федерации на рубеже XX–XXI вв., которые характеризуются противоречивыми аспектами, влияющими на современное состояние демографической и миграционной ситуации в России. Особое внимание в статье уделено проблеме депопуляции населения в России, которая была обозначена в конце XX – начале XXI века и сохраняет свою актуальность по настоящее время.

Ключевые слова: демографические процессы, депопуляция, миграция, российская специфика, постсоветский период.

CHALLENGES AND SPECIFIC FEATURES OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN RUSSIA AT THE TURN OF THE XXITH CENTURY

Gadzhi M. Huseynov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Faculty of Sociology, Dagestan State University (Makhachkala, Russia). E-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Madina S. Magomedova, Master's Degree Student, Faculty of Sociology, Dagestan State University (Makhachkala, Russia). E-mail: madina160396@mail.ru

Abstract. The article focuses on specific features of demographic processes in the Russian Federation at the turn of 21st century which are characterized by contradictory trends that affect the current state of the demographic and migration situation in our country. Particular attention is paid to the problem of depopulation in Russia which was especially acute at the end of the 20th century and remains relevant up to this day.

Key words: demographic processes, depopulation, migration, Russian specificity, post-Soviet period.

Последствия распада СССР в 1991 г. как единого геополитического, социально-экономического и культурно-исторического пространства сказались крайне негативно на развитие РФ как правопреемницы Советского Союза. Одной из серьезных проблем, с которой столкнулась наша страна, стала массовая убыль населения в результате глубокого кризиса российского общества в постсоветский период. В связи с этим символично, что в последние годы процесс депопуляции в России входит в перечень самых острых социальных проблем. Не менее актуальными остаются проблемы трудовой, нелегальной, транзитной миграции. Задача повышения эффективности демо-

графической и миграционной политики занимает первые строки рейтинга в числе фундаментальных стратегических целей развития страны. Согласно Концепции демографической политики Российской Федерации, «целями демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года являются стабилизация численности населения к 2025 году до 145–150 млн человек, а также повышение качества жизни и увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2025 году – до 75 лет [1].

В отечественной научной литературе даются разные оценки состояния и развития демографической ситуации: одни авторы определяют нынешнюю российскую демографическую ситуацию как катастрофическую, развивающуюся в контексте общего кризиса всей современной «постиндустриальной» цивилизации, и причины ее не могут быть найдены и устранены в одной стране. Другие исследователи трактуют данную ситуацию как результат объективного течения демографических процессов.

Серьезный социально-демографический кризис, охвативший сразу несколько сфер воспроизводства российского социума, обусловлен кардинальными изменениями в политических, экономических, социальных отношениях, произошедших в России в последние десятилетия. Текущая демографическая ситуация в стране характеризуется перманентной и длительной депопуляцией, то есть «уменьшением абсолютной численности населения страны или территории либо суженным его воспроизводством, при котором численность последующих поколений меньше предыдущих» [2]. Например, численность населения РФ с 1990 по 2013 год сократилась с 147,5 млн человек до 143,5 млн человек, а пик демографического кризиса пришелся на 2008 год – 142 млн человек. [3].

Необходимо отметить, что на протяжении рассматриваемого периода происходившие в стране социально-политические процессы сопровождались развитием демографического кризиса. Наиболее заметные и идентифицируемые события – распад СССР (1991 год), радикальные либерально-рыночные и демократические реформы 90-х годов XX века связаны с резким снижением уровня жизни населения, которое проявилось в увеличении уровня смертности и снижении рождаемости.

В начале 90-х годов XX века произошло кардинальное изменение показателей рождаемости и смертности. Анализ показателей смертности свидетельствует, что позитивным тенденциям, развивающимся со второй половины 90-х годов XX века, предшествовал этап увеличения смертности. Начиная с 1992 года смертность в результате скачкообразного роста превысила рождаемость.

Впервые в послевоенной истории в России была зафиксирована убыль населения (рассчитываемая как разница между числом умерших и числом родившихся). Число умерших превысило число родившихся, в результате чего естественный прирост населения стал отрицательным и составил за годы реформ (с 1992 по 2008 год включительно) 12 млн человек. При этом численность населения в основном сокращалась за счет людей трудоспособного возраста, что негативным образом повлияло на рынок труда и не могло не сказаться на темпах экономического роста страны [4].

Эти данные свидетельствуют о том, что темпы роста смертности в период реформ являлись наивысшими. Увеличение темпов смертности населения России наблюдалось с 1990 по 1992 год. Максимальные темпы увеличения смертности населения (на 17,5% в год) зафиксированы в середине 1992 года. Постепенное снижение уровня смертности наблюдалось после 1998 года. Так, уже в конце 1998 года темпы увеличения смертности составили 8,5%. Незначительный рост темпов смертности зафиксирован в конце 2001 года (на 4% в год) и в середине 2005 года (на 1% в год). [Там же].

В 1990-е годы рост смертности населения сопровождался снижением уровня рождаемости. На протяжении 20 лет (с 1990 по 2010 год) периоды репродуктивного упадка чередовались с периодами подъема рождаемости. С 1990 по 1999 год рождаемость ежегодно, за исключением 1994 и 1998 годов, сокращалась на 40–200 тысяч человек. Падение рождаемости стало одной из причин естественной убыли населения России. Повышение рождаемости произошло в начале 2000-х годов, главным образом за счет тех регионов РФ, где была высока доля населения с мусульманским и буддистским вероисповедованием.

Рост темпа снижения числа родившихся (на 21,6% в год) наблюдалось с начала 1992 до середины 1993 года. Следующее ускорение темпа снижения рождаемости (на 14%) произошло в период с середины 1998 до второй половины 1999 года. С середины 2004 по 2006 год включительно наблюдалось резкое увеличение темпов роста рождаемости (на 13%), что было связано также и с принятием Закона РФ о выдаче материнского (семейного) сертификата на получение 250 тыс. руб. (на сегодняшний день с учетом инфляции это сумма составляет 463 тыс. руб.) за второго и последующего ребенка. В этот период в демографической ситуации в России наметились положительные сдвиги – постепенное увеличение ежегодных рождений, снижение показателей смертности, в том числе и детской, в результате чего произошло некоторое сокращение естественной убыли населения [7].

Сохранение позитивных трендов снижения смертности и повышения рождаемости в последние годы позволяет констатировать начавшуюся положительную динамику демографических процессов в стране, являющуюся следствием проводимой демографической политики. Глобальные тенденции демографических показателей можно признать позитивными. Вместе с тем говорить о переломе негативной демографической тенденции и о существенном улучшении демографической ситуации в России пока преждевременно. Анализ числовых значений демографических показателей выявил, что на небольших промежутках времени происходит резкое колебание темпов изменения смертности и рождаемости, что может являться следствием недостаточно эффективно проводимых государственных мер по решению демографических проблем. Инерция сложившейся отрицательной демографической динамики еще не исчерпала себя и, по оценкам ведущих демографов, является достаточно выраженной.

Прогнозы демографов говорят о дальнейшем снижении численности населения. Так, по данным Института социально-политических исследований РАН,

численность населения Российской Федерации при сохранении нынешних уровней рождаемости и смертности может к 2025 году сократиться с сегодняшних 143,5 млн человека до 122 млн человек. В данном прогнозе отмечается, что при дальнейшем росте смертности и снижении рождаемости численность россиян к концу указанного периода составит 113,9 млн человека [4].

Динамика демографических показателей различна по регионам, часть из которых являются экономическими лидерами, а другие – «депрессивными» территориями. Под регионом понимается «часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединять территории нескольких субъектов Российской Федерации» [5].

Несмотря на существующие негативные тенденции в демографическом развитии, отмеченные в последнее время на территории практически всех субъектов РФ, каждый регион является уникальным демографическим объектом, движение населения которого имеет свои особенности и требует пристального наблюдения и изучения. Региональные различия в характере демографических процессов обусловлены спецификой социально-экономического развития региона, географическими различиями в обеспечении природными ресурсами, инфраструктурным оснащением, этническими особенностями, сохраняющимися национальными обычаями и традициями, различиями в качестве и образе жизни населения, в культуре, искусстве и пр.

Показатели естественного движения населения региона существенно зависят от состава населения по возрасту и полу, сформировавшегося под влиянием прошлых колебаний в числах родившихся и умерших. На возрастную структуру населения отдельных территорий может влиять также миграция. Население региона представляет собой «совокупность людей, живущих в пределах конкретной территории, которая характеризуется следующими показателями: динамика и численность, интенсивность отдельных демографических процессов – рождаемость и смертность, естественный прирост, брачность, расселение, урбанизация, миграция, возрастная-половой состав, семейное положение, уровень образования, расовый, языковой, этнический и религиозный составы» [6, с. 27].

Региональные различия наблюдаются в величине показателей рождаемости, смертности населения и, соответственно, в величине естественного прироста населения. Отрицательный естественный прирост, то есть превышение смертности над рождаемостью остается главной причиной сокращения численности населения в регионах. При этом численность сельского населения сокращается более быстрыми темпами по сравнению с численностью городского населения, что объясняется социальной необустроенностью сельских жителей, низкими доходами в сельскохозяйственном секторе экономики, отрицательным миграционным сальдо и пр. В то же время на некоторых территориях РФ наблюдается положительный естественный прирост населения. Наибольший показатель естественного прироста населения отмечен в Республике Дагестан, Республике Ингушетия и Чеченской Республике.

Анализ показателей естественного прироста населения субъектов Российской Федерации свидетельствует о том, что наряду с регионами с высоким уровнем естественного прироста и довольно благоприятной ситуацией в демографическом развитии в подавляющем большинстве ее субъектов сложилась устойчивая убыль населения. В зависимости от величины показателя естественного прироста населения можно выделить три группы регионов. В каждой группе представлены регионы с минимальным, средним и максимальным показателем естественного прироста населения.

Первая группа – «растущие» регионы – территории с позитивным трендом демографического развития. Численность населения этих регионов имеет стабильную тенденцию к увеличению, рождаемость значительно превышает смертность, то есть в данном случае речь идет о расширенном типе воспроизводства населения. К данной группе целесообразно отнести регионы, показатель естественного прироста населения которых имеет значение выше +5 на 1000 человек населения.

Вторая группа – «статические» регионы – показатель естественного прироста населения колеблется вокруг нулевой отметки (простое воспроизводство). Учитывая то, что демографические характеристики реального населения изменяются во времени, значение показателя естественного прироста населения для этой группы регионов целесообразно установить в пределах от – 5 до + 5 на 1000 человек населения.

Третья группа – «угнетенные» регионы – значение показателя естественного прироста населения которых ниже – 5 на 1000 человек населения. Демографическое развитие таких регионов характеризуется резким снижением численности населения, продолжающимся ухудшением демографической ситуации, несмотря на государственные меры по ее исправлению. Эта группа регионов характеризуется суженным типом воспроизводства населения, при котором каждое новое поколение не восполняет предыдущее [7, с. 64–84].

Размах и полнота демографических потерь не ограничиваются только количественными показателями. Сокращение численности населения сопровождается ухудшением здоровья нации. Серьезной демографической проблемой остается изменение возрастной структуры населения. Низкая рождаемость и рост ожидаемой продолжительности жизни приводят к увеличению в структуре населения доли лиц старших возрастов и уменьшению доли детей. Наблюдается тенденция старения населения, в результате чего происходит разрушение трудового потенциала страны – уменьшение доли занятого населения, снижение удельного веса его экономически активной части.

Складывающаяся социально-экономическая ситуация в стране такова, что кризисные явления в демографической сфере остаются пока одними из основных проблем, сдерживающих развитие России. Необходимо провести ряд кардинальных мер с учетом специфики регионального развития Российской Федерации. Демографическая политика, направленная на поддержание простого или расширенного воспроизводства населения, должна проводиться с учетом социально-экономических задач, исторических условий формирования населения и потребностей регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Указ президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 15.10.2007. № 42. Ст. 5009.
2. Демографический энциклопедический словарь / Под ред. Д.И. Валентей. М., 2016.
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Режим доступа: <http://www.gks.ru> [дата обращения: 27.06.2018].
4. Официальный сайт Института социально-политических исследований РАН. Режим доступа: www.ispr.ru [дата обращения: 27.06.2018].
5. Указ Президента РФ от 03.06.1999 № 803 «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации». Режим доступа: <https://base.garant.ru/1548326/> [дата обращения: 27.06.2018].
6. Плешакова М.В., Дробышев Д.С. Регионалистика. М., 2015.
7. Демографический ежегодник России. Стат. сб. / Росстат. М., 2017.

REFERENCES AND SOURCES

1. Ukaz prezidenta RF 09/10/2007 No. 1351 «Ob utverzhdenii kontseptsii demograficheskoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 15/10/2007. No. 42. Art. 5009. (In Russ.)
2. *Demograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* / Ed. D.I. Valentey. M., 2016. (In Russ.)
3. Ofitsial'nyy sayt Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki (Rosstat) URL: <http://www.gks.ru>. [accessed: 27.06.2018]. (In Russ.)
4. Ofitsial'nyy sayt Instituta sotsial'no-politicheskikh issledovaniy RAN. URL: www.ispr.ru [accessed: 27.06.2018]. (In Russ.)
5. Ukaz Prezidenta RF 03/06/1999 No. 803 «Ob osnovnykh polozheniyah regional'noy politiki v Rossiyskoy Federatsii». URL: <https://base.garant.ru/1548326/> [accessed: 27.06.2018]. (In Russ.)
6. Pleshakova M.V., Drobyshev D.S. *Regionalistika*. M., 2015. (In Russ.)
7. *Demograficheskiy ezhegodnik Rossii*. Stat. sb. / Rosstat. M., 2017. (In Russ.)

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ

Гичиев Набиюла Сапиюлаевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук (ИСЭИ ДНЦ РАН) (г. Махачкала, Россия). E-mail: nabi-05@mail.ru

Закариева Марина Набиюлаевна, аспирант Института социально-экономических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук (ИСЭИ ДНЦ РАН) (г. Махачкала, Россия). E-mail: marina.zakariyeva@bk.ru

Гичиев Али Набиюлаевич, аспирант Института социально-экономических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук (ИСЭИ ДНЦ РАН) (г. Махачкала, Россия). E-mail: gichiev@mail.ru

Аннотация: В данной статье представлен обзор различных подходов к проблеме оценки влияния иммиграции на динамику роста экономики принимающей страны. Миграционные потоки оказывают дифференцированное влияние на параметры экономического роста. Поэтому требуется учет многих детерминант, связанных с условиями развития региона, уровня образования и этническим составом мигрантов.

Ключевые слова: миграция, экономический рост, агломерация.

THE IMPACT OF MIGRATION ON ECONOMIC GROWTH IN THE NORTH CAUCASUS MACROREGION

Nabiyula S. Gichiev, Candidate of Sciences (Economics), Leading researcher, Institute for Social and Economic Research, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (DSC RAS), (Makhachkala, Russia). E-mail: nabi-05@mail.ru

Marina N. Zakariyeva, post-graduate student, Institute for Social and Economic Research, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (DSC RAS), (Makhachkala, Russia). E-mail: marina.zakariyeva@bk.ru

Ali N. Gichiev, post-graduate student, Institute for Social and Economic Research, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (DSC RAS), (Makhachkala, Russia). E-mail: gichiev@mail.ru

Abstract: This article provides an overview of the various approaches to the problem of assessing the impact of immigration on the growth dynamics of the host economy. Migratory flows have a differentiated impact on the parameters of economic growth. Therefore, it is necessary to take into account many of the determinants associated with the conditions of the development of the region, the level of education and the ethnic composition of migrants.

Key words: migration, economic growth, agglomeration.

Параметрическая оценка взаимосвязи миграции населения с экономическим ростом является предметом дискуссий многих научных исследований [7, pp. 1027–1075]. Одними из первых теоретических работ по экономическому росту стали научные труды классических экономистов начала XX века – F. Ramsey [25, pp. 543–559], R.F. Harrod [14, pp. 14–33], E.D. Domar [10,

pp. 137–147], позволившие в дальнейшем сформировать неоклассическую модель роста R.M. Solow [27, pp. 65–94] и T.W. Swan [28, pp. 334–361]. Вторая половина 1980-х и начало 1990-х гг. – период новой волны исследований, связанный с появлением моделей эндогенного роста [1; 5].

Экономическая практика хозяйствования многих стран подтверждает, что быстрорастущие экономики становятся центрами притяжения мигрантов, так как увеличение количества рабочих мест способствует росту объема валового внутреннего продукта этих стран. В связи с этим необходимо отметить важный аспект данной проблематики – предположение о том, что мигранты не повышают уровень безработицы в стране-реципиенте [16, pp. 161–191]. Причинно-следственная связь очевидна: иммиграция приводит к экономическому росту внутреннего производства, попутно увеличивая число рабочих мест и сокращая уровень безработицы. Однако в условиях открытой экономики с высокой трансграничной мобильностью капитала и однородностью рабочей силы чистая иммиграция не оказывает значимого влияния на уровень жизни в принимающей стране-реципиенте трудовой иммиграции, так как предложение дополнительной рабочей силы приводит к притоку капитала, восстанавливающего первоначальное соотношение труда и капитала. Произойдет как приток капитала, так и отток рабочей силы из одного региона, выравнивающий пропорции капитал – рабочая сила в других регионах [18].

Если предположить, что процессы в макроэкономике формализуются функцией Кобба-Дугласа, то взаимозависимость факторов может быть представлена в следующем виде:

$$Y = F(A, K, L) = AK^{\alpha} L^{1-\alpha}, \quad (1)$$

где Y – валовой внутренний продукт является функцией капитала (K) и рабочей силы (L), A – «общая производительность фактора», α – доля дохода от капитала (K).

Формулу (1) можно трансформировать в следующий вид:

$$g_Y = g_A + \alpha g_K + (1 - \alpha) g_L, \quad (2)$$

где g_Y – скорость роста Y , $(\partial Y / \partial t) / Y$ и т. д. Следовательно, если основной капитал остается фиксированным, а технология не меняется, то экзогенное увеличение рабочей силы за счет иммиграции $g_L = m$ приводит к дополнительному выпуску продукции $g_Y = (1 - \alpha) L$.

Следует отметить, что гипотеза о взаимосвязи чистой миграции с экономическим ростом согласуется с условиями стандартной неоклассической модели роста, в которой миграция в краткосрочной перспективе способствует сокращению региональной дифференциации заработной платы [18].

В ряде научных исследований отмечается гравитационное притяжение мигрантов крупными городскими агломерациями не только количеством рабо-

чих мест [13, pp. 126–142], но и более высокой заработной платой [12]. Многие важные стороны пространственной поляризации экономического роста получили свое развитие в новой экономической географии (NEG) Р. Krugman [15, pp. 483–499], обосновывающей гипотезу сравнительно быстрого роста центра относительно периферии за счет внутренней миграции. В этом контексте также следует отметить, что удаленные рынки менее привлекательны из-за высоких транспортных и транзакционных издержек – эффекта «доступа к рынку» [4]. Но при этом так называемый эффект «стоимости жизни» делает крупные городские агломерации более привлекательными для трудовой миграции [26, pp. 345–371].

Важно отметить, что существуют дисперсионные силы, препятствующие развитию агломерационного эффекта: насыщение рынка формирует стимулы к миграции, так как индивиды мигрируют в ответ на пространственную дифференциацию в реальной заработной плате [15, pp. 483–499].

Согласно концептуальным положениям новой экономической географии, миграция усиливает агломерационный эффект и ведет к новым качественным и количественным изменениям экономической деятельности: более высокий уровень концентрации трудовых ресурсов, как правило, способствует росту производительности труда и размеру самой агломерации.

В некоторых теориях роста мигранты упрощенно учитываются как однородные агенты, реагирующие на пространственные различия в заработной плате и функционирующие в качестве заменителей локальной рабочей силы. В реальности миграция представляет собой более сложное явление с множеством социально-экономических, культурных и образовательных детерминант. Структура мигрантов характеризуется высокой степенью гетерогенности по условиям, мотивам, когнитивным способностям, географическому происхождению и т. д. Более того, процессы миграции отражают многогранное пространственное развитие, вызванное дифференцированным набором различных факторов: сегментацией рынка труда, политико-экономическими событиями, неоднородностью структуры социального капитала, сетевыми механизмами и др. [6].

Чтобы оценить влияние гетерогенности структуры мигрантов на рост экономики, следует отдельно рассматривать различные детерминанты роста: человеческий, физический капитал и инновации. В таблице 1 представлены различные каналы, по которым миграция может влиять на инновации и долгосрочный рост производительности труда.

В связи с этим необходимо отметить научные труды Alesina et al. [2] и Ozgen et al. [23; 24, pp. 1–24], обосновывающие взаимосвязь миграции с развитием экономики. Кроме того, иммиграция оказывает позитивное влияние на уровень доходов [7, pp. 461–485], потребление и разнообразие товаров [6, pp. 8–36; 17, pp. 1107–1137], инновации [19, pp. 53–78; 24, pp. 1–24], научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы [20, pp. 563–585; 23], производительность [22, pp. 9–44; 42] и т. д.

Устранение барьеров на пути трансграничного перемещения трудовых ресурсов и капитала способствует гармоничному развитию мировой экономики. Исследуя указанную проблематику, М.А. Clemens [9, pp. 83–106] при-

шел к выводу, что повышение мобильности факторов производства может обеспечить прирост валового продукта примерно на 20–60%. Эффект открытых границ в развитых экономиках мира обеспечивает более высокую доходность относительно менее развитых стран с закрытой экономикой. Кроме того, глобальная миграция трудовых ресурсов генерирует трансграничные потоки прямых иностранных инвестиций (ПИИ) [11]. В работах Nijkamp et al. [21, pp. 359–376] отмечается взаимосвязь привлекаемых ПИИ с уровнем образования мигрантов.

Таблица 1

Классификация каналов влияния иммиграции на инновации

Положительные каналы	Отрицательные каналы
В пределах фирмы	
• <i>Положительный самоотбор иммигрантов</i>: например, интеллект, креативность, готовность к риску, предпринимательство, «звездные» работники знаний (например, обучение в университетах принимающих стран). • <i>Молодость иммигрантов</i>: повышение мобильности, творчества, прогрессивности. • <i>Культурное разнообразие среди иммигрантов</i>: вторичные эффекты знаний, новые идеи и практика, упрощение процедур торговли (сети, доверие, институциональные знания). • <i>Устойчивость иммигрантов</i>: усиление принятия решений. • <i>Иммигрантское предложение позволяет расширять фирму</i>: уменьшает дефицит / вакансии основного персонала.	• <i>Дробление сотрудников</i>: культурные и языковые различия и барьеры, ведущие к проблемам общения, меньшему доверию, большему потенциалу конфликта между сотрудниками, дискриминации. • <i>Более высокая трудоемкость производства</i>: более низкая зарплата рабочих-иммигрантов приводит к снижению затрат на заработную плату и, следовательно, снижению капиталовложений в краткосрочной перспективе (эффект замещения), возможно, компенсируется увеличением фирмы в долгосрочной перспективе (эффект выхода).
Экстерналии	
• <i>Культурное разнообразие как удобство</i>: увеличение доступности этнических товаров и услуг в общине. • <i>Рост населения</i>: преимущества агломерации, большой спрос и валовое накопление основного капитала, с новыми технологиями, воплощенными в новом капитале. • <i>Соединительность сообщества</i>: социальный капитал мостового типа ведет к межкультурному сотрудничеству.	• <i>Сортировка</i>. Жилая и рабочая мобильность приводит к большей пространственной сегрегации: меньше межкультурных отношений и торговли, более низкой пространственной мобильности и передаче знаний. • <i>Поляризация</i>: социальный капитал типа привязки ведет к межгрупповым конфликтам • <i>Представительство</i>: политическая фрагментация и нестабильность.

Источник: [8, pp. 1027–1075]

Рассмотренные теоретические подходы к проблеме неоднозначности взаимосвязи миграции с экономическим ростом служат достаточным базисом для актуализации статистического и регрессионного анализа на региональном уровне, в частности, в Северо-Кавказском макрорегионе России.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики в течение 2005–2016 гг. положительная динамика миграции в Южном федеральном округе наблюдалась во всех субъектах макрорегиона, кроме Республики Калмыкия, Волгоградской и Астраханской областях (рис. 1).

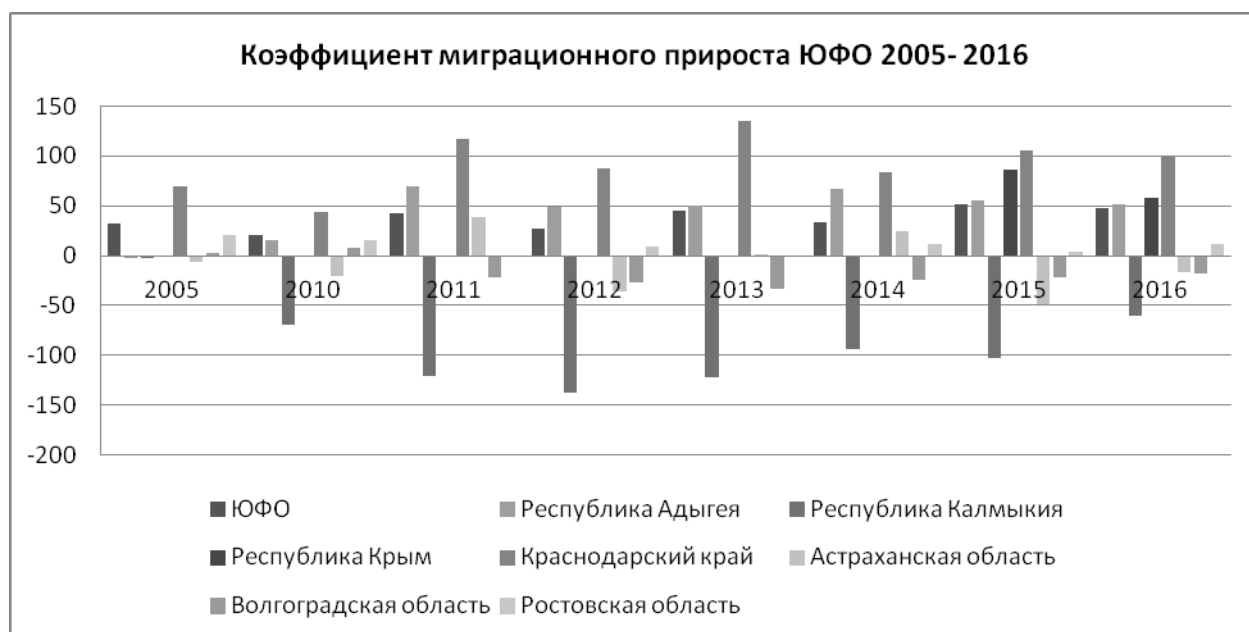

Рис. 1. Динамика миграционного прироста населения ЮФО в 2005–2016 гг.

Источник: составлено автором по данным ФСГС [29]

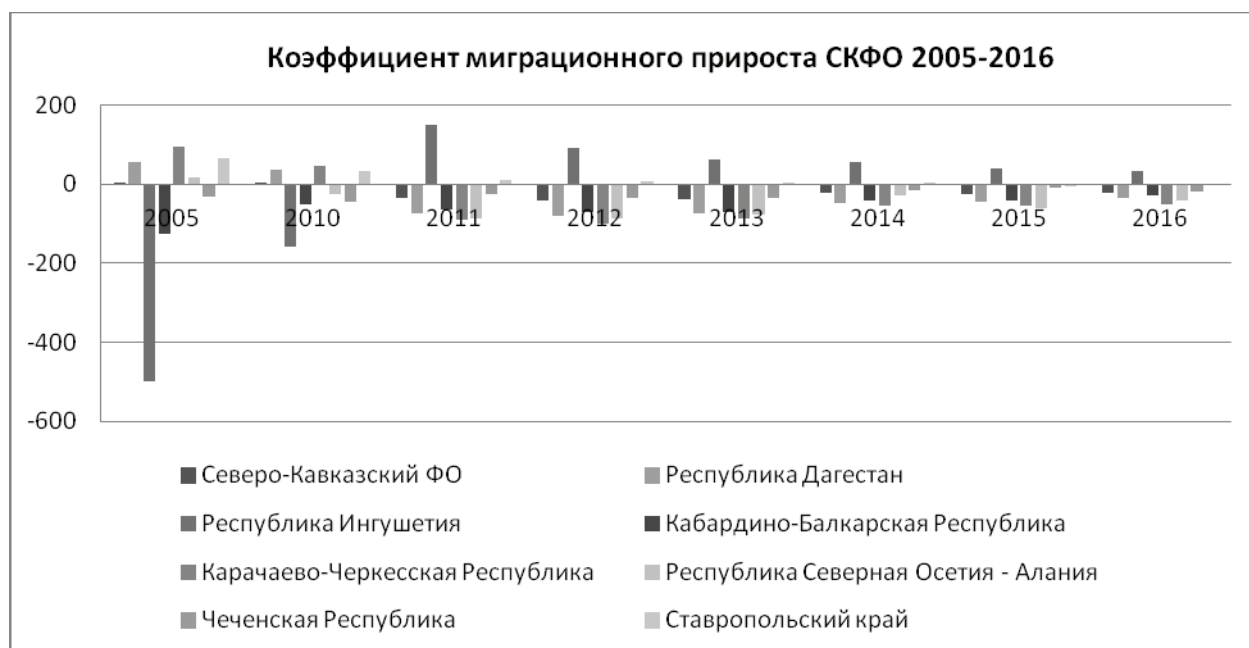

Рис. 2. Динамика миграционного прироста населения СКФО в 2005–2016 гг.

Источник: составлено автором по данным ФСГС [29]

Отрицательная динамика миграции в Северо-Кавказском макрорегионе отмечалась практически во всех субъектах СКФО, за исключением Республики Ингушетия (рис. 2).

Представленная на рисунке 3 графическая визуализация миграции населения по федеральным округам показывает, что в течение 2005–2016 гг. максимальная внутренняя миграция наблюдалась в СКФО, региональная детализация которого отражена в таблице 2.

Рис. 3. Динамика миграции (прибыло) в пределах региона в 2005–2016 гг.

Источник: составлено автором по данным ФСГС [29]

Таблица 2

Динамика миграции (прибыло) в пределах СКФО в 2005–2016 гг. (%)

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2005 к 2016 (%)
СКФО	61,9	61,2	56,8	52,9	49,7	45,7	45,5	43,5	70,3
РД	76,8	77,3	76,5	66,1	58,8	52,2	49,6	47,5	61,8
РИ	52,1	41,8	42,5	36,6	39,8	40,6	46,9	35,9	68,9
КБР	68,8	66,2	59,6	50,8	45,6	35,6	32,8	31,7	46,1
КЧР	65,5	68	67,8	62,1	50,9	46,1	47,2	48,1	73,4
РСО	50,1	41,4	39,2	33,8	33,5	28,8	30,9	28,7	57,3
ЧР	58,1	71,7	59,1	54,9	53	47,2	49,1	53,2	91,6
СК	55,5	48,9	50,7	50,7	48,9	46,8	46,2	43,1	77,7

Обозначения: СКФО – Северо-Кавказский федеральный округ, РД – Республика Дагестан, РИ – Республика Ингушетия, КБР – Кабардино-Балкарская Республика, КЧР – Карачаево-Черкесская Республика, РСО – Республика Северная Осетия, ЧР – Чеченская Республика, СК – Ставропольский край.

Источник: составлено автором по данным ФСГС [29]

Как видно из таблицы 2 значительное сокращение внутрирегионального притока мигрантов наблюдалось в Кабардино-Балкарской Республике.

Представленная на рисунке 4 графическая визуализация показывает, что наибольший отток внутренних мигрантов произошел в Южном федеральном округе, детализация которого отражена в таблице 3.

Согласно данным таблицы 3 внутрирегиональный отток мигрантов за исследуемый период отмечен только в одном субъекте – Республике Калмыкия. Исходя из результатов статистического анализа, можно построить уравнение регрессии, показывающее зависимость индекса валового регионального продукта от динамики коэффициента миграции для СКФО.

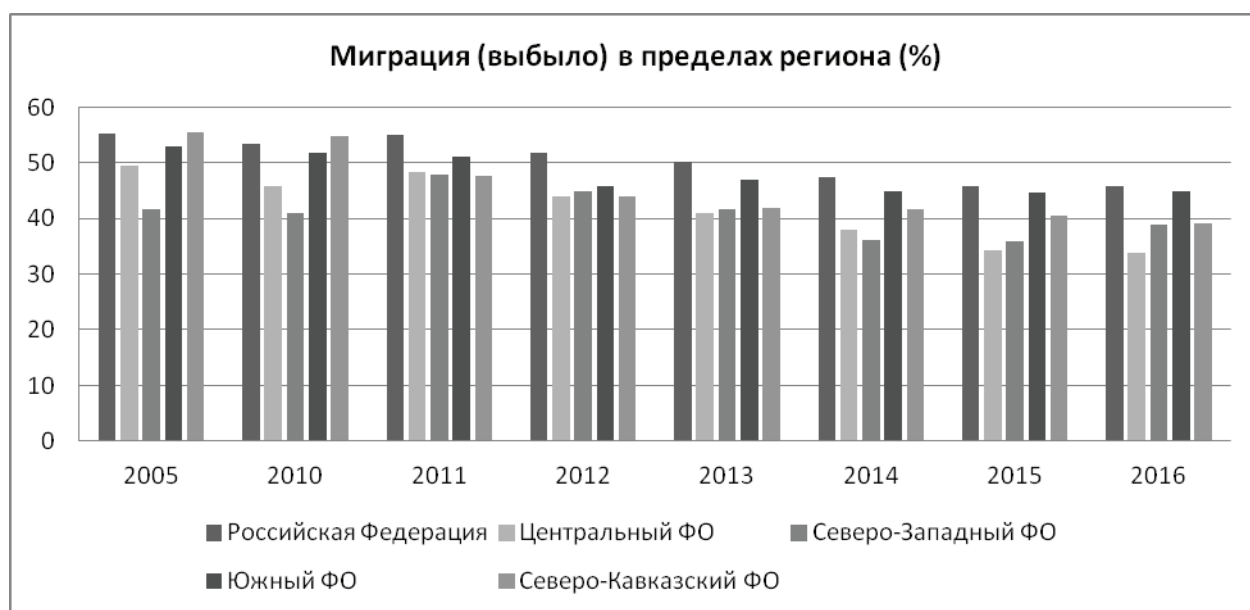

Рис. 4. Динамика миграции (выбыло) в пределах региона в 2005–2016 гг.

Источник: составлено автором по данным ФСГС [29]

Таблица 3

Динамика миграции (выбыло) в пределах ЮФО в 2005–2016 гг. (%)

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2005 к 2016 (%)
ЮФО	52,9	51,8	51,2	45,8	46,9	44,8	44,7	44,9	84,9
РА	43,4	34,8	34,1	30,2	29,0	28,2	28,8	25,7	59,2
РК	53,5	54	55,5	52,1	47,6	48,4	50,9	53,7	100,4
КК	55,0	54,8	55,0	45,9	48,4	43,0	44,2	42,5	77,3
АО	51,3	45,3	42,4	33,3	37,8	34,3	29,7	30,5	59,5
ВО	50,3	45,9	41,3	38,4	40,0	40,7	42,5	46,2	91,8
РО	53,8	55,1	55,3	54,5	53,4	54,9	53,5	53,8	100,0

Обозначения: ЮФО – Южный федеральный округ, РА – Республика Адыгея, РК – Республика Калмыкия, КК – Краснодарский край, АО – Астраханская область, ВО – Волгоградская область, РО – Ростовская область.

Источник: составлено автором по данным ФСГС [29]

Графическая визуализация взаимосвязи сальдо миграции с экономическим ростом СКФО представлена на рисунке 5, где в качестве регрессора выступает коэффициент миграции населения.

Уравнение регрессии для Северо-Кавказского макрорегиона имеет вид:

$$Y = 105,4 + 0,05 X_1, \quad (3)$$

где X_1 – коэффициент миграции для СКФО.

Коэффициент миграции СКФО положительно коррелирован с его валовым региональным продуктом.

Уравнение регрессии для Южного федерального округа имеет вид:

$$Y = 107,8 X_1 - 0,11, \quad (4)$$

где X_1 – коэффициент миграции для ЮФО.

Эконометрическая оценка роста экономики ЮФО под влиянием коэффициента миграции показывает отрицательную взаимную корреляцию.

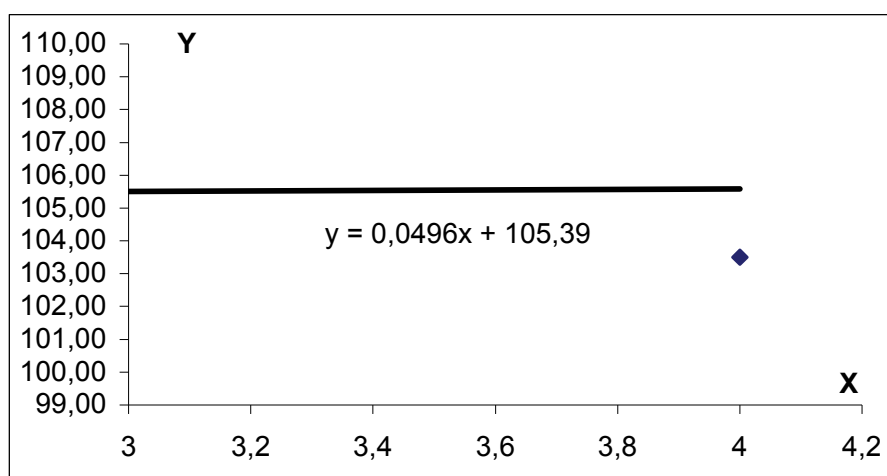

Рис. 5. Поле корреляции миграции населения и валового регионального продукта СКФО

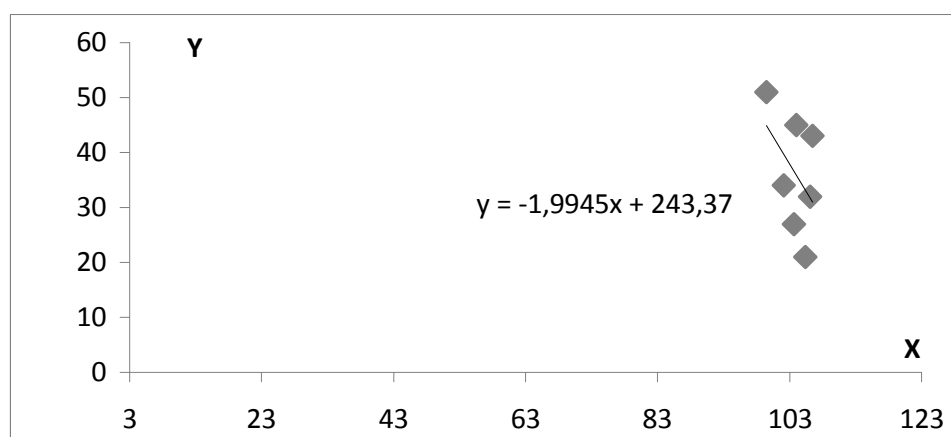

Рис. 6. Поле корреляции миграции населения и валового регионального продукта ЮФО

Вывод. Международная миграция является многогранным процессом, имеющим широкий спектр эффектов. Влияние трансграничного движения на экономический рост является проявлением одного из этих эффектов, хотя важны потенциальные последствия для уровня жизни нынешнего и будущих поколений. Способы изменения популяции через международную миграцию оказывают влияние на рост, являются сложными и часто неоднозначными, не в последнюю очередь потому, что они зависят от времени и рассматриваемого географического диапазона. Кроме того, влияние миграции на экономический рост сильно зависит от состава потока мигрантов с точки зрения их этнической принадлежности, возраста, предполагаемого срока пребывания, уровня квалификации и т. д.

Внутренняя миграция приводит к размерным (масштабным) и композиционным эффектам, которые оказывают дифференцированное влияние на рост. При этом повышение производительности за счет разнообразия мигрантов зависит от характера эффекта композиции этнического и профессионального состава мигрантов.

Эконометрическая оценка взаимосвязи коэффициента миграции с экономическим ростом в двух макрорегионах Юга России показывает разнонаправленный результат: отрицательное сальдо миграции в Северо-Кавказском макрорегионе положительно коррелирует с его экономическим ростом, положительное сальдо миграции ЮФО отрицательно коррелирует с ростом валового регионального продукта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

(REFERENCES AND SOURCES)

1. Acemoglu J.A. *Introduction to Modern Economic Growth*. Princeton University Press, Princeton (2008).
2. Alesina, J. Harnoss, H. Rapoport. *Birthplace Diversity and Economic Prosperity*. NBER Working Paper No. 18699. National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA (2013).
3. Bakens, J. Mulder, P. Nijkamp P. Economic impacts of cultural diversity in the Netherlands: Productivity, utility and sorting. *J. Reg. Sci.*, 53 (2013), pp. 8–36.
4. Baldwin, R. Forslid, R. Martin, P. Ottaviano, G. Robert-Nicoud F. *Economic Geography and Public Policy*. Princeton University Press, Princeton (2003).
5. Barro, R. Sala-i-Martin X. *Economic Growth*. MIT Press, Cambridge, MA (2004).
6. Baycan, T. Nijkamp P. *Research Memorandum 2013-1. The Migration–Development Nexus: New Perspectives and Challenges*. Amsterdam, VU University (2013).
7. Brunow, S. Brenzel H. The effect of a culturally diverse labour supply on regional income in the EU. *Empirica*, 39 (2012), pp. 461–485.
8. Brunow, S. Nijkamp, P. Poot J. The Impact of International Migration on Economic Growth in the Global Economy. *Handbook of the Economics of International Migration*. Volume 1, 2015, pp. 1027–1075.

9. Clemens M.A. Economics and emigration: Trillion dollar bills on the sidewalk? *J. Econ. Perspect.*, 25 (2011), pp. 83–106.
10. Domar E.D. Capital expansion, rate of growth, and employment. *Econometrica*, 14 (1946), pp. 137–147.
11. Foley, C.F. Kerr W.R. *Ethnic Innovation and US Multinational Firm Activity*. NBER Working Paper No. 17336. National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA (2011).
12. Glaeser E. *Triumph of the City*. Macmillan, New York (2011).
13. Harris J.R., Todaro M.P. Migration, unemployment and development: A two-sector analysis. *Am. Econ. Rev.*, 60 (1970), pp. 126–142.
14. Harrod R.F. An essay in dynamic theory. *Econ. J.*, 49 (1939), pp. 14–33.
15. Krugman P. Increasing returns and economic geography. *J. Polit. Econ.*, 99 (1991), pp. 483–499.
16. Longhi S., Nijkamp P., Poot J. Meta-analysis of empirical evidence on the labour market impacts of immigration. *Région et Développement*, 27 (2008), pp. 161–191.
17. Mazzolari F., Neumark D. Immigration and product diversity. *J. Popul. Econ.*, 25 (2012), pp. 1107–1137.
18. McCann P. *Modern Urban and Regional Economics*. Oxford University Press, Oxford (2013).
19. Nathan M., Lee N. Cultural diversity, in-novation, and entrepreneurship: Firm-level evidence from London. *Econ. Geogr.*, 89 (2013), pp. 367–394.
20. Niebuhr A. Migration and innovation: Does cultural diversity matter for regional R&D activity? *Paper. Reg. Sci.*, 89 (2010), pp. 563–585.
21. Nijkamp P., Gheasi M., Rietveld P. Migrants and international economic linkages: A meta-overview. *Spatial. Econ. Anal.*, 6 (2011), pp. 359–376.
22. Ottaviano P.G.I., Peri G. The economic value of cultural diversity: Evidence from US cities *J. Econ. Geogr.*, 6 (2006), pp. 9–44.
23. Ozgen C., Nijkamp P., Poot J. Immigration and innovation in European regions / P. Nijkamp, J. Poot, M. Sahin (Eds.), *Migration Impact Assessment: New Horizons*, Edward Elgar, Cheltenham, UK (2012).
24. Ozgen C., Nijkamp P., Poot J. The impact of cultural diversity on firm innovation: Evidence from Dutch micro-data. *IZA Journal of Migration*, 2 (18) (2013), pp. 1–24.
25. Ramsey F.P. A mathematical theory of saving. *Econ. J.*, 38 (1928), pp. 543–559.
26. Saiz A. Immigration and housing rents in American cities. *J. Urban Econ.*, 61 (2007), pp. 345–371.
27. Solow R.M. A contribution to the theory of economic growth. *Q. J. Econ.*, 70 (1956), pp. 65–94.
28. Swan T.W. Economic growth and capital accumulation. *Econ. Rec.*, 32 (1956), pp. 334–361.
29. Russian Federal State Statistics Service. URL: www.gks.ru.

МНЕНИЕ МОЛОДЕЖИ МАЛЫХ И КРУПНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА О СЕМЬЕ

Сивоплясова Светлана Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН; доцент кафедры информационных технологий в экономике и менеджменте Московского авиационного института (Национального исследовательского университета) (МАИ) (Москва, Россия). E-mail: svetlankamos84@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты опроса студентов вузов Северо-Кавказских регионов, проведенного сотрудниками Отдела воспроизводства населения и демографической политики Центра социальной демографии ИСПИ РАН. В опросе были поставлены вопросы о брачных и репродуктивных установках современной студенческой молодежи. Анализ результатов, проведенного в разрезе «крупные города – малые города», показал, что современная студенческая молодежь Северо-Кавказского федерального округа сохраняет приверженность традиционным семейным ценностям. Она ориентирована на заключение официального брака и рождение большого числа детей.

Ключевые слова: рождаемость, брачность, семья, опрос, студенты, Северный Кавказ, крупные и малые города.

THE VIEWS OF YOUNG PEOPLE OF SMALL AND LARGE CITIES OF THE NORTHERN CAUCASUS ON FAMILY ISSUES

Svetlana Yu. Sivopljasova, Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Leading researcher, Center for Social Demography, Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences (ISPR RAS); Associate Professor, Department for Information Technology in Economics and Management, Moscow Aviation Institute (National Research University) (MAI) (Moscow, Russia). E-mail: svetlankamos84@yandex.ru

Abstract. The article outlines the results of a survey of students in the North Caucasus conducted by the Department of reproduction of population and demographic policy of the Centre for social demography of the ISPR. The survey included questions about marital and reproductive intentions of students. The analysis of the results of the survey conducted in the context of «large cities – small cities» showed that modern students of the North Caucasus Federal district remains committed to traditional family values. It is focused on a formal registration of marriage and the birth of a large number of children.

Key words: fertility, marriage, family, survey, students, North Caucasus, large and small cities.

В современном динамичном обществе традиционные социокультурные ценности часто подвергаются трансформации. Такие трансформации затрагивают, в том числе глубоко личные сферы жизни людей, а именно семью и брак. Многочисленные исследования и наблюдения показывают, что зачастую социально одобряемыми становятся те явления и процессы, которые еще 20–30 лет назад считались неприемлемыми и осуждались обществом.

Вполне закономерным выступает тот факт, что наиболее восприимчивым ко всему новому является население административных и культурных центров государств. Периферия же довольно долго остается верна традиционным ценностям.

Различия между центром и периферией наиболее заметны в нашей стране. При этом оплотом консерватизма выступают регионы Северного Кавказа. Среди населения наибольшему влиянию новшеств подвержено молодое поколение. Поэтому для подтверждения или опровержения гипотезы о сохранении приверженности современной молодежи Северо-Кавказских регионов традиционным семейным ценностям сотрудниками Отдела воспроизводства населения и демографической политики Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН в 2016 г. был проведён опрос студентов, направленный на выявление отношения молодых людей к новым явлениям семейной жизни. Опрос был проведён в пяти городах Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) (Ставрополе, Буденновске, Махачкале, Кизляре, Карачаевске) и являлся частью более масштабного исследования, охватывающего восемнадцать городов России (Москву, Серпухов, Ханты-Мансийск, Белгород, Курск, Улан-Удэ, Муром, Вологду, Йошкар-Олу, Севастополь, Владивосток, Уфу, Майкоп, Ставрополь, Буденновск, Махачкалу, Кизляр, Карачаевск). Общее число респондентов составило 1874 человека. В городах Северо-Кавказского федерального округа было опрошено 517 человек.

Выбор категории респондентов был предопределён несколькими причинами. Во-первых, студенческая молодёжь – это молодое поколение, которое в самое ближайшее время будет создавать собственные семьи и рожать детей. Поэтому те намерения, которые они высказывают сегодня, вероятнее всего, будут реализованы. Это упрощает определение векторов демографического развития регионов и страны в целом. Во-вторых, студенты вузов представляют собой составляющую интеллектуального потенциала страны, которая предъявляет более высокие требования к качеству жизни, и экстраполирует эти требования на выбор брачного партнёра и решение вопроса о рождении детей. В-третьих, современные студенты – это молодое поколение, для которых карьерные ожидания и желание профессиональной самореализации вступают в «конкуренцию» с семейными, брачными и репродуктивными намерениями, что влияет на их матримониальное и репродуктивное поведение.

Выбор городов Северо-Кавказского региона, в которых проводился опрос, также не случаен. Город Махачкала является административным центром Республики Дагестан (самого многочисленного региона СКФО) и самым крупным по численности населения городом Северо-Кавказского федерального округа (593,0 тыс. человек в 2016 г.) [1, 2]. Город Ставрополь – административный центр единственного региона СКФО, не являющегося национальной республикой – Ставропольского края. Города Кизляр и Будённовск относятся к малым городам, входящим в состав Республики Дагестан и Ставропольского края, соответственно. Имеют сопоставимую численность населения (48,2 тыс. человек и 63,0 тыс. человек в 2016 г.) и являются городами-побратимами. Го-

род Карачаевск входит в состав Карачаево-Черкесской Республики – региона Северо-Кавказского федерального округа с наименьшей численностью населения (467,8 тыс. человек в 2017 г.) – и имеет одну из наименьших численностей жителей среди городов КЧР – 21,0 тыс. человек (меньшее число населения фиксируется только в г. Теберда – 8,7 тыс. человек) [1, 3]. Таким образом, выбор городов позволяет провести анализ в разрезе «малые города – крупные города» федерального округа.

Для определения отношения современной студенческой молодежи к семье и семейному образу жизни был задан ряд вопросов. Первый вопрос касался предпочитаемого возраста вступления в брак (рис. 1).

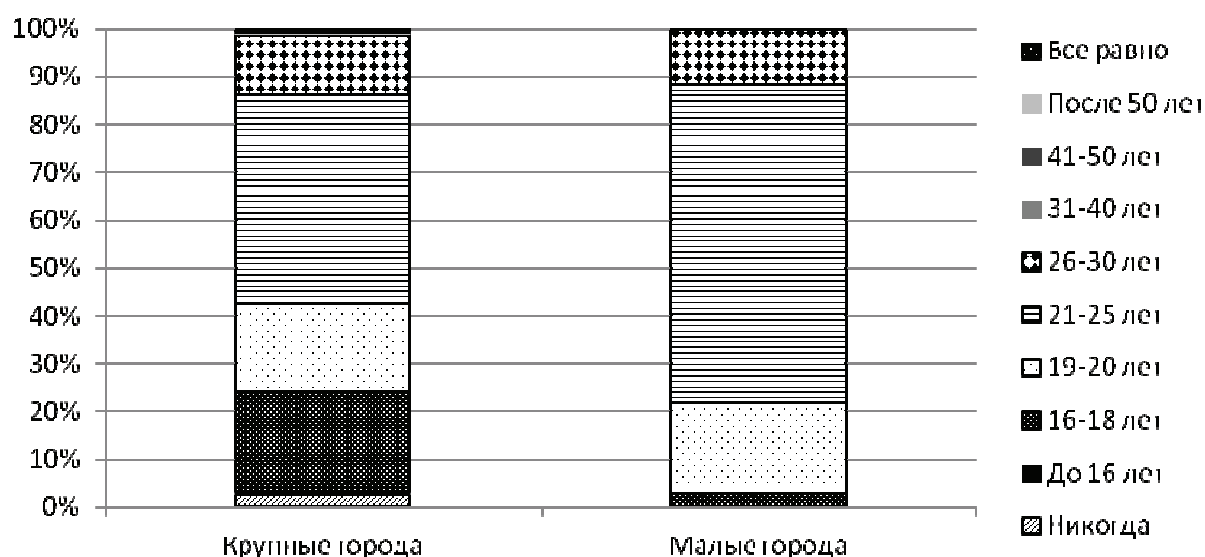

Рис. 1. Результаты ответов на вопрос «В каком возрасте, по Вашему мнению, лучше всего вступить в брак?» среди респондентов малых и крупных городов СКФО, %

Результаты анализа ответов показали, что большинство молодых людей как малых, так и крупных городов наилучшим возрастом для вступления в брак считают 21–25 лет. Такой ответ выбрали 43,5% респондентов в крупных городах и 66,8% – в малых. При этом в крупных городах более молодой и более старший возраста в качестве наиболее желательных для вступления в брак отметили 40,1% и 13,1% респондентов соответственно. В малых городах возраст 16–20 лет выбрали 21,6% респондентов, а возраст старше 25 лет – 11,3% респондентов. Вместе с тем в крупных городах 2,4% опрошенных сказали, что лучше вовсе не вступать в брак. В малых городах такой вариант ответа не выбрал никто.

Таким образом, молодежь малых городов демонстрирует большую солидарность в выборе предпочитаемого возраста вступления в брак, чем молодые люди, проживающие в крупных городах СКФО.

В отношении обязательности государственной регистрации брака молодежь малых и крупных городов Северного Кавказа в целом высказывает

схожие мнения (рис. 2). Совершенно недопустимой жизнь вне зарегистрированного брака считают подавляющее число респондентов – 52,5% в крупных городах и 54,7% в малых. Допустимой до рождения ребенка – около 30% в обеих группах городов. Около 15% респондентов считают жизнь вне зарегистрированного брака допустимой в любом случае. Однако результаты анализа ответов на данный вопрос по городам демонстрируют большую дифференциацию (рис. 3).

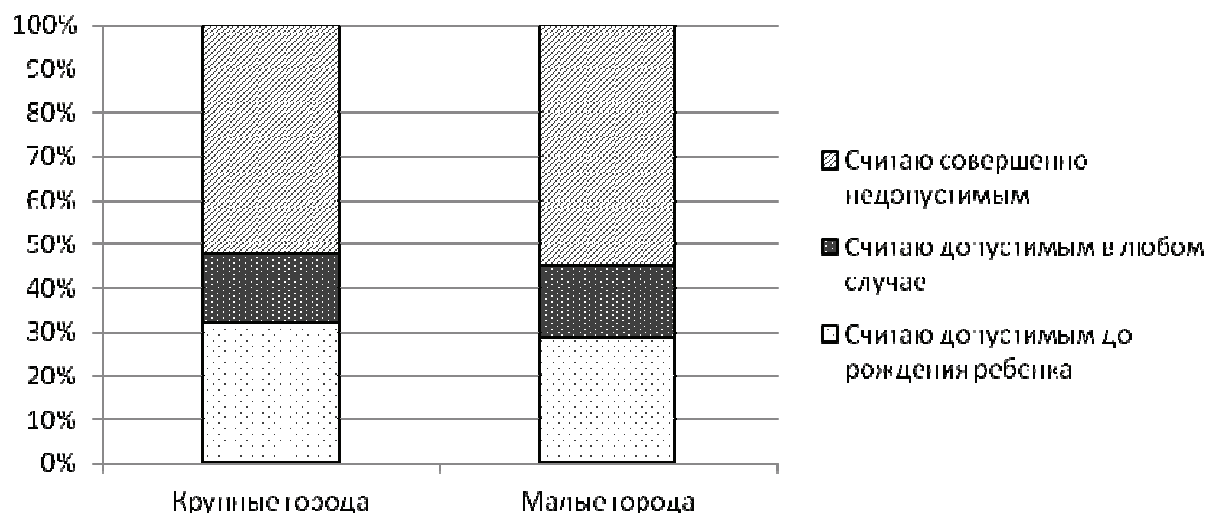

Рис. 2. Результаты ответов на вопрос «Как Вы относитесь к совместной жизни вне зарегистрированного брака?» среди респондентов малых и крупных городов СКФО, %

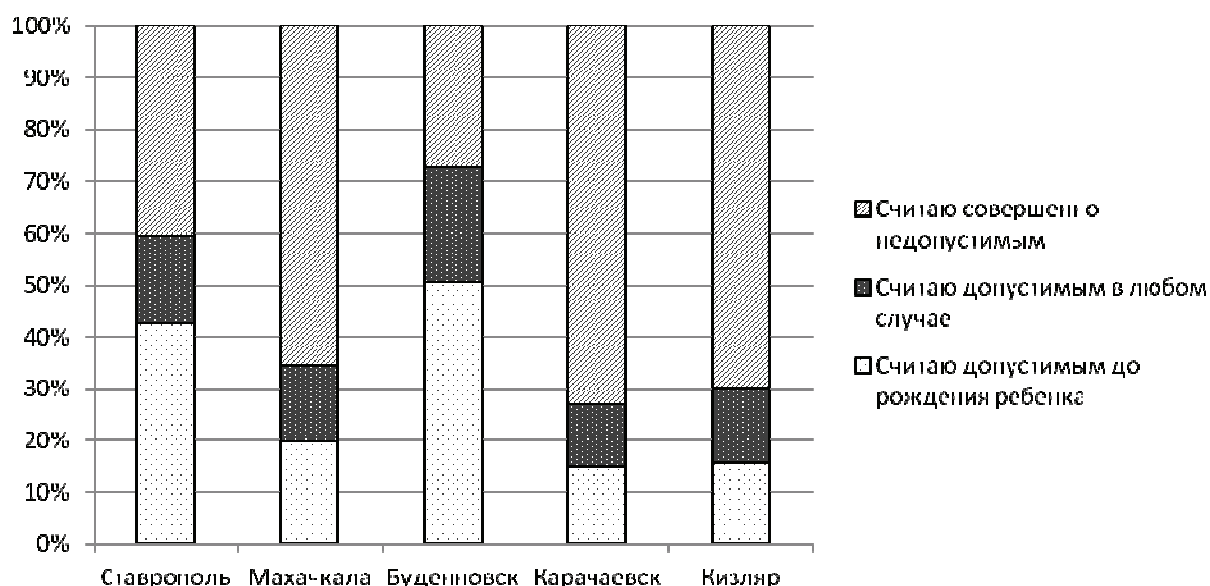

Рис. 3. Результаты ответов на вопрос «Как Вы относитесь к совместной жизни вне зарегистрированного брака?» среди респондентов городов СКФО, %

В Ставрополе и Буденновске выделяется большая группа респондентов (42,5% и 50,4% соответственно), лояльно настроенных в отношении совместной жизни вне зарегистрированного брака и считающих ее возможной до рождения ребенка. В Махачкале, Кизляре и Карачаевске аналогичная группа респондентов не превышает 28%. Вместе с тем в этих городах жизнь вне зарегистрированного брака считает абсолютно недопустимой подавляющее число опрошенных (от 65,6% респондентов в Махачкале до 73,0% в Карачаевске). Только лишь в отношении возможности проживания вне зарегистрированного брака при любых условиях молодые люди демонстрируют единодушие. Около 16% респондентов во всех анализируемых городах сказали, что допускают жизнь вне зарегистрированного брака в любом случае. Таким образом, результаты опроса показали, что мнения современной студенческой молодежи Северо-Кавказского региона слабо дифференцированы в зависимости от размеров города и существенно изменяются в зависимости от субъекта проживания.

Северный Кавказ является полиэтническим регионом. На его территории проживает более 50 этнических групп. В связи с этим довольно распространенным явлением стали межэтнические браки, то есть браки между представителями разных национальностей. В ходе настоящего исследования мы постарались выяснить отношение современной студенческой молодежи Северного Кавказа к межнациональным бракам (рис. 4) [4].

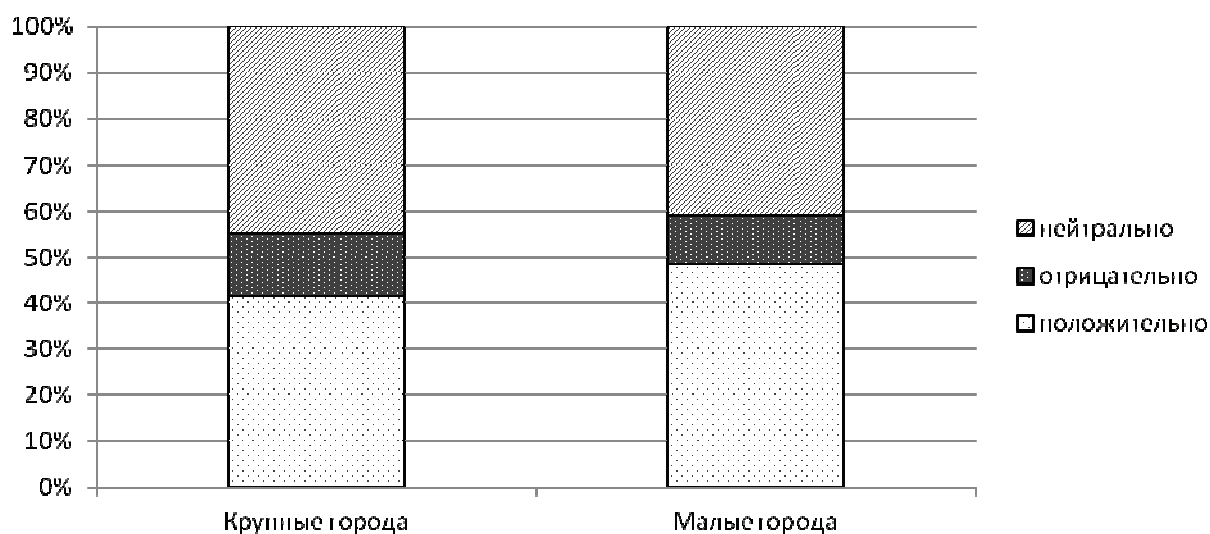

Рис. 4. Результаты ответов на вопрос «Как Вы относитесь к межнациональным бракам?» среди респондентов малых и крупных городов СКФО, %

Анализ результатов исследования показал, что в целом молодые люди демонстрируют схожие мнения по данному вопросу. Однако более благосклонное отношение к бракам между представителями разных этнических групп наблюдается у молодых людей, проживающих в малых городах (48,5% респондентов). Вместе с тем в крупных городах положительное и

нейтральное отношение к данному явлению выразили примерно равное число респондентов (41,5% и 44,9% соответственно).

Вопросы о рождении детей являются наиболее важными в ходе исследования. Анализ ответов на них позволяет прогнозировать направления демографического развития регионов и страны в целом. Так, респондентам был задан вопрос о наиболее благоприятном возрасте для рождения первого ребенка (рис. 5) [4].

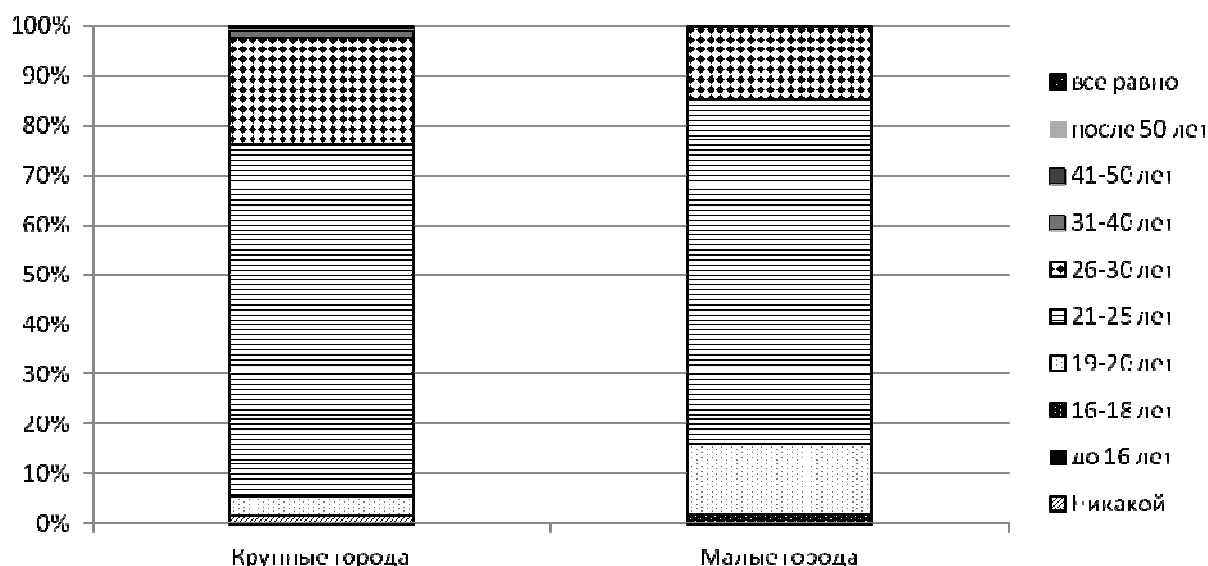

Рис. 5. Результаты ответов на вопрос «Какой возраст, на Ваш взгляд, наиболее благоприятен для рождения первого ребенка?» среди респондентов малых и крупных городов СКФО, %

Результаты анализа ответов показывают, что наиболее благоприятным возрастом для рождения первого ребенка молодежь как крупных городов, так и малых считает возраст 21–25 лет. Вместе с тем студенты, обучающиеся в крупных городах, ориентированы на рождение детей в более поздних возрастах. Выделяется довольно многочисленная группа молодых людей (21,5% респондентов), которые считают наилучшим возрастом для рождения первенца 26–30 лет. Кроме того, 2% респондентов из крупных городов готовы отложить рождение первого ребенка на четвертый и даже пятый десяток.

Сопоставив мнения респондентов о наиболее благоприятных возрастах вступления в брак и рождения первого ребенка (рис. 6), можно заметить, что в малых городах доли респондентов, считающих наиболее благоприятным тот или иной возраст как для заключения брака, так и для рождения ребенка, примерно равны. В крупных же городах дифференциация ответов ощутимо больше и смещена в сторону более старших возрастов для рождения первенца.

Таким образом, молодежь крупных городов при планировании семейной жизни, очевидно, выделяет несколько лет между заключением брака и рождением ребенка для того, чтобы пожить «для себя». В малых же городах такой закономерности не обнаружено.

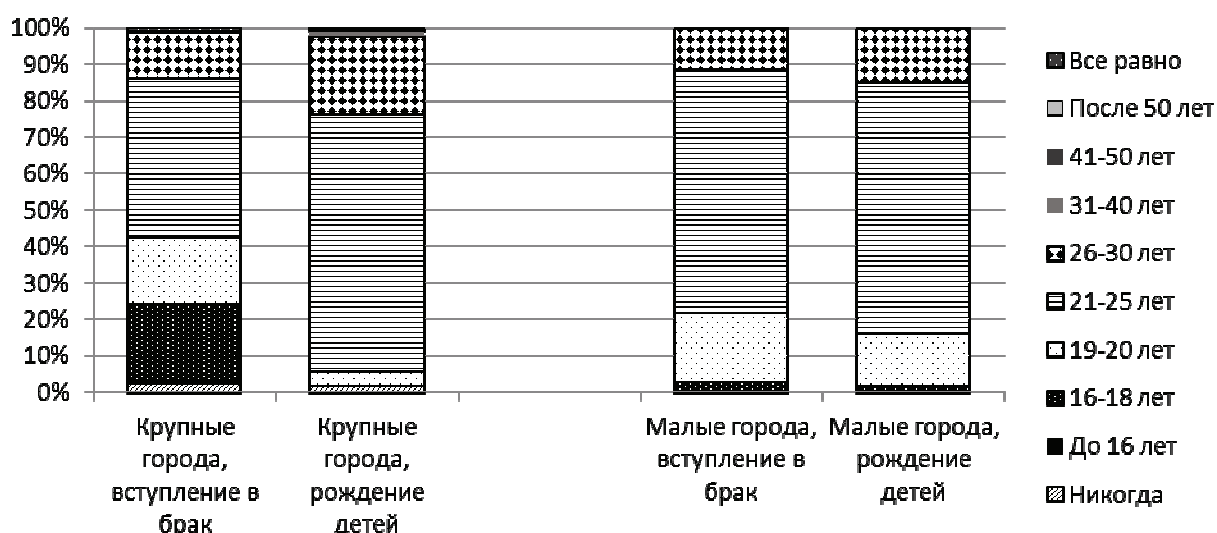

Рис. 6. Результаты ответов на вопросы «В каком возрасте, по Вашему мнению, лучше всего вступить в брак?» и «Какой возраст, на Ваш взгляд, наиболее благоприятен для рождения первого ребенка?» среди респондентов малых и крупных городов СКФО, %

Регионы Северного Кавказа всегда отличались высокими показателями рождаемости и распространения и глубины многодетности. Результаты опроса позволят сказать, сохранятся ли существующие тенденции и будут ли в дальнейшем данные демографические показатели отличаться от общероссийских в большую сторону.

Респондентам был задан ряд вопросов, касающихся их репродуктивных планов: «Сколько детей Вы собираетесь иметь?», «Сколько детей Вам хотелось бы иметь при наличии всех необходимых условий?» и «Сколько детей лучше всего иметь в наше время в России?» (рис. 7) [5].

Анализ результатов показал, что молодежь крупных городов преимущественно планирует иметь двух детей (40,8% респондентов). В то же время молодые люди, проживающие в малых городах, планируют стать двух- и трехдетными родителями (33,6% и 35,8% респондентов соответственно). Четырех и более детей планируют иметь 16,2% студентов в крупных городах и 27,4% – в малых, одного ребенка – 7,9% и 3,3% респондентов соответственно. Таким образом, подавляющее большинство молодых людей малых городов Северного Кавказа (более 60%) хотели бы стать многодетными родителями. Среди молодежи крупных городов такое желание выразили менее 50% респондентов.

Репродуктивные планы опрашиваемых традиционно меняются в большую сторону при гипотетическом наличии всех необходимых условий. Многодетными родителями могли бы стать более 70% молодых людей из малых городов и более 60% – из крупных. При этом в крупных городах прирост произойдет за счет третьих рождений, а в малых – за счет пятых и последующих.

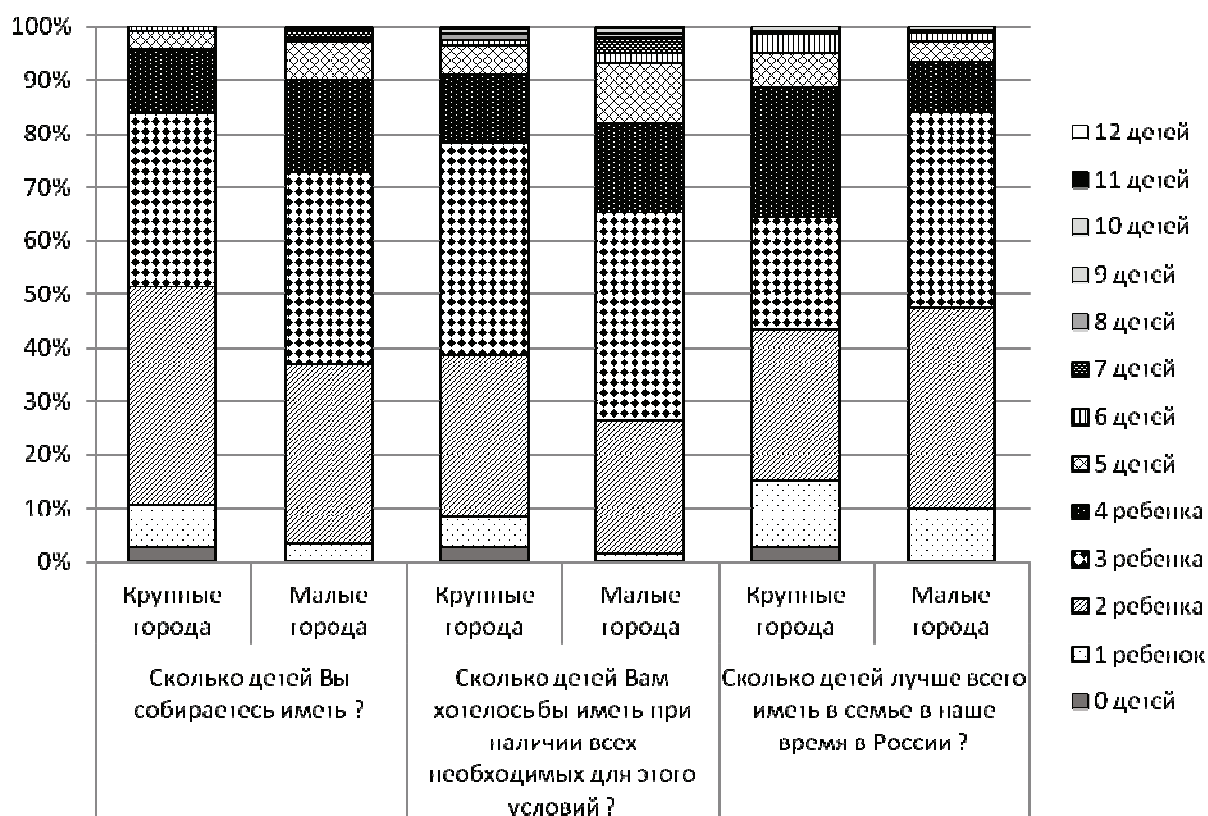

Рис. 7. Результаты ответов на вопросы «Сколько детей Вы собираетесь иметь?», «Сколько детей Вам хотелось бы иметь при наличии всех необходимых условий?» и «Сколько детей лучше всего иметь в наше время в России?» среди респондентов малых и крупных городов СКФО, %

Отвечая на вопрос «Сколько детей лучше всего иметь в наше время в России?», респонденты говорят об абстрактной (не своей) семье. Поэтому эти ответы в значительной степени зависят от социально-экономической ситуации, складывающейся в стране. Анализ результатов опроса показал, что, по мнению молодежи малых городов, в настоящее время в России лучше всего иметь двух и трех детей (такие ответы выбрали 37,5% и 36,7% респондентов соответственно). Мнение же молодежи крупных городов разделилось несколько иначе: наилучшим числом детей они считают двух, трех и четырех детей (28,1%, 21,1% и 24,1% респондентов соответственно). Такие ответы, вероятно, связаны с большей осведомленностью жителей крупных городов о реализуемых государственных мерах поддержки семей с большим числом детей. Важно отметить, что при ответе на данный вопрос группа респондентов, выбравших одного ребенка, увеличилась незначительно (12,6% в крупных городах и 9,5% – в малых). Это говорит о том, что в современных условиях репродуктивные планы студенческой молодежи реализуются практически полностью.

Глубину планируемой многодетности среди респондентов возможно определить, вычислив среднее планируемое число детей (рис. 8). В имеющихся условиях молодые люди малых городов планируют иметь в среднем 2,63 ребенка, что на 0,06 ребенка больше, чем молодежь крупных городов. При на-

личии всех необходимых условий среднее число детей значительно увеличится: до 2,72 в крупных городах и 2,81 – в малых. Таким образом, расширение мер демографической политики, направленных на поддержку семей с детьми, позволит увеличить среднее число детей в молодых семьях крупных и малых городов Северного Кавказа в лучшем случае на 0,15 и 0,18 ребенка соответственно.

Рис. 8. Среднее планируемое число детей среди респондентов малых и крупных городов СКФО

Интересным представляется сопоставление среднего планируемого и идеального числа детей. Результаты показывают, что в современных условиях молодежь малых городов стремится к рождению максимально возможного в современных условиях числа детей, в то время как молодежь крупных городов сознательно отказывается от большего числа детей, для рождения которых в принципе имеются необходимые условия.

В современном мире активно проявляются новые явления семейной жизни, такие, например, как нетрадиционные браки, гостевые браки, суррогатное материнство, гражданские браки и другие. От отношения молодых людей к тем или иным явлениям зависит их дальнейшее брачное и репродуктивное поведение, и, как следствие, социально-демографическое развитие страны.

В ходе исследования молодым людям было предложено выразить свое отношение к некоторым новым явлениям семейной жизни. Анализ результатов показал, что студенческая молодежь Северного Кавказа наиболее позитивно относится к традиционным и многолетним бракам, а также воспитанию в семьях приемных детей (рис. 9). Наименее позитивно воспринимаются частые краткосрочные браки, нетрадиционные браки и фиктивные браки.

В отношении большинства явлений молодежь как крупных городов, так и малых высказывает схожие мнения. Однако по ряду пунктов мнения значительно расходятся. Так различия в долях позитивно относящихся к воспитанию приемных детей и наличию в семьях сводных братьев и сестер соста-

вило около 15%. Данная ситуация, вероятно, может быть объяснена, во-первых, ментальными особенностями жителей Северного Кавказа, традиционно выражающими большую любовь к детям. А во-вторых, экономическими причинами. Размер пособия при устройстве ребенка в приемную семью довольно высок. Эти деньги становятся значимой долей в совокупном доходе семьи, особенно проживающей в малом городе. В связи с этим приемные родители становятся «профессиональными» родителями и на пособие содержат не только приемных, но и родных детей.

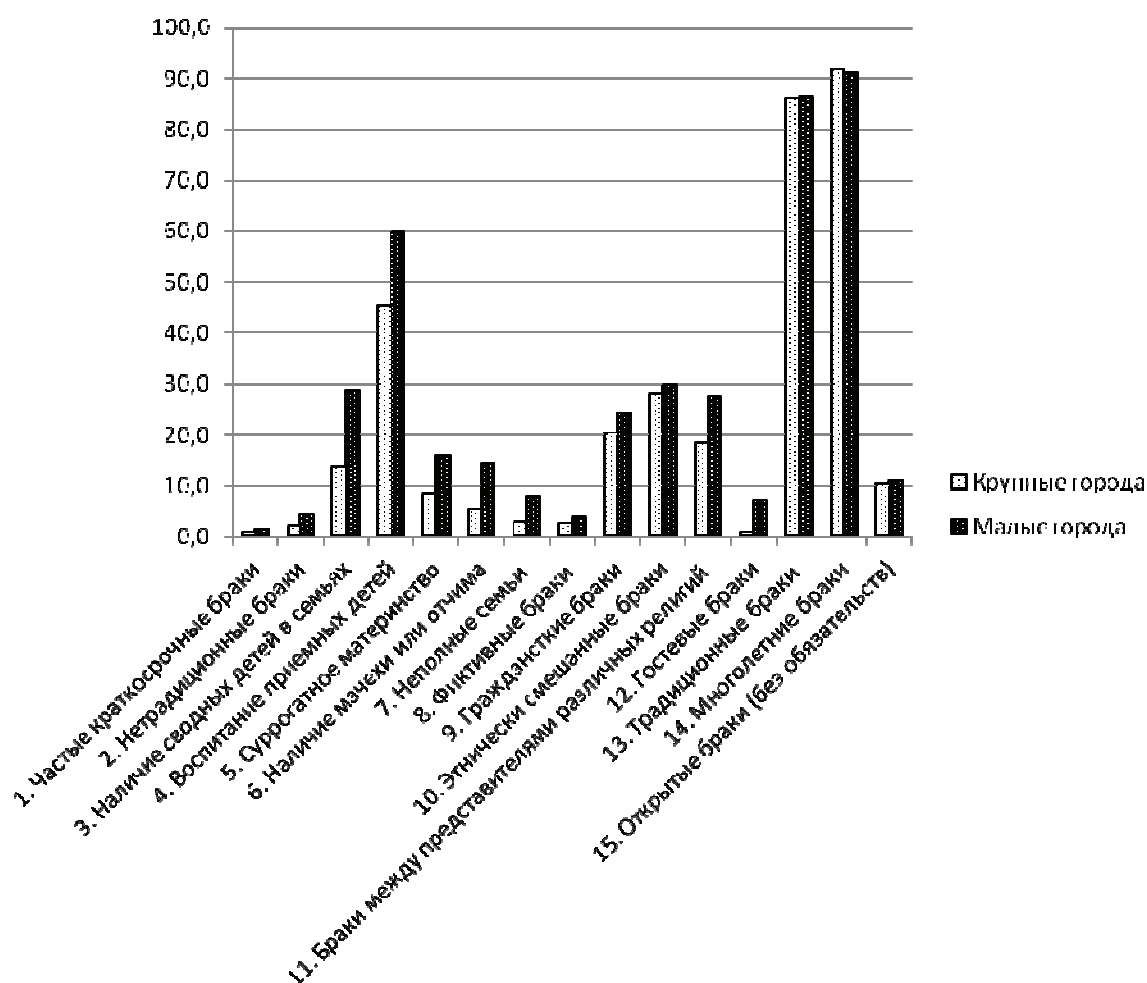

Рис. 9. Доля респондентов, позитивно относящихся к некоторым явлениям семейной жизни, %

Немного меньшие различия во мнениях отмечаются в отношении наличия мачехи или отчима и заключения браков между представителями разных религий (около 9%). Но если браки между представителями разных религий позитивно оценили около четверной части респондентов, то позитивное отношение к наличию мачехи или отчима выразила только лишь десятая часть респондентов.

Наиболее негативное отношение молодые люди высказали к таким явлениям, как частые краткосрочные браки, нетрадиционные браки, фиктивные браки, а также открытые браки (рис. 10).

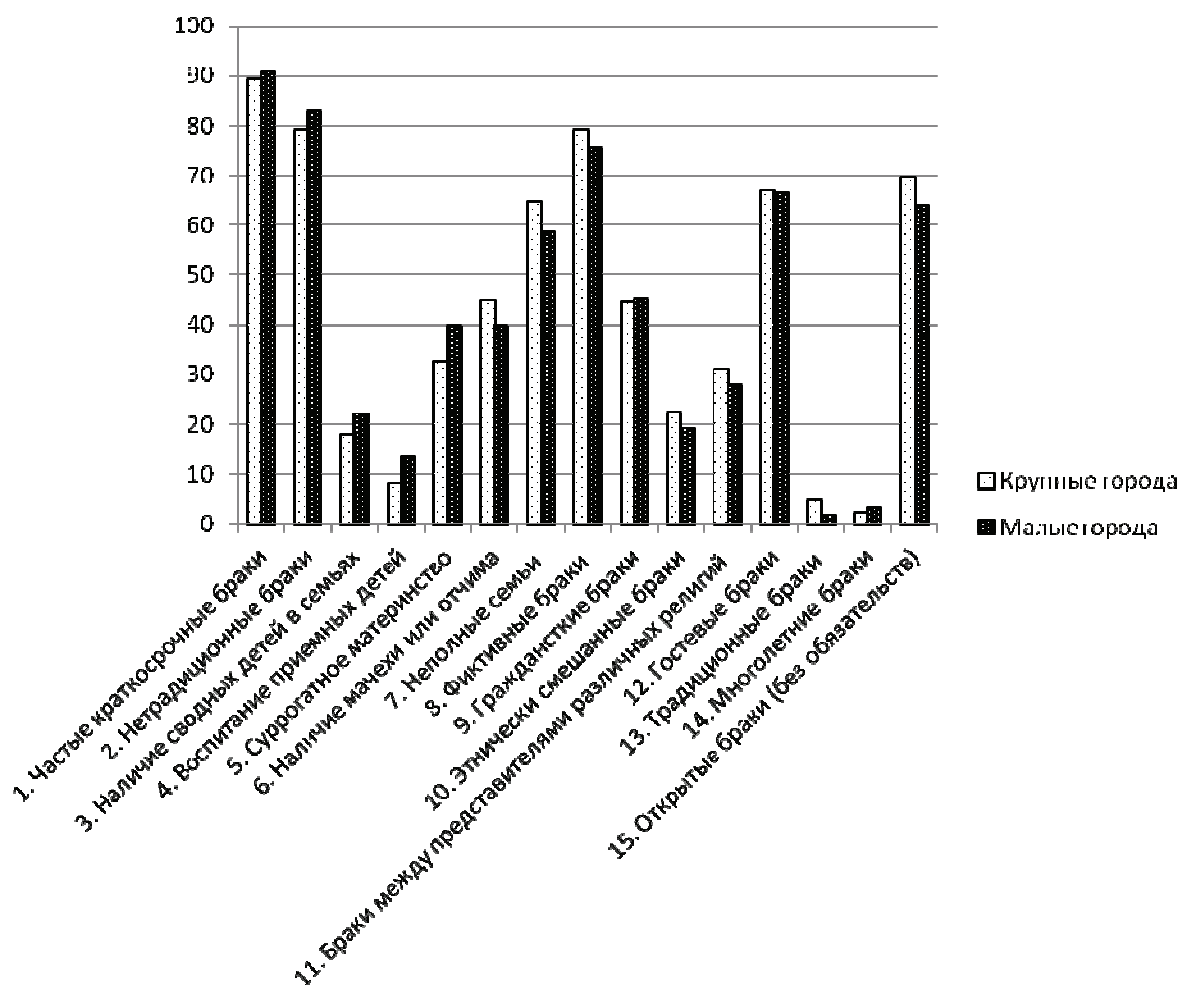

Рис. 10. Доля респондентов, негативно относящихся к некоторым явлениям семейной жизни, %

При этом молодежь как крупных городов, так и малых при высказывании негативного отношения к различным явлениям семейной жизни проявила солидарность. Различия во мнениях не превышают 7%.

Значимая дифференциация в ответах респондентов наблюдается при выражении нейтрального отношения к новым явлениям семейной жизни (рис. 11).

Так, большинство молодых людей крупных городов высказали нейтральное отношение к наличию сводных детей в семьях и суррогатному материнству, в то время как молодежь, проживающая в малых городах, нейтрально относится к этнически смешанным бракам и наличию сводных братьев и сестер. Интересно отметить, что различия во мнениях о нейтральном отношении к различным явлениям семейной жизни являются максимальными и достигают 20% (в отношении наличия сводных братьев и сестер и воспитания приемных детей). Немногим меньше разница между числом нейтрально относящихся к суррогатному материнству – 15%.

Наименьшее число респондентов нейтрально относятся к частым краткосрочным, нетрадиционным, также традиционным и многолетним бракам. То есть в отношении данных явлений молодежь Северного Кавказа сформировала четкие полярные мнения.

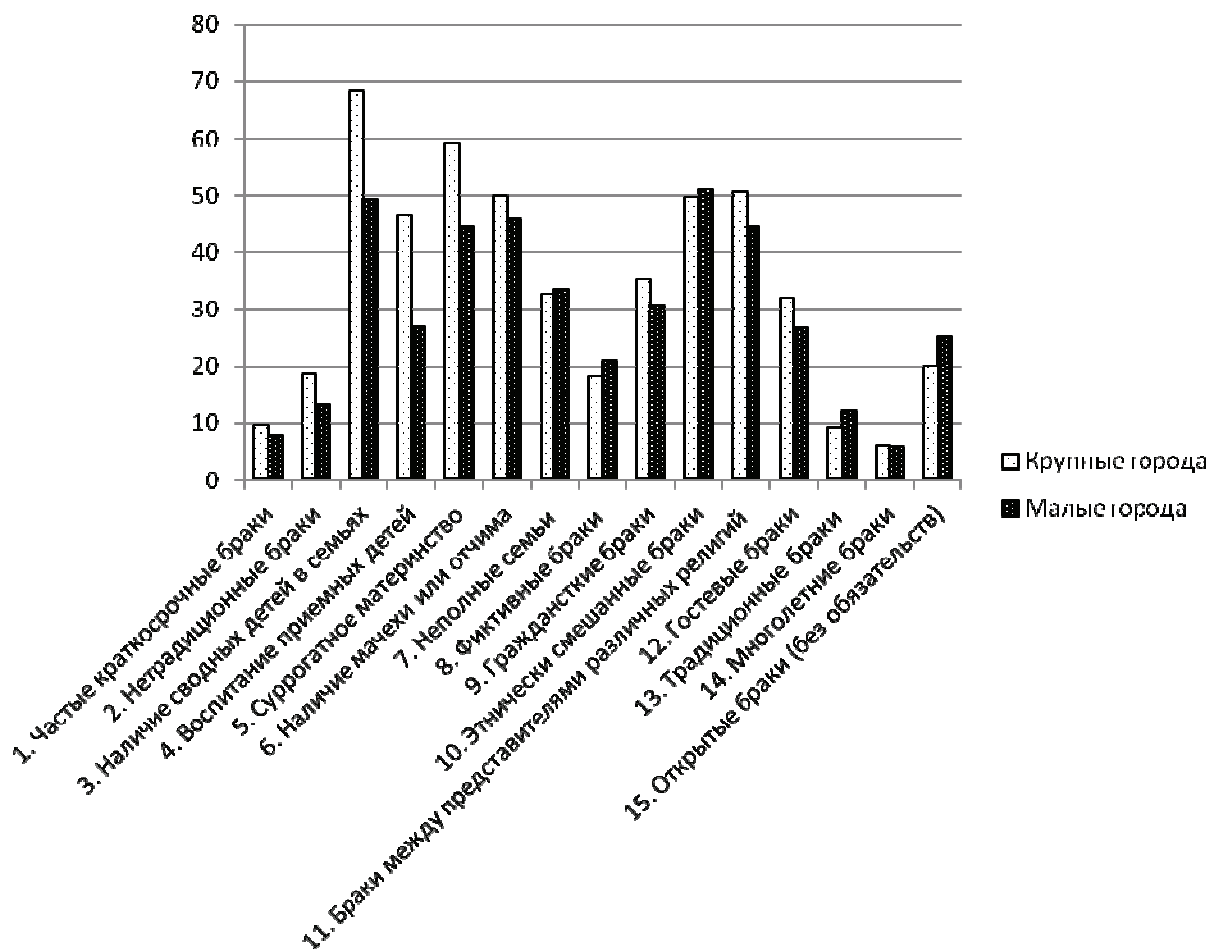

Рис. 11. Доля респондентов, нейтрально относящихся к некоторым явлениям семейной жизни, %

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что современная студенческая молодежь Северо-Кавказского федерального округа сохраняет приверженность традиционным семейным ценностям. Она ориентирована на заключение официального брака и рождение большого числа детей. Исследование показало наличие значимой дифференциации во мнениях молодых людей, проживающих в разных регионах Северного Кавказа, но вместе с тем существуют различия во мнениях респондентов, проживающих в городах с разной численностью населения. В целом студенческая молодежь малых городов продемонстрировала более конформистское отношение к явлениям семейной жизни, в то время как молодежь, обучающаяся в крупных городах, высказывает более строгие суждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 751 с.
2. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 442 с.

3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с.
4. Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю. Особенности формирования брачного и репродуктивного поведения студенческой молодёжи в южных регионах России (на примере г. Ставрополя и г. Будённовска) // Вестник СКФУ. 2015. № 2 (47). С. 289–295.
5. Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю. Региональное разнообразие компонентов воспроизводственного и миграционного движения в Российской Федерации. Серпухов: МОУ «ИИФ», 2017. – 59 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. *Regiony Rossii. Osnovnye harakteristiki sub'ektov Rossiyskoy Federatsii.* 2017: Stat. sb. / Rosstat. – М., 2017. – 751 pp. (In Russ.)
2. *Regiony Rossii. Osnovnye sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli gorodov.* 2016: Stat. sb. / Rosstat. – М., 2016. – 442 pp. (In Russ.)
3. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli.* 2017: Stat. sb. / Rosstat. – М., 2017. – 1402 pp. (In Russ.)
4. Sigareva E.P., Sivoplyasova S.Yu. Osobennosti formirovaniya brachnogo i re-produktivnogo povedeniya studencheskoy molodezhi v yuzhnyh regionah Rossii (na primere g. Stavropolya i g. Budennovska) // *Vestnik SKFU.* 2015. No. 2 (47). Pp. 289–295. (In Russ.)
5. Sigareva E.P., Sivoplyasova S.Yu. *Regional'noe raznoobrazie komponentov vosproizvodstvennogo i migratsionnogo dvizheniya v Rossiyskoy Federatsii.* Serpuhov: MOU «IIF», 2017. – 59 pp. (In Russ.)

НОВОЕ В СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ВЗГЛЯД МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Сигарева Евгения Петровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, зав. отделом воспроизводства населения Центра социальной демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: sigarevae@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние новых процессов на семейное и репродуктивное поведение молодого поколения. На основе статистического и социологического анализа определено состояние и перспективы сохранения демографического потенциала Северного Кавказа, выявлена специфика мнений северокавказской молодежи относительно молодого поколения всей России. Показана роль традиционных представлений в семейных отношениях и репродуктивных планах.

Ключевые слова: молодежь, семья, репродуктивное поведение, семейное поведение, рождаемость, социологический опрос.

NEW IN FAMILY RELATIONS: A VIEW OF YOUTH IN THE NORTH CAUCASUS

Evgeniya P. Sigareva, Candidate of Sciences (Economics), Head of the Sector for reproduction of the population, Center for Social Demography, Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: sigarevae@mail.ru

Abstract. The article discusses the impact of new processes on the family and reproductive behaviour of the younger generation. On the basis of statistical and sociological analysis the state and prospects of preservation of the demographic potential of the North Caucasus are determined, the specificity of the views of North Caucasian youth regarding the younger generation of Russia is revealed. The role of traditional ideas in family relations and reproductive plans is shown.

Key words: youth, family, reproductive behaviour, family behaviour, fertility, sociological survey.

В отсутствии единой идеологической платформы в современной России на формирование образа жизни российской молодежи и, в частности, семейной и репродуктивной модели, стали влиять многочисленные процессы, чей мультипликативный эффект кардинально трансформирует все прежние нормы. Это обуславливает образование множественных жизненных стратегий в поколении молодых людей, в зависимости от выбора целей, и сложную комбинацию их сочетаний.

К числу таких процессов, которые способствуют проникновению и становлению иных культурных норм, и формированию новых основ семейных отношений в России можно отнести следующие процессы: глобализацию, американизацию, европеизацию, арабизацию, патриотизацию, рекламизацию, цифровизацию, традиционализацию, архаизацию, атомизацию, коммерциализацию, усиление религиозности.

Ряд процессов, перечисленных выше, не являются новыми. Однако ранее их влияние на формирование модели семейных отношений распространялось или в ограниченный период (петровская европеизация), или на отдельные слои общества (влияние наполеоновской Франции на дворян). И только в современный период действие этих процессов на умы молодежи стало тотальным. Поэтому в молодежной среде наблюдается выбор «полярных» жизненных моделей относительно семейного и репродуктивного поведения, начиная от отказа брачных отношений и рождения детей (чайлдфри) до одобрения многоженства и отказа от контрацепции.

Говоря о традиционной семье, традициях в контексте Северного Кавказа, нужно определить, что на самом деле является традиционным. В общественной дискуссии, например, периодически речь заходит о реанимировании многоженства. Можно ли считать традиционным способом брака «воровство» невесты? Нужно ли расценить как традицию, заимствованную у африканских племен «борьбы с распущенностью», операцию «женского обрезания», о котором не так давно был сделан доклад сотрудниками проекта «Правовая инициатива»? [1; 12]. Являются ли новой традицией расточительные свадьбы [8; 10], на которые родители берут потребительский кредит и продолжают его выплачивать, а дети уже разошлись? Какие традиции приемлемы для современной молодежи, а какие являются результатом сумбура, обусловленного духовно-нравственным кризисом? Сохранение каких традиций может в перспективе ухудшить воспроизводственный потенциал Северо-Кавказского региона [4], или формировать снисхождение к преступлениям, например, из-за «убийства чести» [13]?

Население Северного Кавказа, как и вся Россия в целом, переживает «парадоксальные» времена, когда в общественной жизни происходят процессы, с одной стороны, деструктивно влияющие на прежние фундаментальные ценности, с другой – процессы, определяющие потребности в возрождении духовной жизни. Так, по данным «Левада-центра» (2014 г.) 60% населения отмечает усиление религиозности в стране и, вместе с тем, 70% респондентов считают, что ослабилась прочность брака; 71% опрошенных отметили, что снижается уважение людей друг к другу; 55% респондентов полагают, что снижается личная ответственность [6].

Социологи и исследователи «поколенческих циклов» отмечают специфические черты современного молодого поколения, детерминирующим признаком которого является инфантилизация молодежи. Типичными характеристиками процесса инфантилизации являются преобладание развлечений и игровых интересов над учебными и трудовыми интересами. Также отмечен низкий уровень ответственности, но высокий уровень желания получить результат без осознанности последствий [11; 2]. Причем этот тренд наблюдается в различных странах мира. Так, согласно исследованию TD Ameritrade, 53% американских миллениалов уверены, что станут миллионерами, 20% до сих пор пользуются финансовой поддержкой родителей, 25% заявили, что никогда не женятся, 30% заявили, что не будут заводить детей [5]. Малкольм Харрис в книге о миллениалах «Kids These Days: Human Capital and the Making of Millennials» также утверждает, что интересы поколения, родившегося между 1980 и 2000 гг. и на-

ходящегося в самом активном репродуктивном возрасте, слабо выражены в отношении создания семьи и рождения детей [3].

Молодое поколение России, и в том числе Северного Кавказа, не стало исключением и также находится под влиянием глобальных процессов, формирующих трансформацию семейной сферы. Последствием развития таких процессов стало, например, ухудшение демографических показателей в регионах Северного Кавказа, которые всегда отличались более высокими показателями по сравнению с другими регионами России.

Если рассмотреть показатель суммарного коэффициента рождаемости в последние несколько лет, то заметим, что на фоне общероссийского сокращения этого показателя негативный тренд наблюдается и в субъектах Северного Кавказа (табл. 1). Это отмечается как в городской, так и в сельской местности. Более того, в ряде регионов округа показатели суммарного коэффициента рождаемости в 2016 г. опустились ниже, чем в среднем по Российской Федерации. К ним относятся Республика Дагестан (городское население), Республика Ингушетия (и городское, и сельское население), Республика Кабардино-Балкария (и городское, и сельское население), Республика Карачаево-Черкесия (и городское, и сельское население), Республика Северная Осетия-Алания (сельское население), Ставропольский край (и городское, и сельское население). То есть все субъекты Северо-Кавказского федерального округа, кроме Чеченской Республики, стали характеризоваться показателем суммарной рождаемости, уровень которого хуже, чем в среднем по стране. Причем в Чеченской Республике в 2016 г. относительно 2015 г. суммарный коэффициент рождаемости также снизился и в городской, и в сельской местности. Из этого следует, что Северный Кавказ в настоящее время утратил лидерские позиции и испытывает серьезный кризис воспроизводства населения.

В связи с современными процессами трансформации семейного и репродуктивного поведения молодого поколения России и Северного Кавказа, в частности, возникла необходимость более детального анализа изучения новых и специфических для Северо-Кавказского региона установок и мнений молодежи в контексте их отношения к процессам, происходящим в семейной сфере. Такое исследование было проведено отделом воспроизводства населения Центра социальной демографии ИСПИ РАН на базе социологического обследования 19 регионов России и, в частности, в Ставропольском крае, Республике Дагестан и Карачаево-Черкесской Республике. Это позволило сделать сравнительный анализ особенностей формирующихся взглядов молодежи на семью на Северном Кавказе относительно представлений молодого поколения всей России.

Результаты исследования свидетельствуют, что молодое поколение Северного Кавказа продолжает быть нацеленным на более ранние браки по сравнению с молодежью всей России в целом (рис. 2).

Так, если среди респондентов Северного Кавказа возраст до 25 лет считают наилучшим для вступления в брак почти 85%, то среди всей молодежи России этот показатель достигает только 75%.

Таблица 1

Суммарный коэффициент рождаемости в 2015–2016 гг.

Российская Федерация	Все население	Городское	Сельское
2015	1,777	1,678	2,111
2016	1,762	1,672	2,056
Северо-Кавказский федеральный округ			
	Все население	Городское	Сельское
2015	1,979	1,738	2,233
2016	1,936	1,720	2,156
Республика Дагестан			
2015	2,022	1,512	2,546
2016	1,978	1,464	2,498
Республика Ингушетия			
2015	1,971	1,901	2,023
2016	1,752	1,643	1,834
Кабардино-Балкарская Республика			
2015	1,753	1,706	1,791
2016	1,724	1,665	1,774
Карачаево-Черкесская Республика			
2015	1,541	1,484	1,583
2016	1,518	1,536	1,502
Республика Северная Осетия-Алания			
2015	1,930	2,000	1,796
2016	1,891	1,971	1,744
Чеченская Республика			
2015	2,799	2,957	2,709
2016	2,622	2,865	2,489
Ставропольский край			
2015	1,644	1,550	1,809
2016	1,678	1,604	1,800

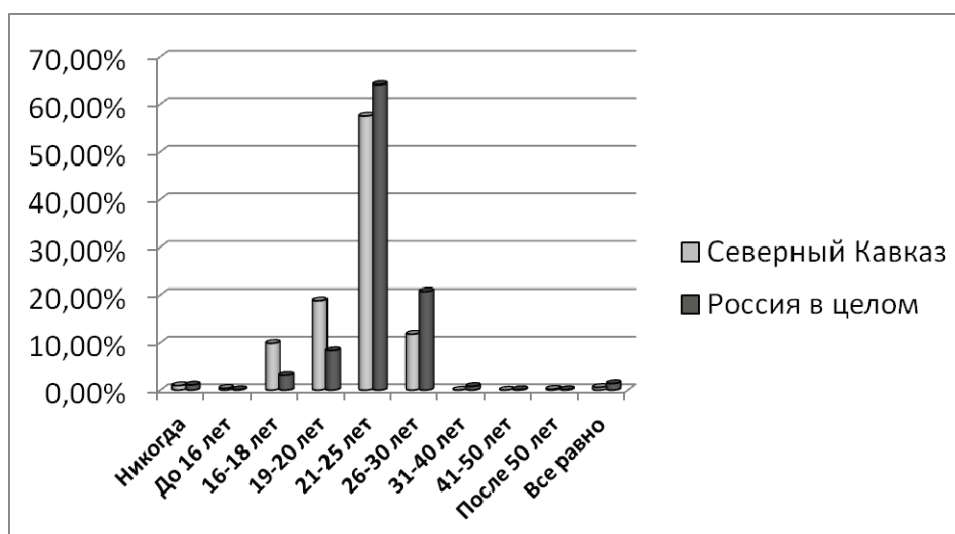

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «В каком возрасте лучше всего вступить в брак?», %

Более ранний возраст для рождения первого ребенка также отмечен в качестве наиболее благоприятного у молодого поколения Северного Кавказа (рис. 3). Среди них 80% респондентов считают, что «ранняя рождаемость» (до 25 лет) предпочтительнее, чем поздняя. А вот в совокупности всей молодежи России возрастной критерий в 25 лет для рождения первого ребенка выбрали лишь 65% опрошенных.

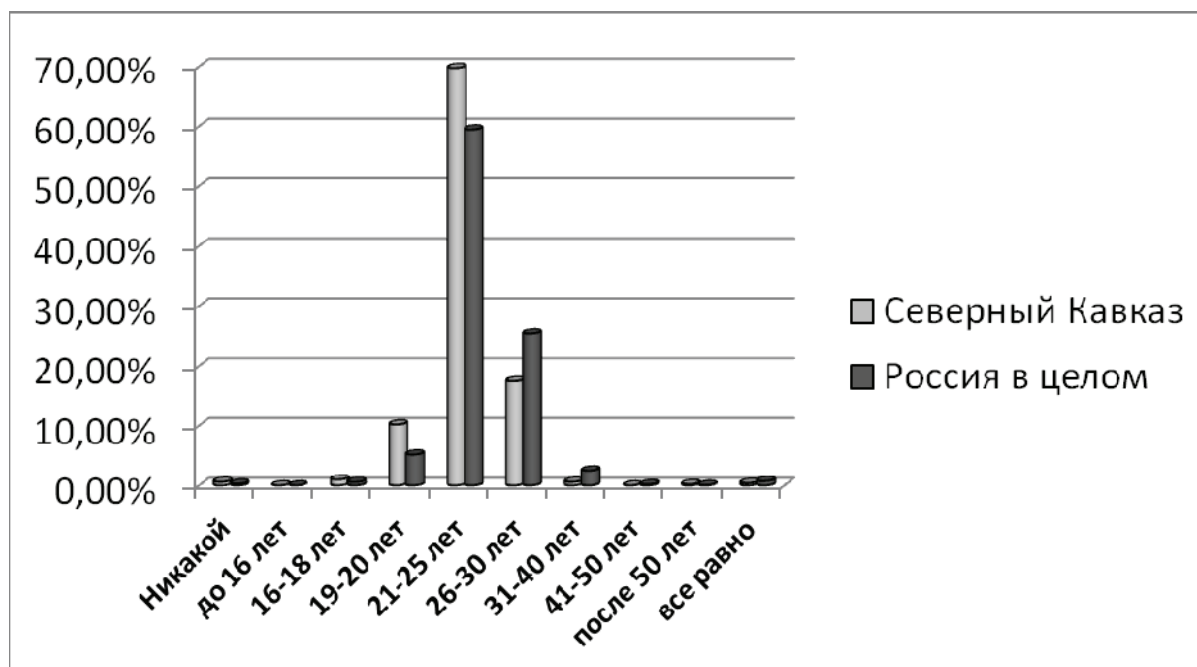

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какой возраст благоприятен для рождения первого ребенка?», %

Это свидетельствует, что молодое население Северного Кавказа по сравнению с представителями других частей страны пока продолжает оставаться более консервативным в отношении процессов брачности и рождаемости. Однако заметим, что различия в ответах не являются критичными (10–15%), что предполагает постепенное сближение семейной и репродуктивной модели молодежи Северного Кавказа с моделью молодого поколения всей страны в целом.

Наибольшее несогласие с общими новыми трендами в семейной сфере молодежь Северного Кавказа выразила по отношению так называемого «сожительства», «пробного брака» или гражданского брака, который в современной России принимает все более массовый характер. На рисунке 4 отчетливо видно, что «совершенно недопустимым» такой брак молодежь Северного Кавказа считает в 2 раза чаще, чем молодежь всей России (54% против 26%). Возможность гражданского брака в любом случае также менее приветствуется на Северном Кавказе, чем в других регионах страны (16% против 23%). И до рождения ребенка гражданский брак воспринимается северокавказской молодежью допустимым лишь в 30% случаев, тогда как в целом по России этот показатель достигает 50%.

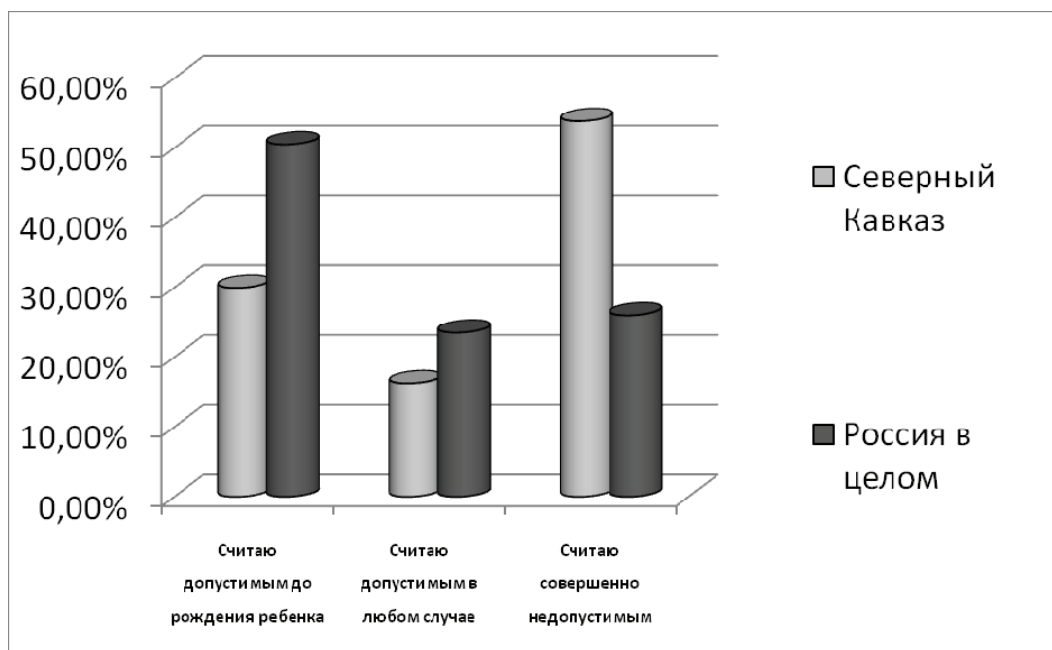

Рис. 4. Ответы респондентов на вопрос «Как Вы относитесь к совместной жизни вне зарегистрированного брака?», %

Таким образом, Северный Кавказ остается более традиционным с точки зрения проникновения новой формы брачного союза – гражданского брака, чье тотальное распространение стало развиваться в постперестроечный период.

Ориентация на более многодетную семью на Северном Кавказе пока еще остается характерной чертой его молодого поколения. Однако реальные тренды демографического развития этого региона позволяют отметить формирующееся противоречие между репродуктивными намерениями молодых людей на Северном Кавказе и их реализацией. В опросе о числе детей в планах молодежи Северного Кавказа существенно чаще выражен ответ «много», чем в ответах из других регионах страны (рис. 5). Почти 20% респондентов Северного Кавказа выбрали эту альтернативу, тогда как в общих результатах по России данный выбор свойственен мизерному числу респондентов.

Если судить по итогам сравнительного анализа, то суммарно, и учитывая ответ «много», на Северном Кавказе многодетными родителями планируют стать почти 66% опрошенных, в отличие от всей России, имеющей показатель многодетных планов, составляющий лишь 33%. То есть многодетность в качестве репродуктивного выбора на Северном Кавказе предпочтительна в 2 раза чаще, чем в других регионах страны.

Исследование затронуло также вопросы о феноменах, наблюдаемых в сфере семейных отношений, с целью получить их оценку для выявления процессов, одобряемых или порицаемых молодежью в современных реалиях. В нижеприведенном перечне используются явления, которые широко обсуждаются в СМИ и в социальных сетях. Однако чтобы получить количественные оценки отношения молодежи к данным феноменам, необходим более детальный социологический анализ. В данном анкетном исследовании был поставлен вопрос: «Как, на Ваш взгляд, влияют следующие явления на формирова-

ние российских семей и воспитание в них детей?» Выбор вариантов ответов был следующий: «позитивно», «нейтрально», «негативно». В данной статье акцентируется внимание на позитивных оценках, чтобы подчеркнуть, как сходство мнения молодежи Северного Кавказа с мнением молодежи иных регионов, так и их различия (рис. 6).

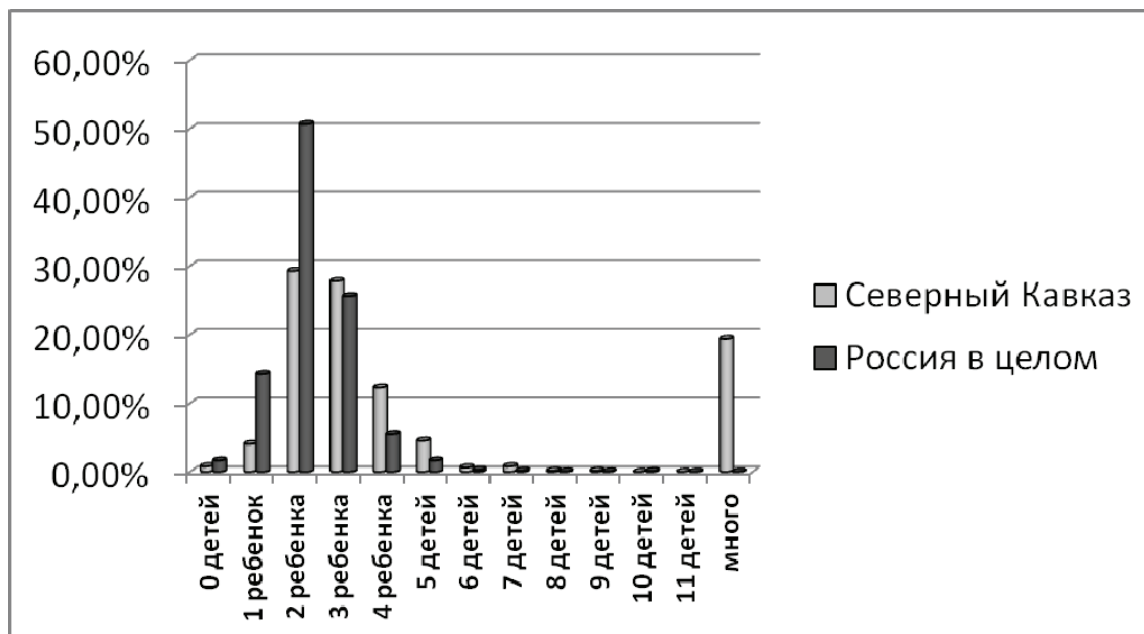

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Сколько детей Вы собираетесь иметь?», %

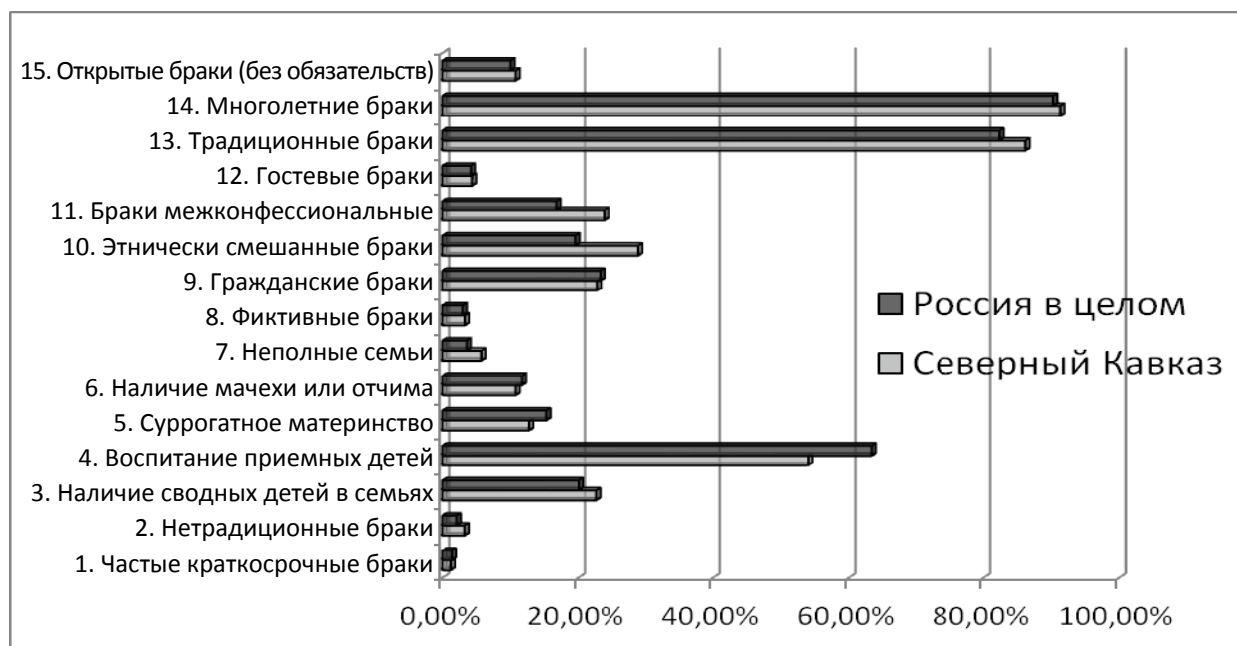

Рис. 6. Распределение позитивных оценок респондентов Северного Кавказа и России в целом, %

Как видно, наиболее одобряемыми явлениями и молодежью Северного Кавказа и всей российской молодежью в целом выступают по результатам опроса многолетние и традиционные браки. Причем незначительно больше позитивных оценок этим позициям дали молодые люди из Северо-Кавказского региона: 91% против 90% и 86% против 82%. Высокий показатель позитивного отношения молодежь и Северного Кавказа, и других регионов страны высказала в отношении воспитания приемных детей. Однако в данном случае большее одобрение было высказано молодежью из других регионов страны: 54% против 63% ответов. Остальные позиции в качестве положительных явлений в семейных отношениях отмечены у менее 30% респондентов.

Напротив, резко негативную оценку молодое поколение и страны в целом и Северного Кавказа в частности высказало в отношении частых краткосрочных браков, нетрадиционных браков, фиктивных браков, «гостевых» браков, «открытых (без обязательств)» браков, неполных семей. Уровень «неодобрения» и понимание того, что эти явления негативно влияют на состояние семейной сферы составили от 91 до 60%. Остальные позиции, такие как, межконфессиональные браки, этнически смешанные браки, наличие сводных братьев и сестер, наличие мачехи или отчима, суррогатное материнство, в представлениях молодого поколения имели главным образом нейтральные оценки. Таким образом, тотальная поддержка и одобрение традиционных браков и многолетних браков у молодых людей свидетельствуют о значительном потенциале сохранить и в перспективе семью как фундаментальную ценность и в России в целом, и особенно на Северном Кавказе.

Глобализация современного мира наряду с развитием международных контактов молодежи посредством интернета формирует новые возможности стать участником так называемого «мирового брачного рынка». Статистически трудно оценить участие молодого поколения России и Северного Кавказа в частности в международных семейных отношениях. Но о расширении практики создания семьи за пределами родной территории свидетельствуют исследования социологов и демографов [9]. В нашем исследовании молодому поколению, вступившему в репродуктивный возраст, также был задан вопрос о проективных намерениях, касающихся территории будущей работы, создания семьи и территории проживания детей респондентов. На рисунке 7 представлена иллюстрация предполагаемого выбора молодежи Северного Кавказа, из которого становится ясно, что прагматические представления о территории создания семьи свойственны достаточно большой группе северокавказской молодежи.

Если «патриотический» выбор («хочу создать семью только на территории России») был высказан 56% респондентов Северного Кавказа, то ответ, характеризующий прагматизм («не важно, зависит от того, где будут приемлемые условия»), был отмечен у 32% опрошенных. Еще больше респондентов Северного Кавказа прагматично высказались о территории проживания для своих детей. Около 43% респондентов хотели бы, чтобы дети жили только в России, а 39% указали, что выбор территории проживания детей определяется, скорее всего, приемлемостью условий. Все это говорит о

развитии в значительной части молодого поколения Северного Кавказа идеологии практической целесообразности, которая начинает противопоставляться идеологии патриотизма.

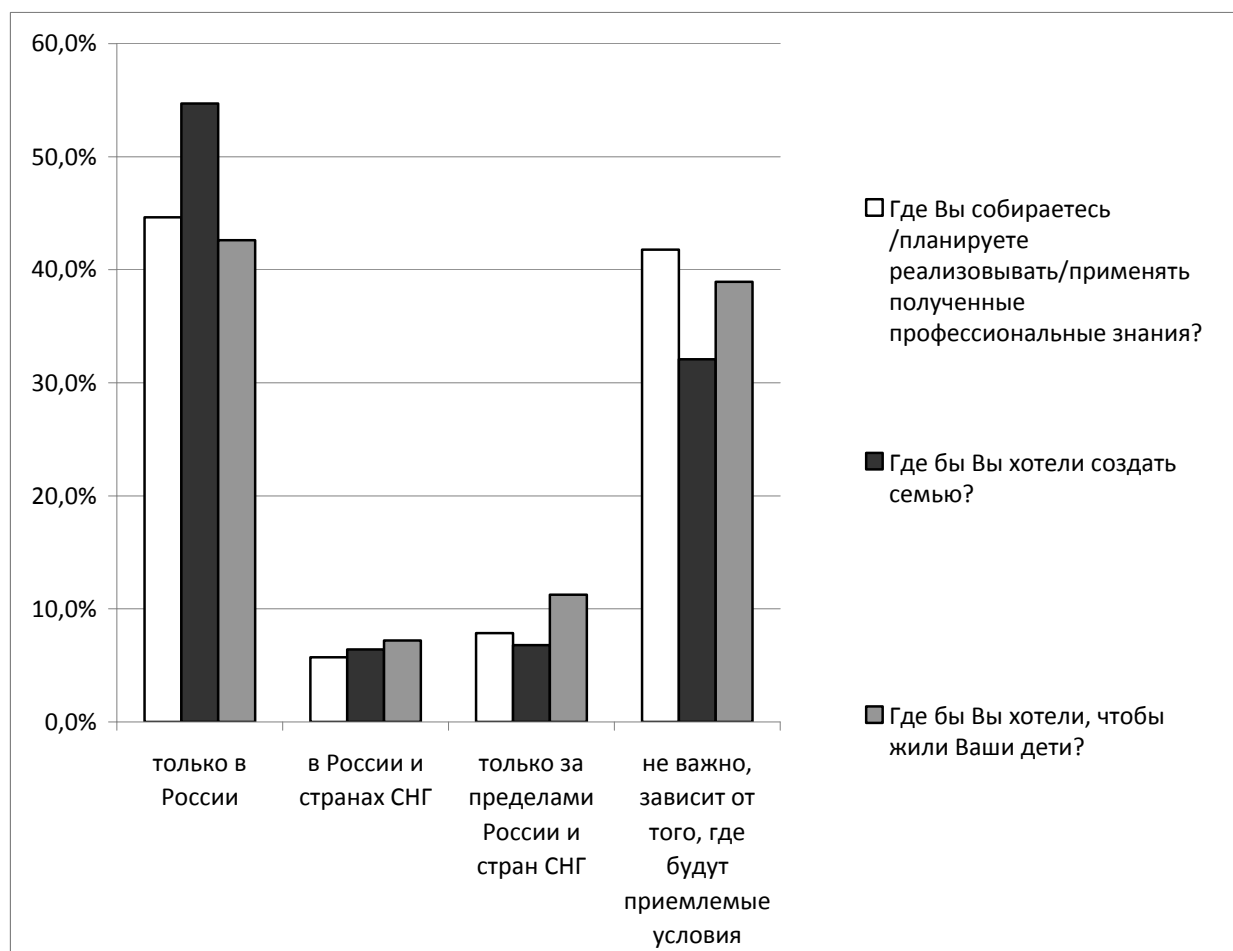

Рис. 7. Распределение ответов респондентов Северного Кавказа о территории предполагаемой работы, создания семьи и проживания детей, %

Более того, если сравнить ответы респондентов Северного Кавказа и всей России, то станет заметно, что молодежь Северо-Кавказского региона относительно в большей степени нацелена на территорию вне постсоветского пространства в реализации своих профессиональных знаний, создания семьи и проживания детей. Соотношение данного выбора следующее: реализация профессиональных знаний только за пределами России и стран СНГ – 8% (северокавказская молодежь) против 2% (молодежь России в целом); создание семьи – 7% против 5%; проживание детей – 11% против 9%. Такой взгляд является следствием совокупного воздействия многих факторов, о которых упоминалось ранее. Поэтому развитие семейных отношений у молодежи на Северном Кавказе происходит многосторонне и под влиянием не только каких-либо идеологических представлений современности, но и в зависимости от условий социально-экономического характера.

Учитывая, что особенные экономические трудности испытывают семьи ряда регионов Северного Кавказа [7], трансформация семейного и репродуктивного поведения молодого поколения в новых условиях может иметь негативный характер для демографического развития Северного Кавказа и России в целом.

В качестве выводов исследования следует выдвинуть ряд тезисов:

1. Современная реальность в ее новых проявлениях резко трансформирует и поляризует жизненные стратегии молодежи.
2. Хотя еще на Северном Кавказе и сохраняются традиционные ценности в семейной сфере и потенциал демографического развития, однако уже наметились серьезные негативные тренды.
3. Без значительной поддержки молодого поколения и его семейного и репродуктивного поведения на федеральном и региональном уровне Северный Кавказ рискует утратить значительную часть молодого поколения посредством миграции или лишится статуса наиболее перспективного с точки зрения демографических показателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Антонова Ю.А., Сиражудинова С.В. Практики калечащих операций в республиках Северного Кавказа: стратегии преодоления. – М.: Издательские решения, 2018. – 68 с.
2. Гребенникова В.М., Щербина А.И. Инфантилизация молодежи как актуальная проблема социально-психологической безопасности государства // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 24. – С. 52–56. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/56412.htm> (дата обращения: 03.08.2017).
3. Депрессия, фриланс и никакой семьи до 30 лет: как живёт и чего хочет поколение миллениалов. Режим доступа: https://mel.fm/pokoleniye-z/6712354-malcolm_harris (дата обращения: 10.09.2018).
4. Местные традиции могут привести к всплеску наследственного снижения интеллекта на Северном Кавказе. Режим доступа: <https://chrdk.ru/news/mestnye-tradicii-priveli-k-vsplesku-nasledstvennogo-slaboumiya-na-severnom-kavkaze> (дата обращения: 12.06.2018).
5. Опрос: половина миллениалов считают, что станут миллионерами. Режим доступа: <https://4td.fm/news/opros-pоловина-millennialov-schitayut-что-станут-millionerami/> (дата обращения: 22.06.2018).
6. Почему вера в Бога растёт, а нравственность падает? Режим доступа: <http://maxpark.com/community/43/content/2588162> (дата обращения: 15.06.2018).
7. Самые бедные семьи России живут в Дагестане и Кабардино-Балкарии. Режим доступа: <http://obzor.io/2018/06/10/samye-bednye-semi-rossii-zhivut-v-dagestane-i-kabardino-balkarii-51383> (дата обращения: 14.06.2018).
8. Свадебный сезон на Северном Кавказе: цена престижа и новые траектории. Онлайн-дискуссия на КУ. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/1927/posts/33559> (дата обращения: 17.03.2018).

9. Сивоплясова С.Ю. Российские женщины на брачных рынках Японии, Кореи и Китая // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта: Материалы IX международного научно-практического Форума (Москва, 28–29 ноября 2017 года). В двух томах. – Т. 1 / Под науч. ред. чл.-корр. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой. – М.: Экономическое образование, 2017. – С. 169–173.

10. Совок да любовь. Почему культура проведения свадеб не меняется в России десятилетиями. Режим доступа: <https://news.mail.ru/society/33667077/> (дата обращения: 1.09.2018).

11. Цель «быть счастливым» меняется на «быть успешным». Ценности приобретают приставку «не»: не создавать семью, не рожать детей, ведь они мешают достижению цели». Почему инфантилизм – норма XXI века. Режим доступа: <http://www.dk.ru/news/35-letnie-malchiki-i-devochki-otkladyvanie-vzrosleniya-eto-otvet-na-novuyu-realnost-237104702> (дата обращения: 15.06.2018).

12. Читатели «Кавказского узла» высказались насчет женского обрезания в Дагестане. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/321347/> (дата обращения: 19.06.2018).

13. Эксперты отмечают попытки жителей Северного Кавказа оправдать «убийства чести». Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/260418/> (дата обращения: 5.09.2018).

REFERENCES AND SOURCES

1. Antonova Yu. A., Sirazhudinova S.V. *Praktiki kalechaschih operatsiy v respublikah Severnogo Kavkaza: strategii preodoleniya*. – Izdatel'skie resheniya, 2018. – 68 pp. (In Russ.)

2. Grebennikova V. M., Scherbina A. I. Infantilizatsiya molodezhi kak aktual'naya problema sotsial'no-psihologicheskoy bezopasnosti gosudarstva // *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»*. – 2016. – Vol. 24. – Pp. 52–56. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56412.htm> (accessed: 03.08.2017). (In Russ.)

3. Depressiya, frilans i nikakoy sem'i do 30 let: kak zhivet i chego hochet pokolenie millenialov. URL: https://mel.fm/pokoleniye-z/6712354-malcolm_harris (accessed: 10.09.2018). (In Russ.)

4. Mestnye traditsii mogut privesti k vsplesku nasledstvennogo snizheniya intellekta na Severnom Kavkaze. URL: <https://chr.dk.ru/news/mestnye-traditsii-priveli-k-vsplesku-nasledstvennogo-slaboumiya-na-severnom-kavkaze> (accessed: 12.06.2018). (In Russ.)

5. Opros: polovina millenialov schitayut, chto stanut millionerami. URL: <https://4td.fm/news/opros-polovina-millenialov-schitayut-chto-stanut-millionerami/> (accessed: 22.06.2018). (In Russ.)

6. Pochemu vera v Boga rastet, a npravstvennost' padaet? URL: <http://maxpark.com/community/43/content/2588162> (accessed: 15.06.2018).

7. Samye bednye sem'i Rossii zhivut v Dagestane i Kabardino-Balkarii. URL: <http://obzor.io/2018/06/10/samye-bednye-semi-rossii-zhivut-v-dagestane-i-kabardino-balkarii-51383/> (accessed: 14.06.2018). (In Russ.)

8. Svadebnyy sezon na Severnom Kavkaze: tsena prestizha i novye traektorii. Onlayn-diskussiya na KU. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/1927/posts/33559> (accessed: 17.03.2018). (In Russ.)

9. Sivoplyasova S.Yu. Rossiyskie zhenschiny na brachnyh rynkah Yaponii, Korei i Kitaya // *Migratsionnye mosty v Evrazii: modeli effektivnogo upravleniya migratsiy v usloviyah razvitiya evraziyskogo integratsionnogo proekta*: Materialy IX mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo Forum (Moskva, 28–29 noyabrya 2017 goda). V dvuh tomah. – Vol. 1 / Ed. S.V. Ryazantseva, M.N. Hramovoy. – Moskva: Ekonomicheskoe obrazovanie, 2017. – Pp. 169–173. (In Russ.)

10. Sovok da lyubov'. Pochemu kul'tura provedeniya svadeb ne menyaetsya v Rossii desyatiletiiyami. URL: <https://news.mail.ru/society/33667077/> (accessed: 1.09.2018). (In Russ.)

11. Tsel' «byt' schastlivym» menyaetsya na «byt' uspehnym». Tsennosti priobretyut pristavku «ne»: ne sozdavat' sem'yu, ne rozhat' detey, ved' oni meshayut dostizheniyu tseli». Pochemu infantilizm – norma XXI veka. URL: <http://www.dk.ru/news/35-letnie-malchiki-i-devochki-otkladyvanie-vzrosleniya-eto-otvet-na-novuyu-realnost-237104702> (accessed: 15.06.2018). (In Russ.)

12. Chitateli «Kavkazskogo uzla» vyskazalis' naschet zhenskogo obrezaniya v Dagestane. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/321347/> (accessed: 19.06.2018). (In Russ.)

13. Eksperty otmechayut popytki zhiteley Severnogo Kavkaza opravdat' «ubiystva chesti». URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/260418/> (accessed: 5.09.2018). (In Russ.)

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА

Гасанов Магомед Раджабович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Исторического факультета Дагестанского государственного педагогического университета (г. Махачкала, Россия). E-mail: nauka@dgpu.net

Аннотация. В статье исследуется численность населения Дагестана в ретроспективе. Речь идет о начала IV–III до н.э., когда часть территорий современного Дагестана входила в состав Кавказской Албании. В статье привлекается большой исторический и научный материал, что позволяет понять, как шло становление Дагестана и формировалась численность народов, проживающих сегодня на его территории.

Ключевые слова: Кавказская Албания, народы Дагестана, коренное население, история.

SOME ISSUES OF DAGESTAN'S POPULATION

Magomed R. Hasanov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head Department of History, Faculty of History, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala, Russia). E-mail: nauka@dgpu.net

Abstract. The article examines the population of Dagestan in retrospect. It is about the beginning of IV–III BC, when a part of the territories of modern Dagestan was a part of Caucasian Albania. The article draws on a large amount of historical and scientific material, which makes it possible to understand how the formation of Dagestan proceeded and the number of peoples living on its territory was shaped.

Key words: Caucasian Albania, peoples of Dagestan, indigenous people, history

Тема численности населения Дагестана имеет важное значение в научном и практическом отношении, так как от количества населения зависит развитие общества.

Некоторые вопросы предлагаемой темы затронуты в отдельных трудах [6]. На основе данных разнообразных источников авторы труда «История Дагестана» считают, что «общая численность коренного населения Дагестана в XVIII в. колебалась в пределах 450–500 тыс.» [6].

Конечно, пытаться говорить с полной уверенностью о численности населения Дагестана в указанных хронологических рамках – бесперспективное занятие. Данная статья является предварительной попыткой провести небольшое исследование по теме. И желание опубликовать статью оправдано надеждой на то, что она подвигнет исследователей к поискам более полного и разнообразного материала по затрагиваемому вопросу.

Сведения, раскрывающие тему, весьма скудны. Для выяснения численности дагестанского населения в древний период наибольший интерес представляют археологические исследования [1]. Территория Дагестана была заселена человеком в эпоху палеолита, в рамках 1,5–2 млн лет назад. Полученные в период последних экспедиций материалы подтверждают концепцию каспийского

пути как одного из направлений первоначального заселения Евразии и, прежде всего, Юго-Востока Европы со стороны Западной Азии [5. С. 13].

Сведения о численности населения Дагестана в древности в источниках отсутствуют. Этот пробел в некоторой степени могут восполнить данные античных авторов о количестве воинов Кавказской Албании. Как известно, в IV в. до н.э. – III в. н.э. значительная территория Дагестана входила в Кавказскую Албанию и сведения греко-римских авторов, полагаем, можно учитывать для выяснения численности населения Дагестана в древности. Так, по сведениям Страбона, албаны вооружали 60 тыс. воинов пеших и 22 тыс. всадников [14. С. 304]. Часть воинов Албании состояла из предков дагестанских горцев. Безусловно, количество мирного населения несколько раз превосходило численности воинов.

Учитывая данные археологии, вышеприведенных косвенных материалов о количестве воинов в Кавказской Албании, а также некоторых данных средневековых авторов, следует полагать, что численность дагестанского населения в древности была в пределах 350–400 тыс. человек.

В IV–VI вв. в период Великого переселения народов и сасанидских завоеваний этнополитическая карта Дагестана регулярно менялась. Походы завоевателей, переселения сопровождалось уничтожением поселений и городов, а также истреблением и угоном населения. По легендам и преданиям, сасаниды угоняли из владений Дагестана в Иран горцев, а Ануширван переселил в дагестанские владения татов. Из Ирана были переселены 3 тысячи семейств [13. С. 26–27].

О численности населения Дагестана в раннем средневековье свидетельствуют данные, содержащиеся в сочинениях арабских авторов. Из них следует, что из владений Дагестана арабы уводили как скот, так и большое количество людей. Арабский полководец Джаррах захватил в Табасаране и Кайтаге 3 тыс. рабов. Владетель Серира обязан был поставлять (наместнику халифа) ежегодно 1500 юношей и 50 девиц. Юношей и девиц должны были поставлять и остальные владетели Дагестана [3. С. 17–19]. Об этом говорится и в хронике «Дербенд-наме». Так, во время одного из походов из Кайтага арабы «привели [с собой] двенадцать тысяч [голов] скота, тридцать тысяч пленных мужчин и женщин», а из Табасарана – сорок тысяч [голов] скота, двенадцать тысяч пленных» [11. С. 59]. Говоря о численности населения Дагестана, следует иметь в виду и сообщения средневековых авторов о густонаселенности дагестанских феодальных владений. Так, по данным ал-Масуди, в распоряжении царя Серира в X в. находилось 12 000 селений [16. С. 98].

С учетом данных археологических исследований о многочисленных средневековых поселениях и вышеприведенных данных из письменных источников следует полагать, что численность населения Дагестана в раннем средневековье была в пределах около 500 тыс. человек.

О численности населения Дагестана в XI–XIV вв. можно судить также по косвенным данным. В этот период происходит процесс образования крупных населенных пунктов. Об этом свидетельствуют этнографические и археологические материалы. В Дагестане бытовали поселения трех типов: поселения

чисто территориального типа, территориально – тухумные и однотухумные. Ученые единодушны во мнении о том, что именно в X–XIV вв. интенсивно протекал процесс образования крупных населенных пунктов. Наряду с процессом укрепления и параллельно ему шел также процесс разукрепления ряда пунктов. Внешнеполитические факторы играли в этом немаловажную роль. Многочисленные походы иноземцев приводили к массовому разрушению больших и малых населенных пунктов, к бегству населения из очагов военных действий. Разраставшиеся за счет притока беглого населения аулы принимали порой иной структурный и этнический облик.

Для выяснения численности населения Дагестана XV–XVI вв. большую ценность представляют сведения, приводимые в «Завещании Андоник – нуцала» (1485 г.), в котором говорится о 250 тыс. воинах только в четырех владениях – в Табасаране – 60 тыс. воинов по некоторым спискам источника, по другим – 70 тыс. воинов, в Кайтаге – 50 тыс., 100 тыс. Кумухского владельца, 40 тыс. нуцала. Речь идет о воинах четырех владений Дагестана, а здесь были и другие феодальные владения и союзы сельских обществ, у которых также были свои военные ополчения.

В завещании речь идет о численности воинов феодальных владений.

Следует иметь в виду, что в феодальных владениях жила и другая категория населения – зависимые, уздени и др., и их численность была гораздо большей, чем число ополченцев. Поэтому можно предположить, что численность населения Дагестана была гораздо выше, чем данные, которые приводят в статье С.И. Ибрапилова и Э.М. Эльдарова [1].

Кроме того, мы располагаем и другими данными о численности населения отдельных феодальных владений Дагестана. Так, автор «Джахан наме» пишет, что в Табасаране живет 40 000 семейств. Надо полагать, что одна семья состояла из 4–5 человек, в итоге в Табасаране проживало около 200 тыс. жителей. Такое количество жителей, если не больше, проживало и в других дагестанских владениях, и общее количество населения Дагестана в XVI в. составляло около миллиона человек.

Сведения о численности населения Дагестана в XVII–XVIII вв. также весьма скудны и расплывчаты. В очерках путешественников, в трудах некоторых официальных лиц приводятся сведения о численности населения, о количестве ополченцев дагестанских феодальных владений, союзов сельских обществ. Как сообщают некоторые источники, в XVII в. Кайтагский уцмий имел в своем распоряжении более 1200 конных и пеших воинов, Табасаранский майсум – до 500 всадников, Эндирейский владетель – 500 всадников и 1000 пеших ополченцев. Всадниками, ополченцами располагали и правители остальных владений Дагестана. По данным А.-К. А. Бакиханова, во владении Султан-Махмуда проживало около 5000 семейств [2. С. 110]. В резиденции шамхалов Тарки находилось до 10 тыс. домов [12. С. 495].

Эвлия Челеби пишет, что у шамхала Султан-Махмуда воинов было 87 тысяч [15].

Большой интерес для выяснения численности населения Дагестана XVIII в. представляют материалы, извлеченные из архивов [7. С. 154], в ко-

торых приводятся данные о количестве домов в населенных пунктах. В очерке Ф.Ф. Симоновича «Описание Южного Дагестана» 1996 года содержатся сведения о количестве домов и населенных пунктов с указанием численности населения, а также ополченцев в Дербентском владении и Табасаране.

По данным Ф.Ф. Симоновича, «число жителей мужского пола» в Табасаране составляло 32 тыс. чел. Следует полагать, что численность женского пола в Табасаране составляла примерно такое же число, если не больше. Поэтому данные, сообщаемые Ф.Ф. Симоновичем, будто в Табасаране всего 40 тыс. жителей, возможно, не соответствуют действительности.

В очерке «Описание Табасарана» 1996 года Ф.Ф. Симонович пишет, что число ополченцев региона равнялось 10 тыс. человек.

Как пишет П.Г. Бутков (1796 г.), количество подданных Тарковского шамхала составляло 100 тыс. мужского пола. Следует полагать, что численность женского населения была такой же. Можно считать, что в Тарковском шамхальстве проживало более 200 тыс. Как пишет П.Г. Бутков: «К Дербенту принадлежат 15 деревень, в коих жителей мужского пола, купно с жителями Дербента, простирается до 10 000 душ».

Весьма ценными для выяснения численности населения Дагестана во второй половине XVIII в. являются сведения, сообщаемые П.Г. Бутковым в статье «Сведения о Кубинском и Дербентском владениях» 1798 года. Дагестанские владельцы могли выставять следующее количество ополченцев: Тарковский шамхал совместно с Акушинским союзом – 26 тыс., Кайтагский уцмий – 7 тыс., Табасаранский кадий – 2, 5 тыс., Табасаранский майсум – 4 тыс., Дербентский хан – 4 тыс., Дженгутайский владелец – 5 тыс., Аварский хан – 18 тыс., Казыкумухский хан – 20 тыс. Этот же автор сообщает и данные о численности дворов во владениях и обществах Дагестана, «полагая в каждом дворе по 3 человека мужского пола, а именно: шамхала тарковского, кроме акушинских деревень, 12, акушинских дворов - до 30 000, душ вообще – до 98 000; уцмия каракайдацкого – до 25 000 дворов и до 70 000 душ, кадия табасаранского – до 18 деревень и до 6 000 душ; маасума максютовского – до 40 деревень и до 24 000 душ. В Дербентском владении, кроме города, 15 деревень, в коих и в городе – 9 300 душ; в Дженгутейском – 10 деревень, душ – до 21 000; Умай хана аварского – до 100 деревень, душ – до 90 000; Хамбута казыкумыцкого деревень – до 300, душ – до 150 000».

Сведения о численности населения в дагестанских владениях и обществах содержатся и в сочинении С. Броневского [4]. По его данным, в Тарковском шамхальстве было 12 тыс. дворов; вооруженных лиц – дженготейцев – 500; в Акуша-Дарго более 20 тыс. дворов, в Кайтагском уцмийстве до 25 тыс. дворов, в Табасаране до 10 тыс. дворов и, вероятно, несколько более.

В итоге, по неполным данным, численность населения Дагестана составляла 580 тыс. человек. Следует иметь в виду, что П.Г. Бутков в своем описании не охватил численность населения многих феодальных владений и обществ. И количество горцев было несравненно выше, чем 600 тыс.

Наиболее достоверные сведения, позволяющие судить о народонаселении Дагестана, содержатся в трудах А. Комарова [9], Е.И. Козубского [8].

Вместе с тем интересно отметить, что, по данным А. Комарова (последняя четверть XIX в.), численность Дагестанской области составляла всего 449 534 чел. [10. С. 49].

По переписи 1897 г., в современных границах проживало более 681 тыс. жителей.

В завершении хочется отметить, что изложенный в статье материал в некоторой степени может послужить основой для дальнейшего изучения численности дагестанского населения с древнейших времен до конца XVIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Абакаров А.И., Давудов О.М.* Археологическая карта Дагестана. М.: Наука, 1993.
2. *Бакиханов А.-К.А.* Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. С. 110.
3. *Баладзори.* Книга завоевания стран. Баку, 1927. С. 17–19.
4. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия. М., 1823.
5. Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала, 2010. С. 13.
6. История Дагестана. Т. I. М.: 1967; *Османов А.И.* Население Дагестана с древнейших времен до конца XX века: историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2011; *Исрапилов С.И., Эльдаров Э.М.* Народонаселение Дагестана: исторический аспект // Известия Даггоспедуниверситета. Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 3. С. 111–116 и др.
7. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958. С. 154.
8. *Козубский Е.И.* Памятная книжка Дагестанской области. Темир-хан-Шура, 1895.
9. *Комаров А.* Народонаселение Дагестанской области // Записки и кавказского отдела императорского русского географического общества, книжка VIII, раздел 5. Тифлис, 1873.
10. *Комаров А.* Указ. соч. С. 49.
11. *Мухаммед Аваби Акташи.* Дербенд-наме. Махачкала, 1992. С. 59
12. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 495.
13. *Саидов М.-С.Д., Шихсаидов А.Р.* Дербент-наме (к вопросу об изучении) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 26–27.
14. *Страбон.* География. М., 2004. С. 304.
15. *Челеби Э.* Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979.
16. *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X–XI вв. Махачкала, 1975. С. 98.

REFERENCES AND SOURCES

1. Abakarov A.I., Davudov O.M. *Arheologicheskaya karta Dagestana*. M.: Nauka, 1993. (In Russ.)

2. Bakihanov A.-K.A. *Gyulistan-i Iram*. Baku. 1991. P. 110. (In Russ.)
3. Baladzori. *Kniga zavoevaniya stran*. Baku. 1927. P. 17–19. (In Russ.)
4. Bronevskiy S. *Noveyshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya*. M., 1823.
5. *Issledovaniya pervobytnoy arheologii Evrazii*. Mahachkala. 2010. P. 13. (In Russ.)
6. *Istoriya Dagestana*. Vol. I. M.: 1967; Osmanov A.I. *Naselenie Dagestana s drevneyshih vremen do kontsa XX veka: istoriko-etnograficheskoe issledovanie*. Mahachkala. 2011; Israpilov S.I., El'darov E.M. *Narodonaselenie Dagestana: istoricheskiy aspekt* // *Izvestiya Daggospeduniversiteta*. Obschestvennye i gumanitarnye nauki. No. 3, 2009. Pp. 111–116; etc. (In Russ.)
7. *Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII–XIX vv.* M., 1958. P. 154. (In Russ.)
8. Kozubskiy E.I. *Pamyatnaya knizhka Dagestanskoy oblasti*. Temir-han-Shura. 1895. (In Russ.)
9. Komarov A. *Narodonaselenie Dagestanskoy oblasti* // *Zapiski i kavkazskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obschestva*, Vol. VIII. Part 5. Tiflis, 1873. (In Russ.)
10. Komarov A. *Ibidem*. P. 49. (In Russ.)
11. Muhammed Avabi Aktashi. *Derbend-name*. Mahachkala, 1992. P. 59. (In Russ.)
12. Oleariy A. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno*. SPb., 1906. P. 495. (In Russ.)
13. Saidov M.-S.D., Shihsaidov A.R. *Derbent-name (k voprosu ob izuchenii)* // *Vostochnye istochniki po istorii Dagestana*. Mahachkala, 1980. Pp. 26–27. (In Russ.)
14. Strabon. *Geografiya*. M., 2004. P. 304. (In Russ.)
15. Chelebi E. *Kniga puteshestviya*. Ser. 2. M., 1979. (In Russ.)
16. Shihsaidov A.R. *Dagestan v X–XI vv.* Mahachkala, 1975. P. 98. (In Russ.)

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

Борисова Людмила Александровна, доцент, старший научный сотрудник НИИ Управления, экономики, политики и социологии, Дагестанский государственный университет народного хозяйства (г. Махачкала, Россия). E-mail: ludmila_753@mail.ru

Тагиров Шамиль Магомедович, к.э.н., старший научный сотрудник НИИ Управления, экономики, политики и социологии, Дагестанский государственный университет народного хозяйства (г. Махачкала, Россия). E-mail: tshamilm@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены общие итоги миграции в Республике Дагестан. Выявлены основные направления и тенденции миграционных процессов, сложившихся в регионе. Показано влияние миграции на социально-экономическое положение республики.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, экономика региона, демография.

IMPACT OF MIGRATION ON THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Ludmila A. Borisova, Candidate of Sciences (Economics), Docent, Senior research assistant, Research Institute of Management, Economics and Sociology, Dagestan State University of National Economy (Makhachkala, Russia). E-mail: ludmila_753@mail.ru

Shamil M. Tagirov, Candidate of Sciences (Economics), Senior research assistant, Research Institute of Management, Economics and Sociology, Dagestan State University of National Economy (Makhachkala, Russia). E-mail: tshamilm@yandex.ru

Abstract. The article considers the general results of migration in the Republic of Dagestan. The main directions and tendencies of migration processes in the region are identified. The influence of migration on the socio-economic situation of the republic is revealed.

Key words: migration, labor migration, regional economy, demography.

Республика Дагестан – регион, имеющих избыток рабочей силы в трудоспособном возрасте в силу роста численности населения за последние годы при низком уровне имеющихся предложений на рынке труда.

Численность постоянного населения Республики Дагестан на 1 января 2018 года составила порядка 3 064 тыс. человек, из них городского – 1 384 тыс. человек (45,16%), сельского – 1 680 тыс. человек (54,84%). По данным статистики, мы наблюдаем превышение удельного веса сельского населения над городским [5].

Рассматривая Республику Дагестан с точки зрения территориального расселения, можно отметить разнородную картину – основная часть населения проживает в предгорной и равнинной частях региона, противоположная картина на севере и высокогорье Дагестана.

Неравномерность экономического и социального развития районов и городов республики, связанная с этим неэффективностью хозяйствования, чрезвычайно низкие доходы населения отдельных районов и городов, массовая безработица, приводят к интенсивной миграции населения [2].

Как показывает мировой опыт, миграция оказывает значительное влияние на социальные процессы, происходящие в регионе. От уровня миграционной подвижности населения во многом зависят половозрастной состав населения, соотношение численности мужчин и женщин, удельный вес населения моложе и старше трудоспособного возраста в общей численности населения, трудовой потенциал региона. В регионах с оттоком населения численность его сокращается, снижается рождаемость, поскольку в миграционных перемещениях участвует преимущественно молодое репродуктивное, трудоспособное, экономически активное население. Соответственно, в районах с высоким уровнем эмиграции растет доля населения старших возрастов. В регионах с притоком иммигрантов повышается доля молодых возрастов, растет рождаемость и снижается смертность населения, растет социально-экономическая активность.

В таблице 1 приведены данные по общим результатам миграции населения в Республике Дагестан в период с 2005 по 2016 гг. [4]. Как видно из данных таблицы 1, Республике Дагестан присуща миграционная убыль населения (отрицательное миграционное сальдо). До 2005 года миграционная убыль была вызвана нестабильной ситуацией в регионе в результате боевых действий в Республике Дагестан и соседней Чеченской Республике. За последние двенадцать лет отрицательное сальдо по межрегиональной миграции увеличилось с 6,1 тысяч человек в 2005 году до 10,9 тысяч человек в 2016 году. Следует отметить, что наибольшая миграционная убыль пришлась на 2012 год. С 2012 года идет неуклонное сокращение миграционной убыли населения.

Таким образом, из данных таблицы 1 мы видим, что основу миграционных потоков в Республике Дагестан составляют переезды на короткие расстояния: из села в город или из одного региона в другой.

Следует отметить, что для республики характерна преимущественно трудовая миграция.

Рассматривая внешнюю трудовую миграцию, следует отметить, что в республике имеет место четыре основных потока иностранных граждан, въезжающих на территорию Республики Дагестан:

- южный, представленный выходцами из республик Азербайджан, Армения, Грузия;
- среднеазиатский, представленный выходцами из Казахстана, Таджикистана, Киргизской Республики, Узбекистана;
- восточноазиатский – выходцы из государств Китай, Корейская Народно-Демократическая Республика, Вьетнам;
- западный, представленный выходцами из Украины, Белоруссии, Молдавии.

Большинство мигрантов составляют разнорабочие, не имеющие квалификации и стажа работы. Кроме того, отмечается миграционный поток из

стран с низким уровнем жизни, нестабильным политическим и социально-экономическим положением, а также из регионов, участвовавших в вооруженных конфликтах. Подавляющая часть иностранных граждан «оседает» в городах: Махачкала, Хасавюрт, Кизилюрт, Дербент [1].

Таблица 1

**Общие итоги миграции населения Дагестана
за период 2005–2016 гг.**

Потоки миграции	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Прибывшие – всего	27 064	35 506	34 718	39 415	41 797	44 018	44 235	43 769
<i>в том числе:</i> внутри рес-публики	20 784	27 444	26 553	26 051	24 566	22 955	21 952	20 814
из других ре-гионов России	5802	7674	7681	12 959	16 676	20 171	21 289	22 359
из зарубежных стран	478	388	484	405	555	892	994	596
Выбывшие – всего	33 129	45 550	56 247	63 373	63 297	57 962	57 625	54 677
<i>в том числе:</i> внутри рес-публики	20 784	27 444	26 553	26 051	24 566	22 955	21 952	20 814
в другие ре-гионы России	12 082	17 922	29 675	37 238	38 576	34 850	35 479	33 483
в зарубежные страны	263	184	19	84	155	157	194	380
Миграцион-ный прирост – всего	-6065	-10 044	-21 529	-23 958	-21 500	-13 944	-13 390	-10 908
<i>в том числе:</i> внутри рес-публики	-	-	-	-	-	-	-	-
между други-ми регионами России	-6280	-10 248	-21 994	-24 279	-21 900	-14 679	-14 190	-11 124
за счет обмена с зарубежны-ми странами	215	204	465	321	400	735	800	216

Так, по итогам 2017 года по линии внешней трудовой миграции оформлено 10 029 патентов на работу для иностранных граждан, что на 3440 патен-тов больше, чем в 2016 году. Имело место только 2 отказа в выдаче патента в связи с закрытием въезда на территорию Российской Федерации [5].

Структура оформления патентов иностранным гражданам по странам выхода выглядит следующим образом (табл. 2).

**Структура оформления патентов иностранным гражданам
за 2016–2017 гг.**

Оформлено патентов, в том числе на граждан:	2016 г.		2017 г.		Изменение	
	число	%	число	%	число	%
ВСЕГО	6 589	100	10 930	100	4 341	
Азербайджан	3035	46,1	5506	50,4	2 471	4,3
Узбекистан	3302	50,1	5112	46,8	1 810	-3,3
Таджикистан	180	2,7	251	2,3	71	-0,4
Украина	49	0,7	42	0,4	-7	-0,4
Молдова	23	0,3	19	0,2	-4	-0,2

Источник: [5]

В 2017 году больше половины оформленных патентов приходилось на граждан Азербайджана. Далее по количеству оформленных патентов идут Узбекистан (46,8%), Таджикистан (2,3%), Украина (0,4%) и Молдова (0,2%).

В целях подготовки предложений по определению потребности Республики Дагестан в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, Министерством труда и социального развития Республики Дагестан как уполномоченным органом исполнительной власти Республики Дагестан осуществляется информирование работодателей, заказчиков работ (услуг) о порядке формирования потребности в привлечении иностранных работников, в том числе с использованием информационно-аналитической системы, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В результате в Министерство труда и социального развития Республики Дагестан поступило 9 заявок работодателей о потребности в привлечении 361 иностранного работника для замещения вакантных и создаваемых рабочих мест либо выполнения работ (оказания услуг) на 2017 год, в том числе по 36 различным профессиям (в основном строительным и техническим), а также по 5 странам происхождения (государствам гражданской принадлежности) иностранных работников (Индонезия, Китай, Республика Корея, Таиланд, Турецкая Республика) [1].

Необходимость привлечения иностранных работников вызвана продолжением реализации инвестиционных проектов, предоставлением новых санаторно-курортных и лечебно-оздоровительных услуг, а также созданием современных тепличных комплексов. При этом работодателями предусматривается привлечение на указанные объекты иностранных работников, а также безработных и незанятых граждан, проживающих в республике.

Помимо трудовых мигрантов, в республике обучаются 1296 иностранных студентов из стран ближнего и дальнего зарубежья [1].

Республика Дагестан одним из первых субъектов России постановлением Правительства Республики Дагестан от 19 октября 2017 г. № 250 приняла государственную подпрограмму «Социальная и культурная адаптация и

интеграция иностранных граждан в Республике Дагестан» государственной программы Республики Дагестан «Реализация государственной национальной политики в Республике Дагестан на 2018–2020 годы» [1].

Общий объем финансирования государственной программы «Реализация государственной национальной политики в Республике Дагестан на 2018–2020 годы» составляет 42781,1 тыс. рублей, из которых 6776,84 тыс. рублей предусмотрены на реализацию подпрограммы «Социальная и культурная адаптация и интеграция иностранных граждан в Республике Дагестан».

Следует отметить, что привлечение иностранной рабочей силы не оказывает существенного, тем более негативного, влияния на рынок труда Республики Дагестан.

Гораздо большее влияние оказывает внутренняя миграция, поскольку, по данным 2016 года, на нее приходится порядка 99% от общей миграции. При этом на внутриреспубликанскую приходится более 40% от внутреннего миграционного оборота.

Значительная часть мигрантов не покидает территорий Северо-Кавказского и Южного федеральных округов, обосновываясь в Ставропольском и Краснодарском краях, в Ростовской, Астраханской и Волгоградской областях.

В последние годы миграционный поток стал гораздо более экономически обусловлен. С развитием частного предпринимательства и коммерции рынок труда получил новые стимулы. С появлением других, не связанных с государственным сектором, возможностей трудоустройства и заработков создаются предпосылки для трудовых миграций. Вследствие этого большое число мигрантов из республики в поисках работы направляется в более развитые регионы Российской Федерации: Центральный округ (г. Москва и Московская область, Воронежская, Ивановская, Тверская и Тульская области), Северо-Западный округ (г. Санкт-Петербург, Ленинградская область), Приволжский округ (Саратовская, Нижегородская и Самарская области), Уральский округ (Тюменская область), Сибирский округ (Красноярский край). От безработицы люди бегут туда, где есть работа, где более благополучная и спокойная жизнь. Неуправляемая миграция создает этническую напряженность в этих регионах [3].

Немаловажным фактором, влияющим на решение дагестанцев уехать из республики, является экономический вопрос. Республика занимает последние места в России по многим экономическим и социальным индикаторам, которые в абсолютном выражении на душу населения в 2–3 раза ниже среднероссийских. Так уровень среднемесячной начисленной заработной платы в Республике Дагестан является самым низким не только среди регионов СКФО, но и России в целом. В 2016 году среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций в республике составила 20 629 рублей. Тогда как этот показатель в среднем по России в 2016 году составлял 36 709 рублей, а по СКФО – 22 963 рубля. Уровень безработицы по Республике Дагестан составил в 2016 году 10,9%. Этот показатель является одним из самых высоких по стране и превышает практически в 2 раза среднероссийский показатель (5,5%) [6].

Важным показателем, характеризующим уровень благосостояния населения, является обеспеченность людей жильем. В частности, показатель общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя по Республике Дагестан, составляет 15,1 квадратных метра. В результате республика занимает одно из самых последних мест по России по уровню обеспеченности жильем [6].

Население, выезжающее из республики, стремится в крупные города и регионы, привлекающие наличием высокого уровня жизни и больших возможностей для самореализации.

Как уже было отмечено ранее, довольно долгое время для республики характерно отрицательное миграционное сальдо. При этом ситуация в Республике весьма неоднородная. По данным Дагстата, в большинстве муниципальных образований наблюдается миграционная убыль или стагнация, и лишь в нескольких – прирост. В настоящее время население уезжает не только из сельской местности, но и из городов. Лишь два города в республике привлекают мигрантов – число прибывших в них превышает число выбывших. Активно растущий и расширяющийся Каспийск является самым притягательным городом республики – соотношение между прибывшими и выбывшими в нем достигает 3:2. В 2016 году за счет миграции численность населения Каспия выросла практически на 1,2%. Кроме того, незначительный, но все-таки миграционный прирост имеет место в Кизилюрте. Число выбывших из Дербента ненамного превосходит число прибывших. Такое же миграционное равновесие наблюдается в Хасавюрте. Из всех остальных городов, включая Махачкалу – столицу Дагестана, население уезжает в другие регионы России. Самый большой отток населения из дагестанских городов характерен для Кизляра. Среди сельских районов наибольшую миграционную убыль (количество выбывших превысило прибывших в 2 раза и более раз в последние два года, или в один из них) за последние два года испытали Агульский, Ахтынский, Буйнакский, Докузпаринский, Кулинский, Ногайский, Рутульский (4,5 раза в 2016 г.), Табасаранский, Тляратинский, Унцукульский, Хунзахский, Цумадинский, Шамильский районы. Максимальную абсолютную убыль испытывает Табасаранский район, находящийся на противоположном г. Каспийску полюсе миграционного оттока – почти 3% его населения. Значительным миграционным оттоком населения отличаются также другие территории Южного Дагестана: Дербентский (-1–1,2 тыс. чел.), Магарамкентский и Сулейман-Стальский районы (-0,7–0,8 тыс. чел.). При этом в четырех районах – Ахвахском, а особенно в Гунибском, Новолакском и Чародинском два года фиксируется миграционный прирост. Если причины наличия положительного сальдо в Новолакском районе можно объяснить обратным переселением чеченцев в свои села, то чем вызвано оно в остальных трех районах – судить сложно [7].

Следует также отметить, что если иностранные мигранты и мигранты из других регионов России заняты преимущественно в таких сферах, как строительство, общепит, сфера услуг и торговля, то для внутриреспубликанских мигрантов основными сферами приложения труда являются торговля и появившаяся в последние годы тенденция занятости в сфере частного извоза.

По мнению владельцев таксомоторных служб, в сфере услуг извоза в городах республики занято не менее 30% водителей, проживающих в прилегающих к городам селах и поселках, где они оказывают транспортные услуги, с учетом того, что постоянно проживают вне этих городов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление Правительства Республики Дагестан от 27 декабря 2017 г. № 298 «О реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Республике Дагестан в сфере осуществления органами исполнительной власти Республики Дагестан миграционной политики». Режим доступа: publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0500201712290006?type=pdf [дата обращения: 03.05.2018].
2. Абидов М.Х. Современные подходы к формированию миграционной политики в России // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. – 2015. – № 1. – С. 80–83.
3. Газиева Л.Г. Миграционные процессы в Республике Дагестан // Актуальные проблемы социально-трудовых отношений. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 85-летию образования Дагестанского государственного университета. – Махачкала: Даггосуниверситет, 2016. – С. 97–99
4. Демографический ежегодник Дагестана. 2015 г. Режим доступа: www.dagmintrud.ru/upload/iblock/24b/24beee87fdce92586bae9f9502807c60.docx [дата обращения: 10.07.2017].
5. Материалы УФМС РФ по Республике Дагестан. Режим доступа: <https://05.мвд.рф/ms> [дата обращения: 02.05.2018].
6. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 г. – М., 2017. – 1402 с.
7. Рост и убыль населения в Дагестане не всегда поддается объяснению. РИА «Дербент». Режим доступа: <https://riaderbent.ru/rost-i-ubyl-naseleniya-v-dagestane-ne-vsegda-poddaetsya-ob-yasneniyu.html> [дата обращения: 11.11.2016].

REFERENCES AND SOURCES

1. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Dagestan 27/12/2017 No. 298 «O realizatsii Strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda v Respublike Dagestan v sfere osuschestvleniya organami ispolnitel'noy vlasti Respubliki Dagestan migratsionnoy politiki». URL: publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0500201712290006?type=pdf [accessed: 03.05.2018]. (In Russ.)
2. Abidov M.H. Sovremennye podhody k formirovaniyu migratsionnoy politiki v Rossii // UEPS: upravlenie, ekonomika, politika, sotsiologiya. – 2015. – No. 1. – Pp. 80–83. (In Russ.)
3. Gazieva L.G. Migratsionnye protsessy v Respublike Dagestan // Aktual'nye problemy sotsial'no-trudovykh otnosheniy. Materialy VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyaschennoy 85-letiyu obrazovaniya Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. – Mahachkala: Daggosuniversitet, 2016. – Pp. 97–99. (In Russ.)

4. *Demograficheskiy ezhegodnik Dagestana, 2015*. URL: www.dagmintrud.ru/upload/iblock/24b/24beee87fdce92586bae9f9502807c60.docx [accessed: 10.07.2017] (In Russ.)
5. *Materialy UFMS RF po Respublike Dagestan*. URL: <https://05.mvd.rf/ms> [accessed: 02.05.2018]. (In Russ.)
6. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli, 2017*. – M., 2017. – 1402 pp. (In Russ.)
7. *Rost i ubyl' naseleniya v Dagestane ne vseгда poddaetsya ob'yasneniyu*. RIA «Derbent». URL: <https://riaderbent.ru/rost-i-ubyl-naseleniya-v-dagestane-ne-vsegda-poddaetsya-ob-yasneniyu.html> [accessed: 11.11.2016]. (In Russ.)

Раздел II
МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА КАВКАЗЕ

Section II
MIGRATION PROCESSES IN THE CAUCASUS

ОЦЕНКА МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ОКРУГЕ В 2012–2016 ГОДЫ

Борзунова Татьяна Ивановна, к.э.н., ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: tibor53@mail.ru

Морозова Галина Федоровна, к.э.н., ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: gmoroz46@mail.ru

Моисеева Евгения Михайловна, младший научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются процессы формирования населения на Северном Кавказе в период с 2012 по 2016 гг. На основе статистики были выявлены республики, которые в этот период активно теряли население и которые его сохраняли. Рассматривались наиболее приоритетные направления оттока населения из республик Северного Кавказа в пределах России, в страны постсоветского пространства и другие зарубежные страны.

Ключевые слова: Северный Кавказ, миграция населения, миграционный прирост, миграционный отток, миграционный обмен с зарубежными странами.

ASSESSMENT OF MIGRATION SITUATION IN THE NORTH CAUCASUS DISTRICT IN 2012–2016

Tatyana I. Borzunova, Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, the Center of Social Demography, the Institute of Socio-Political Research under the Russian Academy of Sciences (ISPR RAS) (Moscow, Russia). E-mail: tibor53@mail.ru

Morozova Galina Fedorovna, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, the Center of Social Demography, the Institute of Socio-Political Research, the Russian Academy of Sciences (ISPR RAS) (Moscow, Russia). E-mail: gmoroz46@mail.ru

Evgeniya M. Moiseeva, Junior Researcher, the Center of Social Demography, the Institute for Socio-Political Research, the Russian Academy of Sciences (ISPR RAS) (Moscow, Russia). E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Abstract. The article considers the processes of population formation in the North Caucasus over the 2012 to 2016 period. On a statistical basis, the republics which were intensively losing their population are identified. Priority directions of population outflow from the North Caucasus to other Russian territories and foreign countries are identified.

Key words: North Caucasus, migration, migration gain, migration outflow, migration exchange with foreign countries.

Северно-Кавказский федеральный округ является одним из немногих регионов России, население которых увеличивается за счет превышения естественного прироста над миграционным оттоком. Данная тенденция сохранялась на протяжении всего рассматриваемого нами периода (2012–2016 гг.). За эти го-

ды численность населения региона увеличилась на 225 тыс. человек. Общий прирост населения за этот период сохранял тенденцию к увеличению. В 2016 г. он составил почти на 10 тыс. человек больше, чем в 2012 г. Это отличает Северный Кавказ от большинства других территорий страны и делает его одним из локомотивов демографического развития России, что уже отмечали отечественные демографы [1, 2]. Однако естественный прирост продолжал в эти годы медленно снижаться. Сохранялась миграционная убыль населения, которая также имела тенденцию к снижению. В 2016 г. за счет миграционных обменов регион потерял почти на 19 тыс. человек меньше, чем в 2012 г.

Таблица 1

**Динамика численности населения
Северо-Кавказского федерального округа в 2012–2016 гг.**

Год	Численность населения	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост
2012	9 492 909	47 849	87 197	-39 348
2013	9 540 758	49 327	87 462	-38 135
2014	9 590 085	68 959	89 121	-20 162
2015	9 659 044	58 957	83 768	-24 811
2016	9 718 001	57 769	78 560	-20 791

Источник: [3]

В период 2012–2016 гг. статистика фиксировала отток населения в пяти республиках Северного Кавказа. И только в одной республике этого региона, в Ингушетии, миграционный прирост в эти годы имел положительное значение. Однако и в этой республике миграционный прирост, оставаясь положительным, стабильно снижался. Так, в 2016 г. он уменьшился на 37% по сравнению с 2012 г.

Однако следует подчеркнуть, что все эти годы только Ингушетия сохраняла положительный миграционный прирост, сдерживая, в какой-то мере, общее сокращение населения в регионе. За последние пять лет (2012–2016 гг.) только за счет этой республики население региона увеличилось почти на 13 тыс. человек.

Увеличение численности населения Северного Кавказа происходило и за счет Ставропольского края, где миграционный прирост, с 2012 г. стремительно сокращаясь, перешел в 2015 г. в фазу резкого оттока населения. В этот же, 2015 г., Ставропольский край в результате оттока населения потерял значительно больше, чем приобрел в 2014 году. В 2016 г. отток населения здесь хотя и сократился более чем в 2 раза, но продолжал уменьшать число жителей края.

При этом следует обратить внимание, что несмотря на отток населения из Ставрополья в 2015–2016 гг., число его жителей в целом за 2012–2016 гг. все же увеличилось на 2265 человек.

Одновременно все остальные республики этого региона за рассматриваемые годы постоянно теряли свое население. Наибольший отток населения отмечался из Республики Дагестан, которую за эти годы покинуло

83 700 человек, что составило более половины (58%) общих потерь населения Северного Кавказа.

Таблица 2

Миграционный прирост на Северном Кавказе (всего, чел.)

Территории	Годы				
	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	294 930	295 859	270 036	245 384	261 948
Северо-Кавказский ФО	-39 348	-38 135	-20 162	-24 811	-20 791
Республика Дагестан	-23 958	-21 500	-13 944	-13 390	-10 908
Республика Ингушетия	4 005	2 825	2 611	1 793	1 503
Кабардино-Балкарская Республика	- 6 194	-6 202	-3 514	-3 496	-2 492
Карачаево-Черкесская Республика	-4 694	-4 093	-2 542	-2 527	-2 483
Республика Северная Осетия-Алания	-6 185	-5 512	-1 951	-4 778	-3 040
Чеченская Республика	-4 591	-4 711	-2 255	-1 695	-2 634
Ставропольский край	2 269	1 058	1 433	-1 758	-737

Источник: [3]

Остальные четыре республики Северного Кавказа (Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская республики и Республика Северная Осетия-Алания в эти годы также имели отрицательный миграционный прирост. За этот период все они потеряли в сумме 75 589 человек своего населения. Как видим, эти потери были заметно меньше (на 8111 чел.), чем только в одном Дагестане.

Итак, Северный Кавказ за 5 лет (2012–2016 гг.) в целом потерял 143 247 человек. Основной отток населения наблюдался из Республики Дагестан. Эти потери населения в целом по данному федеральному округу были бы выше, если бы они не были частично компенсированы положительным миграционным приростом населения в Республике Ингушетии и Ставропольском крае, за счет которых регион получил более 15 тыс. человек.

Таблица 3

**Число выбывших мигрантов за пределы Северного Кавказа
в 2012–2016 гг. (человек)**

Территория прибытия мигрантов, выбывших из СК ФО	2012	2013	2014	2015	2016	Всего
Российская Федерация	230 698	236 981	218 908	216 789	202 563	1 105 939
Другие страны	1 470	2 584	5 438	6 561	7 093	23 146
<i>в том числе:</i>						
Страны СНГ	857	1 663	4 041	4 821	5 633	17 015
Страны дальнего зарубежья	613	921	1 397	1 740	1 460	6 131
ВСЕГО	232 168	239 565	224 346	223 350	209 656	1 129 085

Источник: [3]

В настоящее время массовая стрессовая миграция, вызванная вооруженными столкновениями 1990–1995 гг., уже сменилась «привычными» добровольными миграциями, преимущественно село-городскими, детерминированными социально-экономическим развитием [4, с. 50].

Статистические данные свидетельствуют о том, что население Северного Кавказа в рассматриваемые годы в основном (98%) передвигалось в пределах Российской Федерации. Данная тенденция прослеживалась в регионе на протяжении всего постсоветского периода, что отмечали в своих работах Н.С. Мкртчян и др. [5] При этом число мигрантов из этого региона в пределах России с 2012 по 2016 гг. медленно снижалось. За эти годы поток мигрантов сократился на 12%. Одновременно увеличивалось число мигрантов в другие страны. Так, за 5 лет число мигрантов, выехавших за рубеж, увеличилось почти в 5 раз.

Что касается внутрироссийской миграции, то статистические данные за этот период свидетельствуют, что более половины всех мигрантов в этом регионе (55%) перемещаются в его пределах. Однако в абсолютном выражении их число ежегодно сокращалось. В целом за 5 лет оно снизилось на 18%. При этом в относительном выражении это сокращение менее заметно. Так, в 2012 г. в границах Северо-Кавказского ФО перемещалось 57%, а в 2016 г. – 53%.

Среди регионов России, привлекающих мигрантов с Северного Кавказа, выделяется Центральный федеральный округ, на долю которого в 2012 г. приходилось 13%, а в 2016 г. – уже 16%.

Вторым привлекательным регионом для мигрантов с Северного Кавказа являлся соседний Южный ФО. В период с 2012 по 2016 гг. в этот регион стабильно переезжало 12–13% мигрантов с Северного Кавказа. В остальные регионы миграция населения из этого федерального округа была заметно меньше, но также стабильна по своим объемам.

Итак, поток мигрантов с Северного Кавказа в другие регионы страны в период с 2012 по 2016 гг. сохранял свою направленность. Основными районами притяжения мигрантов были в первую очередь Центральный и Южный ФО.

Северный Кавказ является приоритетной территорией вселения мигрантов в рамках общегосударственного регулирования международной миграции [6]. За ее счет Северо-Кавказский федеральный округ в 2012–2016 гг. получил почти 37 тыс. человек. Из них на страны СНГ пришлось 30 тыс. человек. По мнению С.В. Рязанцева, потенциал этнической миграции из этих стран и Балтии остается достаточно значительным из-за ущемления прав русскоязычного населения в этих государствах [7, с. 154].

Миграционный прирост за рассматриваемый период распределился по зарубежным странам следующим образом. На первом месте – Украина, которая дала Северному Кавказу в сумме более 7 тыс. человек. Это столько же, сколько все страны дальнего зарубежья вместе взятые. На втором месте – Армения (более 6 тыс. человек), на третьем – Азербайджан (около 3,5 тыс.). За ними следуют Грузия (2,5 тыс. человек) и Узбекистан (2,3 тыс.).

**Население, выбывшее с Северного Кавказа в 2012–2016 гг.
в федеральные округа России**

Территория прибытия	2012	2013	2014	2015	2016	Всего
Российская Федерация	230 698	236 981	218 903	216 789	202 562	1 105 933
Северо-Кавказский федеральный округ	130 409	129 091	120 790	116 716	107 326	604 332
Центральный федеральный округ	30 428	33 452	32 576	36 680	32 571	165 707
Северо-Западный федеральный округ	11 554	13 331	12 953	12 950	12 918	63 706
Южный федеральный округ	28 006	32 544	27 650	26 343	27 087	141 630
Приволжский федеральный округ	6 727	6 902	6 513	5 846	6 174	32 162
Уральский федеральный округ	15 700	13 832	11 394	10 199	9 946	61 071
Сибирский федеральный округ	5 324	5 162	4 593	4 317	4 244	23 640
Дальневосточный федеральный округ	2 550	2 667	2 434	2 158	2 296	12 105
Крымский федеральный округ	-	-	-	1 580	-	1 580

Источник: [3]

Миграционный поток из Украины за 2012, 2013, 2014 и 2015 гг. составил почти 9 тыс. человек. Стоит отметить, что он резко возрос с 2015 г., увеличившись по отношению к 2012 г. более чем в 4 раза. Однако в 2016 г. намечилось новое снижение, хотя и не столь значительное (на 274 человека).

Из Армении за эти годы приехало почти 12 тыс. мигрантов. В отношении этой страны динамика передвижений была диаметрально противоположной. С 2015 г. началось снижение численности прибывающих на Северный Кавказ мигрантов. В 2016 г. на территорию региона из Армении приехало почти на 1 тыс. человек меньше, чем в 2012 г. Одновременно с 2015 г. резко увеличился отток населения с Северного Кавказа в Армению. И в 2016 г. миграционный прирост с этой страной уже стал отрицательным.

Миграционный обмен с Азербайджаном за рассматриваемый период стал интенсивнее. Число прибывающих из этой страны на Северный Кавказ в 2016 г. увеличилось по сравнению с 2012 г. почти в 2 раза. В то же время увеличивалось и число выбывающих с Северного Кавказа в Азербайджан, причем гораздо более высокими темпами: с 2012 г. по 2016 г. оно возросло почти в 13 раз. Таким образом, миграционный прирост региона с этой страной постепенно снижался, и в 2016 г. сократился почти в 1,5 раза по сравнению с 2012 г.

Аналогичная картина складывалась и в миграционном обмене Северного Кавказа с Грузией. Число прибывших из этой страны за рассматриваемый пе-

риод уменьшилось почти в 1,5 раза, число выбывающих возросло почти в 12 раз. В результате миграционный прирост снизился более чем в 3 раза.

Число прибывших из Узбекистана на протяжении данного периода оставалось практически неизменным, тогда как число выбывших возросло в 6 раз. В результате миграционный прирост за счет обмена с этой страной также снизился более чем в 3,5 раза.

Таблица 5

**Динамика миграционного прироста населения Северного Кавказа
в процессе обмена с зарубежными странами
в период 2012, 2013, 2015, 2016 гг.**

Территории	Миграционный прирост				
	2012	2013	2015	2016	Всего
Украина	725	740	3044	2538	7047
Армения	2910	2908	594	-82	6330
Азербайджан	1015	946	918	666	3545
Грузия	1015	851	354	313	2533
Узбекистан	747	807	550	206	2310
Казахстан	636	603	257	159	1655
Таджикистан	243	271	283	194	991
Молдова	169	158	149	50	526
Киргизия	211	198	59	48	516
Сирия	103	208	156	34	501
Южная Осетия	473	247	-283	58	495
Вьетнам	36	75	120	177	408
Афганистан	85	88	95	81	349
Туркменистан	127	112	73	16	328
Греция	121	179	29	-39	290
Абхазия	43	99	44	54	240
Беларусь	40	29	51	63	183
Турция	45	56	36	32	169
Китай	6	14	42	45	107
Кипр	13	23	16	-5	47

Источник: [3]

В целом можно говорить о снижении миграционного прироста населения в Северо-Кавказском федеральном округе за счет обменов, как со странами СНГ, так и со странами дальнего зарубежья.

В регионе остается всё меньше мигрантов из государств, которые традиционно имели высокую миграционную активность на его территории. При этом их не замещают и мигранты из других стран. Наблюдается лишь незначительное увеличение миграционного прироста Северного Кавказа с Вьетнамом (на 141 человека за рассматриваемый период) и Китаем (на 39 человек).

Динамика миграционного обмена с Украиной и Беларусью пока остается неопределенной. Таким образом, нет оснований надеяться на то, что в

ближайшей перспективе приток мигрантов из-за рубежа может компенсировать отток населения с Северного Кавказа в другие регионы России.

Для Дагестана основную часть миграционного прироста с зарубежными странами дает Азербайджан. За счет обмена с этой страной регион получил более 900 человек за рассматриваемый период, что составило 37% от всего миграционного прироста республики с другими странами.

На втором месте по величине миграционного прироста населения Дагестана находится Украина, которая дала республике за эти годы всего лишь 243 человека. За ней следуют Узбекистан (182 человека за четыре года), Туркменистан (99 человек), Киргизия (77 человек) и Казахстан (70 человек).

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Северо-Кавказский федеральный округ теряет население за счет его миграционной убыли, в то же время наблюдается естественный прирост, который полностью ее компенсирует. В результате численность населения региона в целом увеличивается.
2. Наиболее интенсивный миграционный отток идет из Дагестана. На эту республику приходится больше половины всех миграционных потерь Северо-Кавказского федерального округа за рассматриваемый период.
3. 98% мигрантов из Северного Кавказа перемещаются в пределах Российской Федерации. Из них более половины не покидают границ региона. Приоритетными для мигрантов из данного региона являются Центральный и Южный федеральный округа.
4. Международная миграция в Северо-Кавказском федеральном округе, в отличие от внутрироссийской, имеет положительное сальдо. Наибольшее число мигрантов прибывает в регион из Украины, Армении и Азербайджана.
5. Что касается Дагестана, на первом месте по величине миграционного прироста среди зарубежных стран находится Азербайджан, на втором – Украина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Рязанцев С.В.* Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. Ставрополь: Сервисшкола, 2003. 376 с.
2. *Маньшин Р.В.* Воспроизводство и репродуктивные установки населения Северного Кавказа (на примере Карачаево-Черкесии, Дагестана, Ставропольского и Краснодарского краев) // Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтническом Кавказском регионе. Тезисы международной конференции. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. 304 с.
3. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Режим доступа: <https://fedstat.ru/> [дата обращения: 10.07.2018].
4. *Соловьев И.А.* Региональные особенности миграционных процессов на Северном Кавказе. Географический вестник. 2018. № 1(44). С. 49–45.

5. Мкртчян Н.С. Регионы Северного Кавказа в зеркале миграции // Проблемы населения и рынков труда России и Кавказского региона. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998.

6. Соловьев И.А. Адаптационно-интеграционные аспекты государственной политики на Северном Кавказе по отношению к иммигрантам // Наука. Инновации. Технологии. № 2. 2017. С. 187–198.

7. Рязанцев С.В. Миграционная ситуация и миграционная политика на Северном Кавказе. Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1(2). С. 153–168.

REFERENCES AND SOURCES

1. Ryazantsev S.V. *Sovremennyy demograficheskiy i migratsionnyy portret Severnogo Kavkaza*. – Stavropol': Servisshkola, 2003. 376 pp. (In Russ)

2. Man'shin R.V. *Vosproizvodstvo i reproduktivnye ustanovki naseleniya Severnogo Kavkaza (na primere Karachaevo-CHerkessii, Dagestana, Stavropol'skogo i Krasnodarskogo kraev)* // *Problemy migratsii i opyt ee regulirovaniya v polietnichnom Kavkazskom regione*. Tezisy mezhdunarodnoy konferentsii. Stavropol': Izd-vo SGU, 2003. 304 pp. (In Russ)

3. *Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema*. URL: <https://fedstat.ru/> [accessed: 10.07.2018]. (In Russ)

4. Solov'ev I.A. Regional'nye osobennosti migratsionnykh protsessov na Severnom Kavkaze. *Geograficheskiy vestnik*. 2018. No. 1(44). Pp. 49–45. (In Russ)

5. Mkrтчян N.S. Регионы Северного Кавказа в зеркале миграции // *Problemy naseleniya i rynkov truda Rossii i Kavkazskogo regiona*. Stavropol': Izd-vo SGU, 1998. (In Russ)

6. Solov'ev I.A. Adaptatsionno-integratsionnye aspekty gosudarstvennoy politiki na Severnom Kavkaze po otnosheniyu k immigrantam // *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii*. No. 2. 2017. Pp. 187–198. (In Russ)

7. Ryazantsev S.V. Migratsionnaya situatsiya i migratsionnaya politika na Severnom Kavkaze. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 2003. No. 1(2). Pp. 153–168. (In Russ)

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ И РЫНОК ЖИЛЬЯ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ

Митигами Маю, доктор экономических наук, доцент факультета экономики Университета Ниигата (г. Ниигата, Япония). E-mail: michigami@econ.niigata-u.ac.jp

Аннотация. Данное исследование основано на результатах оригинального социологического опроса, проведенного автором в 25 городах России с июня 2017 года по март 2018 года. В статье особое внимание уделяется трудовым иммигрантам из Центральной Азии, Украины, Беларуси и Кавказа в Россию. В работе исследуются следующие проблемы: во-первых, соотношение между демографическими движениями и областью арендного жилья в России, во-вторых, многослойная структура и неформальность российского рынка жилья, наконец, связь между условиями труда трудовых мигрантов и производительностью труда. Сделки аренды жилья иммигрантов являются неофициальными. Это является препятствием для иностранного прямого инвестора, который инвестировал бы в российский рынок. Качество жилищного состояния иммигрантов слишком низкое, чтобы поддерживать их производительность труда на хорошем уровне. В статье делается вывод о необходимости улучшения условий жизни трудовых иммигрантов и создание более открытого рынка жилья в России.

Ключевые слова: жилье, иммигранты, неформальность, многослойная структура, Россия.

HOUSING CONDITIONS OF LABOR MIGRANTS AND HOUSING MARKET IN THE RUSSIAN CITIES¹

Mayu Michigami, Ph.D. (Economics), Associate Professor, Faculty of Economics, Niigata University (Niigata, Japan). E-mail: michigami@econ.niigata-u.ac.jp

Abstract: This study is based on the results of an original sociological survey conducted in 25 cities of Russia from June 2017 to March 2018 by the author. This paper focuses especially on labour immigrants from Central Asia, Ukraine, Belarus and Caucasus regions into Russia. This paper argues the following points; first, the correlation between the demographic movements and regional rental housing fee in Russia, second, the multi-layered structure and its informality of Russian housing market, finally, the relation between labour migrants' housing condition and labour productivity. In the conclusion, Immigrants' rental housing transaction are informal. It would be hurdle for foreign direct investor, which would invest into Russian market. The quality of immigrants' housing condition is too low to support their labour productivity sustainably. We need to consider the improvement even for labour immigrants and the creation of more open housing market in Russia.

Keywords: Housing, Immigrant, Informality, Multi-layered structure, Russia.

¹ The study was supported by JSPS KAKENHI, Grant Numbers 15KK0079, 26504005, 26245034, 17K02108.

Introduction. One of our unique research aspect is the relation between immigrants' housing and Russian regional housing market. Russia is one of countries in the world, which accept many labor migrants. Labor migrant's demographic movement would create to a considerable degree the volume of housing demand – especially rental housing demand in Russia. We try to approach the fundamental drives of Russian housing market from the bottom or origin of market. For this purpose, we originally did questionnaire survey about immigrant's housing, job, life and problems in Russia and collected 1003 respondents in the total 25 cities all around of Russia. Our amount of respondents are large scale of previous researches. We will investigate our following hypothesis by our original sociological questionnaire survey.

First, immigrant inflow does not reflect on the level of housing price in the districts, of their living intensely in Russia. Second, immigrant inflow reflect on the structure of housing market in Russia, we termed, the multi-layered structure. Third, their usual way of housing transaction leads the invisibleness of housing market in Russia. Finally, the problems of immigrant's housing condition and housing finding reflect on the sustainability of immigrant labor productivity and Russian sustainable growth. In this paper, we introduce some of our first results by questionnaire survey and give our answer against the hypothesis.

In the previous literature, they mainly have discussed the governance aspects against immigrant inflow in the urban districts, especially in the city of Moscow. For example, the segregation of immigrant districts and the correlation between urban enlargement and immigrant. As far as we can see, there is very little literature that focused on our second, third, and fourth hypothesis. Therefore, our research has an academic uniqueness and significance to approach immigrants' reality in Russia.

Figure. 1 is Rosstat data's housing price map by Russian federation. These three solid lined circle are regions that the housing price level is higher than federal average (Federal average 46.4 thous. per sq.m). As far as we go to the case of Moscow and Leningrad region, it seems that immigrant inflow might give a pressure upward to housing price. On the other hand, one dotted lined circle is region, which is lower price than average. This region located in Caucasus area continue to decrease their population and net migration. Therefore, it seems that immigration outflow might give a pressure downward to housing price. We can consider in these regions as that there is the correlation between immigration inflow and the regional housing price.

However, on the level of Russian Federation, we cannot make a clear that immigrant labor could reflect housing price or not. In Figure 1, one solid lined region located in the Far East of Russia is the region that we know well in Russia as the population in this region continues to decrease, in spite of accepting active foreign labor migration (See also later Khabarovsk, Vladivostok, Ussuriysk, Partizansk, and Dalnerechensk in Table 2).

Nevertheless, their housing price is higher than average. It is difficult for us to prove the statistically significant correlation between immigrant inflow and the housing price at any other regions all over the Russian Federation. We would

like to try the relation between the immigrant inflow and housing market by questionnaire survey. For this purpose, we introduce our original idea to analyze the relation.

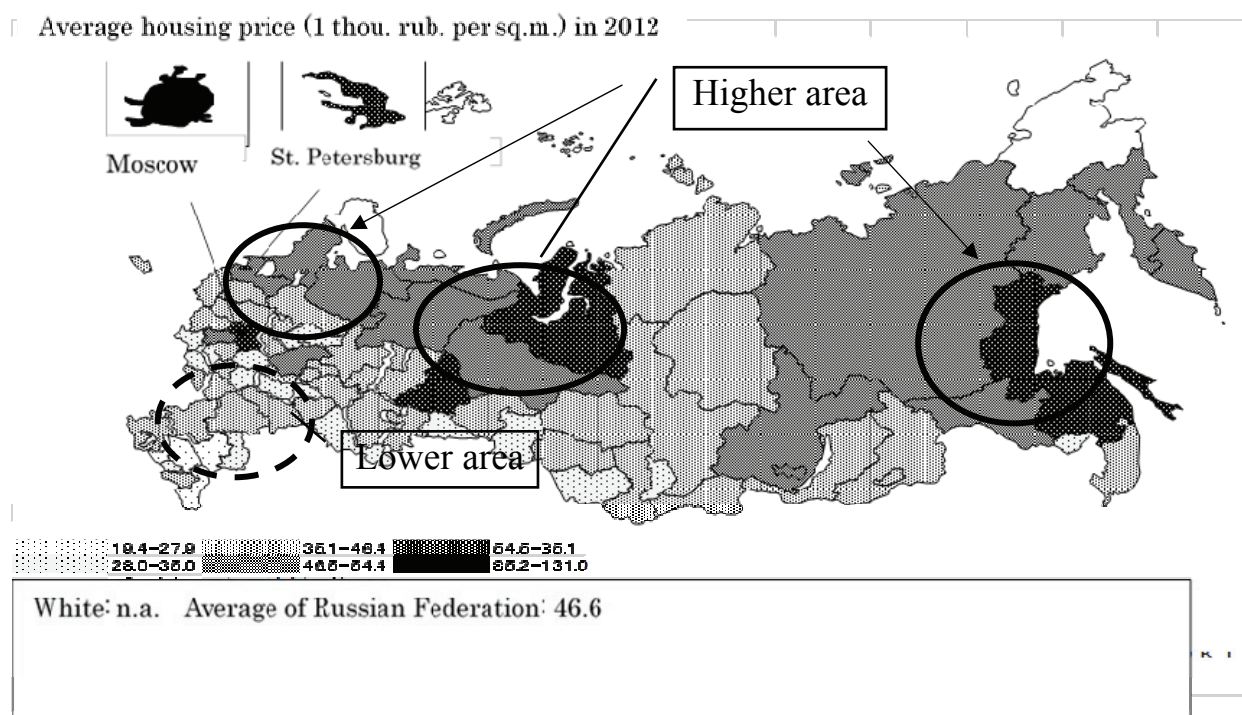

Figure 1. Average housing price (1 thou. rub. per sq.m.) in 2012

Source: Based on the data provided by Rosstat (2012)

We have the original image of housing market in Russia. That is “multi-layered structure” of housing market in Russia (Figure. 2, Michigami (2017)). Russia’s housing market has some stratum according to categorized customers’ demand; Elite class, Business class, Economy class, and rental apartment, studio, dormitory, dacha, container etc. The bottom is for labor migrants’ housing circulation at the purpose of using temporal residence according to their level of rental fee. We regard their transaction of housing as the nature of origin of market. Their deals mainly connect through word of mouth, between individuals, relatives and acquaintance. By climbing up the stratum, there deals circulate through real-estator. In addition, their housing use is regular settlement and their transaction is mainly selling and buying.

It seems that the mobility and volume of housing deals at the bottom are higher and larger than the one of upper side. The temporal rental housing market mainly circulates on the bottom of housing market. Most of them are the demand of immigrant labor into Russia. They might reflect to all of Russia’s housing market dynamics through the price discrimination. We will try to confirm the bottom side of this our original image and idea with our questionnaire survey.

Here, we add another academic topic ‘price discrimination’ on micro economic theory in this discussion. From the real estator’s website of Moscow (for example, TSIAN), we can see that housing lenders provide two types price for

foreigners or use the constraint condition depending on the customers (Figure. 3). In actual, the author had the same experience during finding apartment at Moscow and Saint Petersburg in 2017.

Multi-layered Structure of Russia's housing market (images)

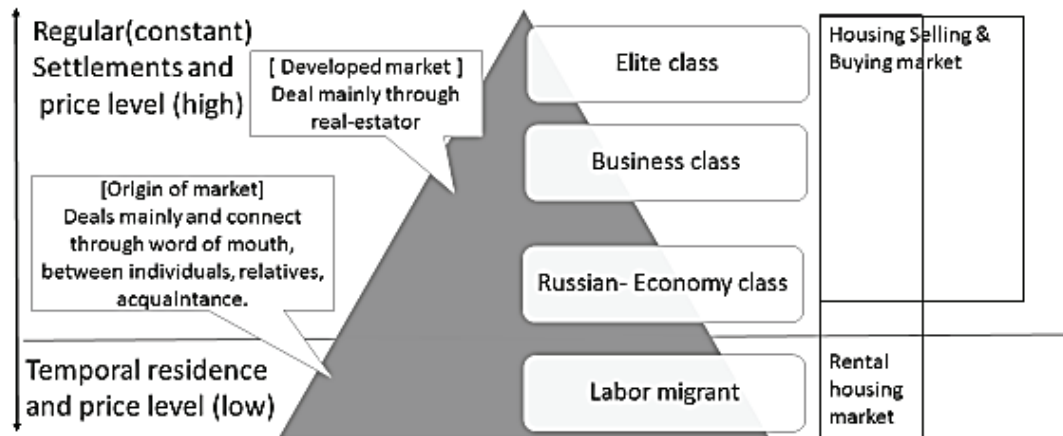

Figure 2. Images of Multi-layered Structure of Russia's Housing Market

Source: Compiled by the author (2017)

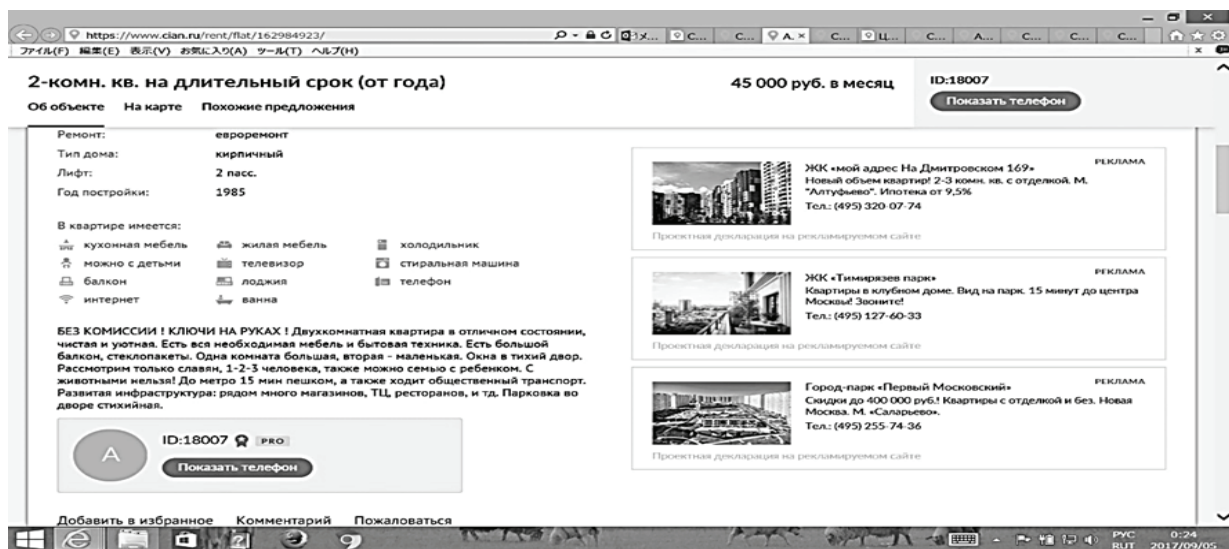

Figure. 3 How can foreigner and migrant labor find their temporal housing?

Source: Compiled by the author with TSIAN website (2017)

In Figure. 3, one lender presented 45 thousand ruble as monthly rent for two rooms apartment at the south-west area of Moscow. In Russia, such kind of TSIAN website is popular for rental housing. In addition, other tourist agency website shows for rental housing. They are useful for foreigner and migrant labor to find their apartment in Russia. This website shows two rooms apartment for rent-

ing more than 1 year. In 2017 average monthly rent fee in Moscow by real-estator is the followings (Sternyk consulting (2017); Economy class (standard) built in the era of USSR one room apartment – 30 thousand rub. Two rooms apartment about 37.5 thousand rub. Three rooms apartment 47 thousand rub.(Rossiskaya Gazeta, 20170823). Therefore, the website's price level is higher than the average of Moscow. The rent level of this apartment in Figure. 3 is not affordable for immigrants from central Asia.

In addition, this lender set such constraint condition that this apartment lends only for Russian and except for central Asian. It seems it is affordable only for high salary customers. In fact, we can often see such constraint: 'only for Russian' or 'except for central Asia' etc. Ashkenazi and Vekshtein (2009) discuss this fact directly. It seems that there are the segregation of rental housing market in Russia and some problems related in immigrant labor under urbanization. In addition, this transaction can become the hurdle for foreigner and immigrant labor to find the rental housing.

Beside the condition, from author's investigation, their price level was not stable rigidly. It could negotiate depending on the nationality. Sometimes, the lender use the different price depending on the customers. When foreigner (not Russian language speaker) asked to the lender by phone, the price was as the same as the website. Even with negotiation subjected to rent for longer days, price for foreigner did not depreciate to the half level of website price, but only about 20% price down. However, when Russian asked to the lender by phone, the price level was firstly the discounted half of price on the website without negotiation. The half level of website price is the almost average level in the analyst's data (Sternyk etc). From author's investigation, these prices were about double price, not only located in the most center of Moscow but also in other area of Moscow. The price for foreigner is higher, sometimes twice higher than the price level for Russian.

This pricing make us remind 'price discrimination' and 'personalized pricing' in the micro economic theory. Now this topic is discussed about the relevance of e-commerce and the shopping though the internet. In real life, we can see the similar pricing that same goods are sold with different price in the different shop: for example, on the one hand, a same yogurt drink is sold with 38 ruble in store A. On the other hand, it is sold with 51 ruble in store B (expensive store). We also confronted this pricing on the apartment transaction in Moscow. Provider sets the following price for the same rental housing, A) For foreign businessperson- immigrant labor- expensive price (higher than average), B) For Russian- average price, C) For central Asian and other immigrant labor- don't lend or lower price than average. Sometimes their price is not visible. In micro economic theory, we consider the reason why price elasticity of demand for housing is different between foreign businessperson immigrant (low) and non-skilled immigrant (high). We will try to confirm this our original image and idea 'as multi-layered stratum' of housing market in Russia from the viewpoint of immigrants' housing with our questionnaire survey.

In Russia, the purchase – sell housing transaction mainly circulates. The share of rental housing to the total housing stock has been decreasing under housing privatization policy by Russian government since 1992. The private home-

ownership forms about 80% of total housing stock in 2016 (Rosstat). On the other hand, according to Puzanov (2018, p. 299), rental housing forms 26% of the total housing stock. Russia's rental housing has two types of public rental housing (Social housing) and private rental housing (by individuals, or by commercial real estate). In this paper, we focus on the private rental housing. Individual private rental housing means that individual homeowner lend their housing for rental use without reporting their income to tax administration as a real-estate agent. Therefore, it is difficult for us to catch the exact size of private rental housing market, especially private individual rental housing circulation. Puzanov also introduces that of which individual private rental is estimated 8–10% and commercial real estate's rental housing -3.2%.

Methods. We did the original sociological questionnaire survey 25 cities all over the Russia (See also the location of map in Figure 4); More than 1 mln. population city: Moscow, Saint Petersburg, Ekaterinburg, 500 thousand to 1 mln. population city: Khabarovsk, Vladivostok, 250 to 500 thousand population city: Kaluga, Stavropol, Surgut, Tomsk, 100 to 250 thousand population city: Podlsk, Serpukhov, Pyatigorsk, Nefteyugansk, Ussuriysk, 50 to 100 thousand population city: Chekhov, Pushkin, Tikhvin, Budyonnovsk, Sysert, less than 50 thousand population city: Partizansk, Dalnerechensk, Ilangepas, Lyantor, Blagodarny, and Neftekumsk.

We asked 68 questions against immigrant not only housing conditions but also daily life and their job. For example, the reason to come to Russia, the kind of job, document, problems, housing condition, and rent fee etc. The term of our questionnaire survey is from June in 2017 to March in 2018. Finally we collected the total number of respondents is 1003 persons (Average age 34.6 y.o. and oldest 65 y.o. – youngest 18 y.o.). Such questionnaire survey is just a few and valuable that conducted for lots of respondents and in cities all round Russia. In the previous literature, Institute of Socio – Economic Studies of Population, RAS conducted survey only in Taganrog city of Russia in 2014 (Grishanov et. al (2017)). Therefore, our survey has the uniqueness to show the real inside of immigrants to make definitely careful consideration to their human rights and privacy. Especially, even analytical research by real estate and official statistical service, there is almost no the average monthly rent of rental housing data in all regions of Russia.

All of them are legal immigrants with the patent and permission for labor in Russia. The emigrated countries' formation of respondents is the following: Tadzhikistan (344 respondents), Uzbekistan (225), Ukraine (115), Kyrgyzstan (83), Armenia (51), Azerbaijan (42), Belarus (18), Kazakhstan 19, and others (106); China, North Korea, Vietnam, Moldova, Mongolia, Turkey, Italy, Georgia. The sex formation of all respondents is Men 79.2% (average age 34.4 y.o.) and Women 20.8% (average age 20.8 y.o.). The age formation of respondents is to 29 y.o. – (36.8%), 30–39 y.o. – (32.2%), to 40–49 y.o. – (23.9%), older than 50 y.o. – (6.7%), n.a. – (0.4%).

Russia's total population is 144 million population and the country that accept about 400–500 thousand people from foreign countries every year in 2000's. We find that Russia is the country, which accepts more immigrants steadily. The net migration people is shown in Table 1. This table shows the main formation from which countries into Russia, that follows as the result of our questionnaire

survey. Table 2 shows the increase / decrease of net migration on 25 cities of our survey. 15 of all 25 cities are the regions that net migration increases, except for 10 cities, which located in the Far East and South Federal District of Russian Federation (See also Figure 4).

Table 1

Net migration into Russia (people)

	2000	2005	2010	2013	2014	2015	2016
Total	213610	107432	158078	295859	280328	245384	261948
Azerbaijan	11719	3326	13389	17246	12394	10660	10439
Armenia	14432	6961	19192	32179	24006	20533	11993
Belarus	-3002	763	1995	3717	6757	4909	2127
Kazakhstan	106990	39508	20533	40156	40814	34767	37130
Kyrgyzstan	13679	15119	20260	19812	15259	9935	11043
Moldova	9415	5783	11197	20628	17574	17380	14364
Tadzhikistan	9885	4283	17494	33649	19362	11362	27288
Uzbekistan	37724	29841	23266	67266	37096	-20668	19672
Ukraine	39147	18120	21230	36411	94370	146131	118819
Georgia	18411	4806	4786	6112	4218	3309	2294
Vietnam	149	69	889	1497	572	1004	394
Italy	-226	-203	-137	36	21	-109	-16
China	463	-24	1132	622	1956	-778	-810
North Korea	-15	0	44	1132	1519	-401	1300
Mongolia	51	-12	25	140	59	38	40
Turkey	60	1	415	1261	234	-108	312

Source: Calculated by the author on the basis of the data by Rosstat (2017)

Table 2

Coefficient of net migration rate, per 1000 population in 2016

Coefficient value	Regions in Russia, which 25 cities of our survey are located
more than +4	Moscow, Podolsk, Chekhov, Serpukhov, Kaluga, St. Petersburg, Pushkin, Tikhvin
+1 to +4	Surgut, Nefteyugansk, Langepas, Lyantor
-1 to +1	Ekaterinburg, Sysert, Tomsk
-4 to -1	Khabarovsk, Vladivostok, Ussuriysk, Partizansk, Dalnerechensk, Stavropol, Blagodarny, Pyatigorsk, Budyonnovsk, Neftekumsk
less than -4	None

Source: Compiled by the author on the basis of the data at Grishanov et. al (2017)

Note, however, that Table 1 in Grishanov et. al(2017) shows the level of federal regions (so called in Russian, oblasti, krai, and republic that formats Russian Federation), which these 25 cities included in, not the level of city.

Coefficient of net migration rate = [(Immigrate – Emigrate) / Regional Population]*1000

Results. Our original questionnaire survey uniquely shows a lot of real immigrant's housing. In this paper, we focus on the rent fee level of immigrant's rental housing and their real living space for the sake of a space constraint. The average level of one room apartment's rental fee on the real estate website TSIAN- Moscow (tentative calculation by author) is average 16416 ruble, median 16000 ruble, min 5000 ruble, max 38000 ruble. The one of our questionnaire survey at Moscow is average 8527 ruble, median 6000 ruble, min 0 ruble, max 35000 ruble. Our outcome is very lower than market price. All our outcome of housing average fee is shown in Table 3. Now average monthly rent fee in Moscow by real-estator is the followings; Economy class (standard) built in the era of USSR one room apartment – 30 thousand rub. Two rooms apartment about 37.5 thousand rub. Three rooms apartment 47 thousand rub.(by Rossiskaya Gazeta, on 23. August 2017). These price levels are for Russian people, not for foreigner and migrant labor. We really find low level of immigrant rent and see the bottom aspect of housing market by our questionnaire survey.

Table 3

Average housing rental fee by region

Distance	City	Av. Rent (ruble)	Av. rent per sq.m (ruble)	Distance	City	Av. rent (ruble)	Av. rent per sq.m (ruble)
Center	Moscow	8527.40	273.5	Center	St. Petersburg	9250.00	238.8
40km	Podolsk	5350.00	160.7	24km	Pushkin	5857.14	210.0
80km	Chekhov	5877.55	206.3	220km	Tikhvin	9100.00	260.6
100km	Serpukhov	10875.00	311.5	Center	Ekaterinburg	8176.25	309.6
188km	Kaluga	6533.33	229.0	50km	Sysert	5438.89	132.1
Center	Vladivostok	8086.90	297.7	Center	Surgut	5720.45	252.2
100km	Ussuriysk	5946.15	201.8	46km	Nefteyugansk	7955.56	322.5
170km	Partizansk	5690.00	261.2	96km	Langepas	5450.00	178.3
400km	Dalnerechensk	5148.00	204.6	77km	Lyantor	5738.10	143.7
Center	Stavropol	5911.76	251.6				
116km	Blagodarny	6615.38	147.5				
144km	Pyatigorsk	6750.00	270.0		Khabarovsk	16297.62	436.7
173km	Budyonnovsk	9300.00	244.7		Tomsk	8360.48	265.0
240km	Neftekumsk	4300.00	184.5		Total av.	7583.05	242.3

Source: Calculated by the author on the basis of the questionnaire survey results

Compared between our results of rent fee in 25 cities of Russia and average by author's calculation using the data of popular rental housing website in Russia (Avito.ru), the rent level of immigrant housing is much lower than the average level on the website in all 25 cities. Our result proves that immigrants' rental housing fee and transaction are located on the bottom of housing market in Russia. In addition, it is also found that Russia's rental housing market has one different segment for immigrants.

According Table 3, we can see another trend. Usually the rent level of center city is highest of their neighbor regions. Our results show not only the usual figure, but also another fact like 'Donuts phenomenon of urban', that is enlargement of urban, with the respect to rental fee level. The rent level of Serpukhov city is higher than Moscow, which is 100 km far from the center Moscow region. The level of Tikhvin city is also high as well as the case of Sepukhov city. Average rent per sq.m in Tikhvin is even higher than St. Petersburg, which is 220 km far from the center city of Leningrad region.

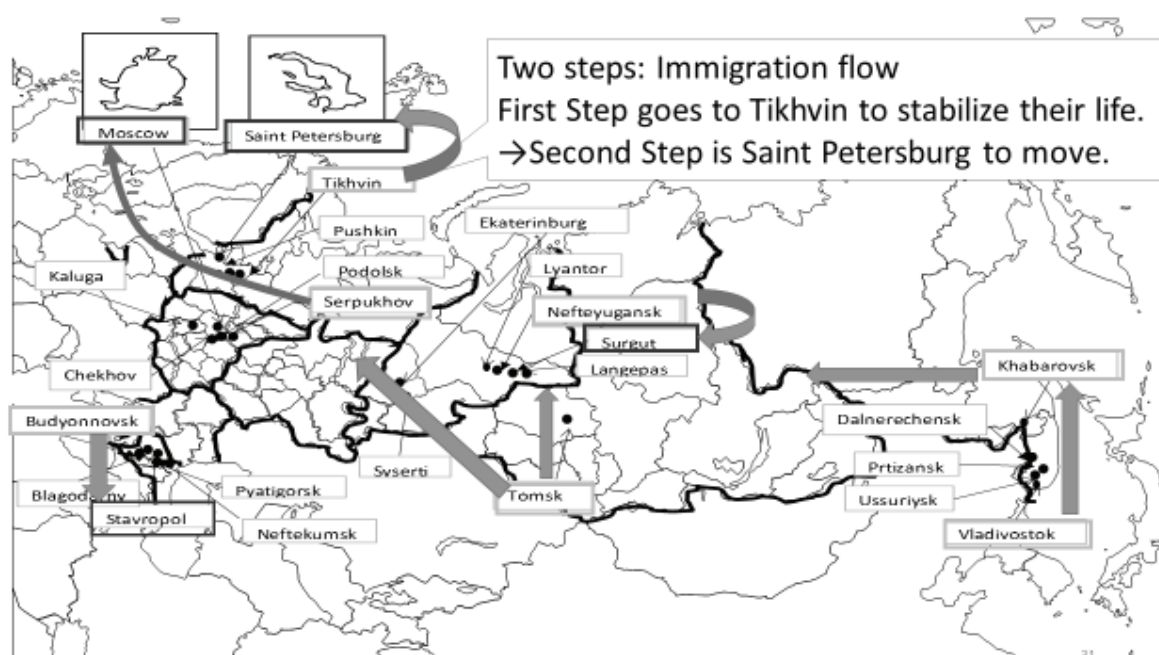

Figure 4. The image of immigrants' two-step movement

Source: Compiled by the author

The same trend is similarly shown in the Stavropol and Surgut region. The rent level of some cities, which locate far from center city, is high, compared with the level of center. We can regard this trend as some "Relay points of immigrant inflow before their going to big cities" (See Figure.4). The image of immigrant movement is drawn on Figure.4. Immigrants seem that they move by two steps. For example, on the first step, immigrants move to Tikhvin to stabilize their life. Then, on the second step, they move to Saint Petersburg. Their two-step movement possibly bring upward pressure on the rental fee in the city located as 'relay point'.

Table 4 shows in all cities of our survey, [A] Average monthly rent calculated as 54 sq.m apartment, [B] Average monthly income calculated with 3 persons, and Rent to income rate means as the rent burden or affordability. 54 sq.m apartment is as the same as the standard for 3 persons family set by Russian Government. This table value is the first fact of previous literature, which can prove in such many cities. In the previous literature, we can compare with only the case of Moscow. Compared with the average of all family in Moscow city by Puzanov (2018, p. 303): average monthly rent 46457 ruble, average monthly income

163512 ruble, and rent to income ratio is 0.28 in 2015, our rental affordability index of Moscow city is very low (0.12). However, the co-living person with immigrants is not family. Most of them (38%) in our survey live with persons not family. It means that the rent compel labor immigrants to co-live with persons not family in order to ease their burden of rent. As the below results, here is also reason why immigrant dissatisfies with ‘narrowness’ and ‘high rent’ of their apartment.

Table 4

Average monthly rent and salary of immigrants in this survey

City	[A] Averega monthly rent (ruble)	[B] Monthly net sal- ary (ru- ble)	Rent to income ratio [A/B]	City	Averega monthly rent (ru- ble)	Monthly net salary (ruble)	Rent to income ratio [A/B]
Moscow	14769	122034	0.12	St.Petersburg	12895	97305	0.13
Podolsk	8678	110040	0.08	Pushkin	11340	106578	0.11
Chekhov	11140	99000	0.11	Tikhvin	14072	104076	0.14
Serpukhov	16821	65832	0.26	Ekaterinburg	16718	49587	0.34
Kaluga	12366	99600	0.12	Sysert	7133	104211	0.07
Vladivostok	16076	76095	0.21	Surgut	13619	87735	0.16
Ussuriysk	10897	63645	0.17	Nefteyugansk	17415	89523	0.19
Partizansk	14105	51117	0.28	Langepas	9628	94254	0.10
Dalnerechensk	11048	62940	0.18	Lyantor	7760	90582	0.09
Stavropol	13586	67500	0.20				
Blagodarny	7965	68538	0.12				
Pyatigorsk	14580	52500	0.28	Khabarovsk	23582	76380	0.31
Budyonnovsk	13214	63600	0.21	Tomsk	14310	61242	0.23
Neftekumsk	9963	50700	0.20	total	13084	92181	0.14

Source: Calculated by the author.

Notes: The value [A] is rent fee as 54sq.m. The value [B] is 3 persons’ monthly salary.

We also have gotten the other following results about housing condition of immigrants. First, about co living, most of them live in one apartment with three persons including himself. Co-living with 3 persons is 32.8%, with 2 persons – 19.2%, with 4 persons – 14.5%, with 5 persons – 7.3%, with 6 persons – 1.5%, with 7 persons- 2.8%, with more than 8 persons- 1.7%, and alone – 13.5%. Second, about living space area of immigrants’ apartment/ room, average living space was 31.3 sq.m and average living space per capita was 10.8 sq.m. Compared with Rosstat’s data in Russian Federation: average living space – 54.5 sq.m and average living space per capita – 24.4 sq.m., immigrant’s living space was quite small. In addition, most of immigrants in our survey (32.6%) live in a apartment/room to 10–20 sq.m., 24.9% – to 20–30 sq.m, 17.5% – to 30–40 sq.m, 9.9% – to 40–50 sq.m., 7.1% – to 50–60 sq.m., 3.7% – to 60–70 sq.m, 2.7% – to less than 10 sq.m, and 1.6% – more than 71 sq.m. Our results proves that immigrant’s housing space falls seriously under Russian government goals (per capita 21.7 sq.m. and

the standard for 3 persons – 54 sq.m.). Their housing is the place for immigrants to live, keep working, support their family and “re-product of labor force by K. Marx”. Their housing condition should improve to support their quality of life, and labor productivity with the respect to human resource government. Fourth, therefore, we find immigrants’ housing problem is narrow and crowded space. Most of immigrants in our survey (30.7%) dissatisfy with ‘narrow and small space’ of their housing. Other dissatisfaction about their housing are 24.6% with non-repaired, 13.6% with expensive rent fee, 11.6% with noisy, 10.6% with darkness of housing, 10.4 % with coldness, 10.3% with bad ventilation, and 4.5% with dirty.

Fifth, 66.8% immigrants in our survey rent apartment/ room. Immigrants living at the working place (13.8%) are often shown in the construction site of city etc. Immigrants living at the dormitory and employer’s housing were about 20%. We find that it is much lesser that the employer of immigrants itself supply the housing for immigrant compared with the USSR era. It exactly showed that immigrants’ labor benefit with the respect to housing has translated by housing market. Our survey proves, however, that they do not use the official housing market channel on finding their rental housing. Sixth, immigrants who find their housing through real estator were only 10.1% in our survey. Most of them find it by relatives and fellow compatriot (27.2 %), and friends and colleagues at working place (24.2%). In addition, through internet (11.1%) and newspaper (6.2%) immigrants finds. Immigrants who find their housing through their employer were 21.2%. Roughly, 90% immigrants find their housing use a channel among mouth of word by individuals, and their personal connection, not agency. This fact brings the invisibleness and informality of rental housing market into Russia. Furthermore, their transaction tool reflect the unclearness of correlation between official price statistics and immigrant inflow. In addition to it, it can divide the housing market into official and unofficial. In this paper, official market means that agency and customer make the official contract and agency pay tax for their profit. Immigrants who signed a contract of housing rental were 50.1% in our survey. Other 49.9% immigrants lend their housing without the contract. It means unofficial and their rent fee does not reflect the official statistics. Our survey confirm our image of multi-layered structure of housing market and its informality. This informality and invisibleness cause a hurdle for foreign capital to invest into Russian real estate market. Furthermore, our survey shows about registration and mobility of their rental housing, but we will add that in another paper.

Conclusions. In this paper, we focused on immigrants’ real housing environment and the reflection of their transaction on the housing market in Russia. We prove the following facts from our results; 1) in some special area, that located as ‘relay point’ of immigrant movement, there is possibly a correlation between the immigrant inflow and regional rental housing fee. Our survey newly and concretely pointed the existence of two-step movement in 25 cities of Russia. 2) Immigrants’ rental housing fee is very low than the average of official data. Half of their transaction are invisible and informal. Therefore, Immigrant’s housing deals have inherited from the USSR era. It was shadow economy in the USSR era. Now

it is possibly the origin or bottom of the housing market in Russia. It is the nature of market, though the shape is primitive. In addition, the segment for immigrants exists in the Russian housing market. It shows the multi-layered structure of this market. 3) Immigrants' housing space is very small than Russian Federation's average and goal. The quality problem are a narrow space and non-repaired room. Most of them live with 3 persons not family. Their housing is not enough for them to rest. If we approach to improve their housing environment, we can increase labour productivity sustainably. Even depending on their rental term, we should consider the improvement of their housing environment. For this purpose, we need to make a policy that organize private rental housing market more openly and clearly through private agency. We can consider some options; the lower tax reform and the regulation to improve immigrant housing for rental lender, etc. This policy will be useful for foreign capital to understand Russia's market and invest it. Though we need to analyse our results further, our original questionnaire survey uniquely shows a lot of real immigrant's housing.

REFERENCES AND SOURCES

1. Avito.ru, real estate website. URL: <https://www.avito.ru/nefteyugansk/nedvizhimost> [Accessed: 21–28 April 2018].
2. Ashkenazi L. and Vekshtein M. Natsionalnye predpochteniya pri arende zhilploshadi v Moskve, ili «krome KKA i Azii», [National preference when renting housing space in Moscow or “except for Caucasian and Asian”], *Vestnik Obschestvennogo Mneniya*, 2009, No.1 (99) pp. 97–100.
3. Demintseva E. Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2017. Vol. 43, Issue 15, pp. 2556–2572.
4. Grishanov V.I., Nozdrina N.N., Schneiderman I.M. Rol' zhiliya v migratsionnykh protsessakh v Rossii [The role of housing in migration processes in Russia]. *Narodonaselenie [Population]*, 2017. No. 4(78), pp. 91–104.
5. Kashnitsky I., Gunko M. Spatial variation of in-migration to Moscow: Testing the effect of housing market. *Cities*, 2016. Vol. 59, November, pp. 30–39.
6. Michigami M. “Immigrants' housing environment and multi-layered structure of housing market in Russia: from the interim results of sociological questionnaire”, *Migratsiya i sotsialino-ekonomicheskoe razvitie*, No. 4, 2017.
7. Michigami M. Perspectives and Obstacles of Urban Planning Business on the Japan-Russia Economic Cooperation: Uncertainty of Investment, Law, Household Income, and Business Matching for Japanese Housing Related Industries. *Proceedings of the Annual International Conference “Evolution of International Trading System: Prospects and Challenges”*. St. Petersburg State University, 26th October 2017.
8. Puzanov A. Russia: A long road to institutionalisation. // Hegedus J., Lux M, Horvath V. (ed.) *Private Rental Housing in Transition Countries*. Palgrave Macmillan, (e-book) 2018, pp. 287–310.
9. Rosstat (2012, 2016), *Rossiyskaya Statisticheskaya Ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook]* – Moscow: Rosstat, 2012, 2016.
10. Rosstat [Russian Federal State Statistics Service] URL: <http://www.gks.ru>
11. Demand for rental apartments in Moscow is growing, but prices remain the same. *Rossiskaya Gazeta*, 23 august 2017. URL: <https://rg.ru/2017/08/23/reg-cfo/v-moskve-ceny-na-arendu-kvartir-ostalis-prezhnimi.html>

12. ООО «Sterniks Konsoliting» [Sternyk Consulting], *Zhilishny rynek gorodov Rossii v 1 polgody 2017 g. stagnatsiya nadolgo* [Housing market in Russian cities in the first half of 2017: long stagnation], Moscow, 2017. URL: <http://realtymarket.ru/>

13. TSIAN (Real estat website) URL: <https://www.cian.ru/> [Accessed: 3 September, 7 November 2017].

14. Vendina O. I. Mogut li v Moskve vzniknut' etnicheskie kvartili? [Can the ethnic apartment be born in Moscow?], *Vestnik Obshchestvennogo Mneniya*, 2004. No. 3, pp.52–64.

15. Vendina O. I. Migranty v Moskve: grozit li rossiyskoi stolitse etnicheskaya segregatsiya? [Migrants in Moscow: Does the ethnic segregation threaten Russian capital?], *Migratsionnaya situatsiya v regionakh Rossii*, Issue 3. Center of Migration Research, Institute Geography RAS, Moscow, 2005.

16. Zaionchkovskaya et. al. *Immigranty v Moskve* [Immigrants in Moscow], Centre of Migration Research, Institute Kennan, Moscow, 2009.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Абидов Магомед Хабибович, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, НИИ Управления, экономики, политики и социологии ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства» (г. Махачкала, Россия). E-mail: abidov73@yandex.ru

Борисова Людмила Александровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, НИИ Управления, экономики, политики и социологии ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства» (г. Махачкала, Россия). E-mail: ludmila_753@mail.ru

Аннотация. В статье дана характеристика миграционных процессов в Республике Дагестан. Представлен широкий статистический анализ миграционных потоков в республике. Определены экспортеры трудовых ресурсов по отношению к рынку труда Дагестана. Выделены причины и динамика внешней трудовой миграции населения в условиях современной ситуации экономики Дагестана. Определены сферы занятости трудовых мигрантов. Представлены предложения по регулированию миграции в республике.

Ключевые слова: внешняя трудовая миграция, миграционный прирост (убыль), миграционные потоки, занятость населения, горные районы, трудовые ресурсы, трудовой мигрант, экономический кризис, региональная экономика, Республика Дагестан.

CURRENT TRENDS OF EXTERNAL LABOR MIGRATION IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Magomed H. Abidov, Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher, Research Institute of Management, Economics, Politics and Sociology, Dagestan State University of National Economy (Makhachkala, Russia). E-mail: abidov73@yandex.ru

Ludmila A. Borisova, Candidate of Science (Economics), Senior Researcher, Research Institute of Management, Economics, Politics and Sociology, Dagestan State University of National Economy (Makhachkala, Russia). E-mail: ludmila_753@mail.ru

Abstract. The article describes the characteristics of migration processes in the Republic of Dagestan. A broad statistical analysis of migration flows in the republic is presented. The exporters of labor resources in relation to the labor market of Dagestan are identified. The causes and dynamics of external labor migration of the population in the current economic situation of Dagestan are highlighted. The areas of employment of migrant workers are defined. In conclusion, some proposals for the regulation of migration in the country are presented.

Keywords: external labor migration, migration increase (decrease), migration flows, employment, mountain areas, labor, migrant workers, the economic crisis, regional economics, the Republic of Dagestan.

Анализ миграционной ситуации в Республике Дагестан за период 2000–2016 гг. (табл. 1), позволяет проследить тенденцию увеличения количества иностранных граждан до 2015 года (405 чел. в 2012 г., 555 чел. в 2013 г., 892 чел. в 2014 г. и 994 чел. в 2015 г.) и резкое уменьшение в 2016 году – 596 чел., въезжающих в республику, как и ранее, в основном из бывших союзных республик. Причем наибольший прирост приходится на 2015 год (табл. 1).

Таблица 1

Итоги миграции населения в 2000–2016 гг. (чел.)

Потоки миграции	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Прибывшие – всего	31135	27064	35506	34718	39415	41797	44018	44235	43769
из них: в пределах России	29140	26586	35118	34234	39010	41242	43126	43241	43173
в том числе: внутри республики	21479	20784	27444	26553	26051	24566	22955	21952	20814
из других регионов России	7661	5802	7674	7681	12959	16676	20171	21289	22359
из зарубежных стран	1995	478	388	484	405	555	892	994	596
в том числе: из стран СНГ	1899	421	359	450	348	489	827	920	567
из стран дальнего зарубежья	96	57	29	34	57	66	65	74	29
Выбывшие – всего	35653	33129	45550	56247	63373	63297	57962	57625	54677
из них: в пределах России	34820	32866	45366	56228	63289	63142	57805	57431	54297
в том числе: внутри республики	21479	20784	27444	26553	26051	24566	22955	21952	20814
в другие регионы России	13341	12082	17922	29675	37238	38576	34850	35479	33483
в зарубежные страны	833	263	184	19	84	155	157	194	380
в том числе: в страны СНГ	570	208	128	17	57	78	93	139	329
в страны дальнего зарубежья	263	55	56	2	27	77	64	55	51
Миграционный прирост – всего	-4518	-6065	-10044	-21529	-23958	-21500	-13944	-13390	-10908
из него в результате: передвижений в пределах России	-5680	-6280	-10248	-21994	-24279	-21900	-14679	-14190	-11124
в том числе: внутри республики	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Потоки миграции	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
между другими регионами России	-5680	-6280	-10248	-21994	-24279	-21900	-14679	-14190	-11124
обмена населением с зарубежными странами	1162	215	204	465	321	400	735	800	216
в том числе: со странами СНГ	1329	213	231	433	291	411	734	781	238
со странами дальнего зарубежья	-167	2	-27	32	30	-11	1	19	-22

Источник: [5]

Миграция между Дагестаном и странами СНГ за последние годы имеет стабильное положительное сальдо. До 2015 года наблюдалось стабильное увеличение миграционного прироста, однако в 2016 году произошло резкое сокращение миграционного прироста – в 3,6 раза по сравнению с 2015 годом. Если в 2014–2015 гг. прирост составлял 734 и 781 человек соответственно, то в 2016 г. этот показатель составил 238 человек (табл. 2).

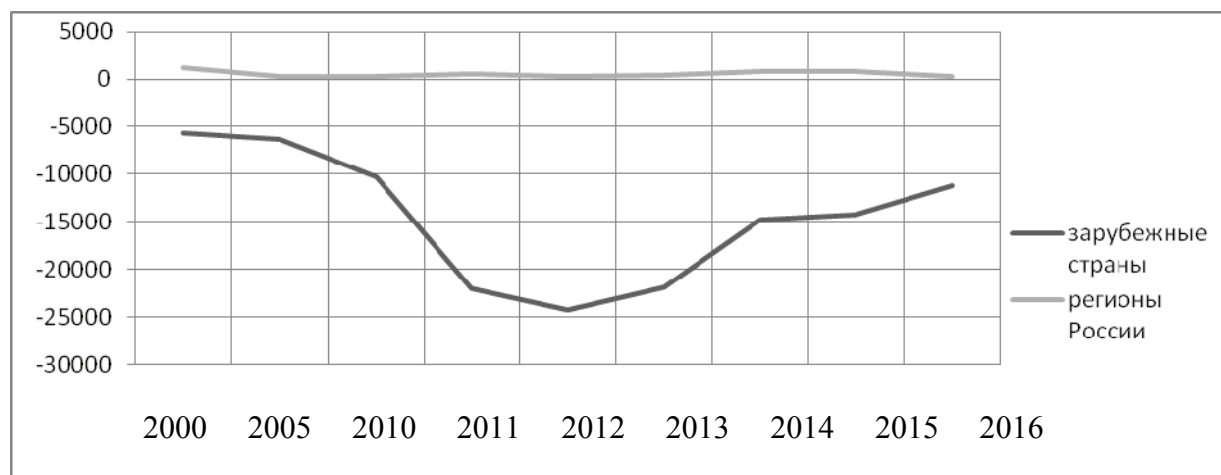

Рис. 1. Миграционный прирост (убыль) населения Дагестана (человек)

Таблица 2

Результаты международной миграции

	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Прибыло в Дагестан – всего	388	555	892	994	596
в том числе:					
<i>из стран СНГ</i>	359	489	827	920	567
Азербайджан	170	190	443	481	324
Армения	18	17	13	14	8
Беларусь	7	13	8	6	5
Казахстан	47	56	52	76	46
Киргизия	23	22	49	41	17

Продолжение табл. 2

	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Республика Молдова	2	7	15	12	5
Таджикистан	9	23	26	21	11
Туркмения	23	42	31	26	19
Узбекистан	28	60	86	95	35
Украина	32	59	104	148	97
<i>из стран ЕС</i>	<i>6</i>	<i>13</i>	<i>16</i>	<i>13</i>	<i>2</i>
Болгария	1	1	-	1	-
Великобритания	-	-	-	1	-
Германия	3	2	1	2	1
Литва	-	6	-	6	-
Франция	-	1	3	2	1
Швеция	-	-	-	1	-
<i>из других стран</i>	<i>23</i>	<i>53</i>	<i>49</i>	<i>61</i>	<i>27</i>
Афганистан	2	4	2	2	1
Абхазия	-	-	3	1	-
Грузия	2	11	12	17	7
Израиль	3	6	6	2	1
Канада	-	-	-	1	-
Турция	-	7	4	5	4
Индия	-	-	1	-	1
Сирийская Арабская Республика	-	10	12	13	5
Южная Осетия	-	2	1	3	-
<i>прочие страны</i>	<i>16</i>	<i>11</i>	<i>8</i>	<i>17</i>	<i>7</i>
Выбыло из Дагестана – всего	184	155	157	194	380
в том числе:					
<i>в страны СНГ</i>	<i>128</i>	<i>78</i>	<i>93</i>	<i>139</i>	<i>329</i>
Азербайджан	36	14	22	54	128
Армения	-	-	2	2	8
Беларусь	11	10	3	3	3
Казахстан	60	36	34	33	45
Киргизия	-	1	1	14	18
Республика Молдова	-	-	-	2	8
Таджикистан	1	-	2	4	21
Туркмения	3	1	3	3	7
Узбекистан	1	1	3	8	38
Украина	16	15	23	16	53
<i>в страны ЕС</i>	<i>15</i>	<i>38</i>	<i>38</i>	<i>13</i>	<i>15</i>
Болгария	-	-	-	-	1
Великобритания	-	-	-	1	-
Германия	11	26	8	3	7
Латвия	-	-	-	1	-
Литва	-	-	-	-	6
Польша	2	1	1	1	-
Франция	-	9	8	6	-
Эстония	1	-	1	1	1

Продолжение табл. 2

	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
<i>в другие страны</i>	41	39	26	42	36
Афганистан	-	-	-	1	2
Абхазия	-	-	-	1	1
Грузия	1	1	-	4	7
Израиль	13	15	16	5	5
Канада	-	-	-	1	-
Китай	-	-	-	-	1
Турция	-	1	5	4	2
Иордания	-	-	-	-	1
Иран	-	-	-	-	1
Сирийская Арабская Республика	-	-	1	4	5
<i>прочие страны</i>	26	22	2	22	11
Миграционный прирост – всего:	204	400	735	800	216
<i>в том числе в результате миграционного обмена населением со странами СНГ</i>	231	411	734	781	238
из них:					
Азербайджан	134	176	421	427	196
Армения	18	17	11	12	-
Беларусь	-4	3	5	3	2
Казахстан	-13	20	18	43	1
Киргизия	23	21	48	27	-1
Республика Молдова	2	7	15	10	-3
Таджикистан	8	23	24	17	-10
Туркмения	20	41	28	23	12
Узбекистан	27	59	83	87	-3
Украина	16	44	81	132	44
<i>со странами ЕС</i>	-9	-25	-22	-	-13
Болгария	1	1	-	1	-1
Германия	-8	-24	-7	-1	-6
Латвия	2	1	-	-1	-
Литва	-	6	-	6	-6
Польша	-2	-1	-1	-1	-
Франция	-	-8	-5	-4	1
Швеция	-1	-1	-2	1	-
Эстония	-1	2	-1	-1	-1
<i>в другие страны</i>	-18	14	23	19	-9
Афганистан	2	4	2	1	-1
Абхазия	-	-	3	-	-1
Грузия	1	10	12	13	-
Израиль	-10	-9	-10	-3	-4
Китай	-	-	-	-	-1
Турция	-	6	-1	1	2
Индия	-	-	1	-	1

	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Иран	-	2	-	-	-1
Сирийская Арабская Республика	-	10	11	9	-
Южная Осетия	-	2	-1	3	-
<i>прочие страны</i>	<i>-10</i>	<i>-11</i>	<i>6</i>	<i>-5</i>	<i>-4</i>

Источник: [5]

По данным Росстата, наибольший миграционный прирост в 2016 году у республики сложился с Азербайджаном – 82,4% от общего миграционного прироста со странами СНГ, Украиной – 18,5%, Туркменией – 5%.

Важная задача Концепции государственной миграционной политики в России на период до 2025 года – разработка дифференцированных механизмов привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы [3]. Ее решение позволит сформировать более гибкий рынок труда, а также правильно оценить спрос и предложение на трудовые ресурсы. Изменения, коснувшиеся миграционного законодательства, позволили качественно изменить порядок оказания государственных услуг в сфере внешней трудовой миграции.

Внешняя трудовая миграция в Республике Дагестан имеет явно выраженный сезонный характер. Большая часть трудовых мигрантов задействованы в сфере строительства и выполняют преимущественно низкоквалифицированную работу [9]. В числе трудовых мигрантов преобладают выходцы из государств-участниц СНГ, прежде всего из Азербайджанской Республики и Туркмении, для которых играет немаловажную роль религиозный фактор.

В основе мотивации мигрантов, прибывающих в Республику Дагестан, лежат экономические трудности, испытываемые ими в местах постоянного проживания.

В 2017 году работодателями республики оформлено 18 (в 2016 г. – 16) разрешений на привлечение и использование иностранных работников, 48 разрешений на работу (в 2016 г. – 60).

На рисунке 2 приведена структура выдачи патентов на работу иностранным гражданам. В 2017 году оформлено 10 930 (в 2016 г. – 6 297) патентов. Статистика оформления патентов на работу иностранным гражданам такова: Азербайджан – 5 506 (в 2016 г. – 3 035), Молдова – 19 (в 2016 г. – 23); Таджикистан – 251 (в 2016 г. – 180); Узбекистан – 5112 (в 2016 г. – 3 302); Украина – 42 (в 2016 г. – 49).

Патент для работы у физических лиц, появившийся в 2010 году и достаточно не плохо себя зарекомендовавший, с января 2015 года в соответствии с Федеральным законом от 24.11.2014 г. № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» преобразован в единый трудовой патент. Теперь иммигранты из безвизовых стран могут работать у юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц [2]. Данное нововведение позволило отказаться от системы квотирования, упростить процедуру легализации трудовых мигрантов и одновременно ужесточить ответственность за

различные нарушения закона. Иностранным гражданам стало выгоднее находиться в рамках правового поля, чем быть нелегалом с вытекающими отсюда последствиями, а работодателям привлекать и использовать трудовых мигрантов в рамках закона [6].

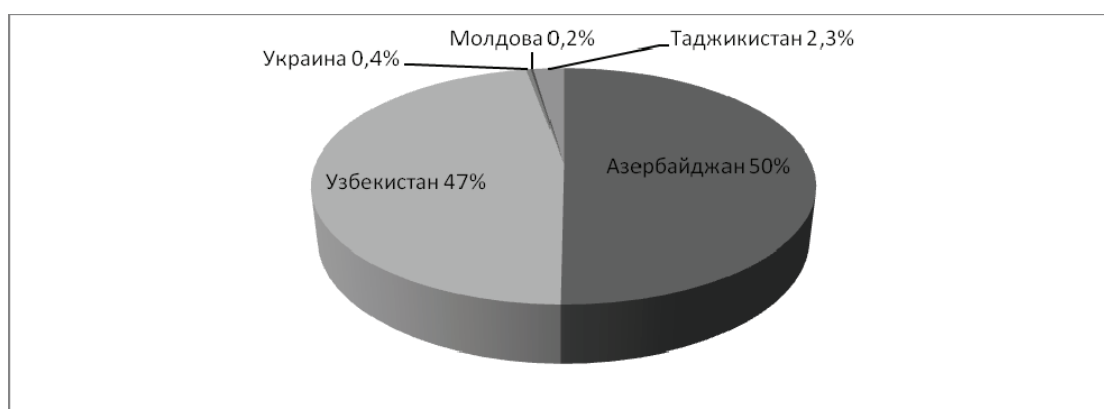

Рис. 2. Структура выдачи патентов на работу иностранным гражданам в 2017 году

Однако анализ обращений иностранных граждан за получением патента, проведенный УФМС России по РД, а также результаты проведенного авторами опроса иностранных граждан показали, что в связи с усложнением процедуры получения патента, иностранным гражданам стало выгоднее приезжать в Дагестан на срок, не превышающий трех месяцев, и осуществлять трудовую деятельность без получения патента [8].

В целях реализации Федерального закона № 357-ФЗ в Республике Дагестан изданы следующие нормативные правовые акты:

- распоряжение Правительства Республики Дагестан от 30.12.2014 г. № 411-р «Об определении уполномоченной организации в осуществлении полномочий по представлению государственной услуги по оформлению и выдаче патента», в рамках которого 21.04.2015 г. между главой РД и руководителем ФМС России заключено Соглашение о взаимодействии между ФМС России и Республикой Дагестан, предусматривающее участие уполномоченной организации (ФГУП ФМС России «Паспортно-визовый сервис») в осуществлении полномочий по представлению государственной услуги по оформлению и выдаче патентов иностранным гражданам;
- постановление Правительства Республики Дагестан от 31.12.2014 г. № 714 «Об утверждении перечня медицинских организаций, уполномоченных на выдачу на территории Республики Дагестан документов, подтверждающих отсутствие у иностранного гражданина заболевания наркоманией и инфекционных заболеваний, которые представляют опасность для окружающих, а также сертификата об отсутствии у иностранного гражданина заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека».

Анализ причин смены места жительства показывает, что в 2000 и 2005 годах основным обстоятельством, вызвавшим необходимость переселения, преобладающее число мигрантов, прибывших в республику, указало «возвращение к прежнему месту жительства».

В последующие годы среди причин в статистических талонах прибытия – убытия, вызвавших необходимость переселения мигрантов старше 14 лет, наиболее часто указываются семейные, личные обстоятельства, перемена места работы и выезд на учебу [1].

Вероятно, наиболее распространенная причина смены места жительства – «причины личного, семейного характера» – подразумевает именно неудовлетворенность качеством жизни в регионе.

В 2015 году доля мигрантов, прибывших в республику и указавших в качестве основного обстоятельства переселения «в связи с работой», увеличилась в 2,2 раза по сравнению с 2005 годом. Главным образом в республику на работу прибывают из других регионов России военнослужащие-контрактники. Мигранты из стран СНГ, в частности из Азербайджана, приезжают в поисках работы главным образом в крупные города республики – в Махачкалу, Дербент, Хасавюрт.

С 2000 по 2015 год число эмигрирующих из республики по причине «в связи с работой» стабильно превышало число прибывших по этой же причине. Так, в 2010 году в связи с работой в республику прибыло 413 человек, а выбыло 2908 человек, т.е. почти в 7 раз больше. В 2015 году эта разница составила 1,7 раза.

В 2016 году в республику прибыло 8313 иностранных граждан, имеющих высшее профессиональное образование, из них 4 доктора наук и 24 кандидата наук.

Доля мигрантов, прибывших в Дагестан на учебу, на протяжении исследуемого периода увеличилась с 1 до 11%. Для обучения в вузах из стран дальнего зарубежья в республику прибывают граждане Индии, стран Африки и др. Кроме того, на увеличение количества прибывших в республику мигрантов «в связи с учебой», возможно, повлиял «ЕГЭ-туризм».

Следует также отметить, что основная часть мигрантов является гражданами трудоспособного возраста.

Количество мигрантов трудоспособного возраста, выезжающих за пределы республики в 2016 году (41 808 чел.), увеличилось в 4,2 раза по сравнению с 2000 годом (10 057 чел.).

Число выезжающих из республики в трудоспособном возрасте преобладает над числом приезжающих в нее. В 2016 году количество выбывших мигрантов в трудоспособном возрасте на 7,4 тысячи человек превысило количество прибывших в этой возрастной группе. Доля мигрантов трудоспособного возраста в 2016 году составила 76,5% от общего числа выехавших за пределы Дагестана.

Что касается полового состава мигрантов, следует отметить, что в 2000 году доля мужчин, прибывших в республику, составила 52,7%, а выбывших за ее пределы – 53,5%. В 2015 году это соотношение составило, со-

ответственно, 55,1 и 51,5%. В то же время в общих итогах миграции число женщин стабильно превышает число мужчин за счет внутриреспубликанской миграции. Так, в 2015 году количество мигрантов женского пола в 1,5 раза превышало мигрантов мужчин.

Миграционные процессы оказывают немаловажную роль на формирование населения Республики Дагестан. Миграционный отток населения, обусловленный сложной экономической и политической ситуацией в республике, по всей видимости, сохранится, поскольку причины, побуждающие его, носят долговременный характер.

Дагестан является трудоизбыточным регионом. И пока нет серьезных оснований полагать, что в республике активно проводится работа по созданию рабочих мест. В результате трудоспособное население республики выезжает в те регионы России, которые являются экономически растущими при сокращении населения.

Успех развития региона зависит не столько от количества, сколько от качества населения, от его профессиональных и иных характеристик. Переломить сложившуюся в республике ситуацию можно, лишь планомерно проводя социально-экономические и общественно-политические преобразования, направленные на формирование благоприятной почвы для привлечения инвестиций в развитие экономики, на реализацию мер противодействия коррупции и религиозному экстремизму, на снятие социальной и межнациональной напряженности. А возможно это лишь при активном взаимодействии органов государственной власти Российской Федерации и Республики Дагестан. В основе государственной стратегии регионального развития должна лежать поддержка регионов, объективно менее способных активно воспринимать инновации. При реализации подобной стратегии следует учитывать как географическое положение региона, так и конкретный этап социально-экономического развития [3].

Основными мерами регулирования миграции в республике являются:

- реализация структурной, промышленной, научно-технической и инновационной политики, направленной на поддержание темпов экономического развития;
- формирование условий для трудовой деятельности выпускников вузов, обладающих востребованными на рынке труда профессиями и квалификациями;
- формирование условий для сокращения эмиграционного оттока и сохранения научно-технического, интеллектуального и творческого потенциала;
- развитие механизмов предоставления предприятиями ссуд работникам на приобретение жилья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Абидов М.Х., Абдулманапов П.Г., Борисова Л.А., Хаджалова Х.М. Социально-демографические аспекты развития современного Дагестана // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. – 2016. – № 1. – С. 26–33.
2. Абидов М.Х. Демографический фактор в развитии экономики Дагестана // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. – 2016. – № 2. – С. 87–90.
3. Абидов М.Х. Миграция рабочей силы и ее роль в формировании трудовых ресурсов на рынке труда Республики Дагестан // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2012. – № 5. – С. 36–39.
4. Абидов М.Х., Магомедова Л.А. Современные аспекты миграционной политики в трудоизбыточном регионе // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2015. – № 1. – С. 142–146.
5. Демографический ежегодник Дагестана 2018 г.
6. Материалы УФМС РФ по Республике Дагестан.

REFERENCES AND SOURCES

1. Abidov M.H., Abdulmanapov P.G., Borisova L.A., Hadzhalova H.M. Sotsial'no-demograficheskie aspekty razvitiya sovremennogo Dagestana // *UEPS: upravlenie, ekonomika, politika, sotsiologiya*. – 2016. – No. 1. – Pp. 26–33. (In Russ.)
2. Abidov M.H. Demograficheskiy faktor v razvitii ekonomiki Dagestana // *UEPS: upravlenie, ekonomika, politika, sotsiologiya*. – 2016. – No. 2. – Pp. 87–90. (In Russ.)
3. Abidov M.H. Migratsiya rabochey sily i ee rol' v formirovanii trudovykh resursov na rynke truda Respubliki Dagestan // *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo*. – 2012. – No. 5. – Pp. 36–39. (In Russ.)
4. Abidov M.H., Magomedova L.A. Sovremennye aspekty migratsionnoy politiki v trudoizbytochnom regione // *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo*. 2015. – No. 1. – Pp. 142–146. (In Russ.)
5. Demograficheskiy ezhegodnik Dagestana, 2018. (In Russ.)
6. Materialy UFMS RF po Respublike Dagestan. (In Russ.)

ВЫХОДЦЫ ИЗ ДАГЕСТАНА В РЕГИОНАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ПРИГРАНИЧЬЯ (на материалах Приморского края)¹

Винокурова Анна Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия). E-mail: vinokurova77@mail.ru

Адиев Асланбек Залимханович, кандидат политических наук, ученый секретарь Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук (г. Махачкала, Россия). E-mail: khalid84@mail.ru

Бийжанова Элиза Камчыбековна, научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: eliza2306@mail.ru

Аннотация. Приморье является одним из центров притяжения для выходцев из республик Северного Кавказа, в том числе и из Дагестана. Рассмотрены базовые демографические характеристики дагестанцев, проживающих в Приморском крае. Также представлены основные результаты экспертного опроса, выявляющего отношение региональных властей к выходцам из Дагестана. Исследование носило разведывательный характер. Основной вывод заключается в том, что эксперты оценивают отношения коренного населения и переселенцев из Дагестана как спокойные, что не нарушает привычной атмосферы приморских городов, отличающихся относительной толерантностью к приезжим.

Ключевые слова: социальная трансформация, региональное развитие, миграционные процессы, Приморский край, Дагестан, выходцы из Дагестана.

THE NATIVES FROM DAGESTAN IN THE REGIONS OF THE FAR EASTERN FRONTIER (a case study of Primorsky krai)

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Social Sciences, the Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia). E-mail: vinokurova77@mail.ru

Aslanbek Z. Adiev, Candidate of Sciences (Political), Academic Secretary of the Regional Centre for Ethnopolitical Studies, Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia). E-mail: khalid84@mail.ru

Eliza K. Biyzhanova, Research Fellow, Institute of Sociology, the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: eliza2306@mail.ru

Abstract. Primorye is one of the centers of attraction for natives from the North Caucasus republics, including Dagestan. This article examines the basic demographic characteristics of Dagestanis living in Primorye. It also presents the main results of an expert survey revealing the attitude of the regional authorities of Primorye to the natives from

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-03-50032-ОГН ОН-АФ.

Dagestan. The research was a reconnaissance. The main conclusion is that experts regard the relationships between the indigenous population and the natives from Dagestan as quite friendly, which does not contradict the usual state of affairs in the Primorye cities characterized by relative tolerance towards migrants.

Keywords: social transformation; regional development; migration processes, Primorye territory, Dagestan, natives from Dagestan.

В настоящее время в условиях трансформации современного российского общества на первый план выдвигается насущная необходимость определения приоритетов экономического и социального развития регионов. Это во многом объясняется тем, что в нашей стране региональные территориальные общности (а их на текущий момент насчитывается 85), имея немало общих черт, в то же время характеризуются значительными и уникальными особенностями. В качестве таковых могут рассматриваться географическое расположение, уровень урбанизации, состояние инфраструктуры.

Если учитывать эти характеристики по отношению к Приморью, то следует отметить, что Приморский край – весьма специфический субъект Российской Федерации. Это портовая и приграничная зона, которая имеет непосредственный выход на страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Край максимально, по российским масштабам, удален от европейской части страны и федерального центра.

Приморский край является наиболее благоприятной территорией с точки зрения климатических, экономических и транспортных условий среди всех субъектов, входящих в Дальневосточный федеральный округ. Здесь благоприятный климат (среднегодовая температура +4,6 °С), протяженная береговая линия, множество удобных для заходов судов бухт, включая незамерзающие, часть бухт являются глубоководными. В Приморье имеется мощный экономический потенциал: морские порты с общим объемом перевалки грузов в 2016 году в 114,3 млн тонн [2], густая железнодорожная сеть, автодорожная сеть с плотностью в 1,5 раза выше среднероссийской [8], развитая электросетевая структура, авиастроительные, судоремонтные, приборостроительные, автосборочные, механические, горнодобывающие предприятия, производства по переработке биологических ресурсов суши и моря, строительных материалов, другие предприятия.

Поэтому вполне закономерно, что Приморье – это самый заселенный дальневосточный регион, где сосредоточены наибольшие демографические ресурсы и трудовой потенциал (см. табл. 1).

Сведения таблицы 1 показывают, что на 1 января 2018 года численность населения Приморского края составляет около 2 млн чел. В других крупных дальневосточных регионах жителей значительно меньше. Так, в Хабаровском крае население примерно на полмиллиона меньше, а в Якутии – почти на миллион. Несмотря на относительное благополучие на фоне других субъектов ДФО, в Приморье сохраняется негативная демографическая ситуация. За 2017 год число жителей Приморского края уменьшилось в среднем на 10 тыс. чел.

**Численность населения в субъектах Дальневосточного
федерального округа на 1 января 2018 года (чел.)**

Субъект ДФО	Численность населения (чел.)
Амурская область	798 424
Еврейская автономная область	162 014
Камчатский край	315 557
Магаданская область	144 091
Приморский край	1 913 037
Республика Саха (Якутия)	964 330
Сахалинская область	490 181
Хабаровский край	1 328 302
Чукотский автономный округ	49 348

Источник: [7]

В то же время Приморский край обладает определенной привлекательностью для переселенцев из других регионов России. Это связано с реализацией крупных инвестиционных проектов: освоение месторождений вольфрамовых руд на севере Приморья, нефтепроводная система «Восточная Сибирь – Тихий океан», создание судостроительного комплекса «Звезда», строительство транспортного узла «Находка – Восточный», «Свободный порт Владивосток» и пр.

Как отмечают эксперты, доля прибывших в Приморский край из других субъектов Российской Федерации на протяжении достаточно длительного периода (с 1993 по 2014 гг.) относительно стабильна и составляет в среднем 30,5% [13, с. 61]. Таким образом, можно заключить, что, в целом, мотивация прибывших в Приморье не менялась.

Приморский регион традиционно считается одним из центров притяжения для жителей различных субъектов РФ, в том числе из республик Северного Кавказа, в частности, из Дагестана. В Приморье, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, проживает немногим более 2 тыс. выходцев из Республики Дагестан (РД) (национальный состав, распределение по гендерному признаку и типам поселенческих общностей представлены в табл. 2).

Сведения таблицы 2 показывают, что подавляющее большинство выходцев из Дагестана составляют мужчины (75,5%) и преимущественно проживают в городах (73,3%).

Также интересным является такой факт: 6,7% респондентов, участвовавших в переписи, указали свою национальную принадлежность именно как дагестанцы. Мы полагаем, что таким образом они стремились показать свою региональную принадлежность, общность с РД, ведь общеизвестно, что такой национальности, как дагестанец, не существует, это слово является объединяющим для множества различных народов, проживающих на территории республики. Примечательно и то, что значительная часть выходцев из Дагестана, проживающих в Приморском крае, – это лезгины (29,5%). В то время как в самой республике численность представителей этого этноса находится

на четвертом месте и составляет 13% [11]. Но данное утверждение требует проверки и дальнейшего уточнения, поскольку (как мы указали выше) 6,7% выходцев из РД идентифицировали себя как дагестанцы; а еще 6,9% либо не указали свою национальную принадлежность, либо это лица, сведения о которых получены из административных источников.

Таблица 2

Численность дагестанцев, проживающих в Приморском крае (чел.)

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
Аварцы	386	320	66	264	216	48	122	104	18
Агулы	22	10	12	11	4	7	11	6	5
Андийцы	1	1	-	1	1	-	-	-	-
Дагестанцы	138	123	15	102	90	12	36	33	3
Даргинцы	255	174	81	194	131	63	61	43	18
Дидойцы	3	3	-	3	3	-	-	-	-
Кумыки	237	188	49	154	118	36	83	70	13
Лакцы	72	56	16	54	42	12	18	14	4
Лезгины	608	426	182	472	323	149	136	103	33
Ногайцы	44	33	11	28	20	8	16	13	3
Рутульцы	18	11	7	15	8	7	3	3	-
Табасараны	115	87	28	67	54	13	48	33	15
Таты	1	1	-	1	1	-	-	-	-
Цахуры	17	11	6	17	11	6	-	-	-
Лица, не указавшие свою национальную принадлежность, включая лиц, сведения по которым получены из административных источников	144	113	31	128	99	29	16	14	2
ВСЕГО	2061	1557	504	1511	1121	390	550	436	114

Составлено по данным источников: [6; 11]

В Приморье за последние пять лет численность выходцев из Дагестана увеличилась практически в 2 раза. Согласно официальным данным, опубликованным на сайте Представительства Республики Дагестан, в Приморском крае проживает около 4 тыс. дагестанцев [1]. В целом это не так много – не более 0,3–0,5% от общей численности населения края. Но в то же время, анализируя особенности поведения дагестанцев, мы, разделяя мнение многих отечественных авторов [см.: 3; 4; 5; 12], отмечаем ряд проблем, связан-

ных с их включенностью в принимающее сообщество. В первую очередь к их числу следует отнести трудности взаимодействия с местным населением. Ведь отношение к выходцам из Дагестана неоднозначное. Часто отмечается, что они ведут себя агрессивно, составляют ячейки преступного мира, не слишком-то охотно ищут работу, предпочитая празднично проводить время.

А так ли это на самом деле? Являются ли такие социальные практики распространенными? Именно поэтому нам представилось целесообразным проведение исследования, выявляющего отношение представителей различных властных структур краевого уровня к выходцам из Дагестана и проблемам их интеграции в регионе. Для нас это первый опыт обращения к подобной проблематике, исследование носило разведывательный характер. Оно проводилось в 2017 году. Основным методом сбора информации – экспертный опрос. В качестве экспертов были опрошены руководители разных уровней, работающие в региональных органах власти, в том числе и в силовых структурах (ФСБ, МВД), а также представители академического и вузовского сообщества. Всего было опрошено 26 экспертов, которые согласились принять участие в исследовании на условиях строгой анонимности без конкретизации их места работы и должности.

Все эксперты, принявшие участие в опросе, единодушны в отношении воспроизводственного потенциала Приморского края. Ожидать существенного роста численности населения региона не приходится. В ближайшее время невозможно добиться улучшения демографической ситуации за счет естественного прироста, трудно ожидать при наблюдаемой кризисной ситуации в экономике бурного роста рождаемости. Возможно, как отмечают эксперты, действительно *«имеет смысл снять препоны для притока трудовых мигрантов в Приморье»*. Также эксперты считают, что *«нужно делать ставку на переселенцев из других регионов России, нежели на приезжих из Китая и стран СНГ... С дагестанцами гораздо меньше проблем, чем с теми же китайцами, узбеками или даже украинцами. Они являются гражданами России, им гораздо проще получить постоянную или временную регистрацию по месту жительства, а значит, и найти работу»*.

К этому следует добавить, что на привлечение населения из других регионов РФ в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) нацелен ряд федеральных инициатив. В частности, стратегическая ориентация на формирование развитой экономики и комфортной среды обитания человека, достижение среднероссийского уровня в субъектах Российской Федерации, расположенных в ДФО [10]. И, конечно же, так называемый «дальневосточный гектар» [14] – предоставление жителям ДФО и других регионов возможности получения бесплатного земельного надела, который не может превышать одного гектара (10 000 кв. м.) на срок до 5 лет (с последующим продлением аренды или оформлением собственности). Осталось найти достаточное количество людей, готовых осваивать эти участки. Однако, как считают наши эксперты, *«достаточное – точно не найти, получится – небольшое, из-за слабости самого механизма. Главная проблема – желающим предлагается большое количество запущенных или вообще не тронутых за все время своего существования территорий»*.

Но вернемся к выходцам из Дагестана. Данная категория населения не вызывает явного беспокойства у представителей власти. Очень показательна в этом отношении цитата одного из экспертов, принявших участие в исследовании: *«...а что, пусть приезжают.., рабочих рук практически везде не хватает.., тем более дагестанцы хорошо себя зарекомендовали, работая на строительстве объектов саммита АТЭС...»* Это высказывание подтверждается следующими статистическими данными: дефицит высококвалифицированных кадров на сегодняшний день составляет 25 тыс. чел., а в планах краевой администрации упоминается о создании еще 25 тыс. высокопроизводительных рабочих мест. При этом количество вакансий в 4 раза превышает количество зарегистрированных безработных: на учете стоят 15,7 тыс. чел., тогда как вакансий – почти 60 тыс. [9].

В своих суждениях и оценках эксперты одобряют деятельность национальных диаспор и некоммерческих организаций в отношении оказания помощи данной группе переселенцев. Следует отметить, что именно в описании ответов на конкретный вопрос видны преимущества неформализованного качественного исследования. Так, на вопрос «Как вам кажется, следует ли принимать в Вашем городе переселенцев из Дагестана?» большинство наших информантов ответили утвердительно. Наиболее часто встречались такие комментарии, как: *«они, как и мы, россияне»*, *«они из дружественного нам региона»*, *«как и любых других переселенцев»*, *«надо заселять регион»*. Таким образом, приморские власти видят в приеме дагестанцев в первую очередь экономическую необходимость и даже некоторую выгоду для своей территории. Выходцев из Дагестана оценивают, скорее, как *«своих»*, но в то же время нуждающихся в оказании поддержки со стороны диаспоры, землячеств.

Практически все опрошенные нами эксперты оценивают отношения местных жителей и выходцев из Дагестана как спокойные. Эксперты-силовики говорят об отсутствии каких-либо обоснованных сведений, подтверждающих мнение о том, что дагестанцы чаще совершают преступления, чем коренные жители. Суждение о том, что приезжие из РД отнимают рабочие места у коренного населения вообще не находит распространения.

Итак, по оценкам наших экспертов, в отношении выходцев из Дагестана важно избегать распространения негативных общественных предубеждений. Дагестанским землячеством в Находке и Владивостоке проводится большая работа по улучшению имиджа дагестанцев, знакомству населения Приморского края с культурой, обычаями, традициями народов РД.

В целом же можно заключить, что проблемы интеграции выходцев из Дагестана в Приморском крае требуется исследовать системно. При этом целесообразно использовать не только статистические данные, официальные документы, мнения экспертов, но и другие методы качественных и количественных социологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. В Миннаце РД прошло видеосовещание с представителем Правительства РД в Приморском крае // Официальный сайт Представительства Республики Дагестан в Приморском крае [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dagprim.ru/events/ShowEvent.aspx?id=6e2c571b-dca9-44c6-a600-6d330a9fed32> (дата обращения: 29.05.2018).
2. Деятельность морских портов России: итоги 2016 года // Портал «SUDOSTROENIE.INFO» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sudostroenie.info/novosti/18060.html> (дата обращения: 25.05.2018).
3. *Капустина Е.Л.* Выходцы из Дагестана в Западной Сибири: к вопросу о формировании транслокальных сообществ // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента: коллективная монография. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. С. 96–114.
4. *Капустина Е.Л.* Собственность на Север: мигранты из Дагестана и освоение городского пространства в Западной Сибири (на примере г. Сургут) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 5 (76). С. 158–176.
5. Кто такие дагестанцы и почему они ведут себя «не так»? // Блог Али Аскерова «Танцы народов Кавказа» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tancikavkaza.ru/dagestancy/> (дата обращения: 17.05.2018).
6. Национальный состав населения Приморского края по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года // Справочно-правовая система «Право.ru» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/28340604> (дата обращения: 15.05.2018).
7. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2018 года и в среднем за 2017 год // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 27.05.2018).
8. Постановление Администрации Приморского края от 07.12.2012 г. № 382-па Об утверждении государственной программы Приморского края «Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края» на 2013–2020 годы. 2012 г. // Официальный сайт Администрации Приморского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/state-programs.php> (дата обращения: 12.05.2018).
9. Прогноз численности населения Приморского края // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 16.05.2018).
10. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 № 2094-р «О Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.». // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6632462/#ixzz4WjT9KwLJ> (дата обращения: 22.05.2018).
11. Республика Дагестан // Личный сайт Валерия Тишкова «ValeryTishkov.ru» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k_/respublika2.html (дата обращения: 25.05.2018).
12. *Халидова О.Б., Халилова А.С., Габеков Г.Ф.* Дагестанцы глазами ставропольчан: взаимодействие в повседневной жизни (1980–2010 гг.) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 712.

13. Храмова М.Н. Миграционные процессы в Приморском крае: факторы и закономерности // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 3. С. 59–61.

14. Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01.05.2016 № 119-ФЗ. 2016 г. // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения: 14.05.2018).

REFERENCES AND SOURCES

1. V Minnatse RD proshlo videosoveschanie s predstavitelem Pravitel'stva RD v Primorskom krae // Ofitsial'nyy sayt Predstavitel'stva Respubliki Dagestan v Primorskom krae URL: <http://dagprim.ru/events/ShowEvent.aspx?id=6e2c571b-dca9-44c6-a600-6d330a9fed32> (accessed: 29.05.2018). (In Russ.)

2. Deyatel'nost' morskikh portov Rossii: itogi 2016 goda // Portal «SUDOSTROENIE.INFO» URL: <http://sudostroenie.info/novosti/18060.html> (accessed: 25.05.2018). (In Russ.)

3. Kapustina E.L. Vyhodtsy iz Dagestana v Zapadnoy Sibiri: k voprosu o formirovaniy translokal'nyh soobshchestv // *Etnokul'turnye landshafty na postsovet'skom prostranstve: problemy i osobennosti formirovaniya dagestanskogo komponenta*: kollektivnaya monografiya. Mahachkala: IIAE DNTS RAN, 2014. Pp. 96–114. (In Russ.)

4. Kapustina E.L. Sobstvennost' na Sever: migranty iz Dagestana i osvoenie gorodskogo prostranstva v Zapadnoy Sibiri (na primere g. Surgut) // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2014. Vol. XVII. No. 5 (76). Pp. 158–176. (In Russ.)

5. Kto takie dagestantsy i pochemu oni vedut sebya «ne tak»? // Blog Ali Askerova «Tantsy narodov Kavkaza» URL: <http://tanci-kavkaza.ru/dagestancy/> (accessed: 17.05.2018). (In Russ.)

6. Natsional'nyy sostav naseleniya Primorskogo kraya po itogam Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda // Spravochno-pravovaya sistema «Pravo.ru» URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/28340604> (accessed: 15.05.2018). (In Russ.)

7. Otsenka chislennosti postoyannogo naseleniya na 1 yanvarya 2018 goda i v srednem za 2017 god // Ofitsial'nyy sayt Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed: 27.05.2018). (In Russ.)

8. Postanovlenie Administratsii Primorskogo kraya ot 07.12.2012 g. № 382-pa Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Primorskogo kraya «Ekonomicheskoe razvitie i innovatsionnaya ekonomika Primorskogo kraya» na 2013–2020 gody. 2012 // Ofitsial'nyy sayt Administratsii Primorskogo kraya URL: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/state-programs.php> (accessed: 12.05.2018). (In Russ.)

9. Prognoz chislennosti naseleniya Primorskogo kraya // Ofitsial'nyy sayt Territorial'nogo organa Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Primorskomu krayu. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/ru/statistics/population/ (accessed: 16.05.2018). (In Russ.)

10. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28.12.2009 № 2094-r «O Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka i Baykal'skogo regiona na period

do 2025 g.». // Informatsionno-pravovoy portal «GARANT.RU» URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6632462/#ixzz4WjT9KwLJ> (accessed: 22.05.2018). (In Russ.)

11. Respublika Dagestan // Lichnyy sayt Valeriya Tishkova «ValeryTishkov.ru» URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k_/respublika2.html (accessed: 25.05.2018). (In Russ.)

12. Halidova O.B., Halilova A.S., Gabekov G.F. Dagestantsy glazami stavropol'chan: vzaimodeystvie v povsednevnoy zhizni (1980–2010 gg.) // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2014. No. 5. Pp. 712. (In Russ.)

13. Hramova M.N. Migratsionnye protsessy v Primorskom krae: faktory i zakonomernosti // *Regional'nye problemy*. 2015. Vol. 18. No. 3. Pp. 59–61. (In Russ.)

14. Federal'nyy zakon «Ob osobennostyah predostavleniya grazhdanam zemel'nyh uchastkov, nahodyaschihsya v gosudarstvennoy ili munitsipal'noy sobstvennosti i raspolozhennyh na territoriyah sub"ektov Rossiyskoy Federatsii, vhodyaschih v sostav Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga, i o vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii» ot 01.05.2016 № 119-FZ. 2016 // Ofitsial'nyy sayt kompanii «Konsul'tantPlyus» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (accessed: 14.05.2018). (In Russ.)

ДИАСПОРЫ КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Злотников Анатолий Геннадьевич, кандидат экономических наук, профессор кафедры права и экономических теорий Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации (г. Гомель, Беларусь). E-mail: zlot@tut.by

Маньшин Роман Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий отделом миграции и миграционной политики Института социально-политических исследований РАН, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО (Университет) МИД России (Москва, Россия). E-mail: manshin@list.ru

Аннотация. В статье анализируются изменения в этнической структуре Республики Беларусь конца 1980-х – начала 2000-х годов. Рассматривается место в них кавказских народов. Дана характеристика деятельности общественных международных и национальных объединений Республики Беларусь, представляющих интересы этнических диаспор. Акцент делается на функционировании диаспор кавказских народов и прежде всего народов Дагестана. Показывается роль общественных национальных объединений Беларуси по сохранению национальной самобытности, идентичности этносов, языковой, культурной и духовной связи со своими соотечественниками. Результатом их функционирования являются процессы успешной адаптации, интеграции и ассимиляции нетитульных этносов в социально-политических процессах страны.

Ключевые слова: диаспора, Беларусь, Дагестан, кавказские этносы, миграция, белорусско-кавказская миграция, международные и национальные объединения.

DIASPORAS OF CAUCASIAN PEOPLES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Anatoly G. Zlotnikov, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Professor of the Department of Law and Economic Theories, Belarusian Trade and Economic University of Consumer Cooperatives (Gomel, Belarus). E-mail: zlot@tut.by

Roman V. Manshin, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO University (Moscow, Russia). E-mail: manshin@list.ru

Abstract. The article analyzes changes in the ethnic structure of the Republic of Belarus in the late 1980s – early 2000s. The particular attention is paid to the role which the Caucasian peoples played in this process. The article also outlines the activities of public international and national associations of the Republic of Belarus representing the interests of ethnic diasporas. The emphasis is put on the functioning of the diasporas of the Caucasian peoples and, first of all, the peoples of Dagestan. The role of public national associations of Belarus in preserving national identity, identity of ethnic groups, language, cultural and spiritual ties with their compatriots is shown. Their functioning contributes to the processes of successful adaptation, integration and assimilation of non-titular ethnic groups in the socio-political processes of the country.

Keywords: diaspora, Belarus, Dagestan, Caucasian ethnic groups, migration, Belarusian-Caucasian migration, international and national associations.

Белорусско-кавказская миграция имеет давнюю историю. Причем белорусских корней на Кавказе в дореволюционное время, по данным переписи 1897 г., было больше, чем кавказских в Беларуси. В советское время ситуация стала иной. Спустя 90 лет – по материалам последней советской переписи населения (1989 г.) – в результате активных миграционных процессов прошедших лет этническая ситуация Беларусь-Кавказ характеризовалась следующим образом. В Белорусской ССР, по данным переписи 1989 г., проживало: армян – 4933 чел., азербайджанцев – 5009 чел., грузин – 2840 чел. и около полутора тысяч человек этносов народов Дагестана. Причем многие из них были интегрированы в белорусское общество, о чем свидетельствуют данные переписи 2009 г. о численности родившихся в Беларуси, а также прибывших мигрантов. Процент родившихся и постоянно проживающих в Республике Беларусь из общей численности этносов составлял: армян – 15,0%, азербайджанцев – 16,7% и грузин – 18,8%. Из остальной численности – армян (85,0%), азербайджанцев (83,3%) и грузин (81,2%), являющихся в Республике Беларусь, по данным последней национальной переписи населения страны, мигрантами, это были не только мигранты из новых независимых сегодня государств (Армении, Азербайджана и Грузии), но и мигранты из различных регионов Российской Федерации.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда в тогдашнем СССР, и особенно в кавказских регионах, а также в новых суверенных государствах произошло обострение социально-политических отношений, вылившихся в национальные конфликты, массовым стал исход славянских народов, в т.ч. и белорусов. Самое большое уменьшение численности белорусов приходится на регионы России, где велись военные действия. Согласно переписи населения 1989 г., в тогдашней Чечено-Ингушской АССР проживало 2577 белорусов. Ныне в новых республиках на территориях Северо-Кавказского региона белорусов стало в 10 раз меньше. Всего лишь 23 белоруса зафиксировала российская перепись 2002 года в Республике Ингушетии и 222 человека в Чечне. Возвращались в Беларусь и белорусы из смешанных этнических браков.

Ныне в Республике Беларусь кроме этнических белорусов проживают представители 140 наций и народностей, 18 из которых имеют численность более одной тысячи человек. Из представителей кавказских народов наибольшую численность составляют армяне – 8512 чел., азербайджанцы – 5567 чел. и грузины – 2400 чел. (данные национальной переписи 2009 г.). Кроме того, в Республике Беларусь проживает более 3110 чел. представителей еще 28 других кавказских народов Российской Федерации. Среди них наибольшая численность приходится на 17 народов Дагестана – 1360 чел. Из них наиболее представлены 4 этноса (с численностью более 100 чел.): лезгины – 470 чел., кумыки – 329 чел., аварцы – 238 чел. и даргинцы – 119 чел. Кроме того, этническую палитру народов Дагестана в Республике Беларусь представляют лакцы, табасараны, ногайцы, таты, гунзибцы, кубачинцы, андийцы, цахуры, кайтагцы, чамалинцы, агулы, арцинцы и рутульцы.

Из других кавказских народов в Республике Беларусь проживает: осетин – 759 чел., чеченцев – 376 чел., абхазцев – 199 чел., кабардинцев – 157 чел., ин-

гушей – 129 чел., а также калмыки, адыгейцы, балкарцы, черкесы, удины и абазыны, численность которых составляет от 51 до 7 чел. [5].

На протяжении последних тридцати лет существенной характеристикой миграционных процессов стала этническая миграция. Периодом высоких темпов миграционного прироста населения Беларуси стали 1990-е годы, чему ярким доказательством является сравнение динамики прироста за 1989–1999 гг. роста численности армян, составивший 2,1 раза – с 4933 чел. в 1989 г. до 10191 чел. в 1999 г. Это самый высокий показатель прироста в Республике Беларусь народов кавказского региона. В результате армяне в этнической структуре населения Беларуси по численности переместились с восьмого места в 1989 г. на шестое место в 1999 г., уступая, естественно, белорусам, а также русским, полякам, украинцам и евреям. В 1989 г. более высокое место занимали татары и цыгане. Численность азербайджанцев за этот период увеличилась на 27% – с 5009 чел. до 6362 чел. Наблюдался и прирост численности грузин в Республике Беларусь, составивший 6,7% – с 2840 чел. до 3031 чел. Однако в последнее десятилетие численность населения этих этнических групп в Республике Беларусь сократилась: армян – с 10191 чел. до 8512 чел., азербайджанцев – с 6387 чел. до 5567 чел., а грузин стало даже меньше, чем в советский период – с 3031 чел. до 2400 чел. [6].

В 1990–2000-х годах фактором национальных процессов в условиях развала единого социально-экономического и демографического пространства стало формирование и укрепление национального самосознания. В целях создания условий и сохранения национальной культуры в Беларуси началось формирование диаспор этнических групп, проживающих вне исторической родины своего этноса. Формирование и функционирование диаспор способствует сохранению национальной самобытности, содействует сохранению идентичности этносов, проживающих вне пределов своего народа, укреплению связей со своей исторической родиной. Важным направлением деятельности диаспор является сохранение языковой, культурной и духовной связи со своими соотечественниками на родине [8].

Особенностью исторического советского прошлого этнических групп, давно живущих вне своей этнической родины, является тот факт, что многие из них не являются мигрантами в первом поколении, а родились в последнем и даже в предпоследнем поколении вне пределов родины происхождения их предков. Выше было отмечено, что среди наиболее многочисленных в Беларуси кавказских этносов 15,0% армян, 16,7% азербайджанцев и 18,8% грузин родились в советское время в Белорусской ССР и в Республике Беларусь. Их жизнь и деятельность вне своего этноса происхождения свидетельствует об их успешной адаптации и интеграции, результатом которых является и ассимиляция. Материалы переписей населения и социологических исследований свидетельствуют об этой их успешности, проявляющейся прежде всего в межэтнических браках.

Так, уже в новых исторических, постсоветских условиях по материалам исследований управления по миграции Гомельского облисполкома за период 2010–2015 гг. было заключено 108 смешанных браков с гражданками

Республики Беларусь, в которых один из членов семьи являлся иностранцем, в том числе 105 браков с выходцами стран Закавказья (Азербайджана, Грузии и Армении). И в 46,7% таких семей имеются общие дети. В тех семьях, где у супругов (с армянами и грузинами) близкие конфессиональные ценности (христианские), процент семей, имеющих общих детей, – 50%. В семьях же с различными конфессиональными и ментальными ценностями (христианские – белоруски и мусульманские – азербайджанцы) – процент имеющих детей в таком браке составил 41,9% [2]. Исследованием на основе анализа материалов сайта Telegraf.by с апреля 2012 по апрель 2013 гг. было выявлено, что в Беларуси в 30 случаев межэтнических браков были факты даже принятия ислама или вступления в мусульманский брак. В 2014 г. уже было выявлено 42 таких случая, из которых 31 случай зафиксирован в столице – Минске, и 10 случаев – в Гомеле [3].

Отметим, что исследования межнациональных отношений и приживаемости мигрантов в окружении других этносов и прежде всего господствующей нации выявляют, что дети и внуки мигрантов (т.е. мигрантов во втором и последующих поколениях) более успешно ассимилируются, а также усваивают и осваивают социокультурные ценности титульных этносов, в том числе и языковые [4], и тем самым отдаляются от своего этноса. И это обстоятельство требует совершенствования форм и методов сохранения и укрепления национальной самобытности нетитульных этносов и включения их творческой и созидательной энергии в общественную жизнь страны.

Особенно это важно на фоне обострения социально-политических процессов, вылившихся в конце 1980-х – 1990-х гг. в СССР и на постсоветском пространстве в этнические конфликты, которые породили и негативное отношение к чужим этносам и мигрантам. И в этом плане деятельность диаспор в форме общественных международных и национальных объединений способствует преодолению, нейтрализации негативных явлений. В Республике Беларусь насчитывается 21 организационная структура общественных международных и национальных объединений. Это общественные объединения: русских («Русское общество»), украинцев («Ватра»), поляков («Союз поляков на Беларуси»), евреев («Союз белорусских еврейских общин»), цыган («Белорусская цыганская диаспора»), греков («Алкестид»), казахов («Ата-мекен»), корейцев («Ассоциация белорусских корейцев»), латышей Витебской области («Даугава»), литовцев («Белорусская община литовцев»), молдаван (община «Молдова»), немцев («Мосты»), палестинцев («Палестинская община»), татаро-башкир («Чишма»), татар («Зикр-уль-Китаб» или «Память») турок («Дружба-Достлук»), чувашей («Шупашкар» или «Белый город») [1].

Среди этих общественных объединений особняком стоит общественное объединение русских и частично общественное объединение украинцев. Дело в том, что, во-первых, наряду с белорусским языком русский язык в Республике Беларусь является государственным языком, и, во-вторых, большинство населения использует в повседневном общении, бытовой и трудовой деятельности, учебном процессе, культурной сфере преимущественно русский язык. И потому деятельность этнических русских, удельный вес которых в этниче-

ской структуре Беларуси превышает более десяти процентов (а в Беларуси это наиболее ощутимо), осуществляется в их родной языковой и культурной сфере. И в этом плане, как справедливо отмечают С.В. Рязанцев и А.А. Гребенюк, «традиционный термин “диаспора” практически не применим к русским и российским гражданам, живущим за пределами России» [7, с. 5]. А вот использование русского языка в Беларуси в качестве государственного является важным фактором успешной деятельности и диаспор этносов бывшего Советского Союза.

Руководители этнокультурных общественных организаций входят в состав Консультативного межэтнического совета при Уполномоченном по делам религий и национальностей Совета Министров Республики Беларусь. А с 2003 года в Беларуси отмечается Всемирный день культурного разнообразия во имя мира и диалога, провозглашенный Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 2002 г.

Значительное место среди диаспор в Республике Беларусь занимают этнические общественные объединения армян, азербайджанцев, грузин и народов Дагестана. Одной из первых в Беларуси произошла институционализация самой многочисленной из кавказских народов – армянской диаспоры. Армяне не относятся к числу тех народов, которые жили в Беларуси столетиями, хотя связи между армянами и белорусами существовали очень давно. Главным образом это было обусловлено торговой необходимостью. Особенно активной стала миграция армян в Беларусь в советский период, в основном после Великой Отечественной войны.

Самый известный армянин в Беларуси в послеоктябрьский период – Александр Мясников (Мясникян). Он был Председателем ЦБ КП(б)Б, Председателем ЦИК Белорусской ССР, заместителем Председателя СНК и наркомом по военным делам БССР. В Минске именем А. Мясникова назван вагоноремонтный завод, на территории которого в его честь установлен памятник. Имя Мясникова носят также одна из площадей в центре Минска и прилегающая к ней улица, где установлена мемориальная доска.

В Беларуси, согласно последней Всесоюзной переписи населения (1989 г.), проживало 4933 армян. В 1990 г. представители армянской интеллигенции, проживавшие в Минске, создали культурно-просветительское общество «Айастан» (Армения). Общество «Айастан» объединило вокруг себя армян, живущих в Минске и Минской области, а также дало возможность желающим изучать армянский язык, историю армянского народа, участвовать в культурной жизни общества.

Позже армянские общественные организации были созданы также в Могилеве («Масис»), Гродно («Мусалер») и Бобруйске («Урарту»). Неформальные армянские объединения есть и в других областных центрах Беларуси – Бресте, Витебске и Гомеле. В Минске, Бобруйске, Могилеве работают воскресные школы, в которых армянские дети изучают язык, историю, культуру своего народа. Минская, могилевская и бобруйская организации имеют библиотеки и фильмотеки; при минском обществе также есть фототека и архив. В Минске созданы детский танцевальный ансамбль, ансамбль школьников, куда входят ученики

минской воскресной школы, и фольклорный ансамбль «Эребуни». Сегодня самой известной в Беларуси является популярная певица армянского происхождения Искуи Абалян-Боровская, родившаяся в Бишкеке (Киргизия).

Жизнь армянской общины Беларуси отражают белорусские издания, международная газета армян «Ноев ковчег», которая издается в России, и международный журнал «Анив» («Колесо»), который издается в Минске. Газета «Ноев ковчег» имеет в Беларуси собственного корреспондента.

Среди кавказских народов в современной Беларуси для армян характерны самые высокие миграционные процессы. Динамика изменения численности армян периода миграционного исхода (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) характеризуется следующими данными – с 4933 чел. в 1989 г. до 10191 чел. в 1999 г., т.е. увеличение численности армян составило более чем 2,1 раза. Это был самый высокий этнический миграционный прирост населения в Республике Беларусь в последнем десятилетии XX века. А в первом десятилетии XXI века, наоборот, для этнических армян в Беларуси были характерны самые высокие показатели эмиграционных тенденций. В результате численность этнических армян в Республике Беларусь уменьшилась более чем на 1600 чел.: с 10191 чел. в 1999 г. до 8512 чел. в 2009 г. Это в 2 раза выше эмиграционного показателя этнических азербайджанцев в Беларуси.

В 1991 г. состоялась институционализация второй по численности диаспоры кавказских народов – азербайджанцев – общества белорусских азербайджанцев «Гобустан», численность которых, по данным последней советской переписи населения (1989 г.) в Беларуси, составляла 5009 чел. и что по численности было тогда самой наибольшей среди кавказских народов в Беларуси этнической общностью.

Позже было зарегистрировано Международное общественное объединение «Конгресс азербайджанских общин», в которое в настоящее время входят общественные объединения «Гобустан» (Минск), «Азери» (Могилев и Могилевская область), «Достлуг» (Гродно), а также отделения Конгресса азербайджанских общин в Бобруйске и Гомеле. Также зарегистрированы Брестское, Витебское и Минское областные отделения азербайджанцев.

Первое постсоветское десятилетие характеризовалось значительным приростом граждан Беларуси азербайджанской национальности. По результатам переписи 1999 г., в Республике Беларусь проживало 6387 граждан азербайджанской национальности, что почти на 1380 чел. больше, чем десятилетие назад. Но за первое десятилетие XXI века численность граждан азербайджанской национальности в Республике Беларусь уменьшилась почти на 800 чел., что составило по переписи 2009 г. – 5567 чел. Помимо азербайджанцев, имеющих белорусское гражданство, в Беларуси постоянно живут представители этой национальности – граждане стран бывшего СССР. Информацию о жизни общины публикует журнал «Ире» («Наследие»), регулярно поступающий в Беларусь (журнал издается в Российской Федерации). В Минске «Конгрессом азербайджанских общин» создана школа выходного дня, в которой изучается история, география, культура, традиции азербайджанского народа, а также азербайджанский язык. Азербайджанская община Беларуси имеет библиотеку и фильмотеку,

размещены они в минском офисе Конгресса азербайджанских общин. В Могилеве создан азербайджанский детский вокальный ансамбль.

Миграция грузин в Беларусь пришла в основном на период после Октябрьской революции, причем большая часть представителей грузинского народа поселилась здесь в послевоенный период. Следует отметить, что, значительную их часть представляли работники органов НКВД, которые в Белорусской ССР возглавлял «белорусский Берия» – Цанава. По материалам первой послевоенной Всесоюзной переписи населения (1959 г.), грузины среди кавказских этносов были одним из самых многочисленных этносов с учетом общей численности грузин в Советском Союзе. Национальный состав населения кавказских народов согласно переписи населения 1959 г., был следующим: армяне – 1751 чел., грузины – 1745 чел. и азербайджанцы – 1492 чел. Следующее межпереписное десятилетие (1959–1970 гг.) выявило уменьшение в Белорусской ССР численности грузин – с 1745 чел. до 1291 чел. (на 26,0%), азербайджанцев – с 1402 чел. до 1335 чел. (4,8%) при 35-процентном росте армян – с 1751 чел. до 2362 чел.

По данным переписи 1999 г., после которой произошла институционализация грузинской диаспоры, в Беларуси проживало немногим более 3 тысяч граждан грузинской национальности. Первое общественное объединение было создано в 2000 г. в Гродно (хотя в Гродненской области перепись 1999 г. зафиксировала только около 9% белорусских грузин). Позже были также зарегистрированы Могилевское городское общественное объединение «Грузинская община «Иверия» и в Минске (где в столице, а также в столичной области проживает почти 40% белорусских грузин) – общественное объединение «Грузинское культурно-просветительное общество «Мамули».

Грузинская община Беларуси имеет свою малотиражную газету «Мамули». В Минске при Центре творчества детей и молодежи «Эврика» и в Могилеве работают воскресные школы, в которых грузинские дети имеют возможность изучать родной язык, историю, культуру и традиции Грузии.

В 1999 г. в Минске при поддержке Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев в Республике Беларусь и центра «Эврика» организован и ныне действует детский грузинский вокально-хореографический ансамбль «Самшобло» («Родина»). Детские вокально-хореографические ансамбли есть также в Гродно и Могилеве.

В 2002 г. было создано Международное общественное объединение дагестанцев «Очаг». Цели объединения – сохранение и развитие духовных и культурных традиций дагестанского народа, содействие сближению народов Беларуси и России, в том числе и Дагестана с Беларусью. Дагестан уникален своей полиэтничностью: около 40 коренных национальностей веками живут на этой земле, и как семена в гранате плотно прижаты друг к другу, так и дагестанцы живут одной семьей. Дагестан обогатил палитру полиэтнического белорусского общества 17 национальностями.

Отделения «Очага» есть в каждой области Беларуси и в г. Махачкала в Республике Дагестан. Двери объединения открыты для всех, кому интересны культура и история Дагестана, независимо от гражданства и национальности.

Объединение «Очага» ежегодно проводит Ноябрьские гамзатовские чтения, посвященные великому дагестанскому поэту Расулу Гамзатову. В библиотеке № 4 г. Минска открыт уголок литературы, в котором представлены книги на аварском, даргинском, лезгинском и лакском языках.

Деятельность общественного объединения дагестанцев «Очаг» также направлена на сохранение в исторической памяти и великих сыновей дагестанского народа. В частности, белорусы и дагестанцы гордятся сыновьями Дагестана, участвовавшими в боях на территории Беларуси во время Великой Отечественной войны, среди которых – погибший при защите Брестской крепости в июне 1941 г. Хасан Сапович Салгереев, Герой Советского Союза, почетный гражданин города Рогачева Гомельской области Эльмурза Беймурзаевич Джумагулов, Герой Советского Союза Якуб Сулейманов, участвовавший в боях за освобождение г. Барановичи.

Деятельность по созданию условий и сохранению этнической культуры, формированию и укреплению национального самосознания проводят не только общественные международные и национальные объединения, но и другие белорусские общественные организации. Так, в 2002 г. на базе Костюковского сельского Дома культуры Борисовского района Минской области создано любительское объединение представителей национальных культур «Шматгалоссе» («Многоголосье»), в составе которого 40 участников 14 национальностей, проживающих на Борисовщине. Объединение «Шматгалоссе» представляет маленькую модель многонационального белорусского общества, в котором соединение разных культур обогащает каждого и делает их жизнь более яркой и интересной. Участники объединения собираются вместе на все национальные праздники, угощают друг друга национальными блюдами и делятся секретами их приготовления, рассказывают о традициях своих народов.

«Шматгалоссе» – не единственное объединение подобного рода в Беларуси. В Ганцевичском районе Брестской области на базе городского Дома культуры действует Клуб национальных культур «Карагод» («Хоровод»). В высших учебных заведениях Беларуси, где имеются учебные мигранты, проводятся праздники национальных культур, которые органически вписываются в культурную жизнь Беларуси под девизом «Малая Родина». А на базе городского музея самого молодого города Беларуси, города белорусских нефтяников – Новополоцка, национальную палитру которого составляют более сорока этносов народов бывшего Советского Союза, также планируется создание многонационального общественного объединения.

Таким образом, миграционные процессы, являющиеся характерной чертой демографической истории белорусского народа и государства, в котором в период постсоветского миграционного исхода не было межнациональных конфликтов, и государство, которое в конце 1980-х – начале 1990-х гг. стало страной этнической иммиграции, породили процесс национальной институционализации диаспор в деле сохранения и укрепления национального самосознания, национальной самобытности и созидательной энергии многочисленных и разнообразных этносов, проживающих в Республике Беларусь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Беларусь многонациональная: материалы справочного издания аппарата уполномоченного по делам религий и национальностей Республики Беларусь. – Гомель, БТЭУ, 2011. – 38 с.
2. Злотников А.Г., Смалюга А.К. Адаптация и интеграция мигрантов в контексте миграционной политики Республики Беларусь // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: сборник материалов 3-й Международной научно-практической конференции, 26–29 октября 2016 г., СКФУ, ИСПИ РАН / Под ред. проф., д-ра геогр. наук В.С. Белозерова. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. – С. 89–99.
3. Карабулатова И.С., Карабулатова А.С., Кушниренко В.А. Исламский радикализм в России, Беларуси и Казахстане // Миграция и демографическое развитие Республики Беларусь и сопредельных стран // Демография. Социология. Экономика. – 2017. – Т. 3, – № 2 / под ред. чл.-корр. РАН С.В. Рязанцева, к.ф.-м. н. М.Н. Храмовой. – М.-Минск, 2017. – С. 293–301.
4. Народы, культуры и социальные процессы на пограничье: материалы Международной науч.-практ. конф. (Гродно, 22–23 февр. 2010 г.) / ГрГУ им. Я. Купалы. [и др.]; редкол.: Е.М. Бабосов (отв. ред.). [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2010. – 417 с.
5. Национальный состав населения Республики Беларусь и распространенность языков. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года. Статистический сборник. Том 1. – Минск: Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 2001. – 451 с.
6. Национальный состав населения Республики Беларусь. Перепись населения 2009. Том III. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011. – 438 с.
7. Рязанцев С.В., Гребенюк А.А. «Наши» за границей. Русские россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию. – М.: ИСПИ РАН, 2014. – 238 с.
8. Тощенко Ж.Т. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. Этносоциологические очерки. – М.: РГГУ, 1997. – 260 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. *Belarus' mnogonatsional'naya*: materialy spravochnogo izdaniya apparata upolnomochennogo po delam religiy i natsional'nostey Respubliki Belarus'. – Gomel', BTEU, 2011. – 38 pp. (In Russ.)
2. Zlotnikov A.G., Smalyuga A.K. Adaptatsiya i integratsiya migrantov v kontekste migratsionnoy politiki Respubliki Belarus' // *Migratsionnye protsessy: problemy adaptatsii i integratsii migrantov*: sbornik materialov 3 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 26–29/10/2016, SKFU, ISPI RAN / Ed. V.S. Belozerova. – Stavropol': Izd-vo SKFU, 2016. – Pp. 89–99. (In Russ.)
3. Karabulatova I.S., Karabulatova A.S., Kushnirenko V.A. Islamskiy radikalizm v Rossii, Belarusi i Kazahstane // *Migratsiya i demograficheskoe razvitie Respubliki Belarus' i sopredel'nyh stran* // *Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika*. – 2017. – Vol. 3, – No. 2 / Ed. S.V. Ryazantsev, M.N. Khramova. – M.-Minsk, 2017. – Pp. 293–301. (In Russ.)
4. *Narody, kul'tury i sotsial'nye protsessy na pogranych'e*: materialy Mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konf. (Grodno, 22–23/02/2010) / GrGU im. Ya. Kupaly. Ed.: E.M. Babosov. – Grodno: GrGU, 2010. – 417 pp. (In Russ.)

5. Natsional'nyy sostav naseleniya Respubliki Belarus' i rasprostranennost' yazykov. *Itogi perepisi naseleniya Respubliki Belarus, 1999*. Statisticheskii sbornik. Vol 1. – Minsk: Ministerstvo statistiki i analiza Respubliki Belarus', 2001. – 451 pp. (In Russ.)
6. Natsional'nyy sostav naseleniya Respubliki Belarus'. *Perepis' naseleniya, 2009*. Vol. III. – Minsk: Natsional'nyy statisticheskii komitet Respubliki Belarus', 2011. – 438 pp. (In Russ.)
7. Ryazantsev S.V., Grebenyuk A.A. «Nashi» za granitsey. *Russkie rossiyanе, russkogovoryaschie, sootchestvenniki: rasselenie, integratsiya i vozvratnaya migratsiya v Rossiyu*. – M.: ISPI RAN, 2014. – 238 pp. (In Russ.)
8. Toschenko Zh.T. *Postsovetskoe prostranstvo: suverenizatsiya i integratsiya. Etnosotsiologicheskie ocherki*. – M.: RGGU, 1997. – 260 pp. (In Russ.)

АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В УНИВЕРСИТЕТАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА¹

Белозеров Виталий Семенович, доктор географических наук, профессор, советник при ректорате, заведующий кафедрой социально-экономической географии, геоинформатики и туризма Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия). E-mail: vsbelozеров@yandex.ru

Щитова Наталия Александровна, доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия). E-mail: stavgeo@mail.ru

Соловьев Иван Алексеевич, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия). E-mail: soloivan@mail.ru

Чихичин Василий Васильевич, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия). E-mail: wawachi@yandex.ru

Аннотация. На примере крупнейшего в макрорегионе Северо-Кавказского федерального университета на основании результатов социологических исследований анализируются особенности адаптации иностранных студентов на Северном Кавказе. Основная проблема адаптации иностранных студентов – языковой барьер, с которым представители из разных стран справляются с разной степенью успешности. Наиболее продвинуты в этом плане выходцы из стран постсоветского пространства, наименее – из стран Ближнего Востока. От решения этой проблемы в основном зависят другие аспекты адаптации – социокультурного диалога, отношений с принимающим сообществом, в целом получение качественного высшего образования. К числу других проблем, беспокоящих студентов, относятся привыкание к новым климатическим условиям, коррупция, взаимоотношения с полицией, незнание культуры, обычаев, норм поведения принимающего сообщества.

Ключевые слова: иностранные студенты, адаптация иностранных студентов в России, иностранные студенты на Северном Кавказе, иностранные студенты в Ставрополе, Северо-Кавказский федеральный университет.

PROBLEMS OF ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS IN THE NORTHERN CAUCASUS

Vitaly S. Belozеров, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Advisor to Rector, Head Department of Social and Economic Geography, Geoinformatics and Tourism, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia). E-mail: vsbelozеров@yandex.ru

Natalia A. Schitova, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Department of Social and Economic Geography, Geoinformatics and Tourism, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia). E-mail: stavgeo@mail.ru

Ivan A. Solovyov, Candidate of Sciences (Geographical), Associate Professor, Department of Social and Economic Geography, Geoinformatics and Tourism, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia). E-mail: soloivan@mail.ru

¹ Исследование проведено при государственной поддержке ведущих научных школ по гранту Президента Российской Федерации № НШ-9300.2016.6.

Vasily V. Chihichin, Candidate of Sciences (Geographical), Associate Professor, Department of Social and Economic Geography, Geoinformatics and Tourism, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia). E-mail: wawachi@yandex.ru

Abstract: For example, the largest in the macro-region of the North Caucasus Federal University based on the results of sociological research analyzes the features of adaptation of foreign students in the North Caucasus. The main problem of adaptation of foreign students – the language barrier, which representatives from different countries to cope with varying degrees of success. The most advanced in this regard come from the post-Soviet countries, the least – from the Middle East. From the solution of this problem depends mainly on other aspects of adaptation – the socio-cultural dialogue, relations with the host community, in general, receive a quality higher education. Other issues of concern to students, are getting used to the new climatic conditions, corruption, relations with the police, not knowing the culture, customs, and norms of behavior of the host community.

Keywords: foreign students, adaptation of foreign students in Russia, foreign students in the North Caucasus, the foreign students in Stavropol, North-Caucasian Federal University.

Образовательная миграция по своим масштабам выходит на ведущие роли в России. В структуре иммиграции она прочно находится на третьей позиции после трудовых мигрантов и соотечественников. Это один из самых быстро развивающихся видов миграции. Образовательная миграция оказывает позитивное влияние на экономику России, а также на социальную, политическую и демографическую сферы жизнедеятельности.

В последние годы все больше иностранных студентов обучается в российских региональных вузах, для которых их обучение стало новым явлением. Некоторые вузы имели опыт подготовки иностранных специалистов в советский период, однако действовавшая централизованная система обучения иностранцев коренным образом отличается от нынешней формы подготовки зарубежных кадров. Важность успешного вхождения иностранных студентов в российские региональные сообщества трудно переоценить, как с социокультурной, так и геополитической точек зрения. Поэтому формирование конкурентоспособных образовательных центров, соответствующих высоким международным критериями, способным предоставлять качественные образовательные услуги, имеет важное социально-экономическое и социокультурное значение.

В связи с этим возникает целый ряд проблем, связанных с успешностью адаптации иностранных студентов. Ситуация осложняется еще и тем, что, в отличие от столичных городов, где они никого не удивляют, их появление стало некоторым экзотическим феноменом для местного населения региональных центров.

Создание в Ставрополе крупнейшего в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) федерального университета обусловило быстрый рост иностранных студентов. С 2013 по 2015 год их численность в Северо-Кавказском федеральном университете (СКФУ) выросла в 5,5 раза (с 200 до 1098 человек [5]). География образовательных миграций охватывает развивающиеся страны Юго-Западной и Южной Азии, Африки, а также страны ближнего зарубежья – Армению, Азербайджан, Узбекистан, Туркмению, Таджикистан, Украину и др.

Сложность протекания адаптационно-интеграционных процессов для различных категорий иностранных студентов не одинакова и обусловлена политическими, историческими, географическими и социально-экономическими факторами. Данное исследование направлено на выявление наиболее критических проблем, препятствующих развитию благоприятных сценариев адаптации иностранных студентов в вузах, расположенных в региональных центрах, на примере СКФУ в городе Ставрополе.

Методика исследования. Данная работа основана на результатах социологического исследования, проведенного в 2014 и 2016 годах. Основными методами сбора информации явились анкетирование, демокопическое интервью и фокус-группы. На первом этапе была разработана программа исследования, включившая теоретико-методологическое обоснование и процедурный раздел, включающий разработку инструментария. При разработке опросных листов и гайдов для проведения фокус-групп использовался исследовательский опыт отечественных авторов: Д.В. Полетаева [3], И.Н. Молодиковой [2], С.В. Рязанцева [4].

Анкета для проведения опросов была составлена таким образом, чтобы выявить возникающие затруднения на всех этапах учебной миграции, и включала вопросы о мотивах миграции в Россию, первоначальных и текущих проблемах адаптации и интеграции, будущих миграционных намерениях. Пилотный опрос, в котором участвовали студенты из Туркменистана, Азербайджана, Узбекистана, Таджикистана, позволил уточнить ряд вопросов и скорректировать структуру анкеты для последующего массового опроса. Результаты пилотного исследования были использованы в ряде научных публикаций [1; 6]. Массовые опросы были проведены в 2014 и 2016 годах. Объем выборки составил более 20% иностранных студентов, обучающихся в вузе (табл. 1).

Таблица 1

Основные параметры социологического опроса

Годы	Генеральная совокупность, человек	Объем выборки, человек	Доля выборочной совокупности от генеральной совокупности, %	Доверительный интервал (погрешность), ± %	Точность выборки (доверительная вероятность), %
2014	486	122	25,1	8	7,7
2016	1098	221	20,1	6	5,9

Для определения погрешности и доверительной вероятности исследования использовалась формула расчета размера выборки:

$$SS = \frac{Z^2 * (p) * (1 - p)}{C^2},$$

где **Z** = Z фактор (1,96 для 95% доверительного интервала);

p = процент интересующих респондентов или ответов, в десятичной форме (0,5 по умолчанию);

c = доверительный интервал, в десятичной форме.

Точность выборки (доверительная вероятность) социологического опроса $\pm 5,89\%$ (2016 год) и $\pm 7,68\%$ (2014 год) от исходного значения. Таким образом, в 95% случаев получаемые ответы по законам статистики будут находиться в пределах выше указанной погрешности (табл. 1). Примерно сопоставимая точность выборки (1,79%) обоих опросов позволяет достаточно адекватно сравнивать их результаты.

В 2016 году основную массу иностранных студентов составляли представители из Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана, Анголы, на долю этих стран приходится 71,3% (75% в 2014 году) всех обучающихся в СКФУ. Удельный вес в выборочной совокупности этих стран составляет 71% (63% в 2014 году), что соответствует структуре генеральной совокупности. Таким образом, тип выборки можно определить, как квотно-пропорциональный с высокой степенью репрезентативности результатов исследования. Дополнительно для уточнения некоторых вопросов в 2016 году было проведено две фокус-группы – среди студентов из государств Центральной Азии (Узбекистана, Таджикистана, Туркмении) и арабских стран (Сирии, Ирака, Йемена и др.).

Обсуждение результатов. Основные проблемы для всех иностранных студентов, в том числе и из постсоветских стран, обусловлены барьерами языковой коммуникации. Большинство иностранных студентов, приезжая в Россию, не владеют русским языком или владеют им крайне плохо. Исключение составляют молодые люди, выросшие в русскоговорящих семьях. По мере обучения ситуация несколько улучшается – существенно сокращается доля лиц, не владеющих русским языком, увеличивается удельный вес свободно говорящих на русском языке (табл. 2). Однако по ключевой позиции, отражающей свободное владение языком, прогресс не выражен.

Таблица 2

Уровень владения русским языком респондентами, человек %

Критерии знания языка	2014 г.		2016 г.	
	Количество респондентов, человек	Удельный вес от общей выборки, %	Количество респондентов, человек	Удельный вес от общей выборки, %
Владею свободно (говорю, пишу, читаю)	74	60,7	128	57,9
Говорю свободно, пишу и читаю плохо	12	9,8	57	25,8
Говорю плохо, читать и писать не умею	20	16,4	28	12,6
Не владею русским языком	12	9,8	4	1,8
Не указано	4	3,3	4	1,9
Итого	122	100	221	100

В связи с этим возможность полноценного обучения на русском языке затруднена. Исследование позволило выявить эту проблему и показать, что она требует оптимизации системы преподавания русского языка для иностранцев. По сравнению с 2014 годом в 2016 году на 6,51% снизилась доля тех, кому не трудно учиться на русском языке и значительно (на 8,41%) увеличился удельный вес респондентов, которые испытывали трудности с учебой только на первом курсе (табл. 3).

Таблица 3

Трудности обучения респондентов на русском языке, человек %

Критерии знания языка	2014 г.		2016 г.	
	Количество респондентов, человек	Удельный вес от общей выборки, %	Количество респондентов, человек	Удельный вес от общей выборки, %
Не трудно учиться на русском языке	67	54,9	107	48,4
Было трудно только на первом курсе	19	15,6	53	24
Трудно учиться до сих пор	31	25,4	50	22,6
Не указано	5	4,1	11	5
Итого	122	100	221	100

В большинстве случаев для иностранных студентов единственной возможностью хотя бы частично освоить русский язык являются подготовительные курсы в России. Ответы интервьюируемых были достаточно однотипны, например, ответ студента из Палестины: «...*Русский язык выучил за 6 месяцев в Липецке на подготовительных курсах при университете*». Естественно, что за полгода невозможно освоить русский язык на том уровне, который необходим для успешного обучения по программам высшего образования. Требуется комплексная система мер (образовательных, социокультурных и т.д.), направленных на совершенствование языковой подготовки иностранных студентов.

В университете сложилась развитая система воспитательных мероприятий культурно-массового характера (фестивали, форумы, конкурсы и т.п.), направленных на активное привлечение не только российских, но и иностранных студентов. Это значительно расширяет сферы коммуникации российских и иностранных студентов, способствует повышению интереса иностранных студентов к изучению русского языка, совершенствует их языковую подготовку.

Таким образом, общение с русскоговорящими сверстниками является достаточно эффективным средством для повышения уровня владения языком. Однако, как показали социологические опросы, значительной части иностранных студентов пока не хватает общения с русскоговорящими сверстниками. В частности, в 2014 году около трети респондентов не хватало такого общения, в 2016 году – почти 40%. Одна из причин этого связана с практикующимся подходом к расселению студентов – по принципу землячества. В результате не-

формальное лидерство переходит к студентам, лучше продвинувшимся в знании языка. Именно они выступают в качестве переводчиков, своеобразных контактов, особенно при решении каких-то проблем с университетской администрацией, различными региональными структурами.

Коммуникативные практики иностранных студентов затруднены еще и тем, что в регионе крайне слабо распространено знание иностранных языков, в частности, английского. Практически не владеют иностранными языками представители властных структур, сервиса и других сфер, к услугам которых приходится обращаться иностранным студентам. Необходимо расширить библиотечные фонды специальной научной литературой на иностранных языках. Повышению адаптации иностранных студентов должен способствовать рост числа преподавателей университета, владеющих иностранными языками.

Одна из самых насущных проблем, с которыми столкнулись иностранные студенты при переезде в Россию, является ностальгия по Родине (50,9% в 2014 г., 64,5% в 2016 г.). Многие студенты (по разным причинам – экономическим, политическим и др.) очень редко имеют возможность бывать на Родине (табл. 4).

Таблица 4

Частота поездок респондентов на Родину, человек %

Частота поездок	2014 г.		2016 г.	
	Количество выборки, человек	Удельный вес от общей выборки, %	Количество выборки, человек	Удельный вес от общей выборки, %
Каждые каникулы	11	8,2	27	12,2
1 раз в год	41	33,6	118	53,4
1 раз в 2 года	8	6,6	20	9,1
Ни разу не был дома	45	36,9	44	19,9
Другое или не указано	17	14,8	12	5,4
Итого	122	100	221	100

В рейтинг второстепенных проблем, беспокоящих студентов, вошли такие, как привыкание к новым климатическим условиям, коррупция, взаимоотношения с полицией, ксенофобия, незнание культуры, обычаев, норм поведения принимающего сообщества. Положительная динамика отмечается по снижению удельного веса проблем, связанных с коррупцией и ксенофобией. Актуальность остальных позиций возрастает (табл. 5).

Условия для социокультурной интеграции иностранных студентов в региональное сообщество не вполне благоприятны, о чем свидетельствуют данные о присутствии агрессивного и настороженного отношения к ним со стороны жителей города, полиции, однокурсников и других молодых людей (табл. 6). Не однозначно поведение сотрудников полиции, которые настроены не всегда позитивно. Приведем наиболее типичный ответ для интервьюируемых. Студент из Таджикистана отметил: *«На улице полиция проверяет документы, не штрафуют, но задерживают на 1–3 часа»*. Материалы оп-

роса свидетельствуют об обострении данной проблемы за последние два года, что, возможно, связано с ухудшением общего геополитического фона в стране и усилением международной террористической активности на Ближнем Востоке, откуда родом многие иностранные студенты.

Таблица 5

Второстепенные проблемы, отмеченные студентами, человек %

Проблемы	2014 г.	2016 г.	Отношение 2014 г. к 2016 г., ±%
Непривычный климат	17,6	22,2	4,6
Коррупция	7,4	2	-5,4
Проверка полицией документов	4,6	11,3	6,7
Незнание культуры, обычаев, норм поведения принимающего сообщества	3,7	6,9	3,2
Ксенофобия	3,7	2	-1,7

Таблица 7

Отношение различных категорий жителей города Ставрополя к респондентам, %

Отношение	Годы	Жители города	Преподаватели	Полиция	Однокурсники	Другие молодые люди
Доброжелательное	2014	67,9	81,8	42,2	75,7	54,6
	2016	64,4	85,3	42,8	76,3	55,7
Безразличное	2014	24,8	10,9	40,0	19,4	25,8
	2016	25,8	10,1	33	16	23,7
Настороженное	2014	4,6	2,7	7,8	3,9	13,4
	2016	5,2	2,6	10,3	3,6	10,3
Негативное, агрессивное	2014	2,8	4,5	10,0	1	6,2
	2016	1	0,5	10,3	0	2,1

Выводы. Исследование позволило выявить ключевые проблемы адаптации и интеграции иностранных студентов на Северном Кавказе. Главное препятствие, которое им необходимо преодолеть, – освоение русского языка. Отсутствие полноценной коммуникации препятствует нормальному развитию образовательного процесса, ухудшает социально-психологическое самочувствие молодых людей, провоцируя замкнутость и разобщенность, усиливая ностальгические настроения. К числу факторов, снижающих уровень комфортности среды пребывания, по мнению студентов, относятся: незнание культуры, обычаев, норм поведения принимающей стороны, коррупция, подозрительность полиции.

Наши исследования выявили слабую динамику в развитии адаптационно-интеграционных процессов иностранных студентов. Университетская среда требует некоторых трансформаций, связанных с созданием новых сегментов, направленных на взаимодействие с иностранными студентами. Сложившиеся

образовательно-воспитательные практики необходимо совершенствовать в соответствии новым вызовам, связанным с интеграцией быстрорастущей численности и расширением географии прибывших иностранных студентов.

Несмотря на традиции поликультурного взаимодействия, сложившиеся в Ставропольском крае, население не вполне готово к приему иностранных студентов. Необходима, по нашему мнению, система мероприятий социокультурного плана, демонстрирующая преимущества привлечения в страну и регион иностранных молодых людей, прибывших получать российское образование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Алиева Л.Р., Соловьев И.А. Проблемы адаптации и интеграции иностранных студентов в Ставрополе // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. проф. В.С. Белозерова. Ставрополь, 2014. С. 222–227.
2. Молодикова И. Мобильность выпускников СНГ и стран Балтии после учебы в западных университетах (воздействие территориальных особенностей) // Миграция в России 2000–2012 гг. Хрестоматия в 3 томах. Главный ред. И.С. Иванов. Т. 1. Ч. 2. М., 2013. С. 383.
3. Полетаев Д. Современные тенденции развития образовательной миграции // Миграция в России 2000–2012 гг. Хрестоматия в 3 томах. Главный ред. И.С. Иванов. Т. 1. Ч. 2. М., 2013. С. 360.
4. Рязанцев С., Письменная Е. Эффекты иностранной учебной миграции для России // Миграция в России 2000–2012 гг. Хрестоматия в 3 томах. Главный ред. И.С. Иванов. Т. 1. Ч. 2. М., 2013. С. 452–462.
5. СКФУ на карте мира // Информационный студенческий молодежный журнал «NotaBene». 2015. № 8–9. С. 36–37.
6. Соловьев И.А., Щитова Н.А., Белозеров В.С. Трансформации социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов на Ставрополье в постсоветский период // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. проф. В.С. Белозерова. Ставрополь, 2015. С. 248–262.

REFERENCES AND SOURCES

1. Alieva L.R., Solov'ev I.A. Problemy adaptatsii i integratsii inostrannykh studentov v Stavropole // *Migratsionnye protsessy: problemy adaptatsii i integratsii migrantov: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* / Ed. V.S. Belozerova. Stavropol, 2014. Pp. 222–227. (In Russ.)
2. Molodikova I. Mobil'nost' vypusknikov SNG i stran Baltii posle ucheby v zapadnykh universitetakh (vozdeystvie territorial'nykh osobennostey) // *Migratsiya v Rossii 2000–2012 gg.* (in 3 vol.). Ed. I. S. Ivanov. Vol. 1. Part 2. M., 2013. P. 383. (In Russ.)
3. Poletaev D. Sovremennye tendentsii razvitiya obrazovatel'noy migratsii // *Migratsiya v Rossii 2000–2012 gg.* (in 3 vol.). Ed. I. S. Ivanov. Vol. 1. Part 2. M., 2013. P. 360.
4. Ryazantsev S., Pis'mennaya E. Effekty inostrannoy uchebnoy migratsii dlya Rossii // *Migratsiya v Rossii 2000–2012 gg.* (in 3 vol.). Ed. I. S. Ivanov. Vol. 1. Part 2. M., 2013. Pp. 452–462. (In Russ.)

5. SKFU na karte mira // *Informatsionnyy studencheskiy molodezhnyy zhurnal «NotaBene»*, 2015. No. 8–9. Pp. 36–37. (In Russ.)
6. Solov'ev I.A., Schitova N.A., Belozarov V.S. Transformatsii sotsial'no-ekonomicheskoy adaptatsii i integratsii migrantov na Stavropol'e v postsovetstkiy period // *Migratsionnye protsessy: problemy adaptatsii i integratsii migrantov: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* / Ed. V.S. Belozerova. Stavropol, 2015. Pp. 248–262. (In Russ.)

МИГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (на материалах Южного федерального округа)

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия). E-mail: culture@kubsu.ru

Шаповалов Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия). E-mail: shapovalov07@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется влияние экономического кризиса на миграционные процессы в Южном федеральном округе. На основании изучения обширного массива статистических данных выделяются основные миграционные тренды, характерные для южно-российских регионов.

Ключевые слова: внутрироссийская миграция, округ, регион, рынок труда, трудовая миграция, Южный федеральный округ.

MIGRATIONS IN THE CONDITIONS OF THE ECONOMIC CRISIS IN THE RUSSIAN FEDERATION (on the material of the Southern federal district)

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Journalism, Kuban State University (Krasnodar, Russia). E-mail: culture@kubsu.ru

Sergey N. Shapovalov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History, Kuban State University (Krasnodar, Russia). E-mail: shapovalov07@gmail.com

Abstract. In the article is analyzed influence of an economic crisis on migratory processes in the Southern Federal District. Based on studying of the extensive array of statistical data the main migratory trends characteristic for southern Russian regions are allocated.

Keywords: interregional migration in Russia, district, region, labor market, labor migration, Southern Federal District.

В современном глобализирующемся мире миграции оказывают серьезное влияние на социально-экономическое, общественно-политическое, профессиональное, социально-демографическое и социокультурное развитие территорий, испытывающих последствия перемещений статистически значимых масс населения. Наша страна уже достаточно давно вовлечена в транснациональные, международные и межрегиональные миграционные процессы. В ряде публикаций авторы подробно освещали эту проблематику на материалах Краснодарского края [3]. Безусловно, научное осмысление миграций требует учета всей совокупности исторических, политических, социально-трудовых и иных условий как на территориях-донорах, так и в реципиентных регионах, тем более что размеры и направления миграционных потоков имеют свои локальные особенности [1, с. 109].

Как отмечают известные российские социологи Г.В. Осипов и С.В. Рязанцев, применительно к нашей стране мигранты формируют население страны, и если не задать необходимые параметры данным миграционным потокам (возрастные, территориальные, этнические, профессиональные, квалификационные и пр.), то через несколько лет в России может существенно поменяться этнический состав населения, возрастет число межнациональных конфликтов [2, с. 14]. Для анализа сложившейся в стране ситуации и выработки адекватных мер регулирования миграций и их последствий крайне важно обращаться к исследованию таких крупных административно-территориальных единиц, как федеральные округа.

Южный федеральный округ (ЮФО) можно отнести к числу весьма притягательных для мигрантов регионов, что детерминировано динамичным ростом его ведущих отраслей производства, благоприятными для трудовой деятельности и постоянного проживания природно-климатическими условиями, спросом на рабочую силу на рынке труда, историческими особенностями заселения и освоения южно-российских территорий, достаточно высокими на фоне соседей показателями уровня жизни. К сожалению, пока приходится апеллировать лишь к статистическим данным за 2014 г. (табл. 1). Различным видам миграций в ЮФО также способствуют многочисленные и хорошо организованные диаспоры, помогающие вновь прибывающим быстрее и легче адаптироваться к новым социально-экономическим и социокультурным реалиям.

Таблица 1

Уровень жизни населения в федеральных округах в 2014 г.

Федеральные округа	Среднедушевые денежные доходы населения, в месяц; рублей	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, рублей	Потребительские расходы в среднем на душу населения, в месяц; рублей
Центральный	34 970	32 495	26 937
Северо-Западный	28 572	35 468	20 723
Южный	24 328	24 311	19 569
Северо-Кавказский	20 692	20 930	15 645
Приволжский	24 020	24 601	18 159
Уральский	30 494	37 270	22 417
Сибирский	21 490	28 347	15 645
Дальневосточный	31 974	40 876	21 563

Источник: [7, с. 198–201, 236–237]

В докризисный период в структуре межрегиональной трудовой миграции в ЮФО преобладали выезды трудоспособного населения на работу в другие субъекты Российской Федерации, в том числе в регионы, входившие в состав округа (рис. 1).

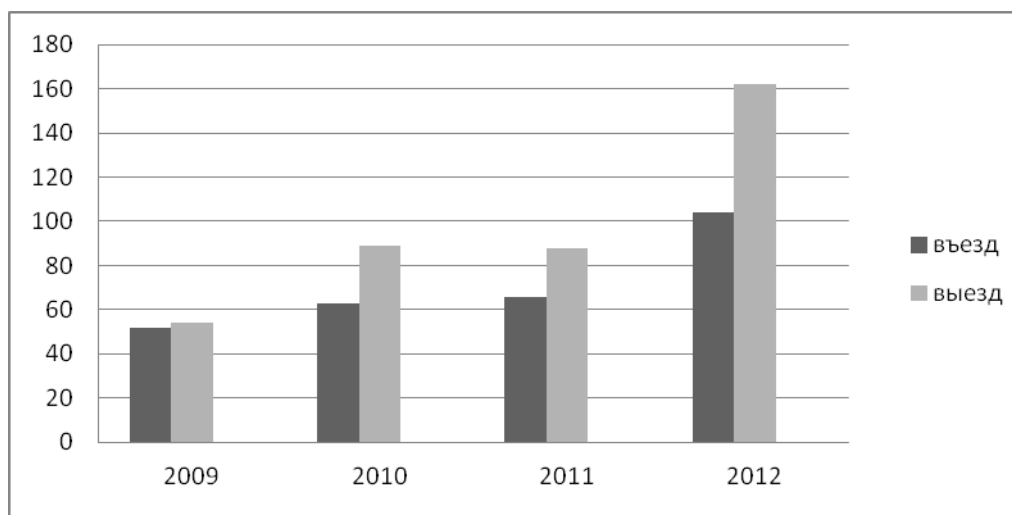

Рис. 1. Межрегиональная трудовая миграция в ЮФО в 2009–2012 гг.

Источник: [10, с. 305]

Распространенность и география трудовой миграции жителей ЮФО также имела свои особенности. По статистике, для любого вида миграции мощность потока обратно пропорциональна расстоянию, самые интенсивные потоки осуществляются на сравнительно короткие расстояния [4, с. 446]. По итогам 2012 г. в ЮФО насчитывалось 138,9 тыс. трудовых мигрантов. Их рабочие места находились как в пределах субъекта, так и в других округах (табл. 2).

Таблица 2

Трудовая миграция между ЮФО и федеральными округами в 2012 г.

Территория постоянного проживания трудовых мигрантов	Территория работы трудовых мигрантов								
	Россия	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УрФО	СФО	ДФО
ЮФО (тыс. чел)	138,9	67,7	10,9	35,8	6,0	2,6	11,0	2,3	2,6

Источник: [11, с. 33]

Однако реальная численность трудовых мигрантов была несомненна выше. Так, С.В. Рязанцев отмечает, что «между сведениями из официальных источников, регистрирующими трудовых мигрантов и реальными масштабами трудовой миграции в России, существует огромный разрыв» [9, с. 270].

По данным 2012 г., большинство трудовых мигрантов из ЮФО предпочитали трудоустраиваться в ЦФО (48,7%), где их привлекали условия жизни и карьерные перспективы Москвы и Московской области. На втором месте оставался рынок труда в своем округе, который освоили 25,7%. Значительно реже для трудоустройства выбирались весьма отдаленные от ЮФО регионы Сибири и Дальнего Востока. В совокупности они оказались привлекательными лишь для 3,5% трудовых мигрантов.

В рамках внутрироссийской миграции ведущим трендом для жителей ЮФО было перемещение внутри своего округа, то есть переезд в соседний более благополучный и благоприятный регион (рис. 2).

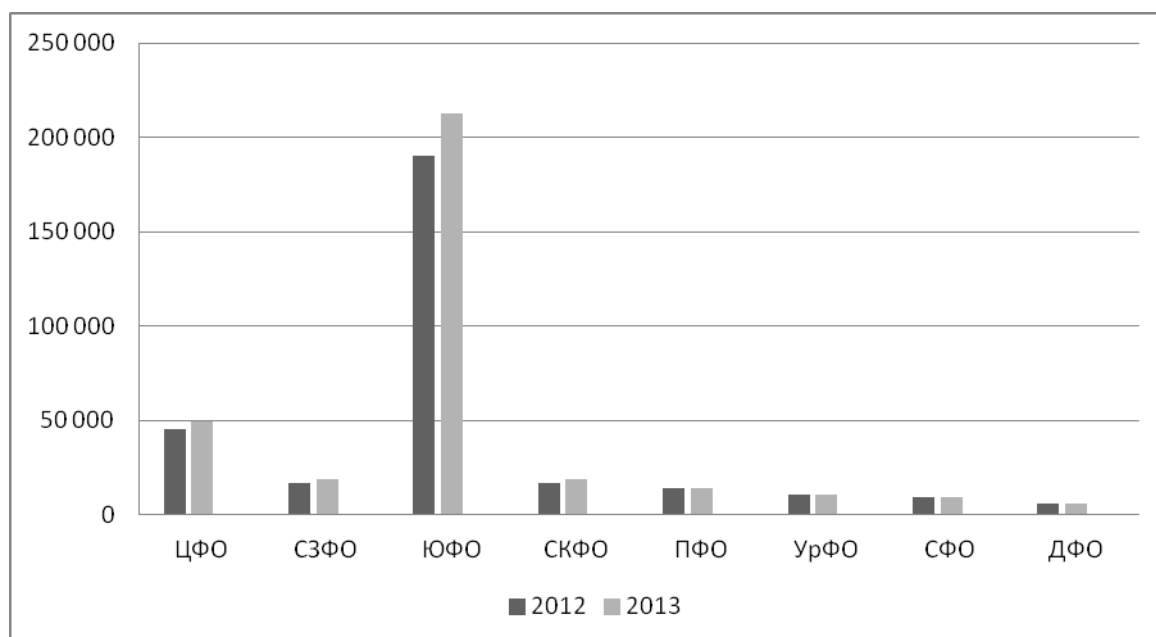

Рис. 2. Внутрироссийская миграция жителей ЮФО по территориям в 2012–2013 гг., человек

Источник: [8, с. 97–98]

По итогам 2012 г. подавляющее большинство миграций (61,3%) в ЮФО были осуществлены в пределах своего округа, остальные пришлось на соседние и ближние субъекты. Лидером по притяжению мигрантов за пределами своего округа был ЦФО, на долю которого выпало 14,7%. Самые отдаленные от ЮФО федеральные округа (Уральский, Сибирский, Дальневосточный) в совокупности привлекли внимание лишь 8,3%. Примечательно, что в соседний СКФО направилось столько же мигрантов, сколько и в СЗФО (по 5,5%).

Какое влияние оказал экономический кризис в России на миграции в Южном федеральном округе? Для ответа на этот вопрос обратимся к статистическим данным.

В 2014 г. на работу в ЮФО въехало 102,4 тыс. трудовых мигрантов, а выехало – 192,2. В следующем году показатели въезда/выезда в поисках работы существенно снизились. Лишь 88 тыс. мигрантов привлекли условия трудовой деятельности в ЮФО, тогда как в обратном направлении отправились 172,6 тыс. человек (рис. 3).

Сопоставив показатели за 2014–2015 гг. с предкризисными данными, можно отметить, что в межрегиональной трудовой миграции в ЮФО наметился тренд сокращения показателя въезда в округ в поисках работы. По всей видимости, в условиях кризиса люди стали больше дорожить своей работой, довольствуясь тем, что имеют, но и поиск вакантного места за пределами своего региона все еще привлекал внимание населения, хотя число

желающих уехать начало сокращаться. Наиболее ощутимое падение наблюдалось именно по показателям въезда трудовых мигрантов в ЮФО (за 2014–2015 гг. оно уменьшилось приблизительно на 38,9 тыс. чел). Одновременно происходил отток трудовых мигрантов из округа (338,7 тыс. чел в 2012–2013 гг. и 364,8 в 2014–2015 гг.).

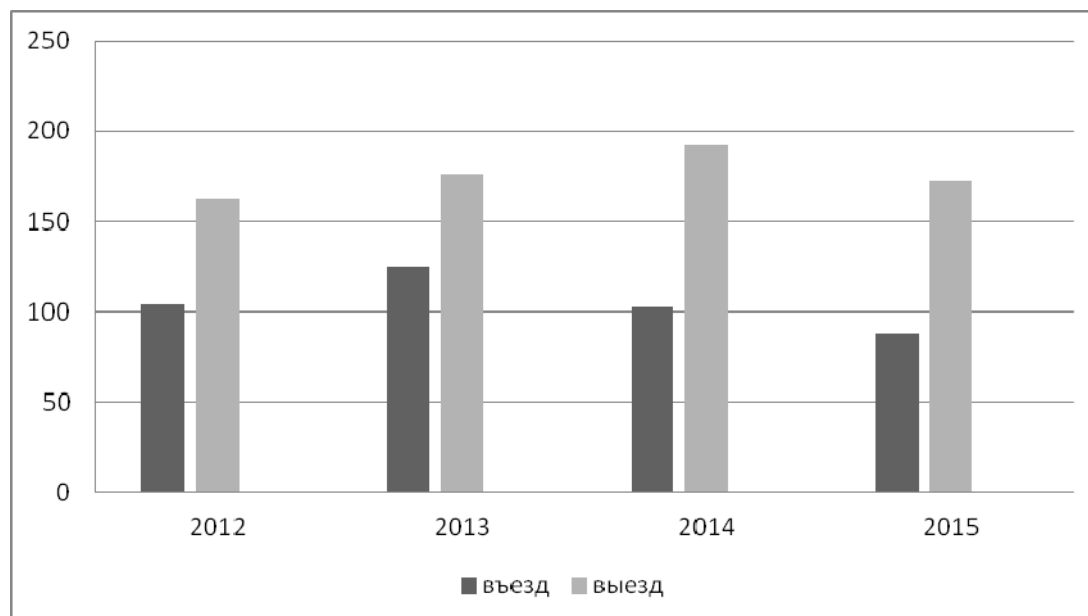

Рис. 3. Выезды/въезды трудовых мигрантов в ЮФО в 2012–2015 гг., тыс. человек

Источник: [6]

Таблица 3

Трудовая миграция в ЮФО в 2012–2015 гг.

Наименование субъекта	2012		2013		2014		2015	
Южный федеральный округ	въезд, тыс. чел	выезд, тыс. чел	въезд, тыс. чел	выезд, тыс. чел	въезд, тыс. чел	выезд, тыс. чел	въезд, тыс. чел	выезд, тыс. чел
	104,0	162,3	125,3	176,4	102,4	192,2	88,0	172,6

Источник: [6]

Показательна динамика притока/оттока трудовых мигрантов в ЮФО на общероссийском фоне по федеральным округам (табл. 4).

Лишь четыре федеральных округа (Центральный, Северо-Западный, Уральский и Дальневосточный) в период 2014–2015 гг. оставались востребованными для трудовых мигрантов. Въезд в них для осуществления трудовой деятельности в разы превышал отток рабочих рук в соседние субъекты. ЮФО вместе с оставшимися округами служил регионом-донором трудовых мигрантов для более благополучных регионов.

В условиях кризиса немаловажен также вопрос о географии трудовых мигрантов внутри ЮФО (табл. 5).

Таблица 4

Динамика трудовой миграции по федеральным округам за 2014–2015 гг.

Наименование федерального округа	2014		2015	
	въезд, тыс. чел	выезд, тыс. чел	въезд, тыс. чел	выезд, тыс. чел
ЦФО	1 391,6	1 001,3	1 408,9	1 006,1
СЗФО	234,3	188,2	254,8	207,2
ЮФО	102,4	192,2	88	172,6
СКФО	23,9	106,3	22,2	111,4
ПФО	97,5	584,6	102,6	616,7
УрФО	341,4	76,1	362,6	81,8
СФО	68,1	141,5	70,6	149
ДФО	59,1	28,4	74,3	28,5

Источник: [6]

Таблица 5

Трудовая миграция в ЮФО по регионам в 2014–2015 гг.

Южный федеральный округ	2014		2015	
	въезд, тыс. чел	выезд, тыс. чел	въезд, тыс. чел	выезд, тыс. чел
Республика Адыгея	0,5	28,8	0,7	28,9
Республика Калмыкия	2,3	15	1,1	13,8
Краснодарский край	73,8	30	64,3	27
Астраханская область	2,6	8,9	4	8,7
Волгоградская область	5,4	51,4	6,2	45,7
Ростовская область	17,8	58,1	11,8	48,5

Источник: [6]

Анализ статистических данных позволяет утверждать, что подавляющее большинство трудовых мигрантов (72 % в 2014 г. и 73 % в 2015 г.) пересекало именно границы Краснодарского края в поисках возможности для трудоустройства. Традиционно исследователи объясняли приток рабочей силы на Кубань масштабной стройкой олимпийских объектов и реконструкцией созданной ранее инфраструктуры [4, с. 445–446]. Однако данные за 2014–2015 гг. убедительно свидетельствуют, что популярность края для трудовых мигрантов была обусловлена не только перспективами работы на олимпийских стройках. Регион привлекает внимание людей, ищущих работу, своими инвестиционными объектами, масштабным жилищным строительством, развитой коммерческой деятельностью, высоким спросом на рабочие руки в сельском хозяйстве и пр. Тем не менее экономический кризис также оказал влияние на приток трудовых мигрантов в Краснодарский край. Только за период 2014–2015 гг. их число сократилось на 9,5 тыс. чел.

В ЮФО произошли изменения и во внутрироссийской миграции. По итогам 2014 г. миграционный прирост в округе составил 47 205 чел, а в следующем году он упал в 2,3 раза, достигнув лишь 20 117 человек. По сравнению с

показателями 2012 и 2013 гг. (62 436 и 37 547 человек соответственно) сокращение весьма заметно. В то же время ЮФО все еще остается в числе российских округов с положительным миграционным приростом (рис. 4).

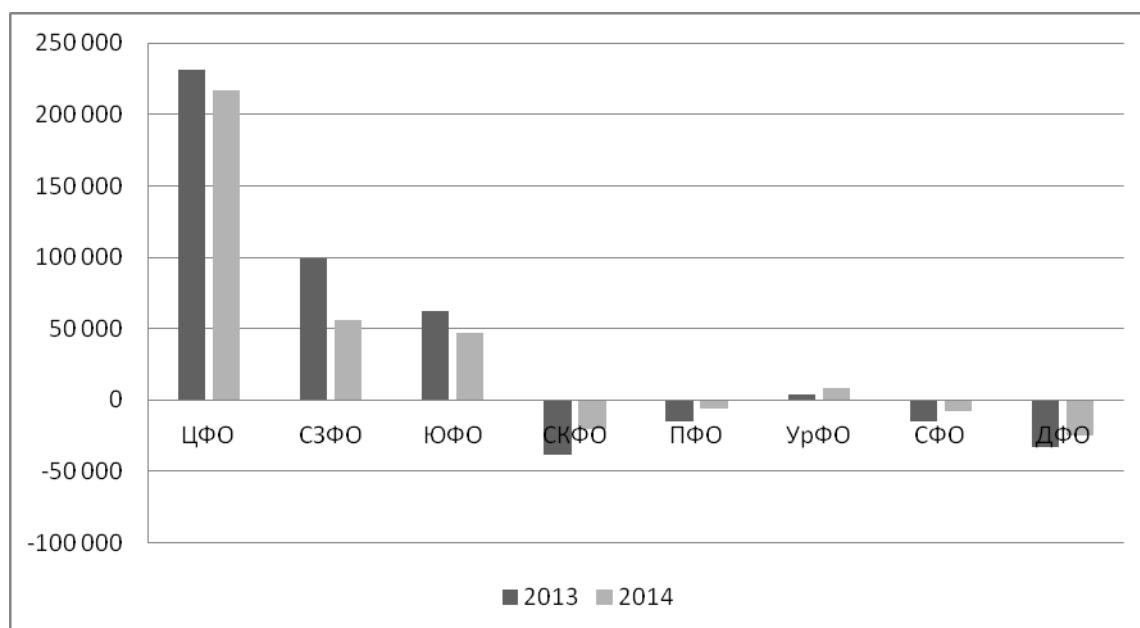

Рис. 4. Миграционный прирост в федеральных округах в 2013–2014 гг., человек

Источник: [8, с. 100–101]

Миграционный прирост в ЮФО в 2014 и 2015 гг. во многом обеспечивался благодаря высоким показателям Краснодарского края. В 2014 г. вклад Кубани в него составлял 97%, а годом позже достиг 207%. В целом показатели миграционного прироста Краснодарского края также снизились по сравнению с докризисным периодом (рис. 5, 6).

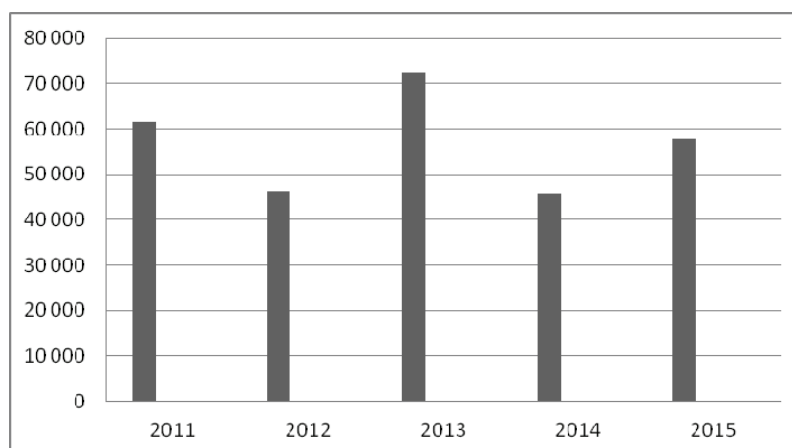

Рис. 5. Динамика миграционного прироста в Краснодарском крае в 2011–2015 гг.

Источник: [8, с. 100–101]

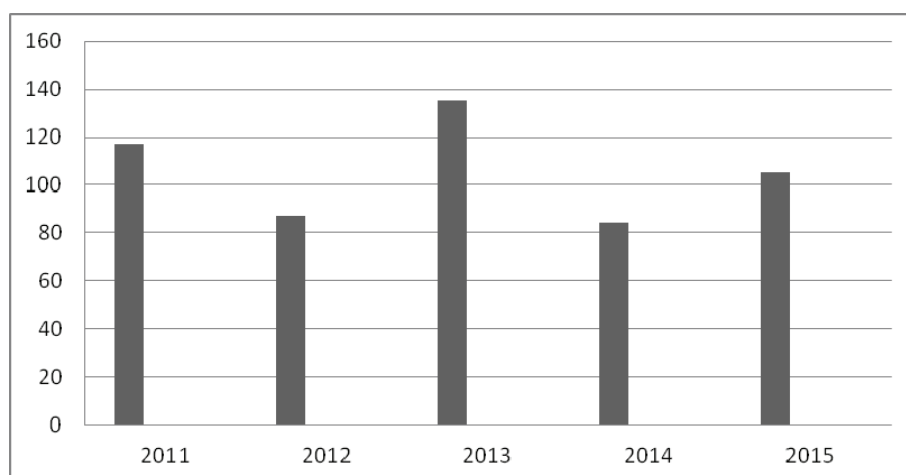

Рис. 6. Общий коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. человек населения в Краснодарском крае в 2011–2015 гг.

Источник: [5]

Итак, экономический кризис в Российской Федерации оказал и продолжает оказывать влияние не только на социально-экономическую, но и миграционную ситуацию в стране. В условиях экономической нестабильности перемещение населения в границах своего федерального округа, а также за его пределами становится более продуманным и осторожным, особенно в отношении трудовой миграции.

В настоящее время Южный федеральный округ, а также входящие в него регионы, испытывает на себе последствия экономического кризиса, что отражается на количестве и качестве миграций. Главным трендом является сокращение всех видов перемещения населения как внутри округа, так и за его пределы. Показатели внутрироссийской миграции демонстрируют падение, которое пришлось на кризисный год и продолжилось по итогам 2015 г. Тем не менее ЮФО пока еще входит в число российских округов (вместе с Центральным, Северо-Западным и Уральским) с положительным сальдо миграционного прироста от внутрироссийской миграции.

Изменились объемы и направления трудовой миграции в ЮФО. Общим трендом стало сокращение числа мигрантов, направлявшихся в округ для занятия трудовой деятельностью. Одновременно усилился отток трудовых мигрантов из ЮФО. Эти тенденции, несомненно, взаимосвязаны друг с другом и свидетельствуют, что в условиях экономического кризиса люди стали искать более благополучные в социально-экономическом плане регионы. Анализ статистических данных позволяет определить главное направление трудовых миграций – это Центральный ФО, включающий в себя Москву и Московскую область. Единственным островком стабильности в ЮФО для трудовых мигрантов остается Краснодарский край. Он по-прежнему привлекает внимание своими рынками и условиями труда, сильно опережая соседние регионы. Влияние экономического кризиса заметно и на Кубани, так как численность трудовых мигрантов значительно снизилась. Но даже в такой ситуации край обеспечивает основной миграционный прирост населения в ЮФО за период 2014–2015 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Богатырева М. Р. Системный подход в вопросах трудовой миграции как фактор развития социально-трудовых отношений в Республике Башкортостан // Теория и практика общественного развития. 2014. № 9. С. 109–110.
2. Демографические перспективы России / под ред. академика Г.В. Осипова и проф. С.В. Рязанцева. – М.: Экон-Информ, 2008. – 906 с.
3. Касьянов В.В., Шаповалов С.Н. К вопросу о некоторых трендах трудовой миграции в Краснодарском крае // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 9. – С. 16–19; Касьянов В.В., Шаповалов С.Н. Иностранная трудовая миграция на территорию Краснодарского края: состояние и перспективы // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – № 2. – С. 125–130.
4. Крючкова М.А., Романцева В.Е., Мальдова Е.С. Внешняя и внутренняя трудовая миграция в Южном федеральном округе // Science Time. – 2015. – № 12. – С. 444–449.
5. Миграция. Число прибывших в край. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/d9cfbe004886e79db01ef0f7eaa5adf2/%D0%9C%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.htm (дата обращения: 10.08.2016).
6. Распределение внутрироссийских трудовых мигрантов по территориям их основной работы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/tab1 (дата обращения: 10.08.2016).
7. Российский статистический ежегодник. 2015: стат. сб. – М.: Росстат, 2015. – 728 с.
8. Рязанцев С.В., Удугу А., Карасай Б. Турецкие трудовые мигранты в российских регионах: оценка статистических источников // Миграционные мосты в Евразии: сборник докладов и материалов участников II международной научно-практической конференции «Регулируемая миграция – реальный путь сотрудничества между Россией и Вьетнамом в XXI веке» и IV международной научно-практической конференции «Миграционный мост между Россией и странами Центральной Азии: актуальные вопросы социально-экономического развития и безопасности». Москва 6–7 ноября 2012 г. – М.: Экон-информ, 2012. – С. 266–272.
9. Миграция и рынок труда / Ю.Ф. Флоринская, Н.В. Мкртчян, Т.М. Малева, М.К. Кириллова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 108 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. Bogatyreva M. R. Sistemnyy podkhod v voprosakh trudovoy migratsii kak faktor razvitiya sotsial'no-trudovykh otnosheniy v Respublike Bashkortostan // *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya*. 2014. No. 9. Pp. 109–110. (In Russ.)
2. *Demograficheskie perspektivy Rossii* / Ed. G.V. Osipov, S.V. Ryazantsev. – M.: Ekon-Inform, 2008. – 906 pp. (In Russ.)
3. Kas'yanov V.V., Shapovalov S.N. K voprosu o nekotorykh trendakh trudovoy migratsii v Krasnodarskom krae // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. – 2015. – No. 9. – Pp. 16–19; Kas'yanov V.V., Shapovalov S.N. Inostrannaya trudovaya migratsiya na territoriyu Krasnodarskogo kraya: sostoyanie i perspektivy // *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. – 2015. – No. 2. – Pp. 125–130. (In Russ.)

4. Kryuchkova M.A., Romantseva V.E., Mal'dova E.S. Vneshnyaya i vnutrennyaya trudovaya migratsiya v Yuzhnom federal'nom okruge // *Science Time*. – 2015. – No. 12. – Pp. 444–449. (In Russ.)
5. Migratsiya. Chislo pribyvshikh v kray. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/d9cfbe004886e79db01ef0f7eaa5adf2/%D0%9C%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.htm (Accessed: 10.08.2016). (In Russ.)
6. Raspredelenie vnutrirossiyskikh trudovykh migrantov po territoriyam ikh osnovnoy raboty. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/tab1 (Accessed: 10.08.2016). (In Russ.)
7. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2015: stat. sb. – M.: Rosstat, 2015. – 728 pp. (In Russ.)
8. Ryazantsev S.V., Udul'gu A., Karasay B. Turetskie trudovye migranty v rossiyskikh regionakh: otsenka statisticheskikh istochnikov // *Migratsionnye mosty v Evrazii: sbornik dokladov i materialov uchastnikov II mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Reguliruemaya migratsiya – real'nyy put' sotrudnichestva mezhdru Rossiiy i V'etnamom v XXI veke» i IV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Migratsionnyy most mezhdru Rossiiy i stranami TSentral'noy Azii: aktual'nye voprosy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i bezopasnosti»*. Moskva, 6–7/11/2012. – M.: Ekon-inform, 2012. – Pp. 266–272. (In Russ.)
9. *Migratsiya i rynok truda* / Yu. F. Florinskaya, N. V. Mkrtchyan, T. M. Maleva, M. K. Kirillova. – M.: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKHiGS, 2015. – 108 pp. (In Russ.)

Раздел III
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИЙ
НА КAVКАЗЕ

Section III
ETHNOCULTURAL ASPECTS OF MIGRATION
IN THE CAUCASUS

ЭТНИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ КАВКАЗА И ЕГО МИФЫ

Арпентьева Мариям Равильевна, доктор психологических наук, доцент, профессор Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ) (г. Калуга, Россия). E-mail: mariam_rav@mail.ru, arpentevamr@tksu.ru

Аннотация. В этническом возрождении Кавказа большую роль играет переосмысление его культурного наследия, в том числе в контексте исследования реального, а не деформированного интересами правителей и правящих структур предыдущих лет понимания происходившего и происходящего. Одной из ведущих опор здесь становится изучение мифологии как компонента истории, исторической памяти народов Кавказа о своем прошлом, о себе в целом. В статье рассматриваются проблемы исторической памяти, анализируются вопросы, связанные с реактуализацией исторической памяти, ее влиянием на современную социальную практику и наоборот (отношения людей и групп, общества и государства), отмечаются варианты реагирования и преодоления, ведущего к восстановлению исторической памяти и культуры и разрушению. Этническое возрождение – важный компонент антимиграционной политики и мер, предназначенных для стабилизации и ограничения миграции с Кавказа: умение человека жить там, где он родился, там, где находятся его корни – важный компонент как его собственного здоровья, так и здоровья нации, ее культуры. Миграционные процессы на Кавказе интенсивны, однако благодаря этническому возрождению люди вновь обретают понимание важности и вкус к жизни на родине. А для этого крайне важно принимать, понимать и иметь точное, аутентичное и корректное, представление о собственной культуре, в том числе и через ее мифологию.

Ключевые слова: осетины, народы Кавказа, кельты, сарматы, тюрки, фольклор, историческая память, эпос, сказки, Нартиада, нарты.

ETHNIC REVIVAL OF THE CAUCASUS AND ITS MYTHS

Mariam R. Arpentieva, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department for Development and Education Psychology, Tsiolkovskiy Kaluga State University; Corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS) (Kaluga, Russia). E-mail: mariam_rav@mail.ru, arpentevamr@tksu.ru

Abstract. In the ethnic revival of the Caucasus, a major role is played by the overestimation of his cultural heritage, including in the context of research into the real and not distorted by the interests of the rulers and ruling structures of previous years, the understanding of what was happening and what is happening. In the article the problems of historical memory, analyzes the issues related to the revival of historical memory and its effects on modern social practices and Vice versa (the relationship of people and groups, society and the state), observed responses and overcome leading to the restoration of historical memory and culture, and destruction. Studies of the Ossetians epic are most difficult, due to the fact that its history, full of wars and twists and turns, migrations and returns, is incredibly complex. Ethnic revival is an important component of anti-immigration policies and measures designed to stabilize and restrict migration from

Kazakstan: the ability of a person to live where he was born, where his roots are, is an important component of his own health and the health of the nation and its culture. Migration processes in the Caucasus are intense, however, thanks to ethnic revival people again gain an understanding of the importance and taste for life in their homeland. However, for this it is extremely important to accept, understand and have an accurate, authentic and correct view of one's own culture, including through its mythology, and not just "traditional" history.

Key words: Ossetians, the peoples of the Caucasus, Celts, Sarmatians, Turks, folklore, historical memory, epic, fairy tales, Nartiada, nart.

В этническом возрождении Кавказа большую роль играет переосмысление его культурного наследия, в том числе, в контексте исследования реального, а не деформированного интересами правителей и правящих структур предыдущих лет, понимания происходившего и происходящего. Одной из ведущих опор здесь становится изучение мифологии как компонента истории, исторической памяти народов Кавказа о своем прошлом, о себе в целом. Этническое возрождение – важный компонент антимиграционной политики и мер, предназначенных для стабилизации и ограничения миграции с Кавказа: умение человека жить там где он родился, там, где находятся его корни – важный компонент как его собственного здоровья, так и здоровья нации, ее культуры. Миграционные процессы на Кавказе интенсивны, однако, благодаря этническому возрождению люди вновь обретают понимание важности и вкус к жизни на родине. А для этого крайне важно принимать, понимать и иметь точное, аутентичное и корректное, представление о собственной культуре, в том числе и через ее мифологию.

Одна из центральных компонент развитого фольклора – эпос. Исследователи впервые начали записывать и публиковать Кавказские эпосы и иные исторические предания народов этих регионов с конца XIX столетия. Ведущим компонентом эпического наследия народов и народностей этого региона является Нартиада – эпос о богатырях-нартах [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. В культурном наследии кавказских народов эпические творения занимают важнейшее, образующее место: это основное хранилище и основной способ ретрансляции исторической памяти, это художественно воплощенная и осмысленная история народа, это идеология – специфическая манифестация духовно-нравственных ценностей народа, это мощнейший, основной мировоззренческий «столп» культуры, а также система традиций, которая удерживает людей в культуре и истории, делает их людьми [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14]. Процесс сложения эпосов, мифов, сказок и былин, по мнению большинства исследователей, охватывает огромный промежуток времени, с древнейших времен) вплоть до начала XX века [15; 16; 17; 18; 19]. Эпический фольклор – основной хранитель системы ценностей народов, их исторической памяти. Историческая память – система передаваемых из поколения в поколение исторических фактов и мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого, особенно негативного опыта, угнетения, несправедливости в отношении народа [20; 21; 22; 23].

У многих народностей многие образы и сюжеты национального эпоса встречаются не только в эпосах, но и в форме сказаний и сказок, пословиц и поговорок, образуя единый культурно-исторический контекст народной памяти о жизни. Сбор фольклора, эпических песен и прочих произведений народов сейчас затруднен тем, что во многих случаях его носителей уже нет, поэтому многие темы остаются утерянными, малоизученными и до сегодняшнего дня. К тому же Вторая Мировая война прервала и затормозила начавшиеся в конце позапрошлого и начале прошлого веков исследования. Часть народов России во время войны подверглись гонениям, депортациям, и об изучении их фольклора речи не могло быть, уничтожались памятники культуры и носители эпоса и до этого времени в том числе – целенаправленно (царским правительством, умалчивающим не только геноцид русского и иных славянских народов, но и остальных, в том числе татар и т.д.). Сейчас исследователям приходится восстанавливать утраченное по крупинкам и надеяться, что то, что сохранял народ, сохранят ученые.

Исторические процессы на Кавказе всегда были весьма бурными. Так, Е.И. Крупнов пишет, что весьма насыщенная событиями эпоха I тысячелетия до н.э. ознаменовалась на Северном и Западном Кавказе «...созданием эпической песни и оформлением самых существенных основ знаменитого нартского эпоса кавказских народов» [24, с. 29]. Иногда рассматривается как измерение коллективной (или социальной) памяти. Это понятие сродни понятию культурная память, под которой понимается система базовых представлений общества о прошлом, закрепленное в памятниках культуры и социальной традиции. Устно-поэтическое творчество осетин и иных народов Кавказа очень богато и разнообразно; героический эпос, сказки, легенды и предания, песни, пословицы, загадки слагались и исполнялись народными сказителями и певцами, скотоводами и охотниками [25; 26; 27; 28; 29]. Эпос определяют как героическое повествование народа о своем о прошлом, содержащее целостную картину народной жизни и представляющее в гармоническом единстве некий эпический мир героев-богатырей [30; 31; 32; 33; 34; 35].

У многих народностей – аварцев, лакцев, тюркоязычных кумыков и т.д. в Дагестане, у тюркоязычных ногайцев в Предкавказье многие образы и сюжеты нартского эпоса встречаются в форме сказаний и сказок, что говорит о контактах с народами, бывшими его носителями, прежде всего осетинами и их предками – сарматами и аланами [18, с. 154, с. 156–158, 163–174; 32, с. 47–52; 33, с. 119, с. 152, с. 157, 218; 5, с. 29–48; 36, с. 159–179]. Поэтому неудивителен вывод об особой близости осетинской, адыгской и карачаево-балкарской версий Нартиады [30, с. 28–35]. Кавказ – первый очевидный круг сюжетов и героев Нартиады. Однако не последний: Нартиада несет в себе информацию о гораздо большем, а также распространилась по миру и сохранилась в мире не только в фольклоре Кавказа и даже России, но и в Европе, Африке, Азии. Таким образом, можно констатировать, что Кавказ был и остается одним из центров мировой культуры, неразрывно связанным с другими, подчас более знаменитыми центрами. Более того, у Кавка-

за есть особая миссия, особый опыт, востребованный в иных культурах и регионах.

Сбор фольклора, эпических песен и прочих произведений осетин (аланов), а также других народов Кавказа начался лишь во второй половине XIX века. Поскольку исследование фольклора Кавказа началось достаточно поздно, многие темы остаются малоизученными и до сегодняшнего дня. Вторая Мировая война прервала и начавшиеся в конце позапрошлого века исследования. Часть народов Кавказа во время войны подверглась гонениям, депортации, и это обстоятельство не заниматься изучением фольклора. Более того, в отличие от фольклора Алтая, например, все еще сохраняющего своих сказителей и кайчи, на Кавказе встретить живых носителей нартского эпоса можно было лишь в третьей четверти XX века, а в конце века и по настоящее время их уже практически не осталось: приходится восстанавливать утраченное по крупинкам и надеяться, что то, что сохранял народ, сохраняют ученые.

Вместе с тем с конца XX века, в том числе в работах и под руководством Т. Гуриева, развернулась интенсивная работа. Одним из центральных для Кавказа и, как отмечают его исследователи, для всего континента Евразия, является вопрос исследования Нартиады – эпоса народов Кавказа о его богатырях, нартах. Еще в самых ранних исследованиях, однако, подчеркивалось богатство народного фольклора, и в том числе сказаний и мифов народов Кавказа. П.К. Услар отмечал, например, что на Кавказе множество предметов исследования, но особенно привлекательным являются нартские сказания: «На Кавказе существует народная поэма о нартах, которая покуда, как и все народные поэмы, представляется раздробленной на множество отдельных песней. Эта поэма существует, как мне известно, у адыгов, кабардинцев, осетин, аварцев, казикумыков, – вероятно, и у других народов. В ней есть целые генеалогии героев, богов, фантастических существ и пр. и пр., и в этом отношении, как и в отношении к характерам различных личностей, существует замечательное сходство. У каждого народа есть несколько певцов, которые славятся знанием этих песней» [34, с. 36–41]. «В большей части сказок действуют великаны – нарты: нарты – это герои древних эпических сказаний многих кавказских народов – осетин, кабардинцев, абазин, адыгов, убыхов, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей [34, с. 41]. Нарты упоминаются в фольклоре народов Дагестана (тюркоязычных кумыков) и Грузии (сванов, рачинцев, хевсуров [28, с. 199]. Поэтому неудивительно, что кавказский нартский эпос характеризуется наличием многих одинаковых имен героев, сюжетов, композиций и т.д., что объясняется близким соседством этих народов в течение многих веков [21, с. 219–220]. При этом есть и различия: так, у осетин и кабардинцев, в самом центре Кавказа, нарты сами служат героями песен и сказок; каждый нарт не только назван по имени, но известна и родословная его» [1, с. 28]. В середине XX века взгляды П.К. Услара поддерживали и развили многие исследователи, в том числе В.И. Абаев: «Эпическая песня была от глубокой древности до наших дней той господствующей формой, в которую выливалось духовное творчество народа», «...нарты – это образ чудесного легендарного мира, воссозданный с такой могучей простотой и

пластической силой, что он становится нам близок и понятен, и мы отдаем невольную дань поэтическому гению создавшего его народа» [1, с. 30].

При этом, как отмечал Т.А. Гуриев, в нартских сказаниях «мы обнаруживаем следы различных эпох» [13, с. 23]. «Эпос был не только исторической памятью, но и умом народа, сводом его нравственных правил. В памяти людей удерживалось все самое важное, что будущих поколений», – пишут Т.А. и Е.А. Бекоевы [29, с. 3–4]. Они отмечают, что «нарты были носителями строгой нравственности, нарушение нравственных норм делало нарта изгоем, основным же критерием оценки поступков этих героев считалась их общественная значимость» [29, с. 6]. Этот момент – важнейшая часть в становлении этнического самосознания представителей кавказских национальностей: именно проблемы ненравственного поведения и становятся основой упреков и обвинений в адрес представителей этих народов в других местах. Однако, как бы не были несправедливы такие замечания и комментарии, человеку важно знать, что его предки, его нация, род, семья, ориентировались на комплекс нравственных ценностей, помогающих выживать и достигать успеха.

В Нартиаде и иных фольклорных богатствах региона также содержатся важнейшие данные о развитии осетинского и иных народов Кавказа, а также о развитии человечества в целом. Эти данные были обнаружены в процессе сравнения Нартиады с другими эпосами. Оказалось, что Нартиада во многом близка другим эпическим повествованиям, таким, как и Ионические песни (Илиада и Одиссея), Махабхарата, Шах-Наме, Нибелунги и Калевала, не только в части общих сюжетов и схем развития событий, но и в некоторых «говорящих» о многом языковых и иных «деталях». Как и иные эпосы, Нартиада рассказывает о жизненном опыте народов, опыте выживания и развития, борьбы и побед. А также об одном из народов, ставшим «прародителем» целого ряда других: скифско-сарматская культура внесла свой вклад в развитие многих иных культур, включая некоторые культуры Африки, Европы, Азии [37; 38; 39; 40].

Один из исследователей фольклора Кавказа, Ж. Дюмезиль определил Скифию, как один из центров античной цивилизации, влиявший на окружающий мир и в то же время вбиравший в себя элементы иноэтнических культур», – пишет Т.А. Гуриев. В частности, Ж. Дюмезиль неоднократно отмечал сходство скандинавских и кавказских легенд и сказаний [20; 40, р. 127–129]. Свой анализ этой проблемы Ж. Дюмезиль начинает с весьма «говорящего» введения: «Хотя скифское происхождение осетин несомненно, хотя из грузинских летописей можно узнать о некоторых событиях, установить некоторые даты из истории их более близких предков, алан, тем не менее положение исследователя-этнографа или лингвиста весьма невыгодно: будучи довольно хорошо осведомлен греческими и латинскими авторами о нравах и верованиях скифов в V в. до н.э. и в последующие столетия, он затем, – вплоть до середины XIX в., оказывается лишен какой бы то ни было документации. Все, что сколько-нибудь точно известно об этих «европейских иранцах», относится к двум крайним точкам исторического пути длиной в два с половиной тысячелетия. И чудо, что в таких условиях все еще можно

распознать столько «пережитков». Но это чудо неоспоримо: по языку и фольклору осетины оказались одним из самых бережно относящихся к традициям индоевропейских народов» [1, с. 153]. «Можно считать доказанной и общепризнанной истиной, – по мнению знаменитого исследователя фольклора Кавказа, Вс. Миллера – что маленькая народность осетин представляет собою последних потомков большого иранского племени, которое в Средние века известно было как аланы, в древние – как сарматы, или понтийские скифы» [16, с. 34]. В.Ф. Миллер отмечал: «В настоящее время, когда только начинают обнародовать народные эпические сказания кавказских горцев, еще рано ставить вопрос, у кого из этих народов они возникли впервые и в какое время распространились среди других народов» [27, с. 11]. Т.А. Гуриев продолжил работу В.Ф. Миллера, Ж. Дюмезиля и В.И. Абаева по систематическому изучению осетинского героического эпоса. Развивая гипотезу В.И. Абаева о монгольском влиянии на развитие осетинского языка, Т.А. Гуриев предположил, что в XIII–XIV вв. предки осетин заимствовали известную генеалогическую легенду о происхождении «золотого рода» Чингисхана, что с этой легендой в древний скифско-аланский эпос вошли имена ряда героев монгольской эпопеи. Эти удивительные вещи важны и необходимы растущему человеку: удивление, восхищение собственной культурой, предками – основа счастливой жизни человека, этноса.

Особенно продуктивными сравнительные исследования фольклора осетин и иных народов Кавказа, Нартиады и иных фольклорных памятников Кавказа, в их сравнении с фольклором народов других стран, в том числе Европы, оказались в отношении сюжетного и лингвистического анализа. В языке, как полагал Т.А. Гуриев, закрепляется и сохраняется коллективный опыт его носителей в течение тысячелетий [12]. В становлении эпоса нартов В.И. Абаев выделяет ряд фаз [2, с. 127].» «Сначала – это разрозненные, между собой не связанные сказания. Из массы героев и сюжетов выделяется несколько излюбленных героев, излюбленных событий и мотивов. И вокруг них начинает формироваться сказание. Образуется, таким образом, несколько эпических узлов или циклов. Так эпос вступает в фазу циклизации. Ранее не связанные между собой циклы объединяются одной сюжетной нитью, сводятся в одно последовательное повествование, в одну эпическую поэму. Так идет гиперциклизация: это и есть собственно фаза эпоса [29, с. 204]. М.А. Кумахов и З.Ю. Кумахова, рассматривая проблему пространства и времени в Нартиаде, пишут, что «пространственно-географические границы в фольклоре определяются их стадияльно-типологическими особенностями. В наиболее архаичных нартских сказаниях эпическое действие разворачивается в пределах мифологического пространства. В более поздних... претерпевает изменения» [25, с. 123]. «Народный певец – основной хранитель традиции устного слова – вносит свой вклад в эпическую географию произведения... создает элементы, в том числе эпической географии, расширяет ее новыми топонимическими названиями» от гор Кавказа до берегов Дона и Волги [25, с. 125]. «Пространственный континуум событий в эпосе, как и временной, хотя и является условным, воспринимается эпическим сознанием, как действительно суще-

ствующий в прошлом, в суровую героическую идеализированную эпоху нартов», – подчеркивают авторы, глубоко вникая в проблему [25, с. 127]. В целом жизнь и пространство нартского богатырского мира в осетинском, адыгском и карачаево-балкарском эпосах сходны. Вероятно, что, как ранее писал и А.М. Гадагатль: «Возможно, что когда создавался и формировался древний эпос «Нартхэр», абхазы и адыги жили вместе и их обслуживал один общий язык, на что указывает история, археология, этнография, география и лексика этих двух аборигенных родственных народов Кавказа» [9, с. 343]. При этом, как отмечает А.М. Гутов, «...в художественном контексте современных нам записей эпоса утратили свои первичные конкретные мифологические функции и существуют как явления эстетического порядка», – что вполнеотносимо ко всей кавказкой Нартиаде [15, с. 78]. В. Даркевич пишет: «В основе изобразительной системы лежит мир эпической поэзии, за которым проглядывает реальный исторический фон» [19, с. 9]. Осознавая пути развития культуры своего народа, человек осознает и всю ее историю – как неплоскую, противоречивую и многоликую реальность. Многокомпонентность представлений и переживаний, веер способов поведения и построения отношений – важная часть понимания себя и мира, успешности в самых сложных ситуациях.

Основные герои Нартиады находятся в родственных отношениях, образующих четыре поколения и три рода (фамилии), которые составляют четыре центральных цикла и множество побочных («генеалогическая циклизация»): 1) начало нартов (Уархаг и его сыновья, Хсар и Хсартаг) – в основе сказания об Ахсаре и Ахсартаге лежит тотемический миф о происхождении племени от волка, аналогично легенде о Ромуле и Реме. Нарты произошли от дочери водного божества Дзерассы, о чем они «вспоминают» практически всегда, но далее «герои мифов, боги, полубоги в ходе эволюции эпических сюжетов превращаются в бытовых героев» [29, с. 205]; 2) происходит «заземление», очеловечивание мифических, сверхчеловеческих мотивов и героев, превалируют бытовые мотивы над мифологическими, происходит философское содержание эпоса. Главные герои – Урузмаг и Сатана, муж и жена, миф о них можно отнести к теогоническим, антропогоническим и этногоническим мифам: «с точки зрения социальной типологии аланская Сатана – родная сестра сарматской царицы Амаги (Полней), скифской Тамирис (Геродот), массагетской Зарины (Ктесий)» [4, т. I, с. 25]. Ей вполне соответствует и ее муж Урузмаг ... образ идеальной пары – Сатаны и Урузмага ... присутствует во всех циклах»; 3) Сослан – на смену герою-колдуну приходит герой-воин, герой-богатырь, а потом он превращается в «культурного героя» [26]; 4) Батраз – богатырь без лишних колдовских ухищрений, идеал мужчины: несокрушимая сила, отвага, презрение и ярость к врагам и насильникам, в котором бушуют космические силы и на его жизни, рождении и смерти лежит печать чудесного, что приближает его к титанам-богатырям, к кавказскому Амирану, к греческому Прометею. В его же цикле прослеживается «правда истории», смерть язычества патриархально-родовых отношений под давлением христианства. Также она прочитывается и в мотиве кровной мести. Интерес-

ны также циклы о нарте Сырдоне хитроумном, музыканте-«менестреле» Ацамазе и др., а также сюжеты, посвященные другим героям: Тотразу, Арахцау, Сауай, Сыбалц, Айсаной и др., здесь есть борьба с великанами, походы за добычей и приключения на охоте, сражения между нартовскими фамилиями и отдельными героями, события на почве кровной мести и соревнования героев за женщину («добывание жен»), путешествия в загробный мир (в цикле Сослана), борьба с небожителями (в цикле Батраза) и т.д. Понимание важности семьи не оценено еще по достоинству наукой, но практически отмечалось и подтверждалось всегда.

Сходство эпосов Европы и Кавказа наиболее явно проявляется в образах и судьбах трикстеров и героев. Особенно интересен в целях нашего исследования Сырдон, «нарты фыдбылыз» (зло нартов), – оборотень и трикстер, который умеет постоять за себя и добиться своего, в нем мало героического: юмор эпоса реализуется через него. В историях о нем особенно заметно сходство нарского эпоса и иных эпосов мира. Сравнивая трикстеров Нартиады (Сырдона и др.) с аналогичными персонажами других эпосов (Локи, Брикри, Кей и др.), обнаруживается много схожих сюжетных явлений. Но в Нартиаде Сырдон – носитель юмористического начала, что не типично ни для ирландских саг, ни скандинавских эдд, ни Нибелунгов [3, с. 69]. Кроме того, как выявлено В.И. Абаевым и Ж. Дюмезилем, много общего между гомеровским эпосом и сказаниями о нартах, что говорит об общем для обоих индоевропейских народов опыте и культуре: в работе А. Кристоля [23, с. 149–159] отмечается, что и Одиссея, и Нартиада содержат немалое число общих элементов, в том числе описаний героев, например, определенное социальное сословие по отцу; важность материнской линии, с присущей ей хитростью и магией; проживание на краю населенного мира в тайном жилище; способность к перевоплощению в других людей или животных; двойное отношение к ним других героев и т.д.». Неудивительно, что в образе Сырдона исследователи увидели родство с греческим Одиссеем, скандинавским Локи, ирландским Брикриу. Однако при всех возможных параллелях, при всех совпадениях, по образному выражению В. Цагараева, «образ Сырдона ухитряется выскользнуть от исследователя с иронической улыбкой на своем многоликом лице» [38, с. 254]. В Нартиаде понятия «хитрость», «колдовство» связаны с Сырдоном, что позволяет говорить о нем как о представителе шаманства. Но Сырдон, как Одиссей, впрочем, – не героичен: он сопровождает, а не воюет, что направило А. Кристоля «на мысль о существовании древнего, более беспокойного персонажа, характер которого попытались приукрасить многочисленные поколения аэдов», «аэды объясняют его (Одиссея – А.) успехи божественным покровительством, чем обесценили его человеческие качества...» [38, с. 157]. Нартовский эпос схож и с некоторыми русскими былинами [31, с. 126–127], например, похожи Садко и Сырдон. Внимательному исследователю очевидна их типологическая идентичность. Анализ осетинских нартовских сказаний позволил еще Ж. Дюмезилю утверждать, что Локи скопирован с Сырдона или наоборот, и назвать Локи двойником Сырдона [20, с. 126]: посредниками «передачи» образа являются скифо-аланские племена, исторические контакты кото-

рых с народами Европы общеизвестны. Что касается Одиссеи и Нартиады, то В.И. Абаев полагал, что между ними имеется «общая фольклорная основа» [4, т. I, с. 328]. Вместе с тем в Кавказских национальных вариантах нартовского эпоса популярность Сырдона резко падает: Сырдон и его аналоги представлены слабо или просто отсутствуют (Сырдон-Ширдон – Ширткга-Шертуко-Ширтан-Батако-Шертуко) [20, с. 116–118; 8, с. 365–36]. Так, его практически нет в кабардинской версии эпоса, претендующей наряду с скифо-аланской на второй центр формирования культуры народов Кавказа в целом и ядра Нартиады в частности. Таким образом, «Истоки эпоса ведут к легендам северо-иранских племен, скифов, сарматов и алан» [3, С. 79]. Единство человека с Кавказа с людьми других национальностей и человечеством в целом – расширяет понимание себя до гражданина мира, Вселенной, осознания своей ответственности и важности жизни как таковой.

Л.А. Чибилов пишет, что «Сказания о нартах хранят названия многих стран и народов, с которыми исторические судьбы сводили создателей эпоса», отмечая историческую основу многочисленных параллелей осетинских сказаний о нартах и скандинавских саг [39, с. 84]. «Кельты добирались до берегов Черного и Азовского морей, создали «Великую Кельтию» по соседству со Скифией. Известно также воздействие скифской цивилизации на кельтский мир, ... на кельтский фольклор эпического творчества сарматов и алан». Многие мотивы и образы (меч героя, волшебное царство, волшебная чаша, и др.), присутствующие в эпосах западноевропейских народов, были связаны с пребыванием в Северо-Западной Европе сарматских племен – языгов и алан» [39, с. 84–85]. Интересны в этом смысле и саги уладского цикла кельтов, а также такой их персонаж, как Кухулин: этот цикл очень древний, поэтому нет возможности полагать его позднее слияние или заимствование из осетинского эпоса [10, с. 50–54]. Ж. Грисвар писал: «Схождения, выявляемые между нартами и уладами, в очередной раз продвигают нас к постановке проблемы: не свидетельствуют ли они о наличии общего наследия» [10, с. 50]. Таким образом, сходство уладов с нартовским эпосом возникло гораздо ранее Великого переселения: речь идет об общем индоевропейском наследии, а также о более или менее непрерывной связи, существовавшей между Скифией и Ирландией [10, с. 51–52; 39, с. 86]. Ирландия, ирландцы – народ, переживший многие перипетии, – один из примеров важности и функций сохранения исторической памяти, культуры и идентичности.

Конечно, полного тождества не существует и не может существовать: «Из европейских эпосов только древнейшие ирландские саги дают нам картину типологически близкую к обществу нартов.... описание древнеирландского быта, то, как он отражен в старых сагах, похоже на эпос об осетинских нартах [2, с. 220]. Сармато-аланские племена поддерживали связи не только с Ирландией, но и Шотландией, что сказалось на формировании шотландского народа и их этноса: в Арбротской декларации о национальной независимости Шотландии по отношению к Британии, составленной в начале XIV века, прямо указано, то шотландцы являются выходцами из Скифии. «В результате этих тесных контактов со Скифией и народами, которые испытывали ее

влияние, кельты могли унаследовать, помимо прочих «культурных форм» и свод легенд, организованных вокруг грозового героя и солнечного героя» [10, с. 51]. Подтверждают сказанное и сходные сюжеты из Нартиады и ирландского средневекового эпоса. Одни и другие скандинавские божества стали боже-ствами севера, придя сюда из страны асов (Asa land), под этими асами подра-зумеваются сарматские племена асов, известные так же, как аланы [42]. Кроме того, асы – иранское племя, которое считается предками осетинского народа, помогали варягам в их движении на юг современной России [7, с. 281]. Т. Хейердал полагал, что викинги-асы, предки современных осетин, пришли на север с юга России, что они имеют азово-кавказские корни [37]. Все эти аспекты также хорошо видны в языковых соответствиях и превращениях, описанных Т.А. Гуриевым [11; 12; 13; 14]. История переселения и взаимо-действия народов Кавказа, Европы и Азии отражается в Нартиаде и на уров-не, связанном с религиозными воззрениями данных народов. В целом мы ви-дим гармоничность мира Нартиады, ее мифо-религиозное мировоззрение о единстве Вселенной часто подчеркивается исследователями: «Мир божеств, мир людей и мир природы – эти три мира во времени нартов дышат единой жизнью и им понятен язык друг друга» [3, с. 35]. Однако, как и сама Нартиа-да, лишившаяся в конце XX века своих сказителей, ее герои «угасают». Интересен в этом смысле «богоборческий мотив», представленный в эпосе. Ж. Дюмезиль и В.И. Абаев полагали, что эпос отражает борьбу христианства со старыми языческими культами: «Борьба и смерть Батраза, борьба и смерть Сослана, наконец, гибель нартов – это, быть может, поэтическое отображение борьбы старого, примитивного языческого натурализма с новым христиан-ским культом» [2, с. 204; 20]. Приход христианства в начале X века обозначил закат эпической традиции, ее вытеснение на периферию. Е.М. Мелетинский рассматривает отказ поклоняться «новым богам» как проявление «противо-речивого отношения к христианизации, какое, вероятно, существовало в Алании» [26, с. 165]. Однако часто пишут и о том, что молитвословия, обра-щенные к Мады Майрам, Уац-Никколе и Тутыру, говорят о том, что «христи-анское догматическое учение достаточно гармонично вписалось в сакраль-ную сферу осетинского народа» [17, с. 249].

Однако однозначно смешивать миф и историю не нужно: фольклор под-лежит истолкованию не только в аспекте истории, но и в аспекте мифа, он является подчас лишь синкретическим отражением самых субъективных по-нятий этноса о явлениях окружающей природы и той борьбы, какую приходи-лось вести людям, чтобы справиться с природными и социальными пробле-мами [22]. Опасность смешения мифических мотивов и героев с реальными историческими событиями отмечал Ч. Аффриев: «Мифологический элемент в этих преданиях увеличивает затруднение, которое обыкновенно испытывает дилетант-исследователь при объяснении и анализе коренного смысла преда-ний» [6, № 27].

В истории осетин, иных народов Кавказа, татар горных и ариев остает-ся все еще много тайн: история фальсифицируется, трансформируется и раз-вивается, порой столетиями отвергая очевидное и доверяя вымыслам. Одна-

ко история нартов – важная часть истории человечества, отражающая подчас огромные миграционные, военные и иные трансформации человеческих сообществ. Эпос народов Кавказа оставил многочисленные свидетельства их связи с другими народами: связи, существовавшей на протяжении тысячелетий. Переживая успехи и неудачи, подъемы и спады, народы Кавказа, как и другие народы, двигаются к постижению самих себя. На этом пути сохранение или восстановление исторической памяти является важной социально-психологической частью здоровья человечества.

Исследование фольклора – интереснейшая сфера научных исследований, в которой ученые сталкиваются с многочисленными проблемами верификации научного знания: начиная от вопроса о том, каким образом был найден и собран фольклорный материал и насколько точно он был зафиксирован исследователем и передан научному сообществу, и заканчивая вопросами соотношения содержащихся в фольклорном материале фактов, концепций и т.д. с фактами, этапами становления и развития и иными аспектами отображенной в фольклорных произведениях реальности. Особенно интересны в этом контексте эпосы-хранилища исторической памяти народа о своем происхождении и представлений о цели своего развития, о своих успехах и неудачах, об этапах развития и о знаменитых людях-героях, о быте и о войнах, о любви и жизни человека в целом. Эпос и мифичен, и историчен. Эпос выступает как феномен донаучного отображения истории народа, и вместе с тем объект эстетического восприятия, народного творчества. Кроме того, эпос отражает многочисленные и подчас запутанные отношения народа с его соседями, истории миграций, беженств и возвращений, он содержит реальные и мифические данные и реконструкции сказителями и народом в целом знаний о своем происхождении, предках. Порой парадоксальным образом эпос оказывается более точен, чем научные данные, более богат, чем документы. Эпос позволяет соединять разрозненные фрагменты картины, заполняя смысловые лакуны в культуре, истории и иных аспектах жизни народов. Эпос народов Кавказа – Нартиада – один из ярких примеров. Споры вокруг данного эпоса не утихают по сей день: вопросы, решаемые исследователями, касаются нескольких основных моментов. Первый момент связан с вопросом о том, является ли Нартиада по своему происхождению результатом творчества того или иного кавказского народа, каково место и время ее зарождения. Пока нельзя однозначно утверждать: у кого из кавказских и соседних с ними народов фрагменты эпоса возникли впервые и в какое время распространились среди других народов. Второй вопрос – связано ли это место и время с историей татар и славян, тюрков и кельтов, скифов и аланов, и почему сюжеты, герои и понятия, используемые в Нартиаде, мы можем встретить в большом спектре иных сказаний, включая сказания Африки, Азии, Европы и т.д. Поскольку однозначных ответов на этот вопрос не существует, то многочисленные исследования и споры вокруг Нартиады не только не утихают, но и разгораются: вопросы фальсификаций и тенденциозности интерпретаций тесно пересекаются с вопросами о социокультурных функциях вымыслов «мифической части» эпоса, о границах между мимической и исторической частями,

о феноменах герменевтического круга и гистерезиса, о циклической структуре эпоса и о том, что в эпосе «зашифровано» несколько больше, чем доступно ученым, спохватившимся исследовать этот эпос достаточно поздно, лишь с конца XIX столетия, когда традиция сказительства на Кавказе начала угасать, почти полностью прекратившись в конце XX века.

Правдивая, полная, многосторонняя информация о своем народе, своем крае, Родине, дает возможность человеку быть в ладу с собой и миром, останавливает хаотичные, бессмысленные миграции в поисках «лучшей доли», помогает человеку стать счастливым в любом месте, включая то место, где он родился, а также куда пришел, но уже с полным сознанием, принятием, реалистичностью представлений о себе, своем народе, человечестве и о жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – 608 с.
2. *Абаев В.И.* Нартовский эпос осетин // *Абаев В.И.* Избранные труды. Религия. Фольклор. – Владикавказ: ИР, 1990. – Т. 1. – 638 с. – С. 142–242.
3. *Абаев В.И.* Нартовский эпос осетин // *Известия Северо-Осетинского НИИ*; Т. X. – Вып. 1. – Дзауджикау: Сев.-Осет. госизд-во, 1945. – 118 с., Цхинвали: Ирыстон, 1982/1988. – 108 с.
4. *Абаев В.И.* Нартовский эпос осетин // *Нарты. Осетинский героический эпос.* – М.: Наука : Главная редакция восточной литературы, 1990. – Кн. I, II, III. – 435 с., 499 с., 179 с.
5. *Аджиев А.М.* Устное народное творчество кумыков. – Махачкала: Дагестанский НЦ РАН : Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, 2004. – 425 с.
6. *Ах(ф)риев Ч.* Этнографический очерк ингушского народа с приложением его сказок и преданий // *Терские ведомости.* 1872. 872, № 27–35, 39, 42, 43, 45–49; 1873, № 3, 21, 22, 24–26.
7. *Вернадский В.Г.* История России. Древняя Русь. – М.: Аграф, 2000. – 480 с.
8. *Гаглойти Ю.С.* Избранные труды. – Т. 1. / Сост., науч. ред. К.Г. Дзугаев. – Цхинвал: Ирыстон : Дом печати, 2010. – 814 с.
9. *Гадагатль А.М.* Героический эпос «Нарты» адыгских (черкесских) народов. – Майкоп: Краснодар. кн. изд-во : Адыгейское отделение, 1987. – 406 с.
10. *Грисар Ж.* Мотив меча, брошенного в озеро: смерть Артура и смерть Батрадза // *Эпос и мифология осетин и мировая культура* / Сост. и пер. Т.Т. Камболова. – Владикавказ: Изд-во СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2012. – 309 с.
11. *Гуриев Т.А.* К проблеме генезиса осетинского нартского эпоса. – Орджоникидзе: ИР, 1971. – 168 с.
12. *Гуриев Т.А.* Памятник особого рода: язык. – Владикавказ: Госкомиздат, 1995. – 31 с.
13. *Гуриев Т.А.* Проблемы Нартиады: Учеб. пособ. – Орджоникидзе: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 1982. – 35 с.
14. *Гуриев Т.А.* Сборник избранных работ. – Владикавказ: СОГУ, 2010. – 295 с.
15. *Гутов А.М.* Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. – М.: Восточная литература, 1993. – 208 с.

16. *Гурциева О.А.* Христианские черты в традиционных осетинских молитвах // Вестник Института цивилизации. – Владикавказ, 2005. – Вып. 6. – С. 227–251.
17. *Далгат У.Б.* К вопросу о нартском эпосе у народов Дагестана // Нартский эпос: Материалы совещания 19–20 октября 1956 г., Орджоникидзе // Ред. В.И. Абаев и др. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. – С. 154–174.
18. *Даркевич В.П.* Светское искусство Византии. – М.: Искусство, 1975. – 347 с.
19. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. – М.: Наука : Главная редакция восточной литературы, 1976. – 276 с., Владикавказ: Наука, 2001. – 278 с.
20. *Калоев Б.А.* Осетины. – М.: Наука, 2009. – 471 с.
21. *Таказов Ф.М.* Мифологические архетипы модели мира в осетинской космогонии. – Владикавказ: СОИГСИ, 2014. – 210 с.
22. *Кристолю А.* Сырдон и Одиссей // Эпос и мифология осетин и мировая культура / Сост. и пер. Т.Т. Камболова. – Владикавказ: СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2012. – 309 с.
23. *Крупнов Е.И.* О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Е.И. Крупнов, Ш.Д. Инал-Ипа, Б.А. Калоев и др. Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – М.: Наука, 1969. – 551 с. – С. 15–29.
24. *Кумахов М.А., Кумахова З.Ю.* Язык адыгского фольклора. Нартский эпос / Отв. ред. М.М. Гухман. – М.: Наука, 1985. – 223 с.
25. *Мелетинский М.Е.* Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. – М.: Восточная литература, 2004. – 464 с.
26. *Миллер В.Ф.* В горах Кавказа. – Владикавказ: Алания, 1998. – 520 с. / В горах Осетии. – Владикавказ : РИПП им. В.А. Гассиева, 2007. – 535 с.
27. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды // Ученые записки императорского Московского университета. – Ч. I. – М.: Имп. Моск. ун-т, 1881. – 164 с.; Ч. II. – М.: Имп. Моск. ун-т, 1882. – 301 с.; Ч. III. – М.: Имп. Моск. ун-т, 1887. – 215 с. Владикавказ, 1992. – 707 с.; М.: Книга по требованию, 2011. – Тома 1–3. – 167 с., 303 с., 217 с.
28. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия : Дрофа, 2008. – 1392 с. – Т. 2: К – Я. – 719 с.
29. Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: сб. научных трудов. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. – Выпуск 3. – 266 с.
30. *Плаева З.К.* Цикл Ацамаза в осетинском нартском эпосе // IV Всероссийские Миллеровские чтения: Материалы научной конференции 11–12 ноября 2014 г. Владикавказ. – Владикавказ: СОИГСИ, 2014. – 467 с. – Т. IV. – С. 28–35.
31. *Тадевосян Т.* Архетипы морского царя и подводного царства в русской былине Садко и в осетинском нартском эпосе // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. – Владикавказ: СОИГСИ, 2012. – 350 с.
32. *Тресков И.В.* Фольклорные связи Северного Кавказа. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. – 344 с.
33. *Туаллагов А.А.* Скифо-сарматский мир и нартский эпос осетин. – Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского университета (СОГУ), 2001. – 315 с.
34. *Услар П.К.* Письмо к А.П. Берже от 3 июня 1864 г. // Услар П.К. Этнография Кавказа. II. Чеченский язык. – Тифлис, 1888. – 424 с.
35. *Фидарова Р.Я., Кайтова И.А.* Поиски первоначал бытия в нартском эпосе осетин // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпрета-

ции: сб. научных трудов. – Владикавказ: СОИГСИ, 2015. – Выпуск 3. – 266 с. – С. 200–211.

36. Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. – Махачкала: Дагестанский научный центр РАН : ИЯЛИ им. Г. Цадасы, 1992. – 274 с.

37. Хейердал Т. Лиллиестрем П. В погоне за Одним. – М.: Менеджер, 2008. – 430 с.

38. Цагараев В. Золотая яблоня нартов. – Владикавказ: РИПП им. В.А. Гасиева, 2000. – 300 с.

39. Чибиров Л.А. Историческая основа параллелей осетинских сказаний о нартах и скандинавских саг // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: сб. научных трудов. – Владикавказ: СОИГСИ, 2015. – Выпуск 3. – 266 с. – С. 84–89.

40. Dumezil G. Le livre des Heros. Legendes sur les Nartes. – Paris: Gallimard, 1989. – 264 p.

41. Hunt D. Legends of the Caucasus. – London: Saqi Books, 2012. – 376 p.

42. The Narts. The heroic epos of the karachay and balkar people / Comp. by Tanzilya M. Khadjieva, Azret Z. Kholayev, Rimma A.-K. Ortabayeva. Introd., comm. and gloss. by Tanzilya M. Khadjieva. Translated from the Russian by D.G. Hunt. M., PROGRESS ID, 2014. – 624 p.

REFERENCES AND SOURCES

1. Abaev V.I. *Osetinskiy yazyk i fol'klor*. – M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1949. – 608 pp. (In Russ.)

2. Abaev V.I. Nartovskiy epos osetin // Abaev V.I. *Izbrannye trudy. Religiya. Fol'klor*. – Vladikavkaz: IR, 1990. – Vol. 1. – 638 pp. – Pp. 142–242. (In Russ.)

3. Abaev V.I. Nartovskiy epos osetin // *Izvestiya Severo-Osetinskogo NII*; Vol. II. – Issue. 1. – Dzaudzhikau: Sev.-Oset. gosizd-vo, 1945. – 118 p., Tskhinvali: Iryston, 1982/1988. – 108 p. (In Russ.)

4. Abaev V.I. Nartovskiy epos osetin // *Narty. Osetinskiy geroicheskiy epos*. – M.: Nauka : Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990. – Vol. I, II, III. – 435 p., 499 p., 179 p. (In Russ.)

5. Adzhiev A.M. *Ustnoe narodnoe tvorchestvo kumykov*. – Mahachkala: Dagestanskiy NTS RAN : Institut yazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy, 2004. – 425 p. (In Russ.)

6. Ah(f)riev Ch. Etnograficheskiy ocherk ingushskogo naroda s prilozheniem ego skazok i predaniy // *Terskie vedomosti*. 1872. 872, No. 27–35, 39, 42, 43, 45–49; 1873, No. 3, 21, 22, 24–26. (In Russ.)

7. Vernadskiy V.G. *Istoriya Rossii. Drevnyaya Rus'*. – M.: Agraf, 2000. – 480 p. (In Russ.)

8. Gagloyti Yu.S. *Izbrannye trudy*. – Vol. 1. / Ed. K.G. Dzugaev – Tskhinval: Iryston : Dom pečati, 2010. – 814 p. (In Russ.)

9. Gadagatl' A.M. *Geroicheskiy epos «Narty» adygskih (cherkesskih) narodov*. – Maykop: Krasnodar. kn. izd-vo : Adygeyskoe otделение, 1987. – 406 p. (In Russ.)

10. Grisar Zh. Motiv mecha, broshennogo v ozero: smert' Artura i smert' Batradza // *Epos i mifologiya osetin i mirovaya kul'tura* / Ed. T.T. Kambolova. – Vladikavkaz: Izd-vo SOGU im. K. L. Hetagurova, 2012. – 309 p. (In Russ.)

11. Guriev T.A. *K probleme genezisa osetinskogo nartskogo eposa*. – Ordzhonikidze: IR, 1971. – 168 p. (In Russ.)

12. Guriev T.A. *Pamyatnik osobogo roda: yazyk*. – Vladikavkaz: Goskomizdat, 1995. – 31 p. (In Russ.)
13. Guriev T.A. *Problemy Nartiady: Ucheb. posob.* – Ordzhonikidze: Severo-Osetinskiy gosudarstvennyy universitet im. K.L. Hetagurova, 1982. – 35 p. (In Russ.)
14. Guriev T.A. *Sbornik izbrannyh rabot*. – Vladikavkaz: SOGU, 2010. – 295 p. (In Russ.)
15. Gutov A.M. *Poetika i tipologiya adygskogo nartskogo eposa*. – M.: Vostochnaya literatura, 1993. – 208 p. (In Russ.)
16. Gurtsieva O.A. Hristianskie cherty v traditsionnyh osetinskih molitvah // *Vestnik Instituta tsivilizatsii*. – Vladikavkaz, 2005. – Issue 6. – Pp. 227–251. (In Russ.)
17. Dalgat U.B. K voprosu o nartskom epose u narodov Dagestana // *Nartskiy epos: Materialy soveschaniya 19–20/10/1956*, Ordzhonikidze // Ed. V.I. Abaev. – Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. – Pp. 154–174. (In Russ.)
18. Darkevich V.P. *Svetское искусство Византии*. – M.: Iskusstvo, 1975. – 347 p. (In Russ.)
19. Dyumezil' Zh. *Osetinskiy epos i mifologiya*. – M.: Nauka : Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1976. – 276 p., Vladikavkaz: Nauka, 2001. – 278 p.
20. Kaloev B.A. *Osetiny*. – M.: Nauka, 2009. – 471 p. (In Russ.)
21. Takazov F.M. *Mifologicheskie arhetipy modeli mira v osetinskoy kosmogonii*. – Vladikavkaz: SOIGSI, 2014. – 210 p. (In Russ.)
22. Kristol' A. Syrdon i Odissey // *Epos i mifologiya osetin i mirovaya kul'tura* / Ed. T.T. Kambolova. – Vladikavkaz: SOGU im. K. L. Hetagurova, 2012. – 309 p. (In Russ.)
23. Krupnov E.I. O vremeni formirovaniya osnovnogo yadra nartskogo eposa u narodov Kavkaza // E.I. Krupnov, Sh.D. Inal-Ipa, B.A. Kaloev. *Skazaniya o nartah – epos narodov Kavkaza*. – M.: Nauka, 1969. – 551p. – Pp. 15–29. (In Russ.)
24. Kumahov M.A., Kumahova Z.Yu. *Yazyk adygskogo fol'klora. Nartskiy epos* / Ed. M.M. Guhman. – M.: Nauka, 1985. – 223 p. (In Russ.)
25. Meletinskiy M.E. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa: rannie formy i arhaicheskie pamyatniki*. – M.: Vostochnaya literatura, 2004. – 464 p. (In Russ.)
26. Miller V.F. *V gorah Kavkaza*. – Vladikavkaz: Alaniya, 1998. – 520 p. / *V gorah Osetii*. – Vladikavkaz : RIPP im. V.A. Gassieva, 2007. – 535 p. (In Russ.)
27. Miller V.F. Osetinskie etyudy // *Uchenye zapiski imperatorskogo Moskovskogo universiteta*. – Part. I. – M.: Imp. Mosk. un-t, 1881. – 164 p.; Part. II. – M.: Imp. Mosk. un-t, 1882. – 301 p.; Part. III. – M.: Imp. Mosk. un-t, 1887. – 215 p. Vladikavkaz, 1992. – 707 p.; M.: Kniga po trebovaniyu, 2011. – Vol 1–3. – 167 p., 303p., 217p. (In Russ.)
28. *Mify narodov mira. Entsiklopediya*: in 2 vol. / Ed. S.A. Tokarev. – M.: Sovetskaya entsiklopediya : Drofa, 2008. – 1392 p. – Vol. 2: K – Ya. – 719 p. (In Russ.)
29. *Nartovedenie v XXI veke: sovremennye paradigmy i interpretatsii*: sb. nauchnyh trudov. – Vladikavkaz: IPTS SOIGSI VNTS RAN i RSO-A, 2015. – Issue 3. – 266 p. (In Russ.)
30. Plaeva Z.K. Tsikl Atsamaza v osetinskom nartovskom epose // *IV Vserossiyskie Millerovskie chteniya: Materialy nauchnoy konferentsii 11–12/11/2014*, Vladikavkaz. – Vladikavkaz: SOIGSI, 2014. – 467 p. – Vol. IV. – Pp. 28–35. (In Russ.)
31. Tadevosyan T. Arhetipy morskogo tsarya i podvodnogo tsarstva v russkoy by-line Sadko i v osetinskom nartskom epose // *Nartovedenie v 21 veke: sovremennye paradigmy i interpretatsii*: Sbornik nauchnyh trudov. – Vladikavkaz: SOIGSI, 2012. – 350 p. (In Russ.)

32. Treskov I.V. *Fol'klornye svyazi Severnogo Kavkaza*. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. – 344 p. (In Russ.)
33. Tuallagov A.A. *Skifo-sarmatskiy mir i nartovskiy epos osetin*. – Vladikavkaz: Izd-vo Severo-Osetinskogo universiteta (SOGU), 2001. – 315p. (In Russ.)
34. Uslar P.K. Pis'mo k A.P. Berzhe ot 3 iyunya 1864 g. // Uslar P.K. *Etnografiya Kavkaza. II. Chechenskiy yazyk*. – Tiflis, 1888. – 424 p. (In Russ.)
35. Fidarova R. Ya., Kaytova I. A. Poiski pervonachal bytiya v nartovskom epose osetin // *Nartovedenie v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretatsii: sb. nauchnyh trudov*. – Vladikavkaz: SOIGSI, 2015. – Issue 3. – 266 p. – Pp. 200–211. (In Russ.)
36. Halidova M.R. *Mifologicheskiy i istoricheskiy epos narodov Dagestana*. – Mahachkala: Dagestanskiy nauchnyy tsentr RAN : IYALI im. G. Tsadasy, 1992. – 274 p. (In Russ.)
37. Heyerdal T., Lilliestrem P. *V pogone za Odinom*. – M.: Menedzher, 2008. – 430 p. (In Russ.)
38. Tsagaraev V. *Zolotaya yablonya nartov*. – Vladikavkaz: RIPP im. V.A. Gasieva, 2000. – 300 p. (In Russ.)
39. Chibirov L.A. Istoricheskaya osnova paralleley osetinskih skazaniy o nartah i skandinavskih sag // *Nartovedenie v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretatsii: sb. nauchnyh trudov*. – Vladikavkaz: SOIGSI, 2015. – Issue 3. – 266 p. – Pp. 84–89. (In Russ.)
40. Dumezil G. *Le livre des Heros. Legendes sur les Nartes*. – Paris: Gallimard, 1989. – 264 p.
41. Hunt D. *Legends of the Caucasus*. – London: Saqi Books, 2012. – 376 p.
42. *The Narts. The heroic epos of the karachay and balkar people* / Comp. by Tanzilya M. Khadjieva, Azret Z. Kholayev, Rimma A. K. Ortabayeva. Introd., comm. and gloss. by Tanzilya M. Khadjieva. Translated from the Russian by D.G. Hunt. M., PROGRESS ID, 2014. – 624 p.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИСПАНИЕЙ И АЗЕРБАЙДЖАНОМ

Алекперли Джавид Тарлан оглы, докторант Азербайджанского государственного университета культуры и искусств (г. Баку, Азербайджан). E-mail: hacar2002@yahoo.com

Аннотация. В данной работе автор исследовал историко-культурные взаимоотношения Азербайджана и Испании. Ссылаясь на первоисточники, исследователь показал, что эти взаимоотношения между Азербайджаном и Испанией существовали еще в Средние века и, опираясь на труды отечественных и зарубежных исследователей, автор указывает, что они продолжают развиваться и в наши дни.

Ключевые слова: Испания, Азербайджан, путешественники, Султанья, Баку, Насреддин Туси, Христофор Колумб.

HISTORICAL AND CULTURAL RELATIONS BETWEEN SPAIN AND AZERBAIJAN

Javid T. Alakbarli, Doctoral student, Azerbaijan State University of Culture and Arts (Baku, Azerbaijan). E-mail: hacar2002@yahoo.com

Abstract. This paper explores the historical and cultural relations between Azerbaijan and Spain. Referring to the primary sources, it shows that these relations between the two countries existed in the Middle Ages. Based on the works of native and foreign researchers, the author points out that the relations between Azerbaijan and Spain continue to develop in our days.

Keywords: Spain, Azerbaijan, travelers, Sultaniya, Baku, Nasreddin Tusi, Christopher Columbus.

Пиренейский полуостров и Кавказский мегарегион известны стратегической значимостью. Благоприятное географическое расположение позволили этим двум странам установить дипломатические отношения в далёком прошлом. Изучая данный вопрос, всплывают события, развернувшиеся в Средние века. Походы Тамерлана – могучего властелина Востока в конце XIV века – привели к образованию могучей империи Тимуридов, куда был включён и Азербайджан. В этот сложный период Средневековья Испания, переживавшая Реконкисту, пристально следила за развернувшимися социально-политическими процессами в восточных землях, и в 1403 году делегация от Кастилии была послана для встречи с Тамерланом и вернулась в Кастилию только в 1406 году. Присутствие испанского дипломата Клавихо Руй де Гонсалеса сделала эту миссию более интересной. Проходя через такие города, как Хой и Тебриз Клавихо Руй де Гонсалес собрал интересную информацию об указанных областях Азербайджана. В своих мемуарах Клавихо описывал приход Амира Теймура к замку Алинджа: «Поскольку поблизости не было деревни, армии пришлось переночевать на открытом воздухе. Башня находится на вершине горы и окружена большой стеной. Внутри стены были кукурузные поля, виноградники и фрукты. А на вершине стояла сама крепость» [2, 84–91].

Позже Клавихо, описывая одежду тебризских женщин, указывал, что они покрываются белой тканью, а их глаза покрыты черной сетью, изготовленной из конского хвоста [1, 95–102]. По его словам, торговцы из христианских стран останавливались и в городе Султания. Большинство этих торговцев покупали специи, камни, шелк и т.д. По словам путешественника, самый лучший шелк производился в древнем городе Азербайджана – Шамахе.

Изучение азербайджано-испанских отношений показывает, что испанцы уже в XII–XIII веках интересовались Азербайджаном и азербайджанскими учеными. Известно, что в тот исторический период европейские учёные обращались к трудам выдающегося ученого Насреддина Туси. Например, Габриэль Санкс, еврейский казначей испанского короля, финансировавший поездку Христофора Колумба в Америку, снабжавший его необходимым оборудованием, куда вошли также карта Насреддина Туси, шкала (древний тип компаса) и другие астрономические устройства.

Работа Орудж-бека Баята просачивает определённую информацию о взаимоотношениях Сефевидского государства и европейских государств в конце XVI в начале XVII веках. Созданная дипмиссия под руководством сефевидского дипломата Хусейна-Бек Баята, была отправлена в Европу в 1599 году. В эту дипмиссию был включён Орудж-бек Баят, который был тепло встречен в испанском дворце. Вскоре, после прибытия в Испанию, Орудж-бек Баят принял христианство. Во время своего пребывания в этой стране Орудж-бек опубликовал книгу «История Дона Хуана Персидского», в которой описал историю Сефевидов [12, 49]. Опубликованная в 1604 году эта книга состояла из трех частей. Автор в своей работе дал интересную информацию об империи Сефевидов, о проводимой ею политике, географии, культурно-конфессиональных традициях, о разных областях науки. Цель автора заключалась в представлении информации королю Испании Фелипе III о своей стране. Хронологические рамки этой книги были широки, и низкая грань начиналась со времен Нимрода. Книга «История Дона Хуана Персидского» произвела определённое впечатление на короля Фелипе III и он усыновляет племянника Гусейнали Баята Аликулу-бека Баята, дав ему имя Дон Филипп. Генеральный секретарь посольства Орудж-бек был усыновлён королевой и был назван Дон Жуаном. Другой участник дипмиссии делегации – Буньяд-бек – стал Доном Диего [12, 50].

В начале XVII века Испания, заинтересованная развернувшимися событиями на Востоке направила свою делегацию под председательством Антонио де Гуаа, состоящую из трех человек, которая прибыла в Мешхед.

Одним из испанских путешественников был Мануэль Риваденейра, побывавший в различных областях Азербайджана. В то время, когда Испания была заинтересована в развитии экономических отношений с Сефевидским государством, Мануэль не упустил шанс стать послом Испании в Исфахане. Посол прибыл из Стамбула в Баку, а оттуда в Тегеран. К сожалению, посол Мануэль Риваденейра в своей книге «Путешествие в Иран» начал описание своего путешествия с поездки из Тегерана, упустив определённые эпизоды дипмиссии [6, 3, 4].

В конце XX века, когда Азербайджанская Республика вновь приобрела независимость, двусторонние отношения Азербайджанской Республики с Королевством Испании стали развиваться по восходящей. Королевство признало независимость Азербайджанской Республики 31 декабря 1991 года. Дипломатические отношения были установлены 11 февраля 1992 года. Согласно статье 1 закона, подписанного 22 февраля 2013 года Президентом Азербайджанской Республики Ильхамом Алиевым, стороны обязывались обмениваться опытом и информацией в области культуры [7].

Развивая двусторонние отношения с Королевством Испании в научно-культурной области, Азербайджанская Республика при поддержке Фонда развития науки отправила во Францию и Испанию азербайджанских историков, где были ими рассмотрены около 80 карт X века, которые были обнаружены в различных музеях этих стран. Карты вновь подтвердили реалии истории и географии Азербайджана. Руководитель проекта Говхар Бахшалиева в своём интервью отмечала, что эти карты, составленные в X–XIII веках, показывают, что территорию Азербайджана охватывали земли выше Дербента и простирались до берегов озера Урмия. Эти карты показывают, что армянские племена жили на берегах Тигра-Евфрата [9].

Азербайджанская диаспора в Испании также расширяется. Согласно докладу Всемирного конгресса азербайджанцев мира, в Испании проживает 14 000 азербайджанцев [10]. Одной из немногих организаций диаспоры в Испании является Общество «Эльмира». Общество было основано в Валенсии. Его главой является Гульнара Ханбабаева [8]. Изучая проделанную работу обществом, невозможно не отметить документальный фильм «На небе Азербайджана», который был создан в результате сотрудничества между киностудиями «Воля продакшн» и «Салнаме». Фильм рассказывает о неизвестных страницах истории Второй мировой войны. Об испанских летчиках, служивших в Советской армии во время Второй мировой войны и защищавших нефтяные месторождения в Баку. Реалии войны жестоки. Не все испанские пилоты дожили до Победы, они пали, сражаясь с гитлеровской Германией. В Гяндже на кладбище Yeni Səbiskar покоятся останки пяти испанских пилотов. Отмечая доблесть воинов Испании в годы Второй мировой войны, Гульнара Ханбабаева говорит: «Молодое поколение Азербайджана должно признавать людей, которые боролись за нас, не зная нашу страну и наш язык» [5].

За последние 26 лет двусторонние отношения между Азербайджаном и Испанией достигли значительного прогресса. Но порой возникают непредвиденные ситуации. Так, в ноябре 2016 года археолог из Испанского Национального Музея Естественных Наук, британец по происхождению, Питер Эндрю и его коллега Таня Кинг, вопреки международному праву, принял участие в археологических раскопках на оккупированных территориях Азербайджана. Официальный Баку, руководствуясь общепризнанными нормами международного права, в частности установленными принципами Гаагской конвенции о защите культурных ценностей 14 мая 1954 года в ходе вооруженного конфликта, которая оговаривает, что стороны несут ответственность

по защите культурных ценностей [3, 7, 2], обвинил археологов в том, что они перешли незаконно границу и перенесли артефакты в свою страну, которые были добыты во время раскопок [4]. Однако отдельные негативные случаи не остановили развитие культурных отношений Азербайджанской Республики и Испании. В 2013 году королева Испании, принцесса Дании и Греции, подарила свои старые миниатюры известной азербайджанской поэтессы Мехсети Гянджеви Международному центру Низами Гянджеви по случаю ее 900-летнего юбилея. Некоторые из этих миниатюрных работ являются примерами из Ардебиля взятые русскими солдатами во время Русско-иранской войны 1826–1828 годах, а часть из них принадлежит Испании [11].

Как правило, стороны, участвующие в культурном диалоге, стремятся найти похожие или общие черты друг в друге. Одна из сторон, заинтересованная в развитии двухсторонних отношений, стремится привлечь внимание другой стороны. Принимая во внимание эти реалии, можно констатировать, что существуют пласты, априори образованные в Средние века и основанные на историческом и культурном сходствах между народами Азербайджана и Испании. Есть ряд элементов, которые объединяют эти два народа и создают благоприятные условия для установления культурного диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Полиевктов, Михаил Александрович*. Европейские путешественники по Кавказу, 1800–1830 гг. / М.А. Полиевктов ; Арх. упр. МВД Груз. ССР. – Тбилиси : [тип. Заря Востока], 1946. – 151, [2] с. - Парал. тит. л. груз. ; Данные тит. л. и обл. частично парал. груз., рус., англ.
2. Narrative of the Embassy Ruy Gonzalez de Clavijo. HAKLUYT SOCIETY. London, 1859. 200 p.
3. The 1954 Hague Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict and its two (1954 and 1999) Protocols. 142 p.
4. Azerbaiyán declara persona no grata a una arqueóloga española del Museo de Ciencias Naturales. URL: http://www.abc.es/cultura/abci-azerbaiyan-declara-persona-no-grata-arqueologa-espanola-201611281534_noticia.html.
5. *Montaner R.* Azerbaiyán honra a los pilotos de la República que defendieron los pozos petrolíferos de Bakú. Valencia-2013. URL: <http://www.levante-emv.com/comunitat-valenciana/2013/06/06/azerbaiyan-honra-pilotos-republica-defendieron/1004487.html>.
6. Viaje al interior de Persia. Imprenta y Esterotipia de Aribau y C^a Sucesores de Rivadeneyra, 3 tomos. Madrid, 1880. 417 p. URL: <http://diaspora.gov.az/index.php?options=content&id=663>.
7. Azərbaycan Respublikası və İspaniya Krallığı arasında mədəniyyət, təhsil və elm sahələrində əməkdaşlıq haqqında" Sazişin təsdiq edilməsi barədə Azərbaycan Respublikasının Qanunu. Bakı, 22 fevral 2013. URL: <http://www.e-qanun.az/framework/25581>.
8. “Elmira” Azərbaycan-İspan Qardaşlıq Cəmiyyəti. URL: <http://diaspora.gov.az/index.php?options=content&id=663>.

9. Ermənilərin Mesopotamiya ərazilərindən gəldiyi sübut edilib: Fransa və İspaniya muzeylərində Azərbaycanın tarixi ərazilərini təsdiq edən 80-ə yaxın xəritə tapılıb// Üç nöqtə qəzet// 13 sentyabr 2011. S. 3.
10. İspaniyada Azərbaycan diasporu.// Olaylar// 24 dekabr 2014. № 233. S. 15.
11. İspaniya kraliçası Məhsəti Gəncəvinin qədim miniatürələrini Azərbaycana hədiyyə etmişdir.// Xalq qəzeti// 14 mart 2013. S. 6.
12. *Mahmudov Y.* Azərbaycan Diplomatiyası. Ağqoyunlu və Səfəvi dövlətlərinin Avropa ölkələri ilə əlaqələri(XV-XVII yüzilliklər) Bakı, 2006. Təhsil Nəşriyyatı. S. 512.

REFERENCES AND SOURCES

1. Polievktov, Mihail Aleksandrovich. Evropejskie puteshestvenniki po Kavkazu, 1800-1830 gg. / M. A. Polievktov ; Arh. upr. MVD Gruz. SSR. - Tbilisi : [tip. Zarya Vostoka], 1946. – 151, [2] s. – Paral. tit. l. gruz. ; Dannye tit. l. i obl. chastichno paral. gruz., rus., angl.
2. Narrative of the Embassy Ruy Gonzalez de Clavijo. HAKLUYT SOCIETY. London, 1859. 200 p.
3. The 1954 Hague Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict and its two (1954 and 1999) Protocols. 142 p.
4. Azerbaiyán declara persona no grata a una arqueóloga española del Museo de Ciencias Naturales. URL: http://www.abc.es/cultura/abci-azerbaiyan-declara-persona-no-grata-arqueologa-espanola-201611281534_noticia.html.
5. *Montaner R.* Azerbaiyán honra a los pilotos de la República que defendieron los pozos petrolíferos de Bakú. Valencia-2013. URL: <http://www.levante-emv.com/comunitat-valenciana/2013/06/06/azerbaiyan-honra-pilotos-republica-defendieron/1004487.html>.
6. Viaje al interior de Persia. Imprenta y Esterotipia de Aribau y C^a Sucesores de Rivadeneyra, 3 tomos. Madrid, 1880. 417 p. URL: <http://diaspora.gov.az/index.php?options=content&id=663>.
7. Azərbaycan Respublikası və İspaniya Krallığı arasında mədəniyyət, təhsil və elm sahələrində əməkdaşlıq haqqında" Sazişin təsdiq edilməsi barədə Azərbaycan Respublikasının Qanunu. Bakı, 22 fevral 2013. URL: <http://www.e-qanun.az/framework/25581>.
8. “Elmira” Azərbaycan-İspan Qardaşlıq Cəmiyyəti. URL: <http://diaspora.gov.az/index.php?options=content&id=663>.
9. Ermənilərin Mesopotamiya ərazilərindən gəldiyi sübut edilib: Fransa və İspaniya muzeylərində Azərbaycanın tarixi ərazilərini təsdiq edən 80-ə yaxın xəritə tapılıb// Üç nöqtə qəzet// 13 sentyabr 2011. S. 3.
10. İspaniyada Azərbaycan diasporu.// Olaylar// 24 dekabr 2014. № 233. S. 15.
11. İspaniya kraliçası Məhsəti Gəncəvinin qədim miniatürələrini Azərbaycana hədiyyə etmişdir.// Xalq qəzeti// 14 mart 2013. S. 6.
12. *Mahmudov Y.* Azərbaycan Diplomatiyası. Ağqoyunlu və Səfəvi dövlətlərinin Avropa ölkələri ilə əlaqələri(XV-XVII yüzilliklər) Bakı, 2006. Təhsil Nəşriyyatı. S. 512.

ЦЫГАНСКИЕ МИГРАЦИИ В КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)¹

Марушиакова Елена, доктор наук, профессор Университета Сант-Эндрюсс (Эдинбург, Великобритания). E-mail: studiromani@geobiz.net

Попов Веселин, доктор наук, профессор Университета Сант-Эндрюсс (Эдинбург, Великобритания). E-mail: studiromani@geobiz.net

Аннотация. В регионе Кавказа живут представители трех основных групп цыганского сообщества (*дом*, *лом* и *рома*). *Дом* и *лом* поселились здесь вероятно еще в X–XI веке, во времена ранних миграций цыган из Индии в Европу. *Рома* начали заселять Северный Кавказ в начале XIX в. Особенно интенсивно развивались процессы как спонтанных, так и организованных миграций цыган в Кавказский регион в 20-х и 30-х годах XX века. В наши дни, на постсоветском пространстве, части *лом* из Армении и Грузии вливаются в потоки трудовых миграций в Россию, а представители *дом* из Азербайджана регулярно совершают поездки, в основном, чтобы заниматься попрошайничеством, в большие города Российской Федерации, а другая часть ездит на заработки в Грузию.

Ключевые слова: цыгане, Кавказ, исторические миграции, современные миграции, организованные миграции.

GYPSY MIGRATIONS IN REGION OF CAUCASUS (HISTORY AND PRESENT DAY)

Elena Marushiakova, PhD, Professor, University of St Andrews (Edinburgh, United Kingdom). E-mail: studiromani@geobiz.net

Veselin Popov, PhD, Professor, University of St Andrews (Edinburgh, United Kingdom). E-mail: studiromani@geobiz.net

Abstract. Representatives of the three main divisions of the Gypsy communities live in the Caucasus region, namely *dom*, *lom* and *roma*. *Dom* and *lom* settled there probably in the 10th -11th century, during the early migration of Gypsies from India to Europe. *Roma* began to settle the North Caucasus in the early nineteenth century. The processes of both spontaneous and organized migrations of Gypsies into the Caucasus were especially intensive region in the 1920s and 1930s. Nowadays, in the post-Soviet space, parts of *lom* from Armenia and Georgia are pouring into the streams of labor migrations to Russia, and the representatives of the *Dom* from Azerbaijan regularly make trips, mostly for begging, to large cities of the Russian Federation, while the other *dom* communities travel to work in Georgia.

Key words: Gypsies, Caucasus, historical migrations, contemporary migrations, organized migrations.

¹ Часть этой статьи основана на наших полевых исследованиях в странах бывшего СССР за последние два десятилетия. Статья написана в рамках исследовательского проекта Рома-Интербеллум «Гражданская эмансипация цыган между двумя мировыми войнами», при финансировании European Research Council (ERC) under the European Union's Horizon 2020 research and innovation programme (grant agreement No 694656). Статья отражает только мнение авторов, и ERC не несет ответственности за любое использование информации, содержащейся в ней.

В современном Кавказском регионе, т.е. на Северном Кавказе и в Закавказье, на данный момент живут представители всех трех основных групп цыган (*дом*, *лом* и *рома*) [1].

Поселение здесь общин *дом* и *лом* осуществилось, вероятно, уже в X–XI веках во время ранних исторических миграций цыган с индийского субконтинента в Европу. В настоящее время *лом*, которых окружающее их население называет боша (или поша в Турции), живут в основном в Армении, а также в некоторых регионах Грузии (Ахалцихе и Ахалкалаки). *Дом*, называемые местным населением гарачи, живут в разных регионах Азербайджана [2]. Оба сообщества (*дом* и *лом*), вопреки тому, что они в прошлом характеризовались в основном кочевым образом жизни, не мигрировали за пределы этого региона со времени их поселения (с некоторыми незначительными исключениями).

В отличие от них, цыгане из группы *рома*, которые живут на Северном Кавказе и в Закавказье, поселились на этих землях в результате длительных и разнообразных исторических миграций.

После разделения предков цыган на *дом*, *лом* и *ром*, часть сообщества *рома*, пройдя через Малую Азию, Балканы, Центральную Европу, а также через Германию и Польшу, в первой половине XVIII века начала селиться в границах Российской империи [3]. Наряду с расширением империи и включением в нее новых территорий и нового населения, *рома* начали постепенно заселять и земли Северного Кавказа. Первое, исторически подтвержденное свидетельство присутствия цыган в регионе Северного Кавказа, относится к 17 декабря 1833 года, когда был издан именной (т.е. императорский указ), которой гласил: «Цыганъ Кавказской области, селения Нижнеподгорнаго, въ Пятигорскомъ округе, всего 54 душ, повелено освободить на 5 лет отъ рекрутской повинности и податей и сложить съ нихъ недоимку 427 р. 95 коп., по случаю претерпеннаго ими разоренія отъ Закубанскихъ хищниковъ, которые причинили тем цыганамъ убытку на 13,659 р. и 50 коп., и сверхъ того убили 6 и взяли въ плен 22 человека». В последствии, в 1838 году, тем же цыганам, уже 27 семейств «по Именному указу, дарована льгота отъ службы еще на 5 летъ» [4].

Кроме того, есть исторические свидетельства о том, что российское государство планомерно осуществляло и даже организовало миграцию цыган из других регионов на земли Северного Кавказа. Одним из первых опытов в этом направлении, о котором сохранились документальные свидетельства, являлся проект переселения части кочевых цыган Новороссии и Бессарабии на земли Черноморского войска. Данный проект был принят в 1839 г. канцелярией атамана Черноморского казачьего войска генерал-майора Григория Рашпиля во исполнение Указа императора Николая I от 13 марта 1839 г. Проект канцелярии Рашпиля ставил целью разделить кочевых цыган поровну во все три черноморские округа (Таманский, Ейский и Екатеринодарский), так чтобы заселить не менее как по пять семейств, но не более десяти, в теперешних казачьих станицах, с тем «чтобы казаки были примером для цыган в хлебопашестве и воинской службе». Казачье начальство приветствовало про-

живание цыган на постоянной основе на их земле, но по разным причинам этот план не был реализован [5].

То, что российское государство не успело сделать, – это осуществили сами цыгане (*рома*), которые во второй половине XIX века постепенно заселяли земли Северного Кавказа. Когда речь идет о заселении цыган, то надо иметь в виду, что в данный период оно не означало отказа от кочевого образа жизни, а только его ограничение в пределах определенной территории, в данном случае в пределах Северного Кавказа. Цыганские таборы, как правило, кочевали по региону в теплое время года, а зимой снимали дома у местных крестьян или останавливались на постоянных дворах. В своих миграциях небольшие кочевые группы *рома* проходили через Кавказ и добирались до Грузии, а зимой возвращались на север. Соответственно, небольшие кочевые группы *дома*, упоминаемые в источниках как «иранские цыгане», в течение активного кочевого сезона, выходя из земель сегодняшнего Азербайджана достигали Северного Кавказа, а зимой возвращались снова на юг.

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897 год) регион Северного Кавказа был одним из лидирующих по числу живущих в нем цыган – в общей сложности там проживало 2 829 человек [6]. Все они принадлежали к группе *рома* и то к разным его этногруппам. Из них самыми многочисленными были вlahи, но кроме них также серви (или украинские цыгане), плацуны, кишиньовцы, лингурари (румыноязычные цыгане, мигрирующие с территорий сегодняшней Молдавии и Бессарабии), руска рома, и даже келдерари (которые мигрировали из Румынии и Австро-Венгерской империи через земли сегодняшней Польши в пределы Российской империи).

Следующая волна цыганских миграций на Северный Кавказ была в начале 1920-х годов, когда впервые в регионе появились и представители цыган кримуря (так называется группа *рома*, живущая до этой миграции в Крыму и которая в отличие от других цыган в регионе исповедует ислам). В начале 30-х годов XX века из-за наступившего вследствие коллективизации массового голода части кримуря перешли через Кавказ и мигрировали в Грузию, где они обосновались в Сухуми и Поти [7].

Имеются данные о том, что в 30-х годах XX века советское государство планировало организовать еще одну миграцию цыган в Северо-Кавказский регион, которая также осталась не до конца осуществленной. В 1920-х и 1930-х годах государственная политика по отношению к цыганам характеризовалась стремлением включить их в строительство нового советского общества и научить заниматься общественно-полезным трудом. Важным компонентом этой политики было поощрение (без принуждения) добровольного оседания кочевых цыган и создание цыганских колхозов. Для осуществления этой политики те цыгане, которые захотят отказаться от кочевого образа жизни и поселиться на постоянное жительство, должны были получить права переселенцев, а также и соответствующие льготы – их наделяли землей, они получали специальные кредиты для покупки сельскохозяйственного инвентаря, помощь при строительстве сельскохозяйственных помещений и жилья и т. д. За этот

период было создано более 50 цыганских колхозов, значительная часть которых находилась на территории тогдашнего Северного Кавказского региона [8]. Самым известным из цыганских колхозов, ставшим примером для других, являлся колхоз «Труд Ромэн», созданный 54 цыганскими семьями в 1929 году в деревне Кангли, недалеко от города Минеральные Воды. По состоянию на 18 ноября 1936 г. в колхозе имелось 64 хозяйства, 246 человек, цыганская школа, ясли, даже издавались две газеты на цыганском языке – «Пало большевистско колхозо» («О большевистском колхозе») и «Сталинцо» («Сталинец») [9].

В целом, однако, попытки организовать цыганские колхозы не увенчались значительными успехами, и они охватили всего 2–3% кочующих цыган, так как сами цыгане не всегда охотно шли в колхозы, некоторые колхозы распадались, часто цыгане не справлялись с временными трудностями и бросали все достигнутое и переезжали на новые места. Имело значение и то, что местные власти во многих случаях не обеспечивали необходимую поддержку для развития цыганских колхозов. Поэтому среди цыган-активистов в Москве родилась идея создания цыганской автономной области или, по крайней мере, цыганского национального района, где бы смогли сосредоточиться все цыганские колхозы и куда смогли бы переселиться все желающие кочующие цыгане и там постепенно смогли бы перейти к оседлому образу жизни, получить навыки и умения обрабатывать землю и приобщиться к сельскохозяйственному труду. Эту идею поддерживали в аппарате Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), а против этой идеи был НКВД. Против были также отдельные органы местной власти на разных уровнях. Первоначально цыганские активисты предложили создать будущий цыганский национальный район на территории тогдашнего Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краев на основе существующих там цыганских колхозов. В 1936 году Отдел национальностей ВЦИК отправил запрос в этом духе в местные органы власти, однако те категорически отказались выделить свободные земли для цыганской республики [10], и поэтому планируемая массовая миграция цыган в Северо-Кавказский регион не была осуществлена.

Сама идея создания национальной цыганской территориальной единицы на Кавказе не смогла осуществиться. После того, как власти Северного Кавказа и власти Азово-Черноморского региона отказались приютить на своих территориях будущую Цыганскую автономную область, Отдел национальностей ВЦИК обратился с этим же предложением к другим советским автономным республикам, краям, областям, округам и районам. Согласие приютить цыганское территориальное образование дал Горьковский край, который предложил выделить для этого свободные земли на территории Марийской АССР (в то время в составе Горьковского края). Выделить землю для цыган предложил и Остяко-Вогульский национальный округ (нынешний Ханты-Мансийский автономный округ). Эти предложения не были приняты из-за наличия огромных лесных массивов на предлагаемых территориях, которые не подходили для сельского хозяйства. Наконец, было принято предложение тогдашнего Западно-Сибирского края, где нашлась свободная земля,

необходимая для создания цыганской автономии. Предложена была свободная территория в современной Новосибирской области, но Западно-Сибирский край потребовал для этого значительное увеличение бюджета края [11]. Впоследствии несколько лет ушло на организацию и работу комплексных экспедиций, которые посылались для исследований территорий, на которых предполагалось разместить цыганскую автономию с точки зрения оценки возможностей для прокорма новозаселенного населения. Вопреки проделанной огромной работе в контексте приближающейся войны, вопрос о цыганской автономии постепенно сошел на нет.

После окончания Второй мировой войны из-за трудных условий жизни в регионе Северного Кавказа часть цыган из этого региона мигрировала на юг, в Закавказье, и поселилась там (в основном в Грузии и Баку). Эта миграционная волна включала ромские субгруппы кримуря, влахи, плащуны, а также и отдельные семьи руска рома, серви, келдерари и ловари. В Грузию мигрировали и некоторые румыноязычные лингурары, которые жили до этого на землях Северного Кавказа [12].

Следующая и на данный момент последняя миграционная волна идет в обратном направлении – с юга на север. Она началась с распада СССР в 1991 году. Большинство цыган Рома, которые проживали в Грузии, мигрировали обратно в Российскую Федерацию (в основном в регион Северного Кавказа), а также на Украину. В настоящее время в Закавказье осталось всего несколько маленьких цыганских посёлков – этногруппа кримуря живет в Сухуми, Поты, Батуми, Кутаиси, влахи живут в Рустави, Дедоплисцкаро. В Баку проживает небольшое количество семейств этногрупп плащуны, ловари и руска рома. Особый случай представляет маленькое сообщество (несколько десятков семей, проживающих в Тбилиси, на улице Имени Лоткина, которые имеют идентичность «молдаване» и которых окружающее их население воспринимает как цыган (в сущности, это потомки переселившихся в Грузию лингурар) [13].

В наши дни в миграциях на постсоветском пространстве участвуют и отдельные представители не-ромских сообществ цыган. Представители *лома* из Армении и Грузии участвуют в трансграничных трудовых миграциях в Российскую Федерацию. Отдельные семьи *дома* из Азербайджана регулярно посещают (часто для попрошайничества) большие города России (включительно и города на Северном Кавказе). Кроме того, как ни странно, ввиду разницы в уровне жизни, некоторые семьи *дома* из Азербайджана регулярно ездят для попрошайничества в Грузию, а некоторые из них даже остаются на постоянное местожительство там (в Тбилиси и Кутаиси) [14].

Спорадически, главным образом во время мусульманского праздника Рамадан, в города Северного Кавказа, где проживают в основном мусульмане, приезжают для попрошайничества и цыгане из стран Средней Азии (в основном с Таджикистана и Узбекистана), которых окружающее население и средства массовой информации называют люли (их самоназвание мугат, а родной язык таджикский), но до сих пор нет признаков их постоянного заселения в этом регионе (в отличие от других регионов Российской Федерации).

Наконец, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что миграции цыган в регионе Северного Кавказа, если их рассматривать в историческом, а также и в современном плане, ясно показывают, что они, как правило, осуществляются в контексте основных миграционных потоков населения стран, в которых они живут. Вместе с тем наблюдается и определенная специфика (по крайней мере в некоторых случаях), которая в основном связана с образом жизни цыган в прошлом, а также с их внутренней неоднородностью как этнического сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Marushiakova E, Popov V. Gypsies of Central Asia and Caucasus.* – London: Palgrave Macmillan. – Pp. 67–68.
2. Там же. – С. 68–72.
3. *Деметер Н.Г., Бессонов Н.В., Кутенков В.К.* История цыган. Новый взгляд. – Воронеж: ИПФ «Воронеж», 2000. – С. 201–204.
4. *Герман А.В.* Библиография о цыганах. Указатель книг и статей с 1780 по 1930 г. – М.: Центриздат, 1930. – С. 28–29.
5. *Кирей Н.И.* Цыгане Краснодарского края: Сборник информационно-методических материалов. – Краснодар: Южный региональный ресурсный центр, 2010. – С. 17.
6. *Crowe D.* A History of the Gypsies of Eastern Europe and Russia. – New York: St Martin's Griffin, 1994. – P. 170.
7. *Marushiakova E., Popov V.* Segmentation vs consolidation: The example of four Gypsy Groups in CIS. – *Romani Studies.* – 2004. – № 2. – Pp. 158–159.
8. *Попова Е., Бриль М.* Цыгане в Союзе ССР // Советское строительство. – № 2. – С. 127–133.
9. *Друц Е.А., Гесслер А.Н.* Цыгане. Очерки. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 189.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р-1235. Оп. 130. Д. 9. Л. 1–12.
11. Там же.
12. *Торопов В.* История и фольклор крымских цыган. – М.: Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, 2004. – С. 12
13. *Marushiakova E., Popov V.* Gypsies of Central Asia and Caucasus. – London: Palgrave Macmillan. – Pp. 105–106.
14. Там же.

REFERENCES AND SOURCES

1. *Marushiakova E, Popov V. Gypsies of Central Asia and Caucasus.* – London: Palgrave Macmillan. – Pp. 67–68.
2. *Ibidem* – Pp. 68–72.
3. *Demetep N.G., Beconov N.V., Kutenkov V.K. Istoriya tsygan. Noviy vzglyad.* – Voronezh: IPF «Voronezh». – Pp. 201–204. (In Russ.)
4. *German A.V. Bibliografiya o tsyganax.* Ukazatel' knig i statey s 1780 po 1930 g. – M.: Tsentrizdat, 1930. – Pp. 28–29. (In Russ.)

5. Kirey N.I. Tsygane Krasnodarskogo kraya: Sbornik informatsionno- metodicheskikh materialov. – Krasnodar: Yuzhnyy regional'niy resursniy tsentr, 2010. – Pp. 17. (In Russ.)
6. Crowe D. *A History of the Gypsies of Eastern Europe and Russia*. – New York: St Martin's Griffin, 1994. – P. 170.
7. Marushiakova E., Popov V. Segmentation vs consolidation: The example of four Gypsy Groups in CIS. // *Romani Studies*. 2004. – No. 2. – Pp. 158–159.
8. Popova E., Bril' M. Tsygane v Soyuze SSR // *Sovetskoe stroitel'stvo*. – No. 2. – Pp. 127–133. (In Russ.)
9. Druts E.A, Gessler A.N. *Tsygane. Ocherki*. – Moskva: Sovetskiy pisatel', 1990. – Pp. 189. (In Russ.)
10. Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federatsii. F.R-1235, Op. 130. D. 9. L. 1–12. (In Russ.)
11. Ibidem.
12. Toropov V. *Istoriya i fol'klor krymskih tsygan*. – M.: Rossiyskiy NII kul'turnogo i prirodnogo naslediya im. D.S. Likhacheva, 2004. – Pp. 12 (In Russ.)
13. Marushiakova E., Popov V. *Gypsies of Central Asia and Caucasus*. – London: Palgrave Macmillan. – Pp. 105–106.
14. Ibidem.

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

Мchedlova Елена Мирановна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социологии религии и социокультурных процессов Института социально-политических исследований РАН (Москва, Россия). E-mail: hmtchedlova@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется, в каком направлении развивается регион, как осуществляется межэтническое взаимодействие, проявляется религиозность, обеспечиваются права человека. Особое внимание уделено отношению молодежи к ценностям «традиционного» общества и ценностям современного «глобализованного» мира.

Ключевые слова: региональное развитие, миграционные потоки, религиозная обстановка, толерантность, молодежь, межэтнические отношения.

ETHNICAL INTERACTION AND RELIGIOUSITY IN NORD-CAUCASE REGION

Elena M. Mchedlova, Doctor of Sociology, Leading researcher, the Center for sociology of religion and socio-cultural processes, the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Science. E-mail: hmtchedlova@mail.ru

Abstract: The article discusses the directions of development of the region, how inter-ethnic interaction is carried out, religiousness manifests itself and human rights are ensured. Special attention is paid to the attitude of Caucasian youth to the values of the «traditional» society and the values of the modern «globalized» world.

Keywords: regional development, migration flows, religious situation, tolerance, young people, ethnical interaction.

Северо-Кавказский регион весьма гостеприимный, с достаточно благополучной демографической ситуацией. Здесь особенно ощущается социальная политика Российской Федерации, а именно: жилищное строительство, выплата материнского капитала, возможность ипотечного кредитования, используемая занятость населения (правда, в столицах, более-менее крупных городах, в основном в предпринимательской среде). В экономическом плане намечается определенная стабильность, что ведет, как известно, к развитию народного хозяйства, производства, в том числе сельскохозяйственного. В регионе наметилась также реализация продовольственной программы – выращивание и использование только собственной экологически чистой продукции. Особенностью региона является наличие трудовых мигрантов из приграничных государств и стран Средней Азии, при том, что сам регион трудоизбыточный.

На Северном Кавказе в последнее время активно развивается туристическая отрасль. Несмотря на то, что северокавказское общество достаточно религиозно и большинство жителей исповедует ислам, чувствуется опреде-

ленная толерантность в отношениях с представителями других национальностей и конфессий. Подобная уравновешенность в межэтническом существовании и взаимодействии ведет к стабилизации общественных отношений, тем самым – к практической бесконфликтности. Намечается рост числа межэтнических браков, что, на наш взгляд, указывает на межэтническую стабильность в регионе.

Что касается молодежи, то сегодня она, во-первых, практически полностью превращается в прекариат – общественную прослойку, состоящую из тех, кто ищет работу. Не находя ее в своем регионе, они устремляются в Центральную Россию. При этом она сильно проявляет свою культурную и религиозную самобытность (в отличие от других народов России). Подобный миграционный поток нередко провоцирует различные конфликты на местных уровнях. Во-вторых, молодежь подвергается вербовке в ряды радикальных исламистских группировок, таких как ИГИЛ, что может дестабилизировать общественно-политическую обстановку в республике [1].

Здесь хотелось бы остановиться некоторым образом на социологическом исследовании Васильевой Ирины Сергеевны [2]. Данное исследование касалось ценностных установок молодежи, в частности, по этническому и конфессиональному признаку. Были опрошены молодые люди девяти национальностей и двух вероисповеданий (православного и мусульманского) по Москве и Московской области. Оно чрезвычайно интересно в русле нашего исследования.

Заметим, что этноконфессиональный фактор в определенных случаях является существенным в становлении и развитии добрых отношений, особенно их ограничения в силу этнических и/или религиозных установок. От него зачастую зависит то, сможет ли межличностное взаимодействие продолжиться, сможет ли образоваться семья. Иногда молодежь ограничивается чисто религиозным браком, игнорируя светский (гражданский).

Сравним результаты опросов представителей Северного Кавказа¹.

**Чем Вы будете руководствоваться в своей личной жизни
при выборе партнера/партнерши?
(в % от числа опрошенных)**

Суждения	Чеченцы	Ингуши	Лезгины	Кабардинцы	Карачаевцы	Русские	Итого
Собственные предпочтения	-	-	43	-	100	47	27
Любовью	17	-	14	17	-	43	38
Решением родителей	17	66	29	17	--	-	13
Религией	67	33	14	67	-	-	16

¹ Опрос проводился социологической лабораторией Мытищинского филиала МГПУ им. Н.Э. Баумана среди учащейся и работающей молодежи Москвы и Московской области, 2013–2016 гг.

Суждения	Чеченцы	Ингуши	Лезгины	Кабар-динцы	Карачаевцы-	Русские	Итого
Мнением друзей	-	-	-		-	-	1
Модой	-	-	-	-	--	--	-
Общими взглядами на жизнь	-	-	-	-	--	10	5
Другое	-	-	-	-	-	--	-

Из них собственными предпочтениями руководствуются около половины опрошенных лезгин и русских и практически все карачаевцы, а чувствами – вообще только русские, и то не все.

Значит, северокавказские молодые люди стараются поступать в духе исламских и патриархальных традиций, руководствуясь в основном целомудрием, родительским (отцовским) решением и стараясь найти мужа или жену единоверцев. Кстати, по поводу детей: лишь чеченцы и кабардинцы более лояльны к смешанным бракам и предпочитают воспитывать в них культуру и отца, и матери, остальные народности Северного Кавказа – по преимуществу отца.

Как Вы относитесь к межконфессиональным отношениям? (в % от числа опрошенных)

Суждения	Чеченцы	Ингуши	Лезгины	Кабар-динцы	Карачаевцы	Русские	Итого
За	-	33	-	17	-	13	14
Против	50	33	43	67	-	27	55
Все равно	50	33	57	17	100	60	31

Как должны воспитываться дети в межнациональном браке? (в % от числа опрошенных)

Суждения	Чеченцы	Ингуши	Лезгины	Кабар-динцы	Карачаевцы	Русские	Итого
Как носителей обеих культур и языков	100-	33	43	100	-	78	66
Как носителей культуры отца	-	67	57	-	100	8	17
Как носителей культуры матери	-	-	-	-	-	2	4
Как носителей культуры страны пребывания	-	-	-	-	-	12	12

**Как Вы относитесь к интимным отношениям до брака?
(в % от числа опрошенных)**

Суждения	Чеченцы	Ингуши	Лезгины	Кабар-динцы	Карача-евцы	Русские	Итого
Одобрительно	-	-	-	-	100	42	19
Отрицательно	100	100	71	83	-	13	62
Все равно	-	-	29	17	-	45	19

**Как Вы относитесь к многоженству?
(в % от числа опрошенных)**

Суждения	Чеченцы	Ингуши	Лезгины	кабар-динцы	Карача-евцы	Русские	Итого
Одобрительно	50	-17	14	33	-	2	4
Отрицательно	50	17	86	50	100	73	83
Все равно	-	67	-	17	-	25	13

Как видно, значительная часть молодежи, особенно принадлежащая к ка-ким-либо этноконфессиональным группам, в вопросе формирования и развития добрачно-брачных отношений придерживается все-таки традиционных ценно-стей и взглядов, несмотря на ряд чисто современных тенденций: сожителство, «гостевой», «пробный», «экс-территориальный», виртуальный тип брака и иные формы отношений. Основными компонентами при выборе добрачного партнера остаются (по убыванию): опора на собственные установки, решение родителей, религиозные предпочтения. В более общем плане опрос показал преимущественный настрой на позитивный исход событий, превалирующие суждения при этом – любовь, верность, преданность, взаимопонимание, дове-рие, неперенное рождение детей. То есть традиционные ценности во всех случаях сохраняются.

До сих пор ведутся дискуссии о том, переживает ли молодые люди се-годня ценностно-мотивационный кризис или же подвержена общественным трансформационным процессам. Ценностные установки, как известно, за-крепляются при выборе добрачного партнера, создавая и дальнейшую мо-ральную атмосферу. На них оказывают влияние родительская семья, образо-вательные учреждения, СМИ и т.д. [6, 7, 9].

В целом последнее десятилетие в большей степени отличается стабиль-ными миграционными волнами, распространяющимися по российской терри-тории, – сначала азербайджанцы, затем таджики, узбеки. Еще позже – паки-станцы, индусы и пр. Все они говорят на разных языках, имеют разные этнические и культурные особенности. И россияне это принимают. Между тем, если посмотреть на положение русскоязычной и православной части на-селения, живущей в рассматриваемом нами Северо-Кавказском регионе, то оно не завидно: люди подвергаются гонениям. Так что противоречия есть.

Кроме того, в исследуемом регионе большое количество более или ме-нее многочисленных кланов различной религиозной направленности, каждый из которых стремится так или иначе распространять собственную власть, а

точнее влиять на политическую обстановку. Поэтому имеется вероятность возникновения межэтнических конфликтов. И хорошо, если они не будут иметь воинствующий характер [4, 5].

Надо заметить, что ангажированность некоторых средств массовой информации способна разжечь межнациональную и межрелигиозную рознь. Особенно в том случае, если мы говорим о политическом, радикальном исламе. Соответствующих группировок (например, тех же ваххабитов), в том числе и в Северо-Кавказском регионе, хватает, однако, пока они представляют собой «спящие ячейки». Развязанная в последнее время «информационная война» в определенном случае может стимулировать рост экстремизма и терроризма [3].

Та же молодежь, и не только, объединяется на основе общих политических, идеологических, национальных, религиозных, социальных, экологических, экономических взглядов и убеждений, часто движимые экстремистскими побуждениями (например, по мотивам социальной, расовой, религиозной, национальной или «языковой» ненависти или вражды). Их действия направлены на:

- отрицание инакомыслия и нетерпимость к сторонникам иных взглядов (политических, социальных, конфессиональных и др.);
- определенное идеологическое обоснование применения насилия по отношению не только к активным противникам, но и к любым лицам, не разделяющим их убеждения;
- апелляцию к каким-либо известным идеологическим или религиозным учениям, претензию на их «истинное» толкование и «углубление» и в то же время фактическое отрицание многих основных положений этих учений;
- доминирование эмоциональных способов воздействия в процессе пропаганды экстремистских идей, обращение в том числе к чувствам и предрассудкам людей, а не к их разуму;
- создание харизматического образа лидеров экстремистских движений, стремление представить этих лиц «непогрешимыми», а все их распоряжения не подлежащими обсуждению.

Подобная экстремистская направленность свойственна от радикальных, религиозных сект до профашистских организаций и проявляется зачастую в определенных видах: политический, религиозный, национальный, социальный, экологический и др. Более того, преступления по мотивам политической, идеологической, национальной, расовой, религиозной, социальной вражды и ненависти характеризуются достаточно высокой степенью латентности. Что самое страшное, она может спровоцировать терроризм и тем самым существенно дестабилизировать социально-политическую обстановку в стране, нарушить общественное спокойствие, вызвать угрозу национальной безопасности государства. Учитывая специфику региона Северного Кавказа, стоит об этом задуматься.

Экстремистская деятельность имеет и свои риски, факторы, на нее влияющие:

- экономические (экономические кризисы, безработица, обнищание, криминализация определенной части экономики, расслоение обще-

ства, наличие своеобразной территории запасов природных богатств или выгодное географическое положение);

- социально-политические (ослабление государственной власти и пассивность их силовых структур, высокая коррумпированность чиновников, криминализация общества, содействие экстремистам со стороны представителей зарубежных общественных организаций);
- идеологические (отсутствие в государстве общепризнанной идеологической концепции, разделяемой подавляющим большинством населения).

Это объективные факторы.

Среди факторов, ведущих к росту экстремизма, есть и такие как, например:

- недостаточная социальная зрелость;
- желание самовыразиться и самоутвердиться;
- невысокий (скажем, маргинальный) социальный статус.

Это факторы субъективные.

И все они характерны как для всей страны в целом, так и в особенности для Северо-Кавказского региона.

В Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. отмечается, что одним из основных источников угроз национальной безопасности, в частности в сфере государственной и общественной безопасности, является экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленных на разрушение единства и территориальной целостности страны, дестабилизации внутривластной и социальной ситуации. В связи с этим предусматриваются:

правоохранительные меры по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма и экстремизма;

профилактические мероприятия:

- устранение экстремистских проявлений среди молодежи, разработка и реализация политики трудовой занятости с целью вовлечения молодежи в систему профессионального обучения;
- трудоустройство с расширением практики квотирования рабочих мест;
- расширение сети военно-патриотических, спортивных и др. профильных лагерей с информационно-пропагандистским сопровождением их деятельности;
- активное и целенаправленное использование в СМИ материалов, разоблачающих идеологию экстремизма.

Многому из намеченного могла бы способствовать соответствующая пропаганда в СМИ: так, например, они могут довести до миллионов людей мгновенную информацию; они могут выступить в качестве эффективного орудия формирования общественного мнения и сознания (и положительного, и отрицательного); они также могут потребовать принятия со стороны федеральных и региональных властей комплексных согласованных мер правового, экономического, организационного характера по противодействию экстремизма на территории России.

Представляется также, что реализация намеченных планов (экономических, социальных, культурных) по развитию региона местными властями, в том числе при участии предпринимательских кругов, может выступать как «первая ласточка», начало процветания самой России и тем самым приведет к продовольственной и демографической ее безопасности. Однако межэтническое взаимодействие и наличие определенных проявлений религиозности, порой ненужных и неуместных, зачастую ведут к дестабилизации общества, предполагая вероятность межэтнических и межрелигиозных конфликтов на существующей почве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Гаджимурадова Г.И.* Социально-демографическая и политическая ситуация в регионах России в контексте актуализации экстремистских процессов радикально-религиозных направлений // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта: Материалы IX международного научно-практического Форума: В 2-х т. / Под науч. ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой. М., 2017. С. 188–192.
2. *Васильева И.С.* Образ жизни и основные проблемы партнеров в период формирования добрачных и брачных отношений // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2014, № 2 (24). С. 201–204.
3. *Гаджимурадова Г.И., Доброхлеб В.Г., Безвербный В.А., Храмова М.Н.* Религиозно-политический экстремизм в Центральной Азии и на Кавказе: социально-демографические факторы возникновения и возможности противодействия. Т. 20. Вып. 3. 2017. С. 86–95.
4. *Дзуцев Х.В.* Этносоциальный портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: Монография. М., 2012.
5. *Дзуцев Х.В.* Межнациональная напряженность на Северном Кавказе // Этносоциум. 2014. № 11 (77). С. 123–136.
6. Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодежи: Коллективная монография // Т.К. Ростовская, А.В. Бугаев, Т.Э. Петрова, З.И. Пойманова, Ю.Г. Быкадоров, А.В. Кочетков, М.В. Виноградова, Г.Ю. Никипорец-Такигава, Я.В. Шимановская, Ю.С. Перфильев / Под ред. А.В. Бугаева, проф. Т.К. Ростовской. М.: Изд-во РГСУ, 2018. 198 с.
7. Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства / Под ред. Т.К. Ростовской, С.В. Рязанцева. М.: Перспектива, 2017. С. 600.
8. Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/424> [дата обращения: 16.06.2016].
9. Ценностный мир российской молодежи: Коллективная монография / Т.К. Ростовская, А.М. Егорычев, Л.В. Мардахаев, В.В. Сизикова, М.В. Фирсов, С.Н. Фомина, Я.В. Шимановская, Л.И. Старовойтова, О.А. Аникеева, Е.Г. Студёнова. Т. I. М., 2018. 296 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. Gadzhimuradova G.I. Sotsial'no-demograficheskaya i politicheskaya situatsiya v regionah Rossii v kontekste aktualizatsii ekstremistskih protsessov radikal'no-religioznyh napravleniy // *Migratsionnye mosty v Evrazii: modeli effektivnogo upravleniya migratsiey v usloviyah razvitiya evraziyskogo integratsionnogo proekta*: Materialy IX mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo Forum: In 2 vols. Ed. S.V. Ryazantsev, M.N. Khramova, M., 2017. Pp. 188–192. (In Russ.)
2. Vasil'eva I.S. Obraz zhizni i osnovnye problemy partnerov v period formirovaniya dobrachnyh i brachnyh otnosheniy // *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. Krasnodar, 2014, No. 2(24). Pp.201–204. (In Russ.)
3. Gadzhimuradova G.I., Dobrohleba V.G., Bezverbnyy V.A., Khramova M.N. *Religiozno-politicheskiy ekstremizm v Tsentral'noy Azii i na Kavkaze: sotsial'no-demograficheskie faktory vozniknoveniya i vozmozhnosti protivodeystviya*. Vol. 20. Issue. 3. 2017. Pp. 86–95. (In Russ.)
4. Dzutsev H.V. *Etnosotsial'nyy portret respublik Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga Rossiyskoy Federatsii*: Monografiya. M., 2012. (In Russ.)
5. Dzutsev H.V. Mezhnatsional'naya napryazhennost' na Severnom Kavkaze // *Etnosotsium*. 2014. No. 11 (77). Pp.123–136. (In Russ.)
6. *Molodezhnaya politika v sisteme formirovaniya grazhdanskoy identichnosti sovremennoy molodezhi*: Kollektivnaya monografiya // Ed. A.V. Bugaev, T.K. Rostovskaya. M.: Izd-vo RGSU, 2018. 198 pp. (In Russ.)
7. *Rossiyskaya molodezh': sotsial'no-demograficheskiy portret i sistema tsennostey v kontekste mnogonatsional'noy osnovy rossiyskogo gosudarstva* / Ed. Rostovskaya T.K., Ryazantsev S.V. M.: Izd-vo: Perspektiva. 2017. 600 p.
8. Strategiya natsional'noy bezopasnosti RF do 2020 g. URL: <http://kremlin.ru/supplement/424> [accessed: 16.06.2016]. (In Russ.)
9. *Tsennostniy mir rossiyskoy molodezhi*: Kollektivnaya monografiya / T.K. Rostovskaya et al. Vol. I. M., 2018. 296 p. (In Russ.)

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОХРАНЕНИЕ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Магомедов Магомед Ибрагимович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук (ДНЦ РАН) (г. Махачкала, Россия). E-mail: rafrus1@yandex.ru

Аннотация. В статье дается анализ этносоциальной ситуации в Республике Дагестан в контексте миграции. Речь идет о переселении жителей горных районов Дагестана в равнинные районы. Как иная этническая среда повлияла на этнокультурный облик мигранта. Расселение горцев изменило этнический состав населения равнинных районов и это привело к этнодемографическим изменениям на территории Дагестана. В статье исследуются взаимодействия населяющих Дагестан народов, в результате чего были выработаны механизмы самоорганизации и саморегуляции, что позволило народам Дагестана, с одной стороны, сохранить свою самобытность, родной язык, культуру, с другой – успешно интегрироваться в культурный фон других народов и сохранить многонациональный характер Дагестана.

Ключевые слова: этносоциальный, дагестанские языки, культура, миграция, самобытность.

INFLUENCE OF MIGRATION PROCESSES ON THE PRESERVATION OF DAGESTAN LANGUAGES

Magomed I. Magomedov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Chief Researcher, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, (Makhachkala, Russia). E-mail: rafrus1@yandex.ru

Abstract. The article provides an analysis of the ethno-social situation in the Republic of Dagestan in the context of migration. The emphasis is made on resettlement of the residents of mountainous regions of Dagestan to the flat areas, and how a different ethnic environment influenced the migrant's ethnocultural image. The resettlement of the mountaineers changed the ethnic composition of the population of the lowland areas and led to ethno-demographic changes on the territory of Dagestan. The article explores the interactions of the peoples inhabiting Dagestan leading to the development of self-organization and self-regulation mechanisms, which allowed the peoples of Dagestan to preserve their originality, their native language and culture, on the one hand and on the other hand, to integrate successfully into the cultural background of other peoples and preserve the multi-ethnic character Dagestan.

Keywords: ethno-social, Dagestanian languages, culture, migration, originality.

Современный социально-экономический и этнокультурный облик Дагестана – во многом продукт миграционных процессов. В целом этносоциальная ситуация здесь как в прошлом, так и сегодня отличается относительной стабильностью. С середины XX века под влиянием миграционных процессов наблюдаются новые тенденции в этнической структуре населения Дагестана:

снижение общей численности и доли представителей горных районов, увеличение численности и доли населения равнинной части региона.

На равнине переселенцы, как правило, оказывались в степных районах с жарким сухим климатом, еще мало освоенных в хозяйственном отношении. Иногда из-за тяжелого климата равнинных областей, сложности хозяйственной адаптации некоторые горцы возвращались обратно.

Необходимо отметить, что представители старшего поколения, сильно привязанные к своей исторической родине, с первого же дня не хотели переселяться на равнину, а переехав, не могли привыкнуть к новым, нередко не подходящим для горцев природно-климатическим условиям, к менее чистому воздуху, худшему качеству питьевой воды. У горцев очень сложно протекал также процесс бытовой и хозяйственной адаптации.

На миграцию оказывали влияние два противоположных фактора. С одной стороны – ментальность горцев, которая тормозила их переселение на равнину (привязанность к привычному образу жизни, к родине предков и т. д.). С другой – современные социально-экономические, социально-бытовые, культурные условия, которые соблазняли горцев к переселению. Кроме того, этот процесс был обусловлен рядом причин, важнейшими из которых являлись малоземелье горных районов, суровые природно-географические условия, отсутствие элементарных современных социальных условий, бездорожье и др.

В эти годы миграция происходила как по плану, так и стихийно. В Дагестане наиболее активно мигрировали лакцы, постоянно переселявшиеся в города и часто выезжавшие за пределы Дагестана.

К концу XX столетия процесс переселения горцев на равнину принял еще более широкие масштабы.

На равнине мигранты попадали в иную этническую среду. Этнокультурный облик мигрантов постепенно менялся в течение одного поколения, утрачивались локально-специфические черты культуры, суживалась сфера влияния родного языка, происходила деформация этнического самосознания и особенностей традиционной культуры и т. д. Существенно нивелировалась бытовая культура.

Например, андо-цезские народности, оказавшись на равнине, стали оторваны от многовековой аварской языковой и этнокультурной среды. На равнине аварский язык, которым в горах поголовно владели все представители андо-цезских народностей, оказался не востребованным. Здесь место и роль аварского языка занял русский язык.

В результате миграции горцев Дагестана на равнину произошли большие изменения в этническом и этнокультурном облике переселенцев, во многом изменилась этнодемографическая ситуация в горах и на равнине. Это привело к разрушению многовековой традиционной культуры и образа жизни горцев. В результате миграции горская традиционная культура подверглась значительной трансформации. Произошла невосполнимая утрата духовных ценностей: отрыв части населения от своих национальных корней, потеря родного языка и деформация этнического самосознания. Единственное, что связывает некоторых горцев со своим этносом, – это осознание своего происхождения, хранимое в памяти.

Расселение горцев на равнине изменило этнический состав населения многих равнинных районов, которые стали многонациональными. Это привело к большим этнодемографическим изменениям: численность населения в горах резко уменьшилась, а на равнине возросла. В результате изменения этнической структуры в городах и населенных пунктах со смешанным составом населения произошла активная деэтнизация горцев и равнинного населения. Этнокультурные изменения затронули все сферы жизни горцев: формы поселений и жилища, хозяйственный уклад, систему питания, образ жизни и т. д. В результате миграции произошла перестройка всего этнического и культурного облика горцев. Наибольшему изменению подверглось языковое общение. Хотя для горцев двуязычие и многоязычие всегда являлись традиционными, сфера влияния родных языков на равнине заметно сузилась.

За последние десятилетия изменилась привычная этническая структура. Тем не менее опыт взаимодействия населяющих Дагестан народов друг с другом оттачивался веками. В итоге выработались механизмы единой самоорганизации и саморегуляции, которые до сих пор успешно срабатывают. Они в какой-то степени компенсируют недоработки государства в данной области. Миграция оказывает воздействие на разные стороны жизни общества. Разные народы и группы населения всегда взаимодействовали между собой. Как отмечает А.В. Головнев, «долгие века с момента эпохального «разделения труда» кочевники и оседлые сосуществовали в небесконфликтном, но устойчивом этногенезе» [1, с. 161].

Анализ миграционных процессов может дать дополнительную информацию о социолингвистической ситуации в Дагестане.

Многоязычие – исторически сложившаяся объективная реальность Дагестана, примечательная тем, что она создает условия и проблемы исключительного порядка, требующие неординарного, щепетильного отношения и диктующие особые подходы к их изучению, восприятию и разрешению. Сама структура расселения стимулирует высокую интенсивность миграционных и этнических процессов, которые в последние десятилетия принимают катастрофические формы. Сегодня властные структуры должны предпринимать срочные меры по упорядочиванию миграционных потоков.

Мотивы миграций очень разнообразны, но главные из них носят социально-экономический характер и тесно связаны с улучшением условий жизни людей, поисками работы, получением образования, семейными обстоятельствами и т. п.

Процесс миграции населения с гор на равнину касается как «больших» по численности, так и «малых» народов. В этой ситуации дагестанские языки подвержены большому риску, так как вне своей исторической родины они не смогут выжить. По данным наших ученых, до 92% школьников в Махачкале не владеют дагестанскими языками [2, с. 51]. Это серьезный и тревожный сигнал.

Бесписьменные языки Дагестана существуют только в устной форме. К сожалению, с каждым годом сужаются функции дагестанских литературных языков, а о бесписьменных языках, у которых нет письменных памятников, в результате чего теряется история и культура его носителя, говорить и

не приходится. Доминирующий в республике русский язык вытесняет письменные и бесписьменные языки в школе, на телевидении, в общении. Такая тенденция в недалеком будущем может привести к значительному изменению культурной картины дагестанцев. Статус дагестанских языков как государственных будет формальным до тех пор, пока они не займут надлежащего места в сферах культуры, образования и науки.

Так называемое стихийное «переселение с гор на равнину» – смешение районов и в результате – народов – привело к утрате родных языков. В городах особая ситуация – здесь роль родных языков, их функции практически сведены к нулю. Неорганизованная миграция в последние десятилетия привела к более серьезному оттеснению родных языков на вторую роль. Русский язык – язык межнационального общения, он необходим. Речь не идет о том, чтобы ослабить позиции русского языка. Речь о том, чтобы придать родным языкам статус государственных языков. В городах они не выполняют даже роли языков бытового общения, и во многих семьях, даже если это не смешанный брак и все члены семьи одной национальности, дома говорят только на русском языке.

Чуть ли не единственная возможность сберечь чистоту дагестанских языков – это сохранение сел. В свете эволюции миграционного вопроса представляется актуальным для будущего создание в горных районах соответствующих условий для проживания горцев. Если не будут созданы необходимые инфраструктуры, не будет оказана поддержка в создании рабочих мест в горных районах, проведении газа и т. д., то через определенное время – лет через 50 или 100 – мы практически потеряем дагестанские языки. Если носители языка не будут проживать компактно, эта большая опасность для дагестанских языков будет сохраняться. Также необходимо уже в ближайшее время уделить самое пристальное внимание организационной, учебно-методической и финансовой поддержке сельских школ. Качественная реализация данных мер будет, на наш взгляд, перспективной и полезной для всех участников миграционного процесса и послужит толчком в развитии экономики и сельского хозяйства Республики Дагестан. Всё это в случае активного воплощения в жизнь может привести к максимально возможному упорядочиванию миграционного вопроса в республике, постепенной регенерации дагестанских языков и расширению сфер их применения.

Сегодня миграционные потоки населения с гор на равнину (в города) продолжают оставаться подвижными и динамичными, и, к сожалению, наблюдается их стабильное увеличение.

В этой ситуации для сохранения дагестанских языков в городах эффективным может выступить метод по созданию национальных школ. Допустим, одна из городских школ – даргинская, вторая – аварская, третья школа профилируется на другом языке, и так хотя бы по одной национальной школе. Естественно, патриоты родных языков будут приводить своих детей туда даже с другого конца города.

Миграционный процесс в Дагестане негативно сказывается также на качестве знания русского языка. Каково же положение русского языка в Даге-

стане на сегодняшний день, какие меры необходимо принять для его развития в регионе? Русский язык в Дагестане выполняет функции главного языка межнационального общения и главного по значимости языка науки, образования, культуры, средств массовой информации и т. д. [3]. Современный русский язык в Дагестане – это не совсем чистый, а во многом гибридный язык. Мы говорим на особом русском языке – на дагестанском русском языке или на махачкалинском русском языке, который сильно отличается от норм современного русского литературного языка. У нас очень много штампов, много искаженных слов, неправильное произношение. Знать русский язык – это значит знать в совершенстве литературу, фольклор, традиции, песни, танцы русского народа. Однако необходимо отметить, что миграционные и демографические процессы, происходящие в Республике Дагестан, объективно не ведут к сужению сферы применения русского языка в регионе.

Языку, как и народу, надо служить, самоотверженно бороться за него. К сожалению, сегодня мы не задумываемся над тем, что творится с нашими языками, не думаем о том, что человек, не знающий родного языка, лишается связей со своим этносом, со своими корнями, культурой и традициями и в определенной степени чувствует себя обделенным.

Каково же истинное положение дагестанских языков сегодня? В Дагестане четырнадцать письменных и восемнадцать бесписьменных языков [4, с. 17]. И можно констатировать, что городские дагестанцы достаточно глубоко оторваны от своего литературного языка, родной этнокультурной почвы. Многие из них, за исключением тех, кто учился в сельской школе, не умеют ни читать, ни писать на родном языке. Продолжается миграция молодежи из села в город, и этот процесс в силу экономических и социальных причин вряд ли возможно остановить в ближайшем будущем. А это грозит тем, что родным языком не будет владеть значительная часть нашего народа, что наводит на тревожные мысли.

Можно ли поднять престиж родных языков? Мировой опыт показывает, что для этого требуется создание законодательных актов по защите языков малочисленных народов. К сожалению, Республика Дагестан – это единственный регион в Российской Федерации, где до сих пор не принят закон о языках. Министерству образования и науки РД также было бы желательно предпринять ряд мер, направленных на сохранение дагестанских языков, и тщательно подготовить программу преподавания их в школах и вузах гуманитарного профиля.

Кроме того, предмет родного языка и литературы, как в сельской, так и в городской школе, необходимо сделать одним из основных, а не факультативным, как сейчас. Необходимо в обязательном порядке ввести ЕГЭ по родному языку и литературе. А для решения этой важнейшей задачи нужна государственная концепция языковой политики и программа проведения в жизнь будущего «Закона о языках народов Дагестана».

Родной язык – святыня, наследуемая нами от наших предков, – должен не только уцелеть, но и развиваться, обогащаться, ибо он – символ духовного здоровья народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.
2. Магомедов М.И. Гуманитарный Дагестан: язык, образование, культура. Махачкала, 2013.
3. Магомедов М.И. Русский язык в многоязычном Дагестане: функциональная характеристика. М.: Наука, 2010.
4. Языки Дагестана. Махачкала, 2000.

REFERENCES AND SOURCES

1. Golovnev A.V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Evrazii)*. Ekaterinburg, 2009. (In Russ.)
2. Magomedov M.I. *Gumanitarnyy Dagestan: yazyk, obrazovanie, kul'tura*. Mahachkala, 2013. (In Russ.)
3. Magomedov M.I. *Russkiy yazyk v mnogoyazychnom Dagestane: funktsional'naya harakteristika*. M.: Nauka, 2010. (In Russ.)
4. *Yazyki Dagestana*. Mahachkala, 2000. (In Russ.)

ИНДУСТРИЯ ПИТАНИЯ – НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА И ОТДЫХА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Амирханова Асият Макашариповна, старший преподаватель кафедры «Маркетинг и коммерция» ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства» (г. Махачкала, Россия). E-mail: amirkhanova_asiyat@bk.ru

Аннотация. Дагестан традиционно был туристическим регионом. Но после распада Советского Союза, этнополитических процессов на Кавказе, поток туристов резко снизился. Сегодня Дагестан вновь развивает туристическую сферу. Для этого есть все условия: благоприятная социально-экономическая ситуация, прекрасные климатические характеристики горного края. неотъемлемой частью туризма является предоставление услуг общественного питания и развитие предприятий общественного питания в регионе. Особенности этой сферы туризма исследуются в данной статье.

Ключевые слова: туризм, Дагестан, национальная кухня, гастрономический фестиваль.

FOOD INDUSTRY AS AN INTEGRAL PART OF THE DEVELOPMENT OF TOURISM AND RECREATION IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Asiyat M. Amirkhanova, Senior Lecturer, Marketing and Commerce Department, Public Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education "Dagestan State University of National Economy" (Makhachkala, Russia). E-mail: amirkhanova_asiyat@bk.ru

Abstract. Dagestan has traditionally been a tourist region. But after the collapse of the Soviet Union, which triggered ethno-political processes in the Caucasus, the flow of tourists dropped sharply. Today Dagestan develops the tourism sector again. There are all the necessary conditions for that: a favorable socio-economic situation, and excellent climatic characteristics of this mountainous region. The provision of catering services and the development of catering establishments in the region are an integral part of tourism. These features of the tourism industry are explored in this article.

Key words: tourism, Dagestan, national cuisine, gastronomic festival.

Индустрия питания (общественного питания) – эта отрасль экономики, которая обладает своими специфическими особенностями и в отличие от других отраслей выполняет три взаимосвязанных функций – производство, реализацию, организацию потребления и досуга.

Целью общественного питания является наиболее полное удовлетворение потребностей населения в питании по месту работы, учебы и в других, вне домашних условиях местах, путем совершенствования на научно-технической основе производства и организации потребления кулинарной продукции, в целях достижения качественно нового уровня народного благосостояния. Интерес к еде, в частности к общественному питанию, во всем мире постоянно возрастает.

Основные тенденции здорового питания подразумевают экологически чистую еду из местных продуктов, производимых фермерскими хозяйствами данного региона, и отказ от импортной продукции неизвестного происхождения.

В прогнозе от Национальной ассоциации ресторанов представлены следующие главные тренды:

1. Мясная и рыбная продукция от местного производителя.
2. Овощи, фрукты и зелень от местных производителей.
3. Использование продуктов, производство которых не вредит окружающей среде, или экологическая устойчивость.
4. Здоровое и полезное детское меню.
5. Безглютеновая кухня, то есть использование продуктов, не содержащих клейковину. Подразумевает отказ от блюд из пшеницы, ржи или ячменя и использование вместо них риса, гречихи, проса, бобовых культур, лебеды.
6. Гиперлокальное снабжение, например, собственный сад, огород и тому подобные места, созданные при кафе или ресторане.
7. Уменьшение порций для повышения доступности натуральной еды.
8. Употребление в пищу животного или растения полностью, так называемое «безотходное производство».
9. Возрождение древних злаков.

Говоря в целом о мировых тенденциях в сфере общественного питания, можно отметить следующие:

1. Возвращение к классике. Возврат к ресторанному меню с ограниченным набором услуг и кулинарных продуктов из любимых блюд потребителей.
2. Демонстрация мастерства повара путем создания кулинарных шедевров на основе ограниченного набора продуктов местного производства, т.е. предоставление доступной, качественной и здоровой пищи простыми методами приготовления.
3. Уделение особого внимания детскому меню, замена куриных наггетсов и хот-догов на более полезные блюда.
4. Раскрытие информации потребителю. Информировать о содержании калорий, происхождении ингредиентов, входящих в состав блюда.
5. Влияние новых технологий связи. Составление меню и предоставление услуг по желанию потребителей и использование пожеланий клиентов в политике своего заведения.
6. Использование более гибких форматов для расширения целевой аудитории потребителей. Например, выездное обслуживание (кейтеринг) частных лиц по организации питания и обслуживание мероприятий различного назначения.
7. На рынке онлайн-торговли оказалась чрезвычайно востребованной такая категория товаров, как «Доставка еды на дом». Рост этого сегмента за прошедший период составил 37%, что является самым большим значением среди всех представленных в интернете направлений.
8. Культурное разнообразие и приверженность к традиционным блюдам.

9. Разнообразие продуктов, устойчивое развитие фермерских хозяйств и пчеловодства, для того чтобы использовать свежие местные продукты.

Таким образом, будущее мировых вкусов: свежесть, натуральность, разнообразие специй, при этом почетное место отдается овощам.

Все это можно найти у нас в Дагестане. В свете последних событий и в связи с экономическим кризисом и различного рода санкциями резко сократилось количество выезжающих за рубеж и появилась необходимость развития туризма внутри страны.

Дагестан называют «своеобразным этнографическим музеем».

В Дагестане имеются все необходимые условия для этого, чтобы индустрия отдыха и туризма превратилась в одну из ведущих отраслей хозяйственного комплекса республики и в отрасль территориальной специализации. Особый интерес для туристов, приезжающих в Дагестан, могут представлять многочисленные памятники природы, разбросанные по всей территории республики. Дагестан занимает выгодное географическое положение. Он представляет собой мост между европейским и азиатским регионами. Одним из природных факторов, имеющих особое значение для развития туризма в регионе, является климат. Здесь преобладают солнечные дни с умеренными характеристиками температуры и влажности; Дагестан, обладая колоссальным туристическим потенциалом, занимает весьма скромное место на российском рынке туристических услуг.

Неотъемлемой частью туризма является предоставления услуг общественного питания и развитие предприятий общественного питания в регионе. Хочется отметить все возрастающий интерес к Дагестану со стороны иностранных специалистов в сфере питания. Прошедший недавно 1-й Международный гастрономический фестиваль в Махачкале свидетельствует об этом. Экологически чистые продукты местного производства вызвали особый восторг у шеф-поваров мировой величины. С большим удовольствием они дегустировали местные блюда, знакомились с технологией приготовления и даже учились лепить наши пельмени.

Ежегодный уличный фестиваль еды, проводимый сетью общественного питания «Перец», демонстрирует весь спектр предоставляемых блюд «фаст-фуда», что является яркой рекламой и пропагандой сферы питания своих заведений.

Следует констатировать, что для многих посещение заведений общественного питания и питания вне дома пока является отнюдь не рядовым событием. Согласно опросам 37,2% жителей крупных городов России, в том числе и в Дагестане в возрасте от 18 до 54 лет посещают рестораны и кафе для того, чтобы отметить какое-либо событие. При этом свыше 56% опрошенных россиян считают питание вне дома «дорогим удовольствием».

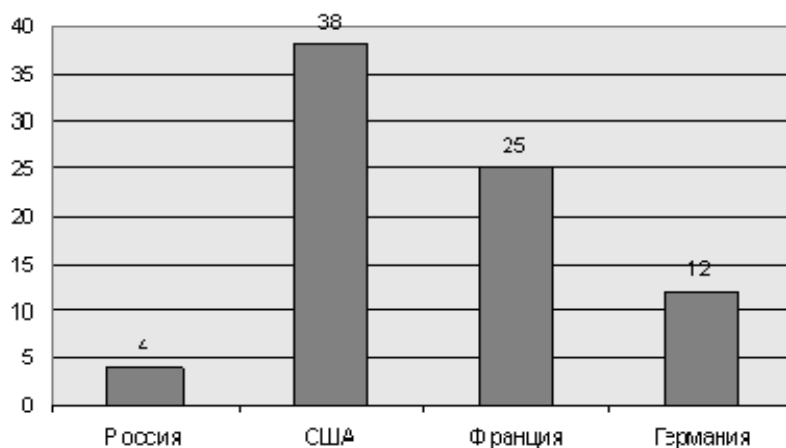

Рис. Среднедушевые затраты на питание вне дома в разных странах

Источник: составлено автором на основе данных портала Системы ММЦ (URL: www.marketcenter.ru) и других открытых источников сети Интернет

Как видно из диаграммы, Россия на последнем месте в пользовании услуг и посещения заведений питания. Сектор общественного питания в России, в том числе и Дагестане, является одним из наиболее перспективных и прибыльных. Многие возможности рынка еще не задействованы, поэтому есть основания утверждать о высоком потенциале роста отрасли.

В Дагестане имеются все необходимые условия для того, чтобы индустрия отдыха и туризма, параллельно индустрия питания, превратилась в одну из ведущих отраслей хозяйственного комплекса республики и, более того, превратилась в отрасль территориальной специализации.

Раздел IV
МИГРАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
НА КАВКАЗЕ

Section IV
MIGRATION AND SECURITY ISSUES
IN THE CAUCASUS

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РИСКИ И ПОДХОДЫ К СТИМУЛИРОВАНИЮ¹

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор; директор Института социально-политических исследований РАН; заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России (Москва, Россия). E-mail: riazan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности адаптации и интеграции в российское общество трудящихся-мигрантов. Отмечается значительный вклад трудовой миграции в социально-экономическое и демографическое развитие России. Рассмотрены взаимосвязи между временной трудовой и миграцией на постоянное место жительства. Отмечаются четыре ключевых проблемы адаптации и интеграции мигрантов в России как составной части миграционной политики. Обозначены пути решения проблем адаптации и интеграции иммигрантов в российское общество.

Ключевые слова: миграционная политика, Россия, адаптация, интеграция, трудовые мигранты, модели миграционной политики.

ADAPTATION AND INTEGRATION OF LABOR MIGRANTS INTO RUSSIAN SOCIETY: SOCIAL AND CULTURAL RISKS AND APPROACHES TO STIMULATION

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor; Director of the Institute for Socio-Political Studies under the Russian Academy of Sciences; Head of Department of Demographic and Migration Policy of the MGIMO University under Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia). E-mail: riazan@mail.ru

Abstract. The article discusses the features of adaptation and integration of migrant workers into the Russian society. The significant contribution of labor migration to the socio-economic and demographic development of Russia is noted. The interrelations between temporary labor and migration to a permanent place of residence are considered. Four key problems of adaptation and integration of migrants in Russia as an integral part of migration policy are noted. The ways of solving the problems of adaptation and integration of immigrants into Russian society are indicated.

Keywords: migration policy, Russia, adaptation, integration, labor migrants, models of migration policy.

Актуальность исследования. В современных условиях Российская Федерация является очень крупным игроком на «иммиграционном рынке». Согласно международным сопоставлениям Отдела народонаселения Организации Объединенных Наций около 8% российских жителей родились за пре-

¹ Исследование проведено при поддержке Совета по грантам Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ (проект № НШ-3781.2018.6).

делами страны, как правило в странах бывшего СССР. Это гораздо меньше, чем в таких «иммигрантоемких странах» Европы, как Швейцария (30%), Швеция и Австрия (17%), Ирландия (16%) и Германия (15%) [1]. Но перспектива увеличения доли иммигрантов в населении очевидна.

Среди множества проблем, которые стоят в настоящее время перед российской миграционной политикой, пожалуй, самой главной остается адаптация и интеграция мигрантов, прежде всего в части нахождения баланса интересов между местными жителями и мигрантами, приезжающими на жительство в Россию. В конце XX – начале XXI века в странах англосаксонской культуры сформировались несколько моделей интеграции мигрантов, которые лежат в диапазоне между двумя крайними примерами.

На первом полюсе находится ассимиляционная модель, которая сложилась в таких крупных принимающих мигрантов странах, как Германия, Франция и Соединенные Штаты. Здесь доминирует идея растворения мигрантов в общей массе населения. Например, часто американский путь интеграции мигрантов называют «плавильным тиглем». На втором полюсе интеграции присутствует модель взаимного сосуществования культур. Этим путем следуют страны, имевшие колониальное прошлое и бывшие сами колониями или метрополиями, а в настоящее время строящие свое общество на идее многообразия культур и религий. Это свойственно, например, Соединенному Королевству, Австралии, странам Бенилюкса, Скандинавским государствам. Хотя между этими крайними моделями есть несколько промежуточных моделей, которые имеют разное сочетание данных идей, а также свои своеобразные подходы к стимулированию интеграции мигрантов.

Но совершенно очевидно, что любой стране, которая принимает в настоящее время активно иммигрантов, требуется специальная политика их адаптации и интеграции. Данный факт уже является состоявшимся и признанным практически всеми государствами мира. В российских реалиях долгое время иммиграция рассматривалась исключительно как угроза национальной безопасности страны, а в результате многие действия государства в сфере адаптации и интеграции мигрантов носят непоследовательный характер, а, кроме того, в миграционной политике имеется значительный зазор между концептуальными положениями и подходами к практике ее реализации.

Российская миграционная политика имеет гораздо меньший опыт в части адаптации и интеграции иммигрантов, чем многие «иммигрантоемкие страны». В СССР опыт интеграционной политики фактически был только в отношении внутренней миграции: выходцы из регионов Кавказа и Средней Азии переезжали на учебу и работу в Сибирь и на Дальний Восток, но как правило, это были формы организованной миграции. После распада СССР границы фактически открылись и в стране появились афганцы, африканцы, китайцы, выходцы из стран Южной и Юго-Восточной Азии. Эти новые этнокультурные группы нуждались в адаптации и интеграции, а система фактически не была готова к этому. Не было ни только специальных программ и инфраструктуры, но и концептуального понимания проблемы. Даже понятия «адаптация» и «интеграция» практически отсутствовали в социокультурном

и политическом дискурсе. Впервые в Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года, подписанной Президентом Российской Федерации 13 июня 2012 года, было упомянуто, что «...важным элементом государственной миграционной политики Российской Федерации является обеспечение условий для адаптации и интеграции мигрантов...» [1]. Постепенно в российском обществе экспертами стала будироваться необходимость принятия специального закона об интеграции иммигрантов (иностранных граждан). Стали все более прочно в обиход входить слова «адаптация» и «интеграция» [3].

Идея адаптации и интеграции мигрантов получила развитие в виде создания в 2013 году внутри Федеральной миграционной службы Департамента содействия адаптации и интеграции мигрантов. Также были открыты два интересных центра в Омске и Тамбове, которые содействовали адаптации и интеграции мигрантов. Центрами заключался трехсторонний договор между мигрантом, миграционной службой и работодателем. Трудящийся-мигрант получал возможность временного проживания в этом месте и одновременно возможность учить русский язык, историю и основы законодательства. То есть готовился к сдаче экзамена. Но к сожалению, данный эксперимент был свернут из-за закрытия департамента содействия адаптации и интеграции мигрантов в Федеральной миграционной службе. Вопросы адаптации и интеграции мигрантов были переданы Федеральному агентству по делам национальностей, которое долгое время сосредотачивалась на разрешении межнациональных конфликтов, а проблем иммиграции касалась по «касательной». Лишь в 2017 году началась новая волна активности ведомства в вопросах разработки закона об адаптации и интеграции мигрантов.

Постепенно в российском экспертном сообществе сложилось весьма однозначное понимание данных терминов. Под адаптацией стали понимать необходимость включения временных трудовых мигрантов в общество на временной основе, а под интеграцией – процесс более глубокого вхождения в общество мигрантов, приехавших на постоянное место жительства в Россию [2]. Однако исследования показывают, что очень сложно четко разделить весь миграционный поток в Россию на две данные компоненты и, следовательно, невозможно обозначить четкие целевые группы для адаптации и интеграции. Некоторые трудящиеся-мигранты из Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана в России работают по десять или даже двадцать лет. У них выросли здесь дети, они перевезли в Россию семьи, выучили русский язык и нашли свои ниши на российском рынке труда. Но в силу различных административных или экономических причин они пока не стали российскими гражданами. Из года в год они покупают патент и пребывают формально в статусе временных трудовых мигрантов. Такая группа, как афганцы, и вовсе оказалась в западне российской миграционной политики. Долгое время они не могли получить никакого статуса, а возвращение в Афганистан было для них равносильно смерти по причине смены там политического режима. Вьетнамцы, не вернувшиеся на родину после распада СССР, также зависли между миграционными статусами в России. Но фактически все они хорошо прижились в России, являются законопослуш-

ными, им не хватает только российского гражданства. Многим хорошо известно, насколько суровы российские миграционные процедуры в отношении мигрантов, а особенно в части приобретения гражданства.

Страсти по закону об адаптации и интеграции иммигрантов в настоящее время улеглись. Он пока «завис» в государственных структурах, возможно по причине организационных изменений в российском миграционном пространстве – ФМС была ликвидирована, а функции управления миграцией были переданы ГУ МВД России по делам миграции.

Вызывает большое сомнение, что адаптация и интеграция мигрантов будут происходить автоматически после принятия закона, если не будут созданы условия и инфраструктура, введены адаптационные и интеграционные программы. То есть требуется программа конкретных мероприятий по стимулированию этих процессов, причем с финансированием на регулярной основе.

Дискуссия. С нашей точки зрения, нельзя адаптацию и интеграцию мигрантов рассматривать как два независимых процесса. Это тесно связанные и плавно перетекающие один в другой процесс. Российский подход к адаптации и интеграции иммигрантов должен учитывать специфику демографической ситуации в стране, а также социально-демографическую структуру иммиграционного потока. Концептуальным посылом миграционной политики должна стать идея интеграции в российское общество таких целевых групп, как иностранные студенты, иностранные родственники российских граждан и некоторая часть трудовых мигрантов, имеющих работу и хорошо владеющих русским языком [4]. Для российской миграционной политики остается актуальным решение трех ключевых проблем в данной сфере.

Во-первых, *необходима легализация правового статуса многих иммигрантов, в том числе трудовых, которые буквально «зависли» в России в правовом вакууме.* Зарубежный и российский опыт показывает, что оправдали себя так называемые миграционные амнистии. Например, в 2017 году были легализованы трудовые мигранты из Таджикистана и Молдавии, а в 2018 году – из Кыргызстана. От их легализации Россия только выиграла. Как показывает анализ ситуации, одной из ключевых проблем попадания трудовых мигрантов в «нелегальное» положение в России является недоступность регистрации по месту пребывания. И хотя регистрация и право собственности на жилье в России давно разделены, многие владельцы квартир не желают обеспечивать мигрантов регистрацией. И хотя государство, радея за сохранение регистрации в контексте национальной безопасности, хочет знать, где находится каждый мигрант, на самом деле не достигает этой цели. Многие трудовые мигранты в России зарегистрированы в других местах. Некоторые и вовсе имеют фальшивую регистрацию. Но что еще хуже – между государством и мигрантами, между местным населением и мигрантами не складывается доверительных отношений. Все строится на игре, обмане и коррупционных подходах к решению проблем. Множество посредников в сфере миграционных услуг делают деньги на регистрации и оформлении документов, некоторые полицейские не гнушаются брать взятки с мигрантов, многие мигранты готовы платить взятки, лишь бы избежать проблем с полицией. В итоге проблема легализации

мигрантов законсервирована вокруг регистрации который год, несмотря на многочисленные разговоры о коррупции.

Во-вторых, *необходимо открыть свободный доступ иммигрантам к изучению русского языка на бесплатной основе, что позволит им выстроить коммуникации с местным населением.* К сожалению, работодатели в развитии инфраструктуры русского языка практически не участвуют, но более того, они даже препятствуют возможности изучения трудовыми мигрантами русского языка из-за чрезмерной эксплуатации труда. Нужно развивать инфраструктуру изучения русского языка для трудящихся-мигрантов, например, это могли бы быть курсы по месту их работы и проживания. Пока же российское государство следует в ином «фарватере»: фактически продает сертификаты на знание русского языка, истории и основ российского законодательства. И хотя некоторые эксперты пытаются убеждать общество, что именно так и происходит адаптация и интеграция иммигрантов в российское общество. Однако, очевидно, что за столь короткий срок (тридцать дней) выучить даже на самом элементарном уровне русский язык, историю и основы законодательства невозможно. А взимание оплаты за обучение русскому языку и вовсе подрывает идеологические основы интеграции мигрантов.

В-четвертых, *необходима ликвидация системы массовой эксплуатации труда иммигрантов в российской экономике, основанной на низкой оплате труда, продолжительном рабочем дне, жутких условиях работы и жизни людей.* Как мы отмечали, в других работах в России функционирует «мигрантозависимая» экономика, широко использующая эксплуатацию дешевых и бесправных трудящихся-мигрантов. Здесь необходимы меры по ужесточению наказания работодателей. А также необходимо стимулирование работодателей, которые развивают корпоративные программы страхования и вкладывают в социальные условия для работников (например, предоставляют жилье). К сожалению, в России профсоюзы в своем большинстве выступают против использования трудящихся-мигрантов и не особенно отстаивают их права. Но в последнее время также появились новые специализированные профсоюзы, ориентированные именно на трудящихся-мигрантов.

Наконец, *тормозит процесс адаптации и интеграции мигрантов в российское общество отсутствие широких программ социокультурного взаимодействия между мигрантами и местными жителями в повседневной жизни.* Необходимо развитие сети клубов, спортивных мероприятий, концертов и культурных мероприятий, этнических гастрономических фестивалей различных общин в населенных пунктах концентрации трудящихся-мигрантов. Велика роль школ и университетов в развитии культурной жизни, поскольку через интеграцию детей, подростков и молодых людей будут интегрироваться в российское общество и их родители. Эти мероприятия должны поддерживаться из федерального, регионального и местного бюджетов на основе грантов.

Решение перечисленных выше проблем позволит стимулировать процесс адаптации и интеграции мигрантов в российское общество.

Выводы и рекомендации. Исследование позволяет сделать выводы и дать рекомендации по совершенствованию миграционной политики России в части

адаптации и интеграции иммигрантов. Для увеличения численности населения страны необходимо рассматривать миграцию как компонент демографической динамики и ресурс социально-экономического развития. Однако анализ национальных проектов показывает отсутствие в них мер по регулированию миграции, которая положительно влияет на численность населения России. Это направление, в свою очередь, является одним из главных в новом «Майском указе» Президента РФ от 7 мая 2018 года поскольку политика в сфере миграции способна помочь достичь демографических результатов в более короткие сроки по сравнению с другими мерами. Необходим также отдельный проект по повышению привлекательности, качества жизни населения в субъектах Федерации с миграционным оттоком населения – Дальний Восток и Сибирь.

России необходима новая модель миграционной политики, основанная на активной работе с потенциальными мигрантами, еще до переезда в Россию в плане обучения их русскому языку, профессиональной подготовки, что ускорит затем адаптацию и интеграцию переселенцев после их переезда в Россию. С целью упорядочения потоков трудовой миграции и снижения численности незаконных трудовых мигрантов предлагается развивать инфраструктуру найма трудовых мигрантов в странах-донорах. Например, лицензировать частные агентства занятости и объединить их в один реестр, а также создать в России единую систему учета мигрантов на базе регистра иностранных граждан, которая бы включала информацию о пересечении границы, регистрации и наличии разрешения на работу (патента).

Также созрела проблема замены разрешительной регистрации на уведомительную. Аргументами в пользу уведомительной регистрации является то, что она будет точнее отражать реальное место пребывания мигранта, уменьшится коррупция, облегчится доступ иммигрантов к социальным услугам. Также требует развития сеть миграционных центров по оказанию услуг в вопросах регистрации и выдачи разрешительных документов на работу. Следует стимулировать работодателей помогать оформлять трудовым мигрантам полис добровольного медицинского страхования, предоставлять временное жилье, оборудованное минимальными удобствами, строить городки временного размещения. Необходимо сформировать миграционные инспекции по контролю за условиями труда и проживания приезжих, а также разработать для работодателей систему поощрений (например, предусмотреть налоговые льготы) и наказаний.

Очевидно, что России необходимо отдельное министерство (агентство) по делам миграции. Российская миграционная политика должна стать не только более открытой, но и ставить более амбициозные и инновационные цели и задачи – необходимо развивать такое направление, как внешняя миграционная политика [1, 3]. К сожалению, пока государство лишь фиксирует миграционные потоки, а не стимулирует мигрантов включаться в принимающее общество, провоцируя возникновение обособленных национальных общин и конфликтов между мигрантами и местным населением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Рязанцев С.В.* Модель интеграции мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта: Материалы IX международного научно-практического Форума (Москва, 28–29 ноября 2017 года): В 2-х т. Т. 1 / Под науч. ред. чл.-корр. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой. М.: Экономическое образование, 2017. С. 7–20.
2. *Рязанцев С.В., Богданов И.Я., Храмова М.Н.* Прогнозирование миграции в контексте формирования внешней миграционной политики России // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2017. № 1 (февраль). С. 5–12.
3. *Рязанцев С.В.* Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 105–111.
4. *Ryazantsev S.* Russia Needs a New Migration Policy // *Russian Politics and Law*. 2013. Vol. 51. № 3. P. 80–88.

REFERENCES AND SOURCES

1. *Ryazantsev S.V.* Model' integratsii migrantov v kontekste vneshney migratsionnoy politiki Rossi i // *Migratsionnye mosty v Evrazii: modeli effektivnogo upravleniya migratsiey v usloviyah razvitiya evraziyskogo integratsionnogo proekta*: Materialy IX mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo Foruma (Moskva, 28–29/11/2017): In 2 vols. – Vol. 1 / Ed. S.V. Ryazantsev, M.N. Khramova. M.: Ekonomicheskoe obrazovanie, 2017. Pp. 7–20. (In Russ.)
2. *Ryazantsev S.V., Bogdanov I.Y., Khramova M.N.* Prognozirovanie migratsii v kontekste formirovaniya vneshney migratsionnoy politiki Rossii // *Nauchnoe obozrenie*. Ser. 1. Ekonomika i pravo. 2017. No. 1. Pp. 5–12. (In Russ.)
3. *Ryazantsev S.V.* Integratsiya migrantov v kontekste vneshney migratsionnoy politiki Rossii // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018. No. 1. Pp. 105–111. (In Russ.)
4. *Ryazantsev S.* Russia Needs a New Migration Policy // *Russian Politics and Law*. 2013. Vol. 51. No. 3. Pp. 80–88.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДЛЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Гришанова Александра Георгиевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: gralexandra1949@gmail.com

Фадеева Тамара Андреевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (ИСЭПН РАН) (Москва, Россия). E-mail: fadeevatoma@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические вопросы трансформации миграционной политики как в Российской Федерации в целом, так и в Северо-Кавказском и Дальневосточном ФО. Показана необходимость учета в концепциях миграционной политики для данных федеральных округов, учитывая особенности относительно более благоприятного возрастного состава их населения на современный момент. Анализируются вопросы понятийного аппарата.

Ключевые слова: миграция населения, трансформация, трансформация типов и видов миграции населения, трансформация миграционной политики, Дальний Восток, Северный Кавказ.

THEORETICAL ISSUES OF TRANSFORMATION OF THE MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROPOSALS FOR THE NORTHERN CAUCASUS AND THE FAR EAST

Alexandra G. Grishanova, Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Center for Social Demography, Institute for Socio-Political Researchers, Russian Academy of Sciences (ISPR RAS) (Moscow, Russia). E-mail: gralexandra1949@gmail.com

Tamara A. Fadeeva, Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute for Social and Economic Problems of Population, Russian Academy of Sciences (ISEPP RAS) (Moscow, Russia). E-mail: fadeevatoma@gmail.com

Abstract. The article discusses the theoretical issues of migration policy transformation both in the Russian Federation as a whole and in the North Caucasus and Far Eastern Federal Districts. It is shown that it is necessary to take into account in the concepts of migration policy for these federal districts, to take into account the peculiarities regarding the more favorable age structure of their population at the present moment. Analyzed the issues of the conceptual apparatus.

Key words: population migration, transformation, transformation of types and types of population migration, transformation of migration policy. Far East, North Caucasus.

Миграционная политика в России на современном этапе ее социально-политического и социально-экономического развития становится неотъемлемой частью ее стратегического развития. В Указе «О Концепции государст-

венной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», подписанного 31 октября 2018 г., прямо говорится следующее: «Настоящая Концепция разработана с учетом основополагающих документов, затрагивающих вопросы реализации миграционной политики, прежде всего Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года, Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» [10]. Как и «признать утратившей силу Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Президентом Российской Федерации 8 июня 2012 г. № Пр-1490» [10]. В этой, предыдущей Концепции миграционной политики Российской Федерации говорилось следующее: «Концепция разработана в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации во взаимосвязи с Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации, Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года, Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и другими документами стратегического планирования» [9]. Зачем приведены столь многословные цитаты? На наш взгляд, чтобы показать, как с изменением социально-политической и социально-экономической ситуации в стране и мире, соответственно, меняются приоритеты тех или иных Концепций и Стратегий, особенно тех, которые выступают в роли важнейших государственных документов, на которых и базируются рассмотренные выше Концепции миграционной политики Российской Федерации в 2012 и 2018 гг.

Сразу привлекает внимание, что если на современный момент первое место среди вышеназванных документов в 2018 г. поставлена Стратегия национальной безопасности, то, напротив, в 2012 г. она была поставлена только, подчеркнем особо, на четвертое место, при этом последней среди всех приведенных в тексте Концепций и Стратегий. А Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, которая в 2012 г. была поставлена на первое место, в 2018 г. сменилась Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, которая сместилась теперь только на третье место.

Еще, на наш взгляд, следует привлечь внимание к местоположению в списке базовых документов для разработки концепций миграционной политики Российской Федерации в 2012 и 2018 гг. Концепции демографической политики Российской Федерации. В то время как в Концепции демографического развития Российской Федерации, принятой в 2001 г., были четко сформулированы собственные цели миграционной политики: «Регулирование миграционных потоков в целях создания действенных механизмов замещения естественной убыли населения Российской Федерации; повышение эффективности использования миграционных потоков путем достижения соответствия их объемов, направлений и состава интересам социально-экономического развития Российской Федерации; обеспечение интеграции мигрантов в российское общество и формирование толерантного к ним отношения» [7]. А эти, собственные цели миграционной политики, в Концепции миграционной политики Российской Федерации, утвержденной в 2012 г., занимали не два первых места, а, наоборот, только, последнее. А две первостепенные цели были «заимствованы» из демографической концепции. Поскольку «обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, максимальная защищенность, комфортность и благополучие населения Российской Федерации» – это, на наш взгляд, цели общей социально-экономической политики, а «стабилизация и увеличение численности постоянного населения Российской Федерации» – это цель демографической политики в целом. В то время как собственные цели миграционной политики, то есть, на наш взгляд, цели регулирования тех или иных типов, видов и форм миграции населения для социально-экономического развития страны не были четко прописаны. А поэтому на третьем месте целей в 2012 г. было названо «содействие обеспечению потребности экономики Российской Федерации в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособностей ее отраслей» [9]. Почему, на наш взгляд, миграционные цели миграционной политики должны обеспечивать содействие потребности экономики Российской Федерации, то есть именно для социально-экономического развития нашей страны?

Потому что, миграция, это, прежде всего, сложный социально-экономический процесс поэтому экономическое развитие России невозможно проследить вне анализа процессов миграции на ее территории, а соответственно, государственного участия в регулировании этих процессов, чем, собственно, и характеризуется вся социально-демографическая история России в исторической ретроспективе.

В настоящий же момент в тексте Концепции миграционной политики Российской Федерации на период до 2019–2015 гг. отмечалось, что она «разработана с учетом основополагающих документов, затрагивающих вопросы реализации миграционной политики» [9]. И то, что Демографическая концепция, действующая на настоящий момент в Российской Федерации, перечислена среди вышеназванных документов, на одно из последних мест – восьмое, третье с конца, правомерно. Хотя, на первый взгляд, методологически неправомерно, что Демографическая концепция, как концепция более вы-

сокого уровня по отношению к Концепции миграционной политики, занимает одно из последних мест. Чем можно объяснить такое наше мнение? Тем, что такая ситуация, на наш взгляд, правомерна с точки зрения неверной иерархии целеполагания в принятой в 2012 г. Концепции миграционной политики, и, наоборот, в правильной иерархии в тексте Концепции миграционной политики, принятой в 2018 г. Здесь, наконец-то, правильно, в первую очередь, указывается, что «целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны» [9]. То есть как первоочередной сформулирована собственная цель миграционной политики.

В связи с вышесказанным интересен проведенный анализ трансформации процессов миграции в России с точки зрения изменения их основных проявлений (типов, видов и форм) в зависимости от изменений в социально-экономическом базисе страны, ее социально-политического развития одним из авторов этой статьи. И этот анализ был осуществлен и с теоретической, и с практической точек зрения в координатах соответствующих трансформаций в проводимой российским государством миграционной политики. Или для терминов во времена Российской империи переселенческой политики. Эти вопросы были первоначально рассмотрены на протяжении XIX – начала XXI века [8]. На сегодняшний день рамки этого исследования расширены, теперь совместно обеими авторами – с начала XVII до начала XXI века.

Термин «трансформация» представляет собой фактически универсальное выражение, отражающее суть всех тех многочисленных терминов, которыми можно обобщенно охарактеризовать происходящие в нашей стране процессы. Он как нельзя более точно соответствует реалиям нашего времени – времени радикальных перемен во всех сферах жизнедеятельности общества, изменение ее целеполагания, что можно доказать, рассмотрев значение термина «трансформация» в экономической и социальной науке. Например, в Большом экономическом словаре А.Б. Борисова говорится: «Трансформация – (лат. *transformatio* – изменять) преобразование структур, форм и способов, изменение целевой направленности экономической деятельности» [1]. Соответственно с этим определением, «трансформация миграции населения» может рассматриваться как «преобразование структур, форм и способов миграции населения, изменение ее целевой направленности».

На сегодняшний день термин «трансформация миграционной политики» предлагается рассматривать как «целенаправленная деятельность государства в целях преобразования структур, форм и способов миграции населения в их соответствии с их стратегической, социально-экономической направленностью». Данное определение, на наш взгляд, очень точно соответствует не столько пониманию в Энциклопедическом словаре термина преобразования – как замены, сколько толкованию термина «преобразование» в Новом толково-словообразовательном словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой, где этот термин означает не только и не столько замену, процесс действия, сколько корен-

ное изменение чего-либо. На наш взгляд, именно последнее значение – коренное изменение чего-либо – и определяет суть термина «трансформация».

В связи с этим термин «трансформация» в настоящее время имеет универсальный характер и выполняет системообразующую функцию для любых процессов во всех сферах жизни российского общества. К сожалению, на наш взгляд, менее всего предложенное нами выше определение подходит для характеристики происходящих на сегодняшний день процессов в сфере экономики, где таких коренных изменений в последние годы, на наш взгляд, если иметь в виду только постсоветский период, не наблюдается. На наш взгляд, это является характеристикой развития процессов миграции населения¹. Представляется, что взамен терминов «трансформация миграции населения», «трансформация миграционных процессов» целесообразнее пользоваться термином «трансформация проявлений миграции», или «трансформация видов, типов и форм миграции», поскольку меняется не экономическая сущность процесса миграции, а трансформируются лишь ее проявления. Трансформацию проявлений миграции населения, на наш взгляд, прежде всего, следовало рассматривать по трем основным позициям: из низшего, форма, в средний вид, и, далее, в высший – тип, поскольку термин форма миграции населения предлагаем относить к конкретному акту миграции населения. Однако возможно и необходимо рассматривать и остальные уровни типологии проявлений миграции, разработанные очень подробно С.В. Рязанцевым [5]. Но настоящее исследование начато с основных, базовых проявлений миграции населения: тип и вид с точки зрения классификации и типологии миграционных процессов. Поскольку для экономического развития именно данные уровни таковыми, на наш взгляд, и являются. Представляется использование вышеназванного методологического подхода позволяет четко разделить миграционные потоки на их основные составляющие не только для научных и познавательных целей, но и дает возможность регулировать миграционные потоки более эффективно. Интересно отметить, что первоначальный выбор темы исследования трансформации миграции населения с точки зрения трансформации форм проявления миграции Т.А. Фадеевой был инициирован в том числе провозглашением необходимости дифференцированно подходить к регулированию миграционных процессов, о котором было заявлено еще в Концепции миграционной политики Российской Федерации до 2025 г., принятой в 2012 г. Но там не были названы конкретные типы и виды миграции населения, для такой диффе-

¹ В условиях трансформирующейся России с социально-политической точки зрения это старинное толкование термина «трансформатор», к сожалению, зачастую более всего подходит для того, чтобы охарактеризовать действия некоторых деятелей, называющих себя трансформаторами именно в таком, а отнюдь не современном понимании этого слова. К сожалению, зачастую государственные чиновники вместо реальных преобразований и реальных дел представляют на суд общественности лишь «бумажные отчеты» о своих действиях, выступая в роли фокусника, который профессионально эту общественность вводит в заблуждение в отношении своих реальных действий.

ренциации регулирования их развития и поставило на повестку дня актуальность выбора именно этой темы для исследования.

Трансформация проявлений миграции населения происходит и на индивидуальном, и на государственном уровне, в то время как трансформация миграционной политики всегда происходит на общегосударственном уровне. Возможность расхождения целей регулирования процессами трансформации миграции населения на государственном и на индивидуальном уровне представляет основу для возникновения противоречия между интересами государства и конкретного мигранта. А это очень важное замечание. В только что принятой Концепции миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. об этом говорится, правда, подчеркнем это, только в отношении регулирования таким типом миграции населения, как временный тип. «Обеспечивая соблюдение разумного баланса государственных, общественных и частных интересов, важно сохранять открытость Российской Федерации для тех иностранных граждан, которые не связывают с ней свое будущее или будущее своих детей, и не намерены полностью интегрироваться в российское общество, но рассматривают Россию как страну с благоприятными условиями для удовлетворения своих экономических, социальных и культурных потребностей» [5]. В связи с этим еще раз необходимо обратиться к определению вышеупомянутого термина «миграционная политика», но уже в наиболее «развернутом», на наш взгляд, толковании, которое дано в книге «Миграционная политика в России: история и современность» Л.Л. Рыбаковским, О.Д. Воробьевой и О.Л. Рыбаковским. Где говорится: «Политика, которую в современном смысле можно назвать миграционной, это целенаправленная деятельность государства для осуществления добровольного переселения тех или иных групп населения с одной территории на другую, и разработка при этом определенного набора административных и экономических мер, механизмов и инструментов, призванных добиваться поставленных целей и задач» [3. С. 7]. И с этим определением нельзя не согласиться. Однако, парадокс, на наш взгляд, заключается в том, что авторы комментируют временные рамки такого определения, ограничивая их: «Очевидно, что это определение относится только к миграции населения, рассматриваемой в узком значении этого слова, и приводится оно в таком виде лишь для понимания проводимых мер в области заселения территории нашей страны во времена, предшествующие возникновению нынешней независимой России» [3. С. 7]. Из последних слов следует, что к современному, постсоветскому периоду вышеназванное определение не подходит. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос с теоретической точки зрения, обратимся к начальным словам книги, посвященной данной тематике в разрезе именно постсоветского периода: «Миграционная политика России. Постсоветские контексты» В ней В.И. Мукомель пишет: «Перспективы социально-экономического, демографического и политического развития России во многом определяются развитием миграционных процессов в нашей стране, тем, в какой мере миграционная политика соответствует целям и задачам ее развития» [6. С. 5]. А в заключении, в материалах приложения, подчеркивает, что «ни о какой

целенаправленной и широкомасштабной миграционной политике России по привлечению соотечественников из стран СНГ и Балтии не может быть и речи в ближайшие годы» [6. С. 333]. Это мнение было опубликовано в 2005 г., а в следующем, 2006 г., Правительством РФ была утверждена «Государственная программа содействия переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», в которой предусматривались меры, призванные обеспечить ежегодный приток на российские территории соотечественников в размере 300 тысяч человек. О чем это говорит? О неправомерности вышеприведенного мнения? На наш взгляд, нет, оно просто подтверждает правильность научно обоснованного понимания миграционной политики всеми вышеназванными учеными при полном отсутствии аналогичного научного его понимания на уровне государственных структур, как ни парадоксально, но при этом ответственных за ее разработку и проведение. В то время как, например, одним из сотрудников вышеназванного центра демографии социальной демографии выполнена серьезная, и при этом на современном методологическом уровне, в свете процессов инновационного развития в стране, исследовательская поисковая работа в этом ключе: «Совершенствование системы управления миграционными процессами в России на основе концепции управления качеством» [2]. Однако в только что принятой Концепции миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. влияние выводов и предложений из данного исследования нам не удалось, к сожалению, обнаружить. А отсутствие четкой формулировки целей регулирования миграции населения, использование предлагаемых в вышеназванной работе Ю.В. Дмитриевой сбалансированных стратегических показателей (методология разработки которых отличается своей концепцией причинно-следственных связей), именно в постсоветский период, ставит под сомнение возможность достоверности ее реальной оценки. Ставит под сомнение возможность выбора для этого соответствующих критериев оценки эффективности и результативности работы государственных структур в миграционной сфере. Причем не только сегодня, но и в будущем, поскольку не предусматривает согласование целей миграции населения на всех трех уровнях: общегосударственном, региональном и индивидуальном. А это, отметим еще раз, очень важное замечание, поскольку именно целевая направленность миграции населения определяет функции миграции с позиций социологической науки. И именно это определение, на наш взгляд, по своей сути, соответствует термину «трансформация миграционной политики», то есть изменению целеполагания миграционной политики.

Вышесказанное, на наш взгляд, должно учитываться при разработке как теоретических, так практических аспектов концепции миграционной политики как Российской Федерации в целом, так и ее отдельных регионов. Особенно для тех, которые имеют чрезвычайно важное, особое стратегическое значение на том или ином этапе социально-экономического и социально-политического развития страны, для определения трансформации задач его миграционной политики, в нашем случае для современной Российской Федерации. Речь идет, на наш взгляд, о необходимости разработки с учетом вышесказанного

новых концепций миграции в Российской Федерации в первую очередь, для таких особо важных регионов страны, как Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов.

Почему наш выбор выпал именно на эти два федеральных округа? Данные округа объединяет, с одной стороны, их особая геополитическая важность в сложившейся на конец второго десятилетия XXI века геополитической ситуации. С другой стороны, наличие уже разработанных ранее, причем именно для данных федеральных округов, научных наработок в сфере разработки проектов концепций миграционной политики. Для Российской Федерации в регионах Северного Кавказа такую научную разработку осуществил В.И. Мукомель, а для Дальнего Востока такую разработку проекта Концепции миграционной политики в южных районах Дальнего Востока осуществили сотрудники Центра социальной демографии Института социологии РАН под руководством Л.Л. Рыбаковского. Обе вышеназванные миграционные Концепции, при их сравнении с проектом концепции миграционной политики Российской Федерации, так же разработанной примерно в тот же период – в конце 1990-х годов, постигла, с одной стороны, общая участь: и те и другая, не были утверждены Правительством РФ. С другой стороны, у них была разная известность, а соответственно, и последствия. Объясняется это тем, что проект Концепции миграционной политики Российской Федерации как проект концепции миграционной политики на общедо-федеральном уровне в то время уже находился на стадии его обсуждения. И хотя он не был утвержден Правительством РФ, но имел в определенном плане уникальную по своей парадоксальности участь. Поскольку в начале 2000-х годов, о проекте этой Концепции миграционной политики Российской Федерации, как об уже утвержденной, упоминалось во многих ключевых программах, утвержденных Правительством РФ. К их числу, например, относятся, «Стратегия экономического развития Сибири», июнь 2001 г.; «Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002–2004 гг.)», июль 2001 г.; Федеральная целевая программа «Юг России», август 2001 г.

Представляется, что совмещение методологических принципов, предложенных в проекте вышеуказанной концепции Миграционной политики Российской Федерации, разработанной в 1999 г., с вышеуказанными проектами Концепций миграционной политики Российской Федерации на Северном Кавказе и в южных районах Дальнего Востока, можно получить серьезный задел для разработки научно обоснованных проектов. И Концепции миграционной политики Российской Федерации на Северном Кавказе, и Концепции миграционной политики на Дальнем Востоке. В последнем случае, на наш взгляд, такую потребность в разработке дополнительно к уже утвержденной 20 июня 2017 г., Концепции демографической политики на Дальнем Востоке до 2025 г., Концепции демографической политики на Дальнем Востоке до 2025 г., специально только для южных, приграничных к Китаю, районов Дальнего Востока ранее мы попытались обосновать [4. С. 28–31]. Как, впрочем, и для проекта Концепции миграционной политики в южных

районах Дальнего Востока, поскольку, на наш взгляд, это не только наиболее стратегически уязвимые регионы Дальнего Востока, но и территории, имеющие ярко выраженную специфику протекания на их территориях всех основных типов и видов миграции населения. Это требует, соответственно, дифференцированного подхода к их государственному регулированию, трансформации целей их общего регулирования в настоящий момент. Но это тема отдельного исследования.

В заключение отметим необходимость при трансформации целей миграционной политики Российской Федерации в регионах Северного Кавказа и на Дальнем Востоке учета следующей ситуации. На сегодняшний день и Северо-Кавказский федеральный округ (далее – СКФО), и Дальневосточный федеральный округ (ДФО) имеют наиболее позитивную ситуацию с точки зрения возрастной структуры их населения. А мигранты, как правило, это лица трудоспособных возрастов, в особенности – молодых. Проблема формирования трудоспособного контингента – одна из ведущих и насущных проблем современности.

В то же время именно в таких федеральных округах, как СКФО и ДФО, она имела максимальные параметры, поскольку составляла соответственно 58,3 и 58,4% [11]. Причем не только для всего, но и для городского и сельского населения. Для городского населения, если среднероссийский уровень составлял 57,5%, то в анализируемых федеральных округах, соответственно, 59,6% – в СКФО и 59,4% – в ДФО. По сельскому населению, общероссийский уровень – 54,3%, в СКФО – 57,0%, а в ДФО – 55,3% [11]. Если СКФО характеризуется естественным приростом, то ДФО, наоборот, естественной убылью. По доле лиц в возрасте 0–15 лет СКФО так же, как и по доле лиц трудоспособного возраста, сохраняет свое первенство. Притом очень ощутимо: 24,2%, при средней доле по Российской Федерации в 18,3% для всего населения. Также и для городского населения соответственно при 17,7% по стране, против 21,7% в СКФО. ДФО имеет только 19,6% для всего и 18,6% для городского населения, при средней по РФ соответственно 18,3 и 17,7%. Иными словами, хотя и остается относительно благополучным регионом, но уступает, помимо СКФО, только таким федеральным округам, как Уральский и Сибирский. Но существенные различия – налицо. И их должны отразить, соответственно, дифференцированные меры в новых миграционных программах как третьих по счету, но первостепенных по важности составляющих новых миграционных политик в этих стратегических регионах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Борисов А.Б.* Большой экономический словарь. – М.: Книжный мир, 2003.
2. *Дмитриева Ю.В.* Совершенствование системы управления миграционными процессами в России на основе концепции управления качеством: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д.э.н. М., 2012.

3. Рыбаковский Л.Л., Воробьева О.Д., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016.
4. Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И. Южные районы Дальнего Востока: потребность и перспектива концепции демографического развития // Миграционное право. 2018. № 4.
5. Миграционные процессы в России / Под.ред. В.В. Локосова и Л.Л. Рыбаковского. – М.: Экон-информ, 2014.
6. Мукомель В.И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты / Институт социологии РАН. – М.: Диполь-Т, 2005.
7. Иными словами, хотя и остается относительно благополучным регионом, но уступает, помимо СКФО, только таким федеральным округам, как Уральский и Сибирский. Но существенные различия – налицо
8. Фадеева Т.А. Трансформация миграции населения и ее вклад в демографическую динамику России: Автореф. дисс. М., 2014
9. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> [дата обращения: 02.02.2018].
10. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (утв. Президентом РФ от 31 октября 2018 г.) Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> [дата обращения: 11.12.2018].
11. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2018 года. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_111/Main.htm [дата обращения: 05.05.2019].

REFERENCES AND SOURCES

1. Borisov A.B. *Bol'shoy ekonomicheskij slovar'*. – М.: Knizhnyy mir, 2003. (In Russ.)
2. Dmitrieva Yu.V. *Sovershenstvovanie sistemy upravleniya migratsionnymi protsessami v Rossii na osnove kontseptsii upravleniya kachestvom*: Avtoref. diss. na soisk. uch. step. d.e.n. М., 2012. (In Russ.)
3. Rybakovskiy L.L., Vorob'eva O.D., Rybakovskiy O.L. *Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost'*. М.: Izd-vo «Ekon-Inform», 2016. (In Russ.)
4. Grishanova A.G., Kozhevnikova N.I. Yuzhnye rayony Dal'nego Vostoka: potrebnost' i perspektiva kontseptsii demograficheskogo razvitiya // *Migratsionnoe pravo*. 2018. No. 4. (In Russ.)
5. *Migratsionnye protsessy v Rossii* / Ed. V.V. Lokosova i L.L. Rybakovskogo. – М.: Ekon-inform, 2014. S.V. Ryazantsev, glava 1. (In Russ.)
6. Mukomel' V.I. *Migratsionnaya politika Rossii: Postsovetskie konteksty* / Institut sotsiologii RAN. – М.: Dipol'-T, 2005. (In Russ.)
7. Koncepciya demograficheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2015 g. ot 24 sentyabrya 2001 g. <http://docs.cntd.ru/document/901797442>
8. Fadeeva T.A. *Transformatsiya migratsii naseleniya i ee vklad v demograficheskuyu dinamiku Rossii*: Avtoref. diss. М., 2014 (In Russ.)
9. Kontseptsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda (utv. Prezidentom RF ot 13 iyunya 2012 g.) URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> [accessed: 02.02.2018]. (In Russ.)

10. Kontsepsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na 2019–2025 gody (utv. Prezidentom RF ot 31 oktyabrya 2018 g.) URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> [accessed: 11.12.2018]. (In Russ.)

11. Chislennost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii po polu i vozrastu na 1 yanvarya 2018 goda. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_111/Main.htm [accessed: 05.05.2019]. (In Russ.)

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ПРЕДПОСЫЛКА МЕЖДУНАРОДНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Халилов Джалил Малик оглы, доцент Академии государственного управления при Президенте Азербайджана, доктор философии, полковник (г. Баку, Азербайджан). E-mail: romanshef@mail.ru

Ибрагимов Фарид Назим оглы, сотрудник Министерства Азербайджанской Республики по Чрезвычайным Ситуациям, магистрант Российского государственного социального университета (г. Баку, Азербайджан). E-mail: faridibrahimov9@gmail.com

Аннотация: В статье представлен анализ диалога культур как предпосылки международной и национальной безопасности в современном обществе. Особое внимание уделяется проблемам национальной безопасности Азербайджанской Республики, изучению тенденций к ее устойчивому развитию.

Ключевые слова: мировая цивилизация, столкновение цивилизаций, диалог культур, международный миропорядок, международная и национальная безопасность, национальная безопасность Азербайджана.

DIALOGUE OF CULTURES AS A PREREQUISITE TO INTERNATIONAL AND NATIONAL SECURITY OF AZERBAIJAN

Jalil M. Khalilov, Doctor of Philosophy, Colonel, Associate Professor, the Academy of Public Administration under the President of Azerbaijan (Baku, Azerbaijan). E-mail: romanshef@mail.ru

Farid N. Ibragimov, Officer at the Ministry for Emergencies of the Republic of Azerbaijan, Undergraduate student, the Russian State Social University (Baku, Azerbaijan). E-mail: faridibrahimov9@gmail.com

Abstract: The article presents an analysis of the dialogue of cultures as a prerequisite for international and national security in modern society. Particular attention is paid to the problems of national security of the Republic of Azerbaijan, the study of trends in its sustainable development.

Keywords: world civilization, clash of civilizations, dialogue of cultures, international world order, international and national security, national security of Azerbaijan.

Современные процессы и тенденции (глобализация, информатизация, технологизация, коммуникация, др.), составляющие глобальную и локальные социокультурные динамики, сегодня определяют развитие мировой цивилизации, каждого государства и народа, каждого отдельного человека.

Отмечая динамичность мировой цивилизации в современном мире, включающей кризис западных демократий, дисфункций экономической модели глобального неолиберализма и возникающих по этому поводу внутренних социальных противоречий, следует обратить в первую очередь внимание

на «...груз прежних мировоззренческих установок, смыслов и ценностей, определяющих идеологию жизненной организации национальных сообществ, межгосударственных взаимодействий, пр., которые уже не отвечают вызовам нового времени» [1].

Социально-политический анализ реально сложившейся ситуации в современном мире, логики и закономерностей происходящих глобальных тенденций и процессов (их природы, движущих сил, противоречий, целей, направленности, масштабности, др.) позволяет говорить о том, что мировая культура и цивилизация переживают трудный период [2].

Еще в 1993 году мировое научное сообщество было заинтриговано главной идеей статьи Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Эта статья, опубликованная в журнале *Foreign Affairs*, вызвала огромный резонанс в политических и научных кругах. Внимание автора было обращено на тот факт, что центральным и наиболее опасным аспектом зарождающейся глобальной политики XXI столетия может стать конфликт между странами, принадлежащим к различным цивилизациям.

Хантингтон, учитывая беспрецедентную дискуссию вокруг своей статьи, написал книгу под тем же названием, в которой он существенно дополнил и уточнил вопросы, сформулированные в статье, а также развил ряд других идей, связанных с рассматриваемой темой. В частности, раскрыл связь понятий культура и цивилизация; о сдвиге баланса власти среди цивилизаций; о культурных истоках не западных обществ; о конфликтах, порожденных западным универсализмом, о причинах и динамике современных региональных войн и т.п. Главный вывод книги таков: столкновения цивилизаций являются наибольшей угрозой миру и международный порядок, основанный на учете особенностей цивилизаций, является надежным средством предупреждения новых войн. В мире после холодной войны культура и различные виды культурной идентификации определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта [3].

Следует подчеркнуть, что Хантингтон не утверждает фатальную неизбежность конфликтов цивилизаций, а предупреждает об их возможности, если не будет диалога между культурами, взаимопонимания между их представителями. В этой связи примечательно его последнее интервью, где он подтверждает эту мысль. «Я считаю очень важным развитие диалога между культурами и цивилизациями, так как не вижу другой альтернативы для их сосуществования... С момента появления моего тезиса *clash of civilisations* проявленные на него реакции показали, что ответственные актеры мировой сцены во все большей степени выражают серьезную обеспокоенность по поводу возможности столкновения цивилизаций. Вследствие того – и я этому очень рад – появилось широко распространившееся во всем мире движение, целью которого стало развитие диалога между культурами» [3].

Таким образом, есть только один путь избежать возможного конфликта цивилизаций, обеспечить международную и национальную безопасность: диалог культур. В рамках данного исследования рассмотрим авторский анализ диалога культур как предпосылки международной и национальной безопасности Азербайджанской Республики.

Проблема национальной безопасности – это проблема защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Решение этой проблемы позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойное качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Азербайджана.

Азербайджан за последние десять лет в основном преодолел последствия тяжелого политического и социально-экономического кризиса конца прошлого столетия. Республика обладает необходимым потенциалом (природным, экономическим, социальным, интеллектуальным), чтобы войти в число ведущих государств на основе полноценного участия в мировом разделении труда, повышения конкурентоспособности национального хозяйства, уровня государственной и общественной безопасности. Благодаря развитию экономики удалось не только остановить падение уровня жизни населения Азербайджана, но и обеспечить их качественный рост. Сегодня Республика с экономической точки зрения – одна из стремительно развивающихся стран мира [4].

Государственная политика по развитию гражданского общества, правового государства, мультикультурализма сделали безосновательными различные сепаратистские движения. Обороноспособность страны усилилась благодаря должному вниманию к армии, ее организации, обеспеченностью современными видами вооружений. Это устранило угрозу внешней экспансии. На основе национальных интересов определены адекватные позиции в международной политике и отношениях с другими странами, что значительно приумножило международный авторитет страны.

Реализация продуманной политики в области государственной и общественной безопасности, соответствующей внутренним и внешним условиям, имеет фундаментальное значение для обеспечения необходимых условий реализации конституционных прав и свобод граждан Азербайджана, перехода к устойчивому развитию, соблюдения территориальной целостности и суверенитета государства.

Однако современные коллизии, связанные с появлением целого ряда глобальных проблем, ставят человека любой цивилизации в критическую ситуацию незащищенности. Ожидания, направленные в будущее, сейчас смешаны не только с разочарованием от прошлого и предчувствиями экологических катаклизмов, на них налагаются также понимание неоднозначности перспектив социального, экономического и политического развития современной цивилизации. Несомненно, это придает новый смысл и новое значение проблеме безопасности в современном обществе и переходу к устойчивому развитию Азербайджана. При системном рассмотрении вопроса о национальной безопасности любой страны в условиях глобализации следует учитывать наметившиеся транснациональные угрозы, которые обусловлены геополитическими факторами, противоречиями между основными участниками мировой политики, новыми проявлениями терроризма, фашизма, ксенофобии, сепаратизма, религиозного радикализма. Азербайджан, находящийся на пересечении Европы и Азии, не может остаться сторонним наблюдателем сложных мировых миграционных процессов, возрастанием распространения наркотических

средств, торговли людьми, другими формами международной организованной преступности. Национальная безопасность страны в существенной мере зависит также от состояния здравоохранения, качества медицинского обслуживания населения, от экологических факторов. Отрадным является тот факт, что в последние годы экология Каспийского моря, колебания его уровня, экология долин, гор, лесов, рек Азербайджана стали предметом повседневной заботы государства и широкой общественности, неизменно отражаются в средствах массовой информации [5].

В целом безопасность человека определяется совокупностью факторов, которые в той или иной степени связаны с природными, техногенными и социально-политическими условиями бытия. Более того, как ни покажется на первый взгляд странным, выявление предпосылок безопасности человека следует искать в разгадке природы самого человека.

Современная наука характеризует человека как биопсихосоциальное существо. Накопилось достаточное количество данных, свидетельствующих в пользу того, что развитие человеческого организма опосредствуется социальными условиями его существования. Вместе с тем формирование тех качеств человека, которые определяются как социально-психические, протекает вовсе не вне человеческого организма и не помимо биологического развития человека, а именно в ходе этого процесса.

Биологическая составляющая человека подчеркивает глубинную связь людей с природой. Целесообразное и осмысленное поведения живых организмов вновь и вновь приводят к мысли, что жизнь – это нечто большее, чем просто физико-химическое взаимодействие. Конечный результат, к которому стремится любое живое существо, – это самосохранение, причем речь идет о сохранении не столько индивидуума, сколько биологического вида. В этом отношении способность человека вопрошать о своем будущем дает надежду на оптимистический исход. Она обязывает нас заботиться о природной среде, о биосфере.

Вместе с тем биологические качества человека не совсем типичны. Так, человек – единственный вид на Земле, который убивает себе подобного. Ни один другой вид не уничтожает представителя собственного вида. Духовный мир человека основывается на его психике. Трансформации психических состояний человека зависят от ритмов физиологической, психологической, социальной жизни человека. Психические качества человека объясняют нам его поведение, природу доброжелательности и любви, но они же объясняют и природу ненависти и агрессии.

Утешением для нас является социальная грань в сущности человека, то обстоятельство, что социализация индивида целенаправленный, в принципе управляемый процесс. Социальное может подавлять и преимущественно подавляет в человеке звериные инстинкты и агрессивные качества. Чрезвычайно важно поэтому для будущего человечества формирование личности на основе гуманистических ценностей, которые в принципе пронизывают культуры всех народов, всех религий. Для безопасности человека необходимо гармоничное взаимодействие всех видов социальных структур, которые тесно связаны с деятельностью каждого индивида [6].

В этом плане высокая адаптация к жестким условиям выживания, присущая человеку, как бы усиливается его социокультурной составляющей, которая в свою очередь слагается из опыта разных культур. Диалог этих культур дает возможность выработать человечеству стратегию выживания и адаптации, передать этот опыт всем живущим, мобилизуя весь социокультурный, а также личностный потенциал каждого человека в отдельности.

Ключевое значение для будущего мира приобретает социализация индивида на основе диалога культур. Каким образом это осуществлять? Казалось бы, ответ очевиден: в духе гуманизма, в духе соблюдения прав человека на свободу. Возникающие здесь противоречия между антропоцентризмом и социоцентризмом, между отдельными людьми, на которые впервые обратил внимание Ф. Ницше, в принципе разрешаются путем нацеливания индивида на универсальные, смысловые константы культуры, такие как Истина, Красота, Добро. Другими словами, в отличие от Ф. Ницше мы должны считать, что гуманизм предполагает не только индивидуально значимое, но и родовое, общечеловеческое. В этом отношении нравственные ценности мировых религий при их взаимодействии могут служить основой воспитания человека будущего.

В последние годы стала очевидна еще одна доминанта в понимании гуманизма. Это необходимость вовлечения экологических ценностей в нравственную систему. Отношение к природе и отношение людей друг к другу образуют двуединую экогуманистическую систему ценностей. Это обстоятельство должно определить основное содержание образования в XXI столетии.

Человечество неотвратимо встает перед выбором своего дальнейшего пути развития. Стихийное неуправляемое развитие способно смести с лица Земли всяческое проявление жизни во всех ее простейших и высших формах. Чтобы человеческий род как уникальный вид сумел сохраниться, необходим переход к устойчивому развитию.

Концепцию устойчивого развития нельзя отрывать от концепции национальной и глобальной безопасности. Если традиционное развитие квалифицируется как неустойчивое, то его безопасность, в принципе, обеспечить нельзя и речь может идти об обеспечении безопасности именно на пути устойчивого развития. Вот почему любая стратегия безопасности должна исходить из принципов стратегии перехода на путь устойчивого развития. Безопасными можно считать то общество, которые реализуют модель устойчивого развития, а опасными – те, которые идут по пути неустойчивого развития [7]. В этом смысле безопасность становится одним из важнейших критериев социального развития, которое должно быть одновременно и устойчивым, и безопасным.

Пришло время, когда проблема стратегического развития мировой цивилизации должна стать неременным объектом обсуждения представителями всех стран мирового сообщества. Это будет являться важнейшим условием и фактором, стимулирующим их понимание существующих угроз и единения на решении глобальной проблемы, связанной с выживанием человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Егорычев А.М., Левашов В.К., Ростовская Т.К. Социально-политические глобальные и российские эволюции: диалектика и векторы развития // Вопросы управления. 2018. № 3(33). С.7–14.
2. Казначеев В.П., Кисельников А.А., Мингазов И.Ф. Ноосферная экология и экономика человека / Под общей ред. академика В.П. Казначеева. – Новосибирск, 2005. – 448 с.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
4. Алекперов У. Уроки Бакинского международного гуманитарного форума // Бакинский рабочий, 16 октября 2014.
5. Халилов Д.М. Устойчивое развитие-предпосылка национальной безопасности // Человеческий капитал. 2019. № 1.
6. Мамедов Н.М. Природа человека и гуманизм // Этнопсихологические исследования. Вып. 3. М.-СПб., 2013.
7. Урсул А.Д., Романович А.Л. Концепция устойчивого развития и проблема безопасности. 2001. Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000706/> [дата обращения: 06.12.2016].

REFERENCES AND SOURCES

1. Egorychev A.M., Levashov V.K., Rostovskaya T.K. Sotsial'no-politicheskie global'nye i rossiyskie evolyutsii: dialektika i vektory razvitiya // *Voprosy upravleniya*. 2018. No. 3(33). Pp.7–14. (In Russ.)
2. Kaznacheev V.P., Kisel'nikov A.A. Mingazov I.F. *Noosfernaya ekologiya i ekonomika cheloveka* / Ed. V.P. Kaznacheev. – Novosibirsk, 2005. – 448 pp. (In Russ.)
3. Hantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy*. M.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2003. – 603 pp. (In Russ.)
4. Alekperov U. Uroki Bakinskogo mezhdunarodnogo humanitarnogo foruma // *Bakinskiy rabochiy*, 16/10/2014. (In Russ.)
5. Halilov D.M. Ustoychivoe razvitie-predposylka natsional'noy bezopasnosti // *Chelovecheskiy kapital*. 2019. No. 1. (In Russ.)
6. Mamedov N.M. Priroda cheloveka i gumanizm // *Etnopsihologicheskie issledovaniya*. Issue 3. M.-SPb., 2013. (In Russ.)
7. Ursul A.D., Romanovich A.L. *Kontseptsiya ustoychivogo razvitiya i problema bezopasnosti*. 2001. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000706/> [accessed: 06.12.2016]. (In Russ.)

ДЕСТРУКТИВНОЕ ВНЕШНЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) по научной работе, заведующая кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью Российского государственного социального университета (Москва, Россия). E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Родин Никита Витальевич, студент Российского государственного социального университета (Москва, Россия). E-mail: svit64@icloud.com

Аннотация. В данной статье рассмотрены аспекты формирования в молодежной среде личности, способной на принципиально новые действия во благо развития общества и государства, а также факторы современной действительности, способные этому развитию противостоять.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, образование, воспитание, развитие, внешнее деструктивное воздействие, национальная безопасность.

DESTRUCTIVE EXTERNAL INFLUENCE IN THE YOUTH ENVIRONMENT AS A THREAT TO NATIONAL SECURITY

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, the Institute of Socio-Political Research under the Russian Academy of Science (ISPI RAS), Head Department for Social Pedagogy and Organization of Work with Youth, the Russian State Social University (Moscow, Russia). E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Nikita V. Rodin, Student, Russian State Social University (Moscow, Russia). E-mail: svit64@icloud.com

Abstract. The article discusses aspects of the formation in the youth environment of the individual, capable of fundamentally new actions for the benefit of the development of society and the state, as well as the factors of modern reality that are able to resist this development.

Keywords: youth, youth policy, education, upbringing, development, external destructive impact, national security.

В связи с существующими мировыми проблемами все больше возрастает необходимость в смене подходов к формированию нового поколения, ограждении молодёжи от внешнего деструктивного воздействия. Ведь если мы немного углубимся в современные процессы, протекающие в других государствах, то увидим, что истоки многих общественных волнений, революций и иных конфликтов лежат в недостаточном уровне работы, проводимой с молодёжью соответствующими государственными органами и, напротив – высоком уровне подобной работы, проводимой различными экстремистскими организациями и иными заинтересованными объединениями.

Имея знания в области психологии, педагогики, зная современные молодежные тенденции и проблемы, деструктивные организации осуществляют вербовку представителей молодежи в своих интересах, фактически противопоставляя их действующей власти. Особенно остро данное воздействие наблюдается в кризисные периоды жизни страны.

Для того чтобы противостоять этому, государству необходимо наладить устойчивый диалог с молодыми людьми, вникать в их проблемы, создавать новые стимулы и возможности для развития. Государство обязано работать стратегически, выстраивая борьбу с вызовами и рисками, а не угрозами. Роль научного сообщества в налаживании этого диалога сложно переоценить, тем самым основываясь на проведенных научных исследованиях, появляется возможность разработать стратегию противодействия деструктивному влиянию на молодежь, преодоления существующих проблем, поиска и создания направлений движения в соответствии с современными запросами молодых людей.

Многие известнейшие учёные-социологи, психологи, антропологи утверждают, что для подобного полноценного результата необходимо успеть выстроить диалог с молодёжью в самом разгаре процесса её социализации, грамотно замотивировать её на дальнейшее созидание.

Включаясь в социальные отношения, молодежь видоизменяет их и под воздействием преобразованных условий совершенствуется сама. Обратное воздействие условий и отношений на социальную деятельность и активность молодежи происходит опосредованно через ее сознание, в форме определенной структуры потребностей, интересов и ценностей.

Мотивационная сфера молодежного сознания, таким образом, является сложным системным образованием и рассматривается как продукт непосредственных условий ее жизнедеятельности в процессе становления молодого поколения как субъекта общественного производства и общественной жизни. Фундаментальные мотивационные установки личности формируются в процессе социализации молодежи. Но сама социализация не сводится к имитации социальных ролей, а предполагает «процесс активного воспроизводства системы социальных связей индивидом за счет его активной деятельности, активного включения в среду» [1]. Поэтому в социализации выделяются в качестве этапов познавательный и преобразовательный.

Молодой человек в процессе социализации не просто познает и усваивает социальные нормы и культурные ценности общества, а преобразовывает их в собственные ценности, интересы, потребности.

Если для познавательного этапа социализации доминирующим способом деятельности является имитация, то для преобразовательного – новаторство. Соответственно, результатом социализации может быть стереотипно-личностный (консервативный) или активно-личностный (продуктивный) этап сознания и поведения [1].

Подтверждение этому приводит П.К. Анохин в своей «Теории функциональных систем». В частности, говоря о формировании функциональных систем в раннем онтогенезе, он утверждает, что перед тем, как стать полноценной системой, ее отдельные компоненты развиваются самостоятельно, при этом

они находятся в максимально комфортных условиях, избегая любых угроз поддержанию гомеостаза. Но позже, на определенном этапе, данные компоненты объединяются в единую систему, имеющую индивидуальную структуру и обладающую совершенно иными возможностями [2].

Ровно так индивид, получая полную зависимость от матери в раннем возрасте, получает и максимальное развитие по разным направлениям, создаваемым окружающей средой. Ключевое действие на данном этапе – подражание родителям как наиболее адаптивная реакция к агрессивным условиям среды. Но достигнув определенного момента, эти направления объединяются в систему, переводящую ребёнка в новое качество. Качество, в котором он начинает говорить «я сам!». «Я сам!» – это эволюционная потребность организма в стрессе как реакции на изменчивость условий во внешней или внутренней среде, неспецифическом ответе организма на любое предъявленное ему требование [3]. Далее он начинает расширять границы своего познания, ориентируясь на общественный опыт на пути к новаторству. Иначе говоря, развитие молодежи в онтогенезе необходимо рассматривать как переход от стереотипно-личностного к активно-личностному типу сознания, возможном только при формировании соответствующей этапу развития стрессовой среды.

Еще одну систему поэтапного развития мозга человека приводит Н.А. Бернштейн в своем труде «О ловкости и ее развитии». Он выделяет этапы развития движений и соответствующие этапы развития мозга, проводя аналогии между человеком и животными. Исходя из положений его теории построения движений, человек как существо уже изначально предрасположен к творческой деятельности, к новаторству и постоянному прогрессу. Его мозг из поколения в поколение производил вынужденное усилие, чтобы достигнуть уровней осознанных действий и речи. Наследование этих признаков делает человека уникальным существом. Но при этом, для того чтобы достигнуть этих двух высших уровней, детеныш должен находиться в определенной среде, под воздействием факторов внешней среды. Иначе, в полноценного человека данное существо развиваться не сможет. Примером тому являются дети «маугли», которые, находясь до определенного возраста в животной стае, затем попав в человеческий мир, уже не могут стать его равноценными членами. Соответственно, на различных этапах развития ребенок должен получать различное воздействие и осуществлять различное взаимодействие со всем тем, что его окружает и самим собой. Задача взрослых – обеспечить полноценное развитие мозга на каждом этапе развития ребенка и тем самым, стратегически, вырастить человека, способного на очередной эволюционный скачок [4].

Что же касается развития молодежи в филогенезе как межпоколенном процессе, то здесь мы также сталкиваемся с соотношением преемственности и новаторства. Только направленность этого процесса определяется критериями развития общества. Если преемственность в социальном плане понимается как простое воспроизводство молодым поколением существующей системы социальных отношений, то его социальное новаторство проявляется в преобразовании этих отношений, в ходе которого и образуется новое социальное качество. В единстве этих двух сторон социального развития молодежи отражается диа-

лектика перехода от простого к расширенному общественному воспроизводству. Поэтому направленность изменений в мотивационной сфере сознания является важной характеристикой социального развития молодежи [1].

Можно говорить о том, что существуют этапы развития личности, в которых молодой человек старается активно копировать со взрослого определенные поведенческие стереотипы, жизненные ориентиры, образы будущего. Это создаёт мотивационную составляющую,двигающую молодежь в определённом направлении. А если в этот момент человек не видит достойного примера, то молодой мозг вбирает в себя любой пример, который будет ему интересен или выгоден. А когда настанет следующий этап развития и человек захочет действовать уже сам (а бывает, находится в иллюзии, что действует сам), то весь негативный опыт, все негативные эмоции, накопленные за время первого этапа, он направляет на «виновников всех его бед» в лице органов государственной власти. Если таких молодых людей сотни и тысячи и они мотивированы соответствующим образом и находятся в иллюзии, что они могут принимать государственные решения без какого-либо опыта, то эта мотивация и недовольства выливаются в массовые акции протеста, революции. И подобный исход мы видим во многих странах мира: Кыргызстан, Украина, Ливия и т.д. И в этой ситуации уже не так важно, кто стоит за организацией этих восстаний, а важнее вопрос: «Как это было допущено?»

На активно-личностном этапе развития сознания у молодого человека происходит переосмысление всех существующих социальных норм, традиций, своего места в обществе. И в этот момент очень сильное воздействие на него имеет уровень воспитания, который ему обеспечила социальная среда, в которой он находится. И тут ключевые роли играют кризис современной семьи, кризис современного образования.

Семейный кодекс Российской Федерации гласит, что российское законодательство «исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи». А семейные отношения должны регулироваться, гласит документ, на основе принципов добровольности, «приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии» [5].

На деле же картина немного иная. По данным Росстата, в 2016 году на 985 836 официально заключённых браков приходится 608 336 разводов [6]. Это практически 60%. Возраст вступления в брак повысился: у женщин – до 27,5 лет, а у мужчин – до 31,5 года. Статистика подтверждает, что огромное количество детей остаётся воспитываться в неполных семьях, а возросший возраст вступления в брак говорит о том, что внутри семьи в силу возраста снижается шанс родить более 1–2 детей без риска для здоровья матери и ребёнка.

Естественно, с таким процентом неполных семей снижается уровень воспитания молодого поколения. И если во времена СССР воспитательную функцию в большей части брала на себя школа, то в современной России

(до недавнего времени) образование, как в большинстве развитых стран мира, стало сферой услуг, а не воспитания будущего страны. Естественно, что с таким подходом мы теряем современную молодёжь, теряем довольно давно. Мы получаем поколения, которые внесут в общество непоправимые социальные отклонения под влиянием внешних сил.

Разумеется, социальные отклонения могут иметь для общества двоякое значение. Одни из них – позитивные – служат средством прогрессивного развития системы, повышения уровня ее организованности, устранения стандарты поведения. Это социальное творчество (научное, техническое, художественное и т.п.). Другие же – негативные – нарушают существование или развитие системы, дезорганизуют ее. Это так называемая социальная патология (преступность, пьянство, наркомания, проституция и т.п.). Правда, и «патология» нередко адаптивна, функциональна, в противном случае ее проявления элиминировались бы в процессе эволюционного отбора. Творчество – всегда нарушение норм, правил, стандартов, иначе оно не было бы творчеством [1].

Но основываясь на примерах других государств, добавляя к этому выгодное геостратегическое положение России, исторический опыт, можно сделать вывод, что большинство из внешних факторов направлены не на усиление Российской Федерации, а на дестабилизацию обстановки внутри неё путём внедрения именно деструктивных социальных норм. По своей сути сложившийся миропорядок принципиально мало чем отличается от того, с которым приходилось сталкиваться России на протяжении своей многовековой истории. Все та же настороженность в отношении нашей страны, то же стремление любой ценой уменьшить ее роль и влияние на протекание мировых процессов, стремление вытолкнуть Россию на периферию мирового развития и использовать лишь в качестве инструмента при разрешении споров между другими государствами, претендующими на статус великодержавности [7]. Ключевое воздействие по многим направлениям идёт именно на молодёжь, которой под видом инноваций и новых технологий преподносят разрушительные идеи. Подобное воздействие является истинной угрозой национальной безопасности. Процессы институционализации безопасности молодежи представляют собой сложную многомерную динамическую систему и зависят от акторов, действующих на различных уровнях институциональных процессов, а именно от управленческого статуса, масштаба располагаемых ресурсов, механизмов участия в социальных преобразованиях [8].

Институционализация понимается как общесоциальный процесс: когда для реализации общественной потребности устанавливаются особые нормы поведения, готовятся кадры, выделяются ресурсы [9]. Основой для формирования и реализации политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации является Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В данном документе подтверждаются вышеупомянутые суждения и обозначаются основные приоритеты государственной политики в соответствии с ними. В Стратегии говорится о том, что отношение молодёжи к своей стране и ее ис-

тории в последние годы улучшается, возрождаются традиционные ценности, но все это происходит на фоне новых комплексных угроз национальной безопасности. Некоторые страны используют «информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» [10]. Вследствие этого указывается необходимость повышения роли школы в воспитании молодежи как граждан, способных нести ответственность за своё государство, его историю «на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также в профилактике экстремизма и радикальной идеологии; повышение качества преподавания русского языка, литературы, отечественной истории, основ светской этики, традиционных религий» [10]. В число основных долгосрочных интересов Российской Федерации входят обеспечение стабильного демографического развития страны, сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей. А ведь это те же ориентиры, которые стоят перед молодежной политикой в России. В частности, в Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» так же включены вышеперечисленные интересы, как основные цели государственной молодежной политики в Российской Федерации. Как мы видим, существует комплексная нормативно-правовая поддержка работы с проблематикой внешнего деструктивного воздействия на молодежь.

В рамках проводимой в этом направлении работы с 2003 года осуществляется подготовка кадров в сфере молодежной политики. Министерством образования Российской Федерации (Приказ от 12.08.2003 № 3310) в экспериментальном порядке была введена специальность 040104 «Организация работы с молодёжью».

Квалифицированные специалисты в сфере молодежной политики призваны содействовать формированию системы ценностей молодежи, созданию условий для самообразования молодежи, формированию ценностей здорового образа жизни, созданию условий для физического развития молодежи, формированию экологической культуры, а также повышению уровня культуры безопасности жизнедеятельности молодежи, созданию условий для реализации потенциала молодежи в социально-экономической сфере, созданию благоприятных условий для молодых семей.

Без участия квалифицированных специалистов, профессионально занимающихся вопросами реализации государственной молодежной политики, невозможно сформировать у молодежи такие свойства личности, как патриотизм, соблюдение гражданских прав и свобод, ответственное поведение, целеустремленность, толерантность.

Подход к подготовке данных кадров должен стать инновационным, вбирающим в себя все передовые технологии, но при этом быть основанным на советской школе подготовки, которая выпускала в свет тысячи уникальных специалистов, впоследствии востребованных во всем мире. Необходим системный научный подход к формированию и существованию каждой сферы жизнедея-

тельности человека, особенно к образованию, воспитанию, молодежной политике как базису эволюционного развития на современном этапе.

Вектор данной работы уже обозначен. Примером тому являются «Изменения в Правилах разработки, утверждения федеральных государственных образовательных стандартов и внесения в них изменений» от 8 января 2018 года. Правительством обозначена необходимость в научной экспертизе образовательных стандартов, а также подчеркнута направленность на «приоритеты научно-технологического развития Российской Федерации и мероприятий плана реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [11]. Данный вектор должен стать поворотным в современной истории нашей страны. Только усиливая системное влияние науки на сферу образования, мы сможем осуществить «прорыв», о котором уже ни раз докладывал В.В. Путин, говоря о стратегическом развитии России. В противном случае недостаточное внимание к сфере образования и воспитания продолжит оставаться главной стратегической угрозой национальной безопасности, делая наше подрастающее поколение уязвимым для внешних и внутренних угроз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Лисовский В.Т. Социология молодежи: Учебник. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. – 460 с.
2. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. – М.: Медицина, 1975. – 448 с.
3. Селье Г. Стресс без дистресса. – М.: Прогресс, 1979. – 126 с.
4. Бернштейн Н.А. О ловкости и ее развитии. – М.: Физкультура и спорт, 1991. – 288 с.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 14.11.2017) [Электронный ресурс] «Консультант Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ [дата обращения: 28.12.2018].
6. Федеральная служба государственной статистики. Браки и разводы в Российской Федерации [Электронный ресурс] Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prez_love0707.pdf [дата обращения: 20.12.2018].
7. Квашнин А.В. Геостратегическое положение России и её интересы. – Вестник Академии военных наук № 4(05)/200 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://militaryarticle.ru/vestnik-akademii-voennykh-nauk/2003-vavn/10425-geo-strategicheskoe-polozhenie>. [дата обращения: 28.12.2018].
8. Ростовская Т.К. Институционализм как методология социальной науки. // Вопросы политологии и социологии. 2014. № 3 (8) сентябрь. С. 94–99.
9. Ростовская Т.К., Князькова Е.А. Формирование социальной безопасности молодежи в контексте развития человеческого капитала // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 21. С. 104–109.
10. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] «Консультант Плюс»

Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ [дата обращения: 28.12.2018].

11. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 января 2018 года № 2 «О внесении изменений в Правила разработки, утверждения федеральных государственных образовательных стандартов и внесения в них изменений» [Электронный ресурс] Официальный сайт Правительства Российской Федерации. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/3Zev0iCZx0i5f5kAxBtdfFAgzDFxYHrl.pdf> [дата обращения: 28.12.2018].

REFERENCES AND SOURCES

1. Lisovskiy V.T. *Sotsiologiya molodezhi*: Uchebnik. – SPb.: Izd-vo St. Peterburgskogo universiteta, 1996. – 460 pp. (In Russ.)
2. Anohin P.K. *Ocherki po fiziologii funktsional'nyh sistem*. – M.: Meditsina, 1975. – 448 pp. (In Russ.)
3. Sel'e G. *Stress bez distressa*. – M.: Progress, 1979. – 126 pp. (In Russ.)
4. Bernshteyn N.A. *O lovkosti i ee razviti*. – M.: Fizkul'tura i sport, 1991. – 288 pp. (In Russ.)
5. Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii 29/12/1995 № 223-FZ (Ed. 14/11/2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ [accessed: 28.12.2018]. (In Russ.)
6. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Braki i razvody v Rossiyskoy Federatsii. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prez_love0707.pdf [accessed: 20.12.2018]. (In Russ.)
7. Kvashnin A.V. Geostrategicheskoe polozhenie Rossii i ee interesy. – *Vestnik Akademii voennykh nauk*. No. 4(05)/200. URL: <http://militaryarticle.ru/vestnik-akademii-voennykh-nauk/2003-vavn/10425-geostrategicheskoe-polozhenie> . [accessed: 28.12.2018]. (In Russ.)
8. Rostovskaya T.K. Institutsionalizm kak metodologiya sotsial'noy nauki. // *Voprosy politologii i sotsiologii*. 2014. No. 3 (8). Pp. 94–99. (In Russ.)
9. Rostovskaya T.K., Knyaz'kova E.A. Formirovanie sotsial'noy bezopasnosti molodezhi v kontekste razvitiya chelovecheskogo kapitala // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Politologiya. Religiovedenie. 2017. Vol. 21. Pp.104–109. (In Russ.)
10. Ukaz Prezidenta RF 31/12/2015 N 683 «O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ [accessed: 28.12.2018]. (In Russ.)
11. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii 8/01/2018 N 2 «O vnesenii izmeneniy v Pravila razrabotki, utverzhdeniya federal'nykh gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov i vneseniya v nih izmeneniy». URL: <http://static.government.ru/media/files/3Zev0iCZx0i5f5kAxBtdfFAgzDFxYHrl.pdf> [accessed: 28.12.2018]. (In Russ.)

МИГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА

Юсупова Гурия Ислангараевна, главный научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук (РЦЭИ ДНЦ РАН), доктор философских наук (г. Махачкала, Республика Дагестан). Email: huria@list.ru

Аннотация. Проблема национальной безопасности является очень важной для России и для Дагестана, в частности. Миграция в Дагестан из приграничных стран осложнила этнополитическую ситуацию в республике. В статье исследуется конфликтный потенциал миграционных потоков в Республике Дагестан. Приводится связь конфликтогенного потенциала миграционных процессов и модели этнополитической безопасности региона.

Ключевые слова: этнополитическая обстановка, конфликтогенный потенциал, миграция, безопасность, Дагестан.

MIGRATION IN THE CONTEXT OF CHALLENGES AND THREATS FOR THE REGIONAL ETHNOPOLITICAL SECURITY

Guria I. Yusupova, Chief Researcher, Regional Center for Ethnopolitical Studies, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy (Makhachkala, the Republic of Dagestan). Email: huria@list.ru

Abstract. The problem of national security is very important for Russia and for Dagestan in particular. Migration to Dagestan from border countries complicated the ethnopolitical situation in the republic. The article explores the conflict potential of migration flows in the Republic of Dagestan. The relationship between the conflict potential of migration processes and the model of the ethnopolitical security of the region is given.

Keywords: ethnopolitical situation, conflict potential, migration, security, Dagestan.

Одним из проявлений глобализационных тенденций является рост численности и разнонаправленности современных миграционных процессов. Резкое увеличение миграционных потоков в мире связано с непрекращающимися локальными войнами, распадом государств, межэтническими конфликтами, территориальными спорами, социальными и экономическими последствиями геополитических трансформаций. В процесс международной миграции оказалась вовлеченной и Российская Федерация.

Распад СССР, став одним из мощнейших геополитических детонаторов роста миграций, повлек за собой переформатирование миграционных потоков, актуализировал на территории постсоветского пространства проблему беженцев и вынужденных переселенцев в масштабах, сравнимых лишь с периодом Великой Отечественной войны, а также выдвинул задачу переформатирования и защиты национальных интересов и стратегических целей на новой геополитической карте мира [11, с. 3].

На протяжении последних лет Россия устойчиво входит в десятку стран мира с наибольшим сальдо миграционного притока. В 2000–2010 годах Россия занимала 4-е место с показателем 389 тыс. человек ежегодно. В 2010–2015 годах Россия занимала 7-е место с показателем 204 тыс. человек ежегодно. В 2017 году в РФ въехало 17,2 миллиона иностранных граждан, выехало 15,2 миллиона иностранных граждан. В 2017 году на миграционный учет встали 9,1 миллиона иностранных граждан.

По состоянию на 23 апреля 2018 года в РФ находились 9,3 миллиона иностранных граждан и лиц без гражданства. На 1 марта 2018 года в РФ временно проживало более 550 тысяч иностранных граждан по разрешениям на временное проживание, более 570 тысяч иностранных граждан – постоянно проживающих по видам на жительство [6].

Необходимо современные миграционные процессы рассматривать не просто в рамках конкретных территорий и дат, а в свете общих тенденций миграционных процессов, более того, в свете политических процессов, протекающих сейчас на Кавказе. Это позволит более объективно оценить причины миграций народов и разработать при необходимости конкретные меры.

О.В. Жигулина на основе неоинституционального, социокультурного подходов и теории традиции делит концептуальную проблему региональной безопасности на два параметра, выделяя реальные и потенциальные угрозы в данной сфере [4, с. 34].

Рост миграций таит в себе как реальную, так и потенциальную угрозу этнополитической безопасности. Проблема беженцев и вынужденных переселенцев стала одним из источников повышенной этнополитической напряженности на Северном Кавказе в последние три десятилетия в результате распада Советского Союза, принятия в 1991 г. закона о реабилитации репрессированных народов, чеченского кризиса, осетино-ингушского конфликта, роста этнического сепаратизма, религиозно-политического экстремизма и терроризма на Юге России.

Говоря о миграции на Северном Кавказе, нужно иметь в виду прежде всего вынужденную миграцию, связанную с изменением места жительства людей по независящим от них причинам. Главными факторами вынужденной миграции в регионе являлись:

- межнациональные конфликты;
- принятие законодательных актов, дискриминирующих по языковому и национальному признакам;
- резкое снижение уровня жизни;
- усиление этнокультурной дистанции;
- традиционный для Северного Кавказа избыток трудовых ресурсов, что провоцирует высокое напряжение на рынке труда.

Сравнительно недавно стала предметом научных исследований проблема влияния миграций на этническую идентичность. М.Ю. Барбашин предложил понятие этноинститута, под которым подразумевается комплекс норм и мотиваций, воспроизводимый в рамках этнической группы и определяющий формы этнического поведения в рамках индивидуальной стратегии максими-

зации полезности социального действия и коллективной стратегии решения социальных задач. Этноинституты становятся объектами интенсивного воздействия современных миграционных потоков, так как они воспроизводят модели этносоциального поведения как мигрантов, так и представителей коренной этнической группы.

В этом противоречии этноинститутов видят исследователи конфликтно-генный потенциал миграций. Они выделяют этническое, языковое и даже цивилизационное измерение миграционных процессов. По их мнению, миграции усиливают конкуренцию этноинститутов во всех сферах и на различных уровнях, обостряя еще больше конфликт современных модернизационных вызовов и традиционного общества.

Конфликтный потенциал миграционных потоков исследуется на основе выявления терпимости и антагонизмов между представителями регионального или локального сообщества к этноинститутам прибывающего населения.

Особенность этничности как социального явления заключается в том, что все вышеозначенные факторы конфликтности могут комбинироваться и переходить одна в другую. Например, представителем этнического меньшинства та или иная особенность доминирующей культуры может восприниматься как культурная агрессия. И, наоборот. То или иное поведение, которое представитель этнического меньшинства трактует как преимущественно культурное самовыражение (например, «лезгинка»), может принимающим населением восприниматься как акт культурной агрессии, как попытка с помощью культурных маркеров обозначить свое культурное пространство, позицию, доминирование [1, с. 131–132].

Свобода передвижения и выбор места жительства рассматриваются в международном праве как одно из фундаментальных прав человека. Статья 13 Всеобщей декларации прав человека гласит: «Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства» и «Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою собственную».

Трудно регулировать миграционные процессы, однако современная миграционная политика должна учитывать всю совокупность вопросов, которые могут возникнуть в связи с миграцией, так как потеря контроля над миграционными процессами грозит серьезными последствиями. Укреплению региональной и национальной безопасности будет способствовать управление миграционными процессами, их прогнозирование, создание условий для социальной адаптации мигрантов, формирование этноконфессиональной толерантности.

В 2000 году Правительство РФ обсудило концепцию миграционной политики и программу действий по ее реализации на ближайшие годы. Большое внимание в ней уделено репатриации в Россию соотечественников, проживающих в странах ближнего зарубежья, которая способна ослабить негативные демографические последствия. Миграции являются частью процесса этнического самоопределения и имеют как региональный, так и глобальный характер. Являясь одним из факторов мобилизации межэтнических противоречий, миграции непосредственно влияют на этнополитическую стабильность

и безопасность полиэтнического региона. В современной России определяющими являются внешняя и внутренняя миграция.

За последние 30 лет произошел массовый отток населения Южного Кавказа на территорию РФ. Миграции привели к росту конфликтности на территории региона [9, с. 352–357].

От степени внимания государства к вопросам миграционной политики и эффективности снижения межэтнической конфликтности зависит укрепление этнополитической безопасности региона [10, с. 44–45].

От конфликтного потенциала миграционных процессов зависит и модель этнополитической безопасности региона. По мнению С.В. Новоселова, региональную безопасность можно рассматривать как совокупность отношений в системе определенной региональной безопасности, поддерживаемой деятельностью конкретных субъектов безопасности. Они образуют своеобразную региональную модель безопасности [7, с. 103–111].

На территории субъектов Северо-Кавказского федерального округа преимущественно развита внутрироссийская миграция. В основном их жители вынуждены покидать свои территории в поисках работы. Межнациональная напряженность возникает в случаях изменения этнического состава населенных пунктов, куда переселяются мигранты. Причины конфликтов могут носить экономический, социальный, культурный, эмоциональный характер.

В то же время наблюдается активная тенденция роста притоков мигрантов из зарубежных государств. К примеру, по данным Государственного комитета по статистике Республики Дагестан, в 2014 году за пределы Дагестана и РФ за нарушение миграционного законодательства выслано 1548 иностранцев, подверглись депортации 5 иностранных граждан. В течение первой половины 2015 года миграционной службой республики выдворены 859 иностранных граждан, депортировано 8. Часто незаконные мигранты используют для проживания и осуществления трудовой деятельности объекты, не предназначенные для жилья.

За первую половину 2015 года было проверено 1749 таких объектов, по их результатам выявлено 66 преступлений, по которым решением суда возбуждены уголовные дела. На иностранцев было возложено административных штрафов на общую сумму 14,204 млн рублей. В 2015 году сократилось количество мигрантов, въехавших на территорию России через дагестанский участок государственной границы мигрантов. Так, их общее число составило в 2015 году 288,5 тысяч, что на 5,1% меньше аналогичного периода 2014 года. На миграционный учет в Дагестане в 2015 году поставлено около 24 тысяч человек. Значительно увеличилось в 2014 году число легально трудоустроившихся. Так, патенты оформили 8713 мигрантов против 3435 в 2013 году [8].

В 2016 году через дагестанский участок государственной границы въехало 688 677 иностранных граждан и лиц без гражданства, выехало 584 622 человека, из которых поставлено на миграционный учет по месту пребывания в Республике Дагестан 47 664 человека.

По данным Управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Республики Дагестан, через пункты пропуска на дагестанском уча-

стке государственной границы на территорию России за 11 месяцев 2017 года въехало около 500 000 иностранных граждан и лиц без гражданства, из которых на миграционный учет в республике поставлено 56 126 человек, снято с учета 36 036 человек [2].

Правительством Республики Дагестан 27 декабря 2017 года принято постановление № 298 «О реализации Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года в РД в сфере осуществления органами исполнительной власти РД миграционной политики».

Важное внимание уделено проблемам совершенствования миграционной политики в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». В ней поставлена задача осуществления эффективной социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов.

«Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» утверждена Президентом РФ 13 июня 2012 года. В ней определены цели государственной миграционной политики: обеспечение национальной безопасности РФ, защищенность, комфортность и благополучие населения РФ; стабилизация и увеличение численности населения РФ; содействие обеспечению потребности экономики РФ в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей [5].

Концепцией предусматривается создание инфраструктуры для адаптации и интеграции трудовых мигрантов, включая центры информационной и правовой поддержки, курсы изучения языка, истории и культуры Российской Федерации.

Сегодня идентичность по национальному признаку и по месту жительства сохраняют 90% населения Российской Федерации. Уровни идентичности различаются от локальной, этнической до общероссийской. В целом более половины населения одновременно ощущает сильную связь и со своим народом (в этнокультурном значении), и с российским сообществом. То же самое касается и локальной идентичности, которая проявляет себя столь же распространенной и сильной [3, с. 16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Барков Ф.А., Сериков А.В. Этноинституциональные факторы межнациональных отношений в контексте миграционных процессов в Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2014. № 3.
2. Гамалей Т. Мигранты – не чужие нам люди // Дагестанская правда. № 18–19. 30.01.2018.
3. Горшков М.К. Роль государства в сохранении и развитии национальной и гражданской идентичности и укреплении доверия в контексте глобальных процессов // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3.
4. Жигулина О.В. Международная миграция в контексте национальной безопасности России // Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов (междисциплинарные аспекты): Материалы

Международной научной конференции 4–5 ноября 2015 года. Ереван: Изд-во РАУ, 2015. 342 с.

5. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Информационно-правовой портал «Гарант.Ру». Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> [дата обращения: 14.06.2012].

6. Миграционная ситуация в Российской Федерации за 2017 год. Интернет-портал СНГ. Режим доступа: <http://www.e-cis.info/page.php?id=26158> [дата обращения: 20.03.2018].

7. Новоселов С.В. Особенности современной системы региональной безопасности в Каспийском регионе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 4.

8. С начала 2015 года из Дагестана выдворили 859 иностранцев. Сайт информационного агентства Regnum. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/1943486.html> [дата обращения: 21.11.2015].

9. Смольев В.В. Этнополитическая безопасность Юга России в свете влияния межэтнических и экономических проблем и миграционных процессов Закавказья // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 4.

10. Усманов Р.Х., Кинжуваев Р.З., Мухаррямов Р.Р. Этнополитическая безопасность Юга России в аспекте влияния молодежных радикальных объединений на миграционные процессы и конфликтогенность // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 4.

11. Цыганков А.П. Что для нас Евразия? Пять стратегий российского освоения пространства после распада СССР // Вопросы философии. 2003. № 10.

REFERENCES AND SOURCES

1. Barkov F.A., Serikov A.V. Etnoinstitutsional'nye faktory mezhnatsional'nyh otnosheniy v kontekste migratsionnyh protsessov v Rostovskoy oblasti // *Gumanitariy Yuga Rossii*. 2014. No. 3. (In Russ.)

2. Gamaley T. Migranty – ne chuzhie nam lyudi // *Dagestanskaya Pravda*. No.18–19. 30/01/2018. (In Russ.)

3. Gorshkov M.K. Rol' gosudarstva v sohranении i razvitii natsional'noy i grazhdanskoй identichnosti i ukreplenii doveriya v kontekste global'nyh protsessov // *Gumanitariy Yuga Rossii*. 2013. No. 3. (In Russ.)

4. Zhigulina O.V. Mezhdunarodnaya migratsiya v kontekste natsional'noy bezopasnosti Rossii // *Problemy natsional'noy bezopasnosti v usloviyah globalizatsii i integratsionnyh protsessov (mezhdistiplinarnye aspekty): Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 4-5/11/2015*. Erevan: Izd-vo RAU, 2015. 342 pp. (In Russ.)

5. Kontseptsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda. Informatsionno-pravovoy portal «Garant.Ru». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> [Accessed: 14.06.2012]. (In Russ.)

6. Migratsionnaya situatsiya v Rossiyskoy Federatsii za 2017 god. Internet-portal SNG. URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=26158> [Accessed: 20.03.2018]. (In Russ.)

7. Novoselov S.V. Osobennosti sovremennoy sistemy regional'noy bezopasnosti v Kaspiyskom regione // *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2016. No 4. (In Russ.)

8. S nachala 2015 goda iz Dagestana vydvorili 859 inostrantsev. Sayt informatsionnogo agentstva Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/society/1943486.html> [Accessed: 21.11.2015]. (In Russ.)
9. Smol'ev V.V. Etnopoliticheskaya bezopasnost' Yuga Rossii v svete vliyaniya mezhetnicheskikh i ekonomicheskikh problem i migratsionnykh protsessov Zakavkaz'ya // *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2013. No. 4. (In Russ.)
10. Usmanov R.H., Kinzhuvaev R.Z., Muharryamov R.R. Etnopoliticheskaya bezopasnost' Yuga Rossii v aspekte vliyaniya molodezhnykh radikal'nykh ob"edineniy na migratsionnye protsessy i konfliktogennost' // *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2013. No. 4. (In Russ.)
11. Tsygankov A.P. Chto dlya nas Evraziya? Pyat' strategiy rossiyskogo osvoeniya prostranstva posle raspada SSSR // *Voprosy filosofii*. 2003. № 10. (In Russ.)

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (на примере Кабардино-Балкарской Республики)

Берова Фаризат Жамаловна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела «Математические методы исследования сложных систем и процессов» Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (г. Нальчик, Россия). E-mail: berova@list.ru

Яхутлов Кантемир Леонидович, младший научный сотрудник отдела «Математические методы исследования сложных систем и процессов» Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (г. Нальчик, Россия). E-mail: Kantemirkbr@gmail.com

Аннотация. Целью данной статьи является исследование региональных особенностей миграционных процессов, разработка методов его оптимизации, научное обоснование путей совершенствования миграционной политики. Выявлено влияние миграционных процессов на возрастной и качественный состав населения, которые проявляются не имманентно, а с течением времени и зачастую усиливаются. Данные исследования указывают на необходимость перенесения акцента с количественных на качественные характеристики мигрантов. В этом контексте при разработке основных направлений государственного регулирования миграционных процессов необходимо перенести акцент на качественные параметры населения. Отмечено, что в результате второго демографического провала, который ожидается в 2016–2030 гг., последствия которого будут гораздо более тяжелыми, чем последствия демографического кризиса 1990-х гг., особую актуальность приобретает исполнение Указа Президента РФ от 28 июня 2006 г. по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом. В этом плане особую значимость приобретает возвращение на добровольной основе на исконную Родину черкесской диаспоры. Таким образом, значительные преференции должны быть представлены соотечественникам. Предложены приоритетные направления в области миграционной политики на федеральном и региональном уровне. Основные положения статьи могут быть использованы при разработке концепции миграционной политики на федеральном и региональном уровне и социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: миграционные процессы, возрастная структура мигрантов, интеллектуальная миграция, население, стабильность, миграционная политика, региональная безопасность.

MIGRATION PROCESSES IN THE NORTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF REGIONAL SECURITY (a case study OF THE KABARDINO-BALKAR REPUBLIC)

Farizat Z. Berova, Doctor of Economics, Leading Researcher, Department of Mathematical Methods for the Study of Complex Systems and Processes, Institute of Informatics and Problems of Regional Management, Kabardino-Balkarian Scientific Center under the Russian Academy of Sciences (Nalchik, Russia). E-mail: berova@list.ru

Kantemir L. Yakhutlov, Junior Researcher, Department of Mathematical Methods for the Study of Complex Systems and Processes, Institute of Informatics and Problems of Regional Management, Kabardino-Balkarian Scientific Center under the Russian Academy of Sciences (Nalchik, Russia). E-mail: Kantemirkbr@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the problems of migration processes safety. This process can be qualified and studied as one of the most multifaceted and multilateral social phenomena. The purpose of this article is to study the regional characteristics of migration processes, the development of methods for its optimization, scientific justification of ways to improve migration policy. The influence of migration processes on the age and quality of the population is pointed out, which are manifested not immanently, but over time and often increase. These studies point to the need to shift the focus from quantitative to qualitative characteristics of migrants. In this context, when developing the main directions of state regulation of migration processes, it is necessary to shift the emphasis on the qualitative parameters of the population. The consequence of the second demographic collapse, which is expected in 2016 -2030, will be much more severe than the consequence of the demographic crisis of the 1990-ies. In this regard the execution of the decree of the President of the Russian Federation of June 28, 2006 of particular relevance to assist the voluntary resettlement in Russia of compatriots living abroad. In this context, the return on a voluntary basis to the native Homeland of the Circassian Diaspora is of particular importance. Thus, significant benefits should be given to the compatriots. The priority directions in the field of migration policy at the Federal and regional level are proposed. The main principles of the article can be applied when developing the migration policy concept at the national and regional levels and socio-economic development of the region.

Key words: migration processes, age structure of migrants, intellectual migration, population, stability, migration policy, regional security.

В последние десятилетия миграция стала одной из основных сил, меняющих карту мира [12]. Согласно Глобальной комиссии по международной миграции ООН, Россия занимает второе место после США по количеству мигрантов – 13,3 млн человек в год [6]. Миграционные процессы в России и в регионах носят довольно противоречивый характер, существенное влияние они оказывают на половозрастной состав населения. За последние десятилетия резко изменились тренды миграционных процессов, произошли трансформации миграционных потоков, изменения состава мигрантов, увеличились трудовые, коммерческие и учебные миграции. Если в 90-х годах масштабы миграционных процессов определялись в основном политическими факторами, то после распада СССР в Россию хлынул поток мигрантов из новых независимых государств СНГ и Балтии [8, 15]. В конце 90-х годов около 3/4 мигрантов, покинувших эти страны, направились в Россию [19].

В начале XXI века основным фактором, повлиявшим на внешнюю миграцию, стала социально-экономическая среда. Высокая дифференциация в социально-экономическом развитии регионов и уровне жизни населения способствовали радикальным сдвигам в межрегиональных миграционных процессах.

Серьезным фактором социально-экономического развития территории является внешняя миграция. Она не только изменяет территориальное распре-

деление, но и количественные и качественные характеристики населения, а следовательно, определенным образом влияет на экономику рассматриваемой территории. В этом отношении неконтролируемые миграционные потоки, действительно, представляют реальную опасность для государства. К таким последствиям относятся угроза терроризма и политического экстремизма, потеря национальной идентичности, увеличение безработицы среди коренного населения зачастую сопровождается ростом межэтнической конфликтности и др.

Субъекты Северного Кавказа являются одними из самых полиэтнических и поликонфессиональных регионов мира и заслуживают проведение глубоких исследований миграционных процессов и разработки взвешенной миграционной политики. Неконтролируемый миграционный поток переселенцев из стран Закавказья и дальнего зарубежья может привести к росту межнациональной напряженности, нарушению этнического равновесия. С другой стороны, наблюдается и значительный отток русскоязычного населения, особенно в национальных республиках Северного Кавказа, в результате которого происходит нарушение демографического и этнического равновесия, а также к возникновению условий угроз национальной и региональной безопасности. Разрыв в уровне жизни и в экономическом развитии регионов явился первопричиной межрегиональной миграции, особенно это отразилось в республиках Северного Кавказа, где сохраняются самые низкие показатели социально-экономического развития.

Ранее нами была проведена классификация миграционных процессов и социально-экономического развития субъектов РФ по 10 параметрам: инвестиции в основной капитал на душу населения; среднедушевые денежные доходы населения; численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума; потребительские расходы в среднем на душу населения; валовой региональный продукт на душу населения; численность населения; коэффициенты миграционного прироста; уровень безработицы; продолжительность поиска работы; плотность населения и построена кластер-дендрограмма. Хотя по результатам классификации субъектов РФ по коэффициентам миграционного прироста образовались 10 кластеров, фактически все субъекты России можно разбить на два больших кластера: I – принимающие (субъекты первого кластера) и II – отдающие (со 2-го по 10-й кластер) [3]. Здесь следует отметить, что результаты корреляционно-регрессионного анализа зависимости миграционных процессов и социально-экономического развития субъектов РФ показали отрицательную связь между коэффициентами миграционного прироста и размерами инвестиций в основной капитал на душу населения и среднедушевыми денежными доходами населения ($r = -0,47$ и $-0,50$). И напротив, прямую зависимость между коэффициентами миграционного прироста и численностью населения ($r = 0,68$).

Таким образом, было выявлено, что миграционные потоки направлены большей частью в регионы с наибольшей численностью населения и наиболее низким уровнем социально-экономического развития. *Последнее является дополнительным подтверждением стихийного характера миграционных процессов, неполноты информации о социально-экономическом развитии субъектов РФ. Решение выявленной в нескольких кластерах общей проблемы*

может стать мощным инструментом для эффективных практических решений в миграционной политике [1].

По результатам кластерного анализа предложено районирование субъектов Федерации по интенсивности возможных миграционных потоков, в основу которого положены показатели порога плотности населения, насыщенности рынка труда, а также уровень социально-экономического развития. Выделены четыре типа районов: районы с наибольшей максимальной возможностью интенсивности; районы со средней интенсивностью; районы со слабой интенсивностью; районы с ограничением миграционных потоков. Основными критериями осуществления такого районирования должны быть порог плотности населения и насыщенности рынка труда, уровень социально-экономического развития. *Проведение взвешенной миграционной политики, направленной на позитивное территориальное перемещение населения в соответствии с ёмкостью рынка труда и стратегии социально-экономического развития каждого региона, будет способствовать решению многих социальных проблем, в частности решению проблем заселения опустевших сел и деревень, освоению северных и восточных регионов России, восстановлению и развитию инфраструктуры этих регионов. Этому должны способствовать и политика размещения государственных и стимулирования частных инвестиций, и программы развития дорожного и жилищного строительства [2].*

По результатам кластерного анализа все республики Северного Кавказа относятся к IV кластеру с ограничением миграционных потоков. Анализ миграционных процессов в республике также показывает необходимость не только ограничения количества прибывающих, но и регулирования качественного состава мигрантов. Как видно из таблицы 1, за весь анализируемый период численность выбывающих превышает численность прибывающих мигрантов. Несмотря на данное превышение, численность прибывающих лиц увеличивается более высокими темпами, чем численность выбывающих – в 3,1 и 2,5 раза соответственно за 2008–2016 годы. Среди выбывших лиц трудоспособное население (до 40 лет) составляет 3110 человек, или 49%, а среди прибывшего населения – 1149 человек, или 51,3%. Следует отметить, что численность выбывающих в возрасте до 40 лет существенно превышает численность прибывающих, и колеблется от 2,1 до 2,7 раза. Анализ возрастной структуры мигрантов свидетельствует об ускорении старения населения.

Отток населения увеличивается с 2012 года, особенно молодёжи. Происходит в основном по причине внешней трудовой и академической миграции¹.

¹ Для определения причин оттока молодежи из республики Министерством образования и науки Кабардино-Балкарии и социологическим институтом КБГУ в 1 полугодии 2012 года проводился социологический опрос среди молодежи от 18 до 29 лет, проживающих как в сельской местности, так и в городах. Согласно опросу положительно оценивают жизнь в республике 32% молодежи, отрицательно – 52%. Однако с оптимизмом и надеждой смотрят в будущее более 60%, с тревогой и неуверенностью – 10%, при этом тревога и неуверенность в старших возрастных группах увеличивается до 20%, а оптимизм снижается до 35%.

Таблица 1

Сведения о внешней миграции населения КБР за 2008–2016 гг.

Годы	Прибыло	Выбыло	Сальдо миграции	Соотношение численности выбывших лиц к прибывшим, раз
2008	2592	4250	-1658	1,6
2009	2475	4074	-1559	1,6
2010	2299	5717	-3418	2,5
2011	3952	9500	-5548	2,4
2012	5786	11 980	-6194	2,07
2013	6578	12 780	-6202	1,94
2014	7789	11 303	-3514	1,45
2015	7645	11 141	-3496	1,46
2016	8043	10 535	-2492	1,31

Таблица 2

Сальдо миграции КБР по возрастному признаку (человек)

	2002	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Всего	-2033	-2881	-3418	-5548	-6194	-6202	-3514	-3496	-2712
в том числе 0–5	-82	-147	-123	-147	-249	-210	-225	-244	-226
6–13	-112	-175	-166	-201	-326	-279	-212	-183	-213
14	-18	-11	-32	-24	-42	-39	-16	-47	-24
15	-54	-29	-38	-18	-53	-67	-24	-54	-34
16	-53	-59	-58	-84	-56	-70	-93	-85	-50
17	-130	-111	-186	-241	-258	-203	-116	-229	-119
18–19	-139	-141	-291	-484	-443	-459	-215	-273	-217
20–24	-347	-532	-666	-1299	-1180	-913	-459	-203	-210
25–29	-274	-450	-558	-973	-977	-940	-550	-555	-428
30–39	-283	-497	-644	-938	-1128	-1397	-715	-719	-521
40–49	-298	-372	-304	-476	-550	-758	-318	-296	-243
50–54	-37	-90	-99	-214	-234	-240	-167	-114	-88
55–59	-16	-44	-51	-136	-187	-157	-81	-120	-72
60–64	-57	-57	-61	-98	-168	-154	-102	-129	-74
65 и старше	-133	-166	-146	-215	-343	-316	-221	-245	-193

Анализ данных, представленных Управлением Федеральной службы госстатистики по КБР, показывает, что именно наиболее дееспособное трудоспособное население в большей степени убывает. Это люди в возрасте от 20 до 49 лет. Их доля колеблется от 60 до 65,6% от общей численности выбывающих. При этом их отрицательное сальдо имеет тенденцию к увеличению. В структуре выбывающих сохраняется довольно высокий удельный вес молодежи (16–29 лет) – 46–51%. Основными причинами миграционного оттока молодежи остаются нестабильная общественно-политическая ситуация,

низкий уровень жизни, неразвитость рынка труда, высокий уровень безработицы и клановость в структурах. В Концепции государственной миграционной политики лишь в обтекаемой либеральной форме миграционная политика увязывается с ёмкостью рынка труда и социально-экономическим развитием субъектов РФ [10, 15]. Осуществление такой либеральной миграционной политики может вызвать глубокий кризис в сфере занятости, особенно в трудоизбыточных регионах СКФО, в частности, в Кабардино-Балкарской Республике. В этом плане необходима более тесная увязка концепции миграционной политики с ситуацией на рынке труда.

Анализ выбывающего населения по уровню образования свидетельствует о довольно высоком его удельном весе. В среднем по России в 2002–2007 гг. на интеллектуальную миграцию приходилось 19% [7], по республике эта цифра колеблется от 18,3 до 61,3%. Одной из причин высокой доли интеллектуальной миграции является отток молодёжи. К настоящему времени удельный вес интеллектуальной миграции населения составляет 46,3% (табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес интеллектуальной миграции

Годы	2002	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Всего выбыло	4991	5251	5717	9500	11 980	12 780	11 303	11 141	10 535
В т.ч. с высшим и средним профессиональным (среднее специальное) образованием	915	1380	2830	5082	7343	6386	5682	4950	4875
Удельный вес интеллектуальной миграции	18,3	26,3	49,5	53,5	61,3	49,97	50,3	44,4	46,3

Таким образом, происходит дисбаланс в возрастной структуре прибывающего и выбывающего населения, который способствует ускорению старения населения. В результате оттока населения, особенно молодёжи, происходит изменение этнической структуры населения, данный процесс будет проявляться интенсивнее с течением времени [14].

Рост трудовой мобильности населения имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Кратковременные экономические выгоды, такие как смягчение безработицы, снижение напряжённости на рынке труда и другие, в долгосрочной перспективе обернутся для республики этническими издержками. Одной из отрицательных последствий является отток квалифицированного населения. Сложившиеся тенденции миграционных процессов в республике свидетельствуют о необходимости регулирования качественных характеристик миграции. Этому будет способствовать разработка мер по обеспечению реализации экономического потенциала молодёжи и созданию условий для возвращения высококвалифицированной части молодёжи.

Выводы и предложения. Таким образом, анализ миграционных процессов свидетельствует о дисбалансе между выбывающими и прибывающими гражданами как по возрастному признаку, так и в образовательном плане. Во-первых, в результате высокой доли молодёжи (16–29 лет) и производительного населения (20–49 лет) среди выбывающих лиц (более 40 и 60% соответственно) происходят деформации в возрастной структуре населения. Во-вторых, в результате оттока образованной и дееспособной части населения и притока малоквалифицированной и неквалифицированной рабочей силы возникает опасность накопления малообразованной части молодёжи и невостребованной рабочей силы.

Диспропорции, сложившиеся между потребностями рынка труда и структурой специальностей, по которым ведётся подготовка в системе профессионального образования, создают серьёзные преграды для реализации образовательного потенциала молодёжи, ведут к росту её безработицы [15, 20]. В этом плане необходимо обеспечить согласование программ образовательных учреждений высшего и среднего и профессионального образования, объёмов и профилей подготовки специалистов с реальными потребностями рынка труда. Принять меры по восстановлению средних специальных учебных заведений и обеспечению подготовки кадров рабочих профессий.

Особо следует отметить отсутствие взаимосвязи между миграционной политикой и концепцией социально-экономического развития как на региональном, так и на федеральном уровне.

Во исполнение Указа Президента РФ целесообразно включить в Государственную программу Кабардино-Балкарскую Республику, разработать предложения о необходимости и целесообразности возвращения на добровольной основе на исконную Родину черкесской диаспоры, проживающей за рубежом.

Возвращение черкесской диаспоры будет способствовать не только предотвращению депопуляции в республике и увеличению её численности, но и вливанию дополнительных инвестиций в экономику республики, взаимообогащению культуры, укреплению экономических и политических связей между странами.

Таким образом, приоритеты должны быть отданы соотечественникам.

Предложения по совершенствованию механизма реализации миграционной политики. На федеральном уровне необходимо, во-первых, определиться с приоритетами и целями миграционной политики, во-вторых, необходимо дифференцировать федеральную и региональную миграционную политику. Основная проблема миграционного законодательства РФ – это его неэффективность и слабость официальных структур, грозящее брешью в обеспечении национальной безопасности страны, а также негативными последствиями миграционных процессов.

Рынок труда в КБР является значимым социально-экономическим фактором, влияющим на миграционную обстановку в республике, так как республика является трудоизбыточным субъектом РФ. Федеральные законы не в полной мере учитывают региональные особенности, в частности, реальные потребности рынка труда в регионах. Это создаёт опасность накопления в некоторых

субъектах невостребованной рабочей силы. Требуется правовое решение вопросов распределения компетенции между федеральными органами власти и органами власти субъектов Российской Федерации в области регулирования миграции. Необходимо формирование региональной правовой базы регулирования миграционных процессов. Необходим отбор мигрантов в соответствии с потребностями в рабочей силе по регионам, сохранение баланса на рынке труда в возрастном, профессиональном и квалификационном разрезе и их трудовой и социальной адаптации.

При совершенствовании механизма реализации миграционной политики в республике необходимо решить следующие задачи:

- создание новых крупных производств, обеспечивающих возможно большее количество рабочих мест и достойную заработную плату;
- обеспечение устойчивого социально-экономического и демографического развития республики;
- защита национальных интересов и обеспечение безопасности;
- государственная поддержка и социальные гарантии для образованной и квалифицированной молодёжи в вопросах трудоустройства и жилищного обустройства.

Приоритетными направлениями в области миграционной политики являются:

- разработка и реализация мер по привлечению в Российскую Федерацию иммигрантов, прежде всего квалифицированных специалистов;
- создание эффективного механизма привлечения квалифицированных иностранных работников в секторе легальной занятости;
- содействие добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом;
- содействие формированию гармоничной системы расселения на основе обеспечения миграционной привлекательности регионов страны в зависимости от демографической ситуации, потребности в рабочей силе, прогноза социально-экономического развития, а также создание благоприятных условий для жизнедеятельности местного населения;
- взаимоувязка государственной миграционной политики с тенденциями социально-экономического и демографического развития регионов Российской Федерации;
- открытость и доступность информации о миграционных процессах, действиях и решениях органов государственной власти и органов местного самоуправления;
- научная обоснованность и научное сопровождение мероприятий государственной миграционной политики Российской Федерации.

Таким образом, миграционные процессы носят двойственный характер, с одной стороны, они выступают как результат вступления отдельных сообществ и национальных экономик в глобальные отношения, с другой – в качестве побудителей дальнейших социальных преобразований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Берова Ф.Ж., Балкаров Б.Б., Гуртуев А.О., Яхутлова М.Л. Классификация миграционных потоков и влияние информационной неполноты на их величину и структуру. Россия: Тенденции и перспективы развития: Ежегодник. Вып. 4. Часть I. – М.: ИНИОН РАН, 2009.
2. Берова Ф.Ж. Использование результатов кластерного метода анализа в управлении миграционными процессами: Международная научно-практическая конференция «Миграционные процессы на юге России: реалии, проблемы, перспективы», Ростов-на-Дону, 2008.
3. Берова Ф.Ж., Яхутлова М.Л. Классификация миграционных процессов РФ на основе кластерного анализа // Известия КБНЦ РАН. 2008. № 4 (24).
4. Витковская Г.С. Мировой опыт миграционной политики: ретроспектива и новейшие тенденции. М.-Алматы, 2004.
5. Вишневский А.Г. Альтернативы миграционной стратегии. Режим доступа: www.globalaffairs.ru/number/n_421 2004
6. Доклад Глобальной комиссии по международной миграции «Миграция во взаимосвязанном мире: новые направления деятельности». М., 2006
7. Демографические перспективы России // Материалы научно-практической конференции «Демографическое будущее России: проблемы и пути решения». М., 2008
8. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М., 2001. – С. 83.
9. Марченко Н.Н. Миграция. – М., 2001.
10. Мкртчян Н.В. Влияние миграции на изменение этнического состава населения России и ее регионов: предварительная оценка итогов Переписи населения-2002 // Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2004 / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М.: УОП ИЭА РАН, 2005. – С. 51–60.
11. Моденов В.А., Носов А.Г. Россия и миграция. – М.: Прометей, 2002.
12. На пороге XXI века: Доклад о мировом развитии, 1999–2000 годы. М.: Весь мир : Всемирный банк, 2000. – С. 35.
13. Рыбаковский Л.Л. Стадии миграционного процесса // Миграция населения. Вып. 5. М., 2001.
14. Рязанцев С.В., Тикунов В.С. Трансформация этнической структуры населения российских регионов // Миграционный мост между Центральной Азией и Россией: роль миграции в модернизации и инновационном развитии экономики стран: Материалы третьего международного симпозиума. М., 2011.
15. Топилин А.В. СНГ: демографический потенциал, миграция, рынок труда. М.: Экон-информ, 2002.
16. Трейвизи А.И. Постсоветское пространство России // Мир России. 1996. № 1.
17. Chudinovskikh O., Denisenko M. Russia: A Migration System with Soviet Roots. Режим доступа: www.migrationpolicy.org 2017.
18. Maltseva O. The Problem With Russia's Best and Brightest. Режим доступа: www.worldview.stratfor.com 2016.
19. Migration in the CIS. 1997–1998, 1999 Edition. IOM, Geneva. – Pp. 15, 115.

20. Yuasa Takeshi. Migration and security in Central Asia / Миграционный мост между Центральной Азией и Россией: роль миграции в модернизации и инновационном развитии экономики стран: Материалы третьего международного симпозиума. М., 2011.

REFERENCES AND SOURCES

1. Berova F.Zh., Balkarov B.B., Gurtuev A.O., Yakhutlova M.L. Klassifikatsiya migratsionnykh potokov i vliyaniye informatsionnoy nepolnoty na ih velichinu i strukturu. *Rossiya: Tendentsii i perspektivy razvitiya*: Ezhegodnik. Issue 4. Part I. – M.: INION RAN, 2009. (In Russ.)
2. Berova F.Zh. *Ispolzovanie rezul'tatov klasternogo metoda analiza v upravlenii migratsionnymi protsessami*: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Migratsionnye protsessy na yuge Rossii: realii, problemy, perspektivy», Rostov-na-Donu, 2008. (In Russ.)
3. Berova F.Zh., Yakhutlova M.L. Klassifikatsiya migratsionnykh protsessov RF na osnove klasternogo analiza // *Izvestiya KBNTS RAN*. 2008. No. 4 (24). (In Russ.)
4. Vitkovskaya G.S. *Mirovoy opyt migratsionnoy politiki: retrospektiva i novyeshie tendentsii*. M.-Almaty, 2004. (In Russ.)
5. Vishnevskiy A.G. *Alternativy migratsionnoy strategii*. URL: www.globalaffairs.ru/number/n_421 2004. (In Russ.)
6. Doklad Global'noy komissii po mezhdunarodnoy migratsii "Migratsiya vo vzaimosvyazannom mire: novye napravleniya deyatel'nosti". M., 2006. (In Russ.)
7. Demograficheskie perspektivy Rossii // *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Demograficheskoe budushee Rossii: problemy i puti resheniya»*, M., 2008. (In Russ.)
8. Doklad o razvitiy chelovecheskogo potentsiala v Rossiyskoy Federatsii. M., 2001. – S. 83. (In Russ.)
9. Marchenko N.N. *Migratsiya*. – M., 2001. (In Russ.)
10. Mkrtchyan N.V. Vliyaniye migratsii na izmeneniye etnicheskogo sostava naseleniya Rossii i ee regionov: predvaritel'naya otsenka itogov Perepisi naseleniya-2002 // *Etnicheskaya situatsiya i konflikty v gosudarstvakh SNG i Baltii*. Ezhegodnyy doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov, 2004 / Ed. V. Tishkov, E. Filippova. M.: UOP IEA RAN, 2005. – Pp. 51–60. (In Russ.)
11. Modenov V.A., Nosov A.G. *Rossiya i migratsiya*. – M.: Prometey, 2002. (In Russ.)
12. *Na poroge XXI veka: Doklad o mirovom razvitiy, 1999–2000 gody*. M.: Ves' mir : Vsemirnyy bank, 2000. – Pp. 35. (In Russ.)
13. Rybakovskiy L.L. Stadii migratsionnogo protsessa // *Migratsiya naseleniya*. Issue. 5. M., 2001. (In Russ.)
14. Ryazantsev S.V., Tikunov V.S. Transformatsiya etnicheskoy struktury naseleniya rossiyskikh regionov. / *Migratsionnyy most mezhdru Tsentral'noy Aziei i Rossiei: rol' migratsii v modernizatsii i innovatsionnom razvitiy ekonomiki stran*: Materialy tret'ego mezhdunarodnogo simpoziuma. M., 2011. (In Russ.)
15. Topilin A.V. *SNG: demograficheskiy potentsial, migratsiya, rynek truda*. M.: Ekot-inform, 2002. (In Russ.)
16. Treyvish A.I. Postsovetskoe prostranstvo Rossii // *Mir Rossii*. 1996. No. 1. (In Russ.)

17. Chudinovskikh O., Denisenko M. *Russia: A Migration System with Soviet Roots*. URL: www.migrationpolicy.org 2017.
18. Maltseva O. *The Problem With Russia's Best and Brightest*. URL: www.worldview.stratfor.com 2016.
19. *Migration in the CIS*. 1997–1998, 1999 Edition. IOM, Geneva. – Pp. 15, 115.
20. Yuasa Takeshi. Migration and security in Central Asia / *Migratsionnyy most mezhdru Tsentral'noy Azii i Rossii: rol' migratsii v modernizatsii i innovatsionnom razvitii ekonomiki stran*: Materialy tret'ego mezhdunarodnogo simpoziuma. M., 2011.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) по научной работе, заведующая кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью Российского государственного социального университета (Москва, Россия). E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Микульшин Егор Валерьевич, магистрант Российского государственного социального университета (Москва, Россия). E-mail: mister.lt2013@yandex.ru

Аннотация. В представленной статье рассматривается проблема обеспечения экономической безопасности молодёжи. Авторами определены основные угрозы, связанные с оказанием экономической защищенности молодых людей, представлены условия, определяющие стратегию государственной политики по обеспечению экономической безопасности молодёжи. Проведённый анализ мер, принимаемых в интересах молодых людей по защите их экономических прав, позволил определить, что в настоящий момент прилагаемых усилий по обеспечению экономической безопасности молодежи недостаточно, ввиду чего авторами были даны собственные предложения по совершенствованию организуемой работы по данному направлению.

Ключевые слова: молодежь, экономическая безопасность молодёжи, современные социально-экономические условия, защита интересов молодёжи.

ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF RUSSIAN YOUTH IN MODERN SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, the Institute of Socio-Political Research under the Russian Academy of Science (ISPI RAS), Head Department for Social Pedagogy and Organization of Work with Youth, the Russian State Social University (Moscow, Russia). E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Egor V. Mikulshin, Graduate student, Russian State Social University (Moscow, Russia). E-mail: mister.lt2013@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of economic security of young people. The authors identify the main threats associated with the provision of economic protection of young people, the conditions that determine the strategy of state policy to ensure the economic security of young people. The analysis of measures taken in the interests of young people to protect their economic rights indicated that currently the efforts to ensure the economic security of young people are not sufficient, so the authors have given their own proposals to improve the work in this area.

Keywords: youth, economic security of youth, modern socio-economic conditions, protection of the interests of youth.

В современных условиях развития российского общества, а также политического и экономического положения Российской Федерации на мировой арене, характеризующееся оказываемым давлением со стороны стран Западной Европы и США, особую актуальность приобретает изучение вопроса обеспечения экономической безопасности и финансовой устойчивости отдельных социально незащищённых слоёв населения, в частности молодежи.

Снижение уровня экономической и финансовой устойчивости населения влечет за собой ряд проблем, связанных с возникновением экономических и политических кризисов, которые в дальнейшем могут перерасти в массовые беспорядки, драки и другие формы неконвенционального участия граждан в общественно-политической жизни общества. Ввиду экономической нестабильности определения материального положения, характеризующегося бедностью, основной движущей силой, готовой активно участвовать в актах гражданского противостояния существующему строю и общепринятым нормам, является молодёжь. Именно поэтому обеспечение экономической безопасности российской молодёжи является одной из наиболее важных задач, проводимой государством социально-экономической политики.

Вопрос обеспечения экономической безопасности российской молодёжи является предметом научного исследования ряда ученых. Данная проблематика находит своё отражение в научных работах, монографиях, учебных пособиях, диссертациях и научных статьях таких ученых, как: Ю.А. Коблова, М.А. Котельникова, Н.Н. Стадник, О.А. Степичева, В.В. Чернова и др. В публикациях данных авторов подразумевается и особо подчеркивается тот факт, что государство обязано гарантировать экономическую безопасность молодых людей, что указывает на главенствующую роль руководства страны в обеспечении экономической защиты молодежи.

В настоящий момент экономическое положение российских юношей и девушек является крайне нестабильным и противоречивым. С одной стороны, мы можем наблюдать молодых людей, находящихся за чертой бедности и нуждающихся в особой поддержке и социальной защите государства, а с другой стороны, наблюдаем юношей и девушек, которые ни в чем не нуждаются, регулярно путешествуют, имеют дорогие автомобили, большая часть из которых относится к «золотой молодёжи», остальные же смогли самостоятельно достигнуть устойчивого финансового положения. Защита прав и интересов лиц, находящихся в материально неустойчивом положении, входит в вопрос обеспечения экономической безопасности российской молодёжи.

Как справедливо отмечает в своей статье Е.В. Баландина: «Суть экономической безопасности состоит в обеспечении экономического развития Российской Федерации с целью удовлетворения социальных и экономических потребностей граждан Российской Федерации при оптимальных затратах труда и природоохранном использовании сырьевых ресурсов и окружающей среды» [1, с 45–46]. Отсюда можно сделать вывод, что обеспечение экономической безопасности российской молодёжи предполагает осуществление процесса перераспределения материальных ресурсов, принятие мер по защите законных прав молодых людей на оказание социально-экономической

поддержки со стороны государства. Именно поэтому в качестве предмета государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности молодёжи можно определить:

- выявление и устранение факторов, оказывающих негативное влияние на систему экономической безопасности каждого отдельно взятого молодого человека;
- реализацию такой национальной экономической политики, которая позволила бы существенным образом снизить уровень экономической незащищенности молодежи, тем самым сгладив несовершенства действующей социально-экономической политики государства.

Обеспечение экономической безопасности молодежи в современных социально-экономических условиях должно быть осуществлено путем предоставления гарантий со стороны государства в создании условий для жизнедеятельности молодых людей, организации всех необходимых процессов для их физического, психологического и интеллектуального развития, гарантированности социальной защищенности личности.

Одним из наиболее важных вопросов, стоящих перед государством в обеспечении экономической безопасности молодёжи, является минимизация основных характерных угроз, оказывающих влияние на молодого человека, которые включают в себя:

- усиление социальной и имущественной дифференциации населения;
- неравномерность социально-экономического развития регионов, что порождает социальную напряженность молодежи из экономически менее развитых (отсталых) регионов;
- отсутствие социально-экономической защищенности в случае возникновения политических кризисов;
- низкую экономическую и финансовую грамотность подрастающего поколения (подверженность обманам и мошенничеству);
- бедность и нищету;
- безработицу молодёжи;
- криминализацию экономических отношений и др.

Осознание вышеуказанных угроз становится причиной для формирования стратегии государства в области обеспечения экономической безопасности молодёжи. Как отмечают в своей научной статье ряд российских ученых-исследователей (А.А. Бурмистрова, И.С. Кондрашова, Н.К. Родионова): «Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации заключается в восстановлении в России экономического роста на новой основе и с помощью новых институтов рыночной экономики, обеспечения гарантированной защиты национальных интересов, социальной направленности политики, достаточного оборонного потенциала даже при неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов» [2, с. 123]. Данная стратегия предполагает необходимость учета ряда условий, определяющих механизм выстраивания работы по обеспечению экономической безопасности молодёжи (см. рис. 1).

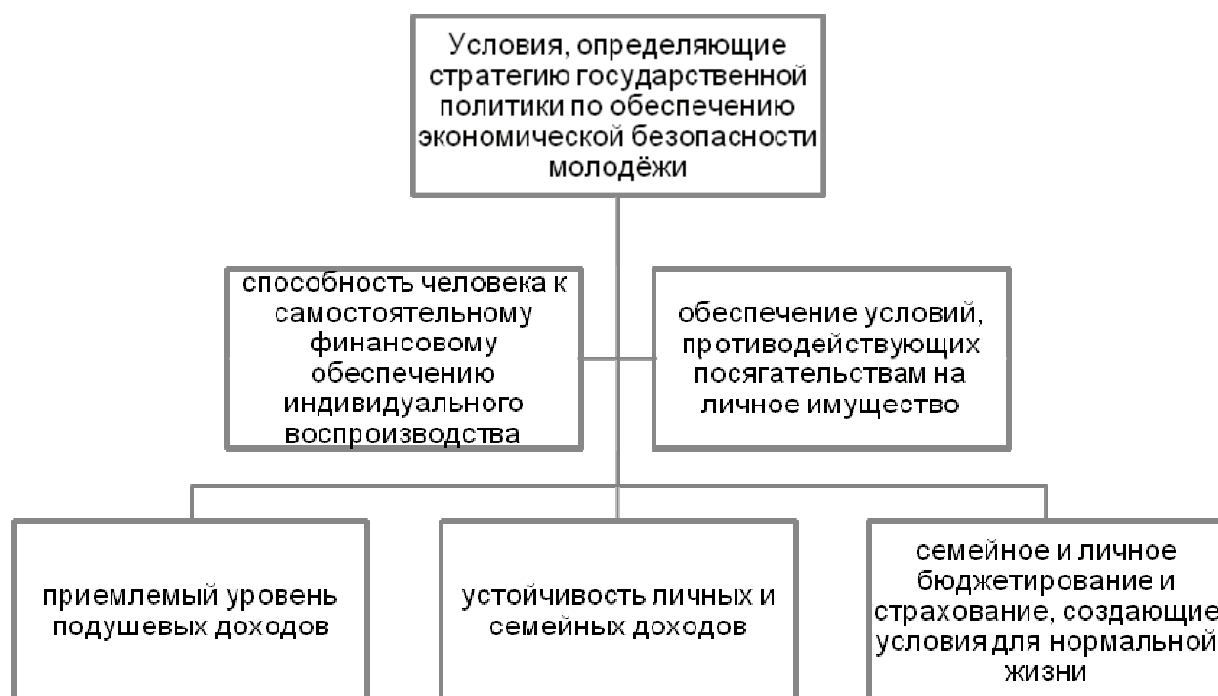

Рис. 1. Условия, определяющие стратегию государственной политики по обеспечению экономической безопасности молодёжи

Учет представленных выше условий во многом определяет направления в проведении социально-экономической политики государства, которая позволяет обеспечить защищенность российского общества, в частности молодёжи. Данный подход указывает нам на объективную потребность определения основных характеристик, позволяющих оценить уровень защищенности (незащищенности) граждан к внешнеэкономическим изменениям. Как отмечает в своей статье Вл. В. Чекмарев, «для экономической безопасности личности важное значение имеют предельные величины ее индикаторов (уровня и качества жизни, темпов инфляции, нормы безработицы, экономического роста, дефицита бюджета, встроенности в мировую экономику, деятельности теневой экономики и т.д.), соблюдение которых способствует нормальному ходу развития различных элементов воспроизводства и препятствует формированию негативных, разрушительных тенденций» [3, с. 78].

Данный подход к определению основных положений, которые должны быть учтены государством, находит свое отражение в основных направлениях государственной стратегии экономической безопасности молодёжи, которая включает в себя:

- характеристику опасностей и угроз;
- определение критериев и параметров состояния экономики, отвечающих требованиям экономической безопасности молодёжи;
- механизмы обеспечения экономической безопасности молодёжи, защиты жизненно важных интересов на основе применения правовых, экономических и административных мер воздействия;
- контроль за выполнением государственной стратегии экономической безопасности молодёжи.

Дифференциация уровня экономических доходов молодых людей и трудоспособной части населения в настоящий момент является выразительной, при этом молодёжь как особая социально-демографическая группа населения характеризуется наиболее высокими экономическими потребностями и запросами. Данное явление оказывает непосредственное влияние на уровень социального положения населения, то есть на факторы экономической стратификации российского общества. Положение молодежи и условия ее развития в последние годы определяются новыми экономическими вызовами, прямо или опосредованно влияющими на перспективы становления и успешную интеграцию подрастающих поколений в общество. Это требует государственного регулирования политики в отношении молодежи, создания для нее благоприятных социально-экономических условий, способствующих активизации ее внутреннего потенциала в направлении ее собственного развития и преодоления кризисных явлений в обществе [4, с. 32].

В настоящее время стратегическим документом в части обеспечения экономической безопасности современной российской молодёжи в качестве приоритета государственной политики является распоряжение Правительства Российской Федерации № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

Так, в п. 4 Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года закреплено положение, согласно которому «государство и общество должны создать базовые условия для полноценной самореализации молодежи в социально-экономической сфере жизни России, чтобы молодёжь, развивая индивидуальные качества, проявляла высокий уровень социальной активности» [5]. Данное положение указывает нам на особую актуальность определения социально-экономических мер, позволяющих обеспечить экономическую безопасность молодёжи.

К таким мерам в настоящий момент можно отнести:

- 1) содействие в трудоустройстве молодёжи, в частности выпускников высших и среднеспециальных учебных заведений;
- 2) разработку программ по содействию самозанятости молодежи и вовлечению их в предпринимательскую деятельность;
- 3) реализацию проектов по управлению карьерой молодых людей, включающую в себя профориентацию подростков и молодёжи, помощь в выборе профессионального пути, предоставление льгот на обучение (для отдельных категорий граждан; предоставление образовательных кредитов на льготных условиях);
- 4) выделение субсидий, социальных выплат отдельным категориям молодежи: студенты, молодые семьи, дети (в том числе и учащиеся до достижения 24 лет), оставшиеся без попечения родителей и т.д.;
- 5) создание отдельных организаций (на региональном уровне), целью деятельности которых является обеспечение экономической устойчивости молодых людей, оказание помощи лицам, оказавшимся в тяжелом финансовом положении.

Представленные выше меры направлены на обеспечение безопасности благосостояния молодежи, которое выражается в способности государства и личности молодого человека противостоять негативным внешним воздействиям и угрозам, которые могут исходить как изнутри страны, так и извне. Именно поэтому защита экономических интересов молодежи требует от государства выстраивания социально-экономической политики страны таким образом, чтобы она имела направленность на поддержание и укрепление экономического положения молодого человека в обществе, и обеспечение необходимых условий для включения молодых людей в экономические отношения в качестве полноценного участника, без которого невозможно дальнейшее эффективное развитие Российской Федерации.

Однако, на наш взгляд, принимаемые в настоящий момент действия, направленные на обеспечение экономической безопасности молодёжи, не являются достаточными. Они скорее сводятся к проведению профилактики экономических рисков, связанных с поиском места работы и трудоустройством, чем с решением уже имеющихся кризисных ситуаций у молодого человека. Также в недостаточной мере затронуты вопросы повышения финансовой грамотности подрастающего поколения, защиты молодёжи от мошенничества. В связи с вышеуказанным целесообразным является совершенствование мер по повышению эффективности обеспечения экономической безопасности молодёжи, включающих:

- разработку Концепции экономической безопасности российской молодежи;
- осуществление особых мер поддержки учащихся и студенческой молодежи, членов студенческой семьи, включающей в себя: повышение стипендии (тем самым стимулирование молодежи к учебной и научной деятельности), бесплатный проезд для обучающихся, создание на базе образовательных организаций высшего образования детских групп, комнат дневного пребывания на время учебы, работы молодых родителей;
- оказание поддержки молодежи в решении жилищной проблемы, предполагающей в частности предоставление беспроцентного кредитования, предоставление субсидий и ссуд на приобретение собственного жилья;
- информирование молодежи, о ее юридических правах, например при приеме на работу или увольнении (на что она может рассчитывать);
- проведение в рамках обучения в образовательных организациях специальных уроков, формирующих экономическую грамотность молодых людей;
- проведение лекций и мастер-классов для студентов образовательных организаций по их просвещению в части экономической безопасности;
- выпуск банками специальных молодёжных карт, содержащих ограничения для осуществления платежных операций в течение дня, а также лимитировать сумму для снятия наличных средств;

- установление специальной защиты денег на студенческих картах (бесплатное страхование имеющихся средств);
- введение ограничений на предоставление кредитов для молодежи, для противодействия втягивания молодых людей в долговые ямы.

Обобщая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что принятие дополнительных мер наряду с действующими социально-экономическими мерами по обеспечению экономической устойчивости молодежного поколения позволят повысить эффективность обеспечения экономической безопасности молодёжи в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Баландина Е.В. Сущность экономической безопасности России в современных условиях // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – Саратов: 2007, № 16.
2. Бурмистрова А.А., Кондрашова И.С., Родионова Н.К. Теневая экономика как угроза экономической безопасности государства // Социально-экономические явления и процессы. – М. – 2016, № 2. Т. 16.
3. Чекмарев В.В. Экономическая безопасность как условие благополучия и развития личности // Экономика образования. – М.: 2014, № 3.
4. Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодежи: коллективная монография / под. ред. А.В. Бугаева, Т.К. Ростовской. – М.: Изд-во РГСУ, 2018. – 198 с.
5. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 15.12.2014.

REFERENCES AND SOURCES

1. Balandina E. V. Suschnost' ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii v sovremennykh usloviyakh // *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. – Saratov: 2007, No.16. (In Russ.)
2. Burmistrova A. A., Kondrashova I. S., Rodionova N. K. Tenevaya ekonomika kak ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstva // *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. – M. – 2016, No. 2. Vol. 16. (In Russ.)
3. Chekmarev V. V. Ekonomicheskaya bezopasnost' kak uslovie blagopoluchiya i razvitiya lichnosti // *Ekonomika obrazovaniya*. – M.: 2014, No.3. (In Russ.)
4. Molodezhnaya politika v sisteme formirovaniya grazhdanskoy identichnosti sovremennoy molodezhi: kollektivnaya monografiya / Ed. A.V. Bugaev, T.K. Rostovskaya. – M.: Izd-vo RGSU, 2018. -198 pp. (In Russ.)
5. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF 29/11/2014 N 2403-r «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda» // SZ RF. 15.12.2014. (In Russ.)

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (на примере Республики Дагестан)

Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН), доцент кафедры демографической и миграционной политики Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Москва, Россия). E-mail: gadzhimuradova7@gmail.com

Аннотация. В статье дается анализ этноконфессионального портрета дагестанского общества. Автор указывает, какую роль в самосознании горцев играют этнос и религия. Подчеркивается уникальность этнического богатства Дагестана. Также в статье показана социально-политическая ситуация после распада Советского Союза и как это сказалось на жизни многонационального дагестанского общества. Особое внимание в статье уделяется демографической структуре населения Дагестана и прослеживается причинно-следственная связь между «молодым» обществом и появлением религиозных экстремистских группировок.

Ключевые слова: полиэтничность, моноэтничность, джамаат, фикх, исламизация, конфессии, Дагестан, демография, экстремизм.

ETHNIC AND RELIGIOUS ASPECTS OF SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES IN THE NORTH CAUCASUS (a case study of the Republic of Dagestan)

Gyulnara I. Gadzhimuradova, Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Researcher, Institute for Socio- Political Research, Russian Academy of Sciences (ISPR RAS); Associate Professor, Department of Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Moscow, Russia). E-mail: gadzhimuradova7@gmail.com

Abstract. The article analyzes the ethnic and religious features of the Dagestan society. The author explains what role ethnicity and religion play in the self-consciousness of the highlanders. The uniqueness of the ethnic diversity of Dagestan is emphasized. The article also outlines the social and political situation after the collapse of the Soviet Union, and how it affected the life of the multinational Dagestan society. The author pays special attention to the demographic structure of Dagestan population and traces a causal link between the «young» society and the emergence of religious extremist groups.

Key words: polyethnicity, monoethnicity, jamaat, fiqh. Islamization, religion, Dagestan, demography, extremism.

В основе трансформаций политических процессов на Северном Кавказе лежит этноконфессиональный фактор. В Северо-Кавказском регионе определяющей чертой мусульманского сообщества является его этническое и конфес-

сиональное многообразие. В отличие от моноэтнических республик Кавказа, таких как Чеченская Республика или Ингушетия, Республика Дагестан представляет собой уникальный образец политэтнического и поликонфессионального общества. Дагестан является одним из самых сложных в этническом отношении регионов: здесь проживает более 100 национальностей и народностей, в т.ч. 30 коренных, представляющих крупные языковые семьи и группы: иберийско-кавказскую, тюркскую, иранскую, индоевропейскую и другие. Большинство здешних языков имеют свои диалекты и говоры.

Сегодня в Северо-Кавказском федеральном округе проживает более 30 народов, исповедующих ислам. Религиозное сознание большинства населения Северного Кавказа в значительной степени определяет содержание общественного, группового и индивидуального сознания. В Дагестане ислам исторически имеет огромное общественно-политическое значение. Правовая система жизни джамаата и всей многоярусной системы отношений в республике строилась исключительно на исламской правовой теории – фикхе. Стоит особо отметить, что в Дагестане ислам широко представлен в форме религиозно-мистического учения суфизма-тарикатизма [1].

Конституция Российской Федерации 1993 года провозгласила свободу совести и вероисповедания. Это усилило интерес людей к религии, а в Дагестане привело к резкому росту числа сторонников традиционного ислама и параллельно с этим увеличилось количество приверженцев ваххабизма, радикального течения в исламе, которое не было характерно для республик Северного Кавказа. Таким образом, как справедливо отмечает в своем исследовании Ю.А. Дорохов, «в условиях многонационального региона Дагестан стал плацдармом для развития этнорелигиозных противоречий и межнациональных конфликтов» [2].

После распада Советского Союза во всех мусульманских странах постсоветского пространства – в Азербайджане и Центральной Азии, а также в республиках РФ, где население традиционно исповедовало ислам, роль религии в общественной жизни стала неуклонно возрастать. В связи с этим на фоне смены идеологических ориентиров именно ислам стал для большинства дагестанцев средством формирования идентичности. Хотя нужно отметить, что ислам проник на территорию Дагестана сравнительно поздно, когда уже были в той или иной степени сформированы этнические группы, населяющие территорию современного Дагестана¹. По мнению Г.М. Шайдаевой и И.Г. Ибрагимовой, «ислам на первых этапах проникновения на Кавказ существовал как нечто внешнее по отношению к этнической культуре кавказских народов. Но в ходе исламизации происходит одновременно конфессионализация этносов и этнической жизни и этнизация религии...» [3]. И эта двойственность, на наш взгляд, в дальнейшем обрела форму синкретического культа.

Но сегодня мы сталкиваемся с феноменом доминирования религиозности над этничностью в самосознании народов Дагестана, как в самой рес-

¹ Процесс приобщения народов Дагестана к Исламу, начавшийся в VII веке, завершился к концу XVI века.

публике, так и за ее пределами. Нельзя не согласиться с И.А. Ветренко, что усиление религиозного фактора часто «совпадает с переломными этапами общественного развития, с периодами ломки старого уклада жизни и рождения нового, сопровождающимися социальными потрясениями, духовными кризисами как общественного масштаба, так и на личностном уровне, вызванными утратой привычных ценностных ориентиров» [4].

Конец XX века ознаменовался специфической религиозной ситуацией в Республике Дагестан, что проявилось в политизации ислама и использовании его в определенных целях, таких как борьба за власть, оказание влияния на политические и экономические структуры с целью продвижения интересов определенной группы лиц и т.п. В ряде республик начали «активно формироваться этнонациональные движения, вначале имеющие характер национальных культурных объединений, а также рост исламистских настроений, в дальнейшем принявших форму исламского радикализма» [5].

Это особенно важно, потому что Дагестан является достаточно «молодым» регионом: по данным Дагстата, в республике на конец 2017 года молодежь в возрасте от 15 до 34 лет составляла 34% от общего количества населения¹. Исламский фактор в Дагестане, по мнению М.М. Гаджиева, имеет важную особенность – поддержку со стороны молодежи, которая настроена крайне негативно к социально-экономическим и политическим трансформациям последних 20 лет [6].

По мнению К.И. Казенина, массовая миграция из сельской местности на равнину, например, в Дагестане в начале 90-х годов и привела к тому, что произошло т.н. «раскупоривание» ранее относительно закрытых сельских сообществ. Почва для конфликтов возникла тогда, когда достигло совершеннолетия первое поколение, выросшее уже в условиях перемен. Опыт родителей для этих «новых» горожан по объективным причинам стал маловостребованным – отсюда и конфликты между поколениями, получающие самые разные проявления, и растущий запрос молодежи на перемены, который может облекаться в крайние формы, например, такие как увлечение идеологией радикального ислама [7]. Это важно учитывать, потому что после падения «железного занавеса» многие молодые люди из Дагестана уехали получать религиозное образование в страны арабо-мусульманского мира: Турцию, ОАЭ, Кувейт и др. Вернувшись домой, они привезли совершенно иное миропонимание и толкование ислама, который входил в противоречие с традиционным исламом суфийско-тарикатского толка. Увеличение числа сторонников нового понимания ислама в Дагестане, да и на всем Северном Кавказе, создание новых религиозных организаций и объединений имеет свои причины, проявляющиеся в том, что они воспринимались изначально как протестные движения против несправедливости, коррупции во власти, лицемерия в обществе, двойных стандартов и т.д. Понятно, что именно молодежь пополняла ряды этих организаций. И это происходило при попустительстве властей, безответственного отношения к чаяниям молодежи, отсутствию какой-либо молодежной политики в республи-

¹http://dagstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/dagstat/resources/

ке. Этим и воспользовались эмиссары различного толка, которые впоследствии занимались вербовкой молодежи в сети экстремистских движений и групп для участия в боевых действиях на стороне ИГИЛ¹.

Таким образом, «в течение нескольких лет произошло изменение социально-демографического состава участников экстремистских бандформирований. Если вначале они формировались за счет маргиналов и некоторых представителей криминального мира, то сегодня активными участниками террористического подполья становятся студенты, рабочая молодежь, интеллигенция» [8].

Поэтому, как указывает О.В. Берникова в своем исследовании, «терроризм следует рассматривать как социально-политическое явление, представляющее явную угрозу жизненно важным интересам личности, общества и государства» [9]. Решение этноконфессиональных проблем, учет демографических особенностей Дагестана, осуществление преобразований в социально-экономической сфере, развитие таких отраслей, как туризм, сельское хозяйство, морские промыслы, промышленное производство, создание рабочих мест, работа с молодежью помогут снизить градус напряженности в регионе, связанный в том числе и с проблемой террористической угрозы.

Дагестан является родиной для большого числа людей разных вероисповеданий, разных национальностей, его по праву можно считать жемчужиной Каспия, музеем этнического многообразия страны, где соединяются древняя история и современность, доброта и готовность защищать свою землю, любовь к малой Родине и большой России. Поэтому, на наш взгляд, грамотная политика в области этноконфессиональных отношений в таком регионе, как Дагестан, поможет улучшить социально-политическую обстановку в этом самобытном регионе, который является важным и с точки зрения геополитики, и с точки зрения интересов национальной безопасности страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Демографические и этнические проблемы Северного Кавказа и пути их решения. М.: Фонд перспективных исследований «Бастион», 2012.
2. *Дорохов Ю.А.* Причины популяризации, развития и распространения исламского радикализма в Республике Дагестан / Вестник Астраханского государственного технического университета, 2010. № 2 (50). С. 91–98
3. *Шайдаева Г.М., Ибрагимова Г.И.* Этноконфессиональные аспекты культурной идентификации дагестанцев в российском измерении гражданственности // Известия ДГПУ. 2015. № 2.
4. *Ветренко И.А.* Политические проблемы управления «Российским Кавказом» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 1 (9). С. 121–126.
5. *Гаджимурадова Г.И.* Миграция и проблемы этноконфессиональной безопасности и террористической угрозы на юге России // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: сб. материалов IV Международной

¹ Радикальная религиозно-экстремистская организация, запрещенная в России и ряде государств Европы.

научно-практической конференции / под ред. проф. докт. геогр. наук В.С. Белозерова. – Ставрополь: изд-во СКФУ, 2018. – 452 с.

6. Гаджиев М.М. Исламский фактор в системе этноконфессиональных отношений в Республике Дагестан // *Исламоведение*. 2013. № 2.

7. Демография на Северном Кавказе бьет по традиционализму. Режим доступа: <http://caucasustimes.com/ru/demografija-na-severnom-kavkaze-bet-po-tradicionalizmu-konstantin-kazenin/>

8. Гаджимурадова Г.И. Социально-демографическая и политическая ситуация в регионах России в контексте актуализации экстремистских процессов радикально-религиозных направлений // *Миграционные процессы в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта: Материалы IX международного научно-практического форума* (Москва, 28–29 ноября 2017 г.) В 2-х т. Т. 1 / Под науч. ред. чл.-кор. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой. – М.: Экономическое образование, 2017. – 270 с.

9. Берникова О.В. Приоритеты государственной политики обеспечения национальной безопасности и противодействия терроризму в России // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2016. № 1 (20).

REFERENCES AND SOURCES

1. Demograficheskiye i etnicheskiye problemy Severnogo Kavkaza i puti ikh resheniya. M.: Fond perspektivnykh issledovaniy “Bastion”. 2012.

2. Dorohov YU. A. Prichiny populyarizatsii, razvitiya i rasprostraneniya islam-skogo radikalizma v Respublike Dagestan / *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2010. № 2 (50). S.91–98.

3. Shaydayeva G.M., Ibragimova G.I. Etnokonfessional'nyye aspekty kul'turnoy identifikatsii dagestantsev v rossiyskom izmerenii grazhdanstvennosti // *Izvestiya DGPU*. 2015. No. 2.

4. Vetrenko I.A. Politicheskiye problemy upravleniya «Rossiyskim Kavkazom» // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Istoricheskiye nauki”*. 2016. No. 1 (9). Pp. 121–126.

5. Gadzhimuradova G.I. Migratsiya i problemy etnokontfessional'noy bezopasnosti i terroristicheskoy ugrozy na yuge Rossii / *Migratsionnyye protsessy: problemy adaptatsii i integratsii migrantov: sb. materialov IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* // Ed. V.S. Belozarov. – Stavropol': SKFU, 2018. – 452 pp.

6. Gadzhiyev M.M. Islamskiy faktor v sisteme etnokontfessional'nykh otnosheniy v Respublike Dagestan // *Islamovedeniye*. 2013. No. 2.

7. Демография на Северном Кавказе бьет по традиционализму. URL: <http://caucasustimes.com/ru/demografija-na-severnom-kavkaze-bet-po-tradicionalizmu-konstantin-kazenin/>

8. Gadzhimuradova G.I. Sotsial'no-demograficheskaya i politicheskaya situatsiya v regionakh Rossii v kontekste aktualizatsii ekstremistskikh protsessov radikal'no-religioznykh napravleniy // *Migratsionnyye protsessy v Yevrazii: modeli effektivnogo upravleniya migratsiyey v usloviyakh razvitiya yevraziyskogo integratsionnogo proyekta: Materialy IX mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma* (Moskva, 28–29/11/2017). In 2 vols. Vol. 1 / Ed. S.V. Ryazantsev, M.N. Khramova. – M.: Ekonomicheskoye obrazovaniye, 2017. – 270 pp.

9. Bernikova O.V. Prioritety gosudarstvennoy politiki obespecheniya natsional'noy bezopasnosti i protivodeystviya terrorizmu v Rossii // *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2016. No.1 (20).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово	11
 <i>Раздел I.</i>	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАВКАЗА	15
<i>Гусейнов Г.М., Магомедова М.Ш.</i> Проблемные аспекты и специфика демографических процессов в России на рубеже XX–XXI вв.	17
<i>Гичиев Н.С., Закариева М.Н., Гичиев А.Н.</i> Влияние миграции на экономический рост в Северо-Кавказском макрорегионе	23
<i>Сивоплясова С.Ю.</i> Мнение молодежи малых и крупных городов Северного Кавказа о семье	33
<i>Сигарева Е.П.</i> Новое в семейных отношениях: взгляд молодежи Северного Кавказа	46
<i>Гасанов М.Р.</i> Динамика численности населения Дагестана	58
<i>Борисова Л.А., Тагиров Ш.М.</i> Влияние миграции на социально-экономическое положение Республики Дагестан	64
 <i>Раздел II.</i>	
МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА КАВКАЗЕ	73
<i>Борзунова Т.И., Морозова Г.Ф., Моисеева Е.М.</i> Оценка миграционной ситуации в Северо-Кавказском округе в 2012–2016 годы	75
<i>Митигами М.</i> Условия жизни трудовых мигрантов и рынок жилья в российских городах	83
<i>Абидов М.Х., Борисова Л.А.</i> Современные тенденции внешней трудовой миграции в Республике Дагестан	96
<i>Винокурова А.В., Адиев А.З., Бийжанова Э.К.</i> Выходцы из Дагестана в регионах Дальневосточного приграничья (на материалах Приморского края)	106
<i>Злотников А.Г., Маньшин Р.В.</i> Диаспоры кавказских народов в Республике Беларусь	115
<i>Белозеров В.С., Щитова Н.А., Соловьев И.А., Чихичин В.В.</i> Адаптация иностранных студентов в университетах Северного Кавказа	125
<i>Касьянов В.В., Шаповалов С.Н.</i> Миграция в условиях экономического кризиса в Российской Федерации (на материалах Южного федерального округа)	134

Раздел III.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИЙ НА КАВКАЗЕ	145
<i>Арпентьева М.Р.</i> Этническое возрождение Кавказа и его мифы	147
<i>Алекперли Д.Т.</i> Историко-культурные отношения между Испанией и Азербайджаном	163
<i>Марушиакова Е., Попов В.</i> Цыганские миграции в Кавказском регионе: история и современность	168
<i>Мчедлова Е.М.</i> Межэтническое взаимодействие и религиозность в Северо-Кавказском регионе	175
<i>Магомедов М.И.</i> Влияние миграционных процессов на сохранение дагестанских языков	183
<i>Амирханова А.М.</i> Индустрия питания – неотъемлемая часть развития туризма и отдыха в Республике Дагестан	189

Раздел IV.

МИГРАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ НА КАВКАЗЕ	193
<i>Рязанцев С.В.</i> Адаптация и интеграция трудовых мигрантов в российское общество: социокультурные риски и подходы к стимулированию	195
<i>Гришанова А.Г., Фадеева Т.А.</i> Теоретические вопросы трансформации миграционной политики Российской Федерации: предложения для Северного Кавказа и Дальнего Востока	202
<i>Халилов Д.М., Ибрагимов Ф.Н.</i> Диалог культур как предпосылка международной и национальной безопасности Азербайджана	213
<i>Ростовская Т.К., Родин Н.В.</i> Деструктивное внешнее воздействие в молодежной среде как угроза национальной безопасности	219
<i>Юсупова Г.И.</i> Миграция в контексте вызовов и угроз этнополитической безопасности Северо-Кавказского региона.....	227
<i>Берова Ф.Ж., Яхутлов К.Л.</i> Миграционные процессы на Северном Кавказе в контексте региональной безопасности (на примере Кабардино-Балкарской республики)	234
<i>Ростовская Т.К., Микulyшин Е.В.</i> Обеспечение экономической безопасности российской молодежи в современных социально-экономических условиях	245
<i>Гаджимурадова Г.И.</i> Этноконфессиональные аспекты социально-политических процессов на Северном Кавказе (на примере Республики Дагестан)	252

Для заметок

Научное издание

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ

ТОМ 5, № 2

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ
И МИГРАЦИОННЫЙ ПОРТРЕТ КАВКАЗА**

Подписано в печать 10.04.2019 г. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,25. Заказ 3013. Тираж 500 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eer@yandex.ru